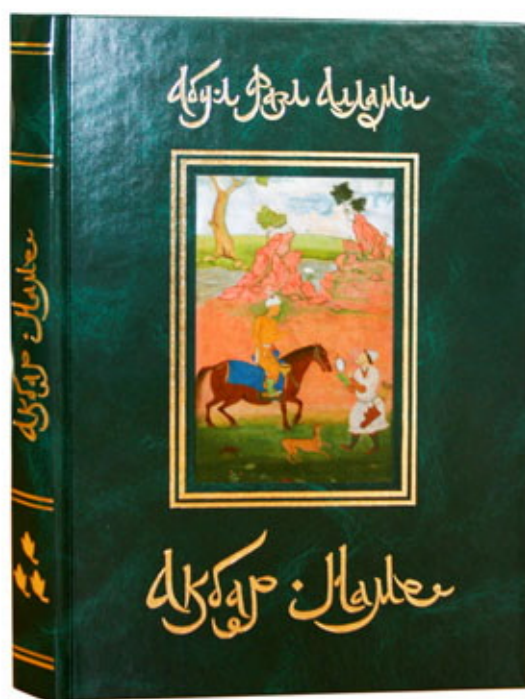

THE AKBARNAMA

of

Abu-l-Fazl

*Translated from Persian
by H. Beveridge*

Абу-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга третья

Самара
Издательский дом «Агни»
2009

ББК 63.3(5)

А17

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

*Издательство выражает глубокую признательность
Санкт-Петербургскому филиалу Института востоковедения РАН
и Российской национальной библиотеке
(г. Санкт-Петербург) за содействие в подготовке издания*

*Научная подготовка С.Н. Воробёвой
Перевод с английского: И.О. Клубкова, А.Е. Дунаев
Художник-оформитель Н.В. Краснова*

Абу-л Фазл Аллами

А 17 Акбар-наме. Книга третья. — Самара: Издательский дом «Агни», 2009.
— 320 с.: ил.

ISBN 978-5-89850-113-6

Третья книга «Акбар-наме» является продолжением первого издания на русском языке монументального труда, написанного в XVI веке историком и политическим деятелем Индии Абу-л Фазлом Аллами. Будучи другом и советником падишаха Акбара, он повествует о времени и условиях, в которых протекала юность Акбара. Подробно записанная история показывает становление личности великого правителя.

Текст дополнен фрагментами из выдающегося свода документов «Аин-и-Акбари» («Установления Акбара»), которые познакомят читателей с монетной системой империи Великих Моголов. Книга снабжена подробным научным комментарием, именным и географическим указателями, а представленные репродукции уникальной персидской и индийской миниатюры XV–XVII веков из собраний Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН дают возможность воочию познакомиться со средневековым Востоком.

Книга несомненно заинтересует любителей истории, литературы и искусства Востока.

ISBN 978-5-89850-113-6

ББК 63.3(5)

© Издательский дом «Агни», 2009

Глава 1

*Во имя Аллаха милостивого
и милосердного!*

Череда приготовлений в Мастерской Мироздания — 1
сия раскрывающая истину вереница свидетельств и
пример самосушей силы — неразрывно связана с
властью возвышенного духа, способного с помощью
Божественной десницы взвалить на себя груз Все-
ленной и благодаря своему совершенному разуму снабдить Землю и
ее обитателей веществом и методом для [плодотворного] труда.
Свет славы струится с чела его судьбы; молния величественности
блистает со скрижали его деяний; луч весов правосудия приходит в
равновесие под его всеильной дланью; на собрании верховной вла-
сти законы обретают величие и силу благодаря его заботам и внима-
нию. Слитки чистого золота — монеты небесной сокровищницы —
обретают высокую пробу под воздействием его подлинного чекана¹, а
сверкающие даже ночью бриллианты — сияющие звездные сферы,
— соприкасаясь с величием, украшают собой его тиару. Цветники
Халифата орошаются водами из источника его меча, а шестиуголь-
ная Земля освещается Полумесяцем его знамени. Эхо его устраша-
ющих барабанов заглушает рев мировых бедствий; сверкающее зна-
мя его величия озаряет светом сумрачный и тленный мир. Он устра-
няет пыль раздора влагой покоряющего мир меча и уничтожает
молнию бедствия облаком своего затмевающего небесную сферу зон-
та². Портик его врат — путеводная звезда для скитальцев в пусты-
не желаний, а порог его — непреодолимое препятствие для целей
упрямцев, обуянных гордостью. Гений его — лекарство, исцеляющее
опустошенную обитель [людских] сердец; с самого рождения его
суть предназначена для объединения душ. Любовь к нему живет в
самых сокровенных уголках сердец всех и каждого; к нему зывают

уста высокого и низкого. Всевозможные растения, сии неизменные провозвестники славы, зазеленели и обрели сочность [напитавшись влагой] из его обильных источников и пошли в рост благодаря весеннему дуновению его щедрости. Даже сущность неорганической материи, что где-то остается неизменной, удостоилась щедрой милости печати его правосудия и обрела достойную судьбу в результате его благосклонности.

Не только живые существа обретают мир, счастье и славу
Благодаря вере и справедливости властелина,
У Источника его правосудия и трава растет на камнях,
Становясь ростком, а росток — плодоносящим деревом.
Величие справедливости имеет на земле такую власть,
Что пыль обращается в камни, а камни — в серебро и золото.

- 2 Поскольку священная личность сего питомца цветника Судьбы являла собой яркий и чудесный тому пример и обладала небесной возвышенностью, а свет доброго провозвестия величия и славы сиял с самого рассвета его рождения, и уже в годы его младенчества обоняние мудрых сердцем почувствовало мускусные, ободряющие мир ароматы, и так как на челе его были проявлены знаки земного владычества, а пронизательные глаза излучали [свет] славы всемирного завоевания, признаки будущего Восшествия на трон просматривались даже в его манере сидеть, а по линиям руки можно было прочесть письма печати верховной власти; и потому, что настал момент, которого небеса ожидали в течение стольких циклов, и проявилось изменение, обретенное звездами в их многочисленных соединениях³, распорядители мирового развития издали возглас радости, а глашатаи, доставляющие добрые вести жителям небесным и земным, сломали печать молчания, дабы поведать о [приходе эпохи] мира и безопасности.

Драгоценный камень удачи [украшает] твою печать,
Ты — господствующий цикл мира,
Небеса внимают дробь твоего барабана,
Трон твой — [верный] последователь, целующий тебе ноги.

Твоя величественная корона венчает чело [людских] сердец,
Прочти *хутбу*⁴ в свою честь, ибо ты и есть Халифат.

Султан сфер (Солнце) достиг благоприятного дома Рыб и склонил свой величественный лик к его [Акбара] дому Возвышения, дабы четырехколонный трон Овнов озарился благоприятным Вступлением на престол и очистил погрязших во прахе обитателей земных владений вселенской щедростью. Кроны деревьев отбрасывали тень над цветником, служившим тронным залом; а Царь Роз (*Хусрау-и-Гул*) восседал на изумрудном троне с диадемой — розой из сотен лепестков, усыпанной гранатами и рубинами; сладкоголосые птицы, облаченные в длинные перья (*шахпар*) и одеяния, подобные меху горностая, пропели с многоколонных древесных кафедр *хутбу* радости, подобно глашатаям, возвещающим [подданным] о Восшествии на престол [нового] властелина. Кипарис и сосна, высаженные у порогов уважения, склонили в благоговении головы, а самшит и можжевельник, эти немощные и убогие старики, облачились в одежды юности. Восхитительные тюльпаны и душистые травы нарядились в пестрые платья, а молодые тюльпанчики и дикий шиповник от переполнявшей их радости выпрыгивали из своих нарядов. Бой грозowych барабанов на головах облачных слонов прогремел во всех семи климатах, а жемчужный голос ранней весны возвестил всеобщее приглашение на все четыре стороны⁵ Вселенной. Ветры нескончаемого изобилия задули из уст щедрости, и вновь зацвели сады Божественного Халифата. Тем временем луна склоняла смиренно чело в поклонении и благодарности и собирала свет рукой⁶ Кассиопеи, а Полярная звезда подводила два глаза Телят⁷ белой сурьмой золотых лучей. Астрономы и направляемые небесами толкователи «Альмагеста», наблюдающие значимые созвездия при помощи научной астролябии, составили по страницам небесных скрижалей гороскоп мирового владычества. Несомненно, всё это оказалось возможно благодаря небесной благосклонности и поддержке повелителей судьбы и власти.

В час, облюбленный небесами.

В Идгахе [града] Каланура, где сердце

наполняется [надеждой]⁸.

3 Пусть вечно этому способствует Судьба.

Были устроены великие торжества и [созваны] возвышенные собрания, способные заставить позавидовать даже небесных писателей.

Маснави

Был пир устроен — для сердец услада, —
 Украшенный земным и вечным смыслом.
 Пред зеленеющим шатром
 Ковер разостлан шириною в площадь для парадов.
 Завесы, покрытые узорами⁹,
 Натянули вокруг торжественного зала.
 Земля повсюду устлана коврами
 Из шелков Татарии и парчи китайской.
 Несчетные золототканые навесы
 Пространство обратили в инкрустированный златом свод.
 Чистейшим золотом оделись небеса,
 Ибо лазурный цвет не для торжественного часа¹⁰.
 Благодаря благоуханию распространяющихся
 Всюду пиршественных ароматов
 Небеса напоминали мускусную сферу.
 Дворцовые сановники поднялись
 И облачили трон в наряд венчальный.
 Ибо вступала дева государства
 В брак с Шахом, Принцем Счастья.
 Два мира сочетались,
 Упрочившись посредством вечных уз.
 И пело время песнь за песней:
 «Судьба, будь благосклонна к трону¹¹ власти,
 На нем Царь восседает [столь великий],
 Что трон сей стойкость обретет.
 Тот восседает на падишахском месте,
 В ком обретет пристанище Судьба»

В том месте и в счастливый час (*дарсаат файз ашаат*) — около полудня в пятницу, которая, согласно наблюдениям¹², пришлась на 2 раби ас-сани 963 г.х. по лунному календарю (14 февраля 1556 г.), но, по подсчетам, являлась серединой 3 [раби ас-сани] (15 февраля), то есть 10 исфандармиза 477 года эры Джалали, 15 тира 925 г. эры Яздаджирди, 14 шабата 1867 г. эры Руми (сирийско-македонской), — слава этого возвышенного рода облачилась в золотые одежды, водрузила на чело темную (*машкин*) тиару и взошла в благословенный час окруженная уважением на кафедру верховной власти и трон Халифата. Возгласы поздравления доносились со всех шести сторон света, подобная небесам кафедра была возвышена *хутбой* судьбы, а ступени¹³ возвеличивания обрели почет благодаря восхвалениям и превозношениям.

Ныне Аллах возложил на чело Хедива Мира
Ношу, прежде покоившуюся на вершине небес,
На него, чье могущество столь велико,
Что он способен взвалить на себя тяжкий груз двух миров.
Когда бремя мира вверяется Властелину Мира,
Он несет его на своих плечах с благодарностью.

Хотя с виду казалось, что сей проповедник [*хатиб*] шествовал 4
со ступени на ступень, на самом деле он переходил из одной стадии в другую. Когда уста его произносили священные титулы, обращая всех в слух, а с языка слетало подобно жемчужинам славное имя, отовсюду раздавались возгласы восхищения и слышались заверения в безграничной преданности и покорности.

Портные царских мастерских набросили золототканое одеяние на плечи сего священнослужителя и осыпали его золотыми украшениями. Казначей Двора Халифата разбрасывали золото и бриллианты направо и налево. С одной стороны они рассыпали золото, с другой — драгоценные камни. Они разложили бриллианты на подносах, а золото — на щитах.

В тот же день грамота верховной власти была возвышена титулом Его Величества Шахиншаха, а обошедшее все земли обращение

Когда моя звезда приковала меня к подпругам его судьбы,
Меня уже невозможно стало назвать бесполезной дичью.

Удача, сей могучий предводитель войск верховной власти, благодарно выразила свое почтение:

Я — великий *хакан*, рожденный землей (*хак*).
Я — великий правитель (*Дара-и-Акбар*), что превыше небес.
Он существует, и я почитаема всеми и каждым.
Слава его наполняет мой дух и обличие силой безмерной,
Розовый сад мой питает источник его изобилия,
Чаша моя полна до краев на пиру его.

Власть, сия пестрая [картина] мировой галереи, обрела один
цвет (то есть гармонию или единообразие) и изрекла:

Щека моя не запачкана пестрою пылью,
Я — прозрачный алмаз и алый рубин,
Ковер мой — прекраснейший сад Властелина,
Моей курильницы дым — *атр*¹⁷ святейшего духа его,
Моей речи бриллиант — украшение небес.
Буду славить я трон его и взывать к его венцу.

Свод небесный, в пояс из звезд облаченный, танцевал и ликовал!
Я опоясался служением, надел ожерелье рабства.
В его присутствии не будут украшать меня иные бриллианты.
Войска мои одерживают верх над ордами врагов,

Ибо один я из [бесчисленных] рабов
всепобеждающего Властелина.

Счастье (*Саадат*), сей спутник обители власти, так сказало
о себе:

Утро каждое я у порогов его — они мой алтарь,
Ликуя, смотрю на восток в лучах восходящего солнца.
С ногами в оковах подобен дверям на пороге его я.
Возможно, в кармане своем обрету к благодати я ключ¹⁸.

Все сановники и сардары (*сиран у сирдаран*), все военачальники и верховные военачальники (*сипахкашан у сипахсаларан*), а также другие столпы государства и очи верховной власти от всего сердца и со всей искренностью заверили высокородного правителя в своей преданности и подкрепили эти обещания и уверения в верности клятвой Аллаху.

Байрам-хану Хан-ханану [удостоенному имени] Итизад-и-даулат Кахира («Опора победоносной власти») был пожалован Высочайшей милостью титул *Вакил-ас-султанат*. Осуществление и рассмотрение всех дел Халифата, формирование и размещение победоносных войск вверены его обладавшему глубокими познаниями уму и крепкой руке его преданности. Другие украшающие землю военачальники и сановники рода Чагатая, включая тех, кто имел счастье служить непосредственно при Дворе, и тех, кто нес службу в провинциях или на границах, оберегая земли или покоряя их, все до единого удостоились особых знаков внимания и одарены царскими милостями в соответствии с их положением и заслугами.

Глава 2

*Гороскоп благоприятного
Восшествия на престол Его
Величества, Царя Царей*

6

Пришло время выявить посредством раскрывающих истину инструментов и правдивого пера гороскоп священного Восшествия на престол, дабы пробужденные сердцем стали свидетелями усиления света, а близорукие обрели остроту зрения, и чтобы безжизненное наполнилось жизнью, а живое — (мировидением) различением жизни¹.

Вот царский гороскоп —
Свиток Божественных тайн.
Лучи могущества, скрижаль удачи,
Вершина мудрости и справедливости пример.
Вот звезда звезды (каукаба-и-каукаб) славы и величия.
А вот и вести радости для мироздания.
Взгляните на сию извечную скрижаль.
Возрадуйтесь навеки, оба мира.

ОПИСАНИЕ ДИАГРАММЫ ГОРОСКОПА
ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА,
ЦАРЯ ЦАРЕЙ

II Второй дом РАК III Третий дом ЛЕВ	I Первый дом Голова Дракона БЛИЗНЕЦЫ	XII Двенадцатый дом ТЕЛЕЦ XI Одиннадцатый дом ОВЕН Сатурн, Луна
IV Четвертый дом ДЕВА		X Десятый дом Солнце, Венера Марс РЫБЫ
V Пятый дом ВЕСЫ VI Шестой дом СКОРПИОН	VII Седьмой дом Юпитер Хвост Дракона СТРЕЛЕЦ	IX Девятый дом Меркурий ВОДОЛЕЙ VIII Восьмой дом КОЗЕРОГ

Различные многообещающие точки читаются в этом благоприятном гороскопе. Первый [знак] находится в Десятом доме, отвечающем за верховную власть, где Солнце указывает на усиление света. Основной же, который следует рассматривать в отношении часа Вступления на престол, — благоприятность Десятого дома, то есть в нем должно содержаться благоприятное указание на приход Украшения Мира [Акбара]. Имам Абу-л Мухаммад из Газни, большой специалист в области астрологических предсказаний, заявил, что асцендент в Скорпионе — хороший знак, так как Десятый угол оказывается во

Льве, доме Солнца. Хвала Аллаху! Здесь Солнце по собственной воле входит в Десятый дом, излучая свет благоденствия и удачи!

Исполняющий надежды Шах,
Чье сердце излучает вечный свет,
Не мог не осветить весь мир своим лучом,
Коль само Солнце покровительствовало ему.

Второй дом, отвечающий за собственность, пребывал в Раке, а Луна, управитель этого дома, достигла в Одиннадцатом доме надежды положения *фаук-ал-арз* (восхождения над землей). Это свидетельствовало, что ключи от сокровищниц без труда и усилия попадут в руки казначеев его судьбы.

Третий дом, дом родственников и родственных связей, был во Льве, управитель которого, Солнце, находилось в Десятом угле. Все родственники будут подчиняться приказам и выполнять повеления Шахиншаха.

Четвертый дом — дом Девы, называемый Земным углом, связан с окончательными результатами действий и с владениями. Его управитель (Меркурий) располагается в Девятом доме, отвечающем за путешествия. Это предрекает превосходные возможности и постоянные завоевания.

Пятый дом — Весы — связан с детьми, радостью и подарками. 7
Его управитель, Венера, находится в Рыбах, доме своего возвышения. Это говорит о том, что благословенные дети Царя будут испытывать на себе его любовь и расположение и вырастут в тени его власти и благополучия, и чаша всеобщей радости переполнится, а со всех четырех сторон света придут к порогам его караваны, нагруженные дарами.

Шестой дом пребывает в Скорпионе и связан с рабами, слугами и болезнями. Управитель его, Марс, находится в (Десятом) доме власти. Это указывает на уравновешенность характера, многочисленных верных рабов и преданных слуг. Хотя Юпитер и в Стрельце, в силу равного расположения² домов он наделяет благополучием и Шестой дом.

Седьмой дом в Стрельце — это Западный³ угол и надир (назир) асцендента. Это дом врагов. Из-за равного расположения

домов он лишен благоприятной звезды, что ясно свидетельствует о поражении всех врагов государства.

Восьмой дом — в Козероге, связан с наследством. Так как его управитель (Сатурн) находится в Одиннадцатом доме, наследственное благословение будет сопутствовать совершенному положению его личности.

Девятый дом в Водолее связан со знанием, верой и путешествиями. В нем пребывает Меркурий, управитель асцендента (так как является управителем Близнецов). Он благоприятно расположен по отношению к асценденту и способствует обретению света мудрости. Также говорит об истинном погружении в дела государства и веры, о благоразумных намерениях в отношении путешествий и их благоприятствовании делу утверждения власти.

Царя, за мудрость прозванного *Зу фанун* (Знаток наук),
Зовем проводником на пути к Богу.
Хотя цари — Аллаха тени,
Он — свет Аллаха, разве можно тенью его звать?⁴

Десятый дом — в Рыбах, он зовется Десятым углом и связан с властью и матерями. В нем находятся Солнце, Венера и Марс. Дни царствования пройдут в радости, а слава и величие хозяина гороскопа будут расти день ото дня. Желания благородных матерей осуществляются благодаря его счастливой судьбе.

Одиннадцатый дом — в Овне, связан с надеждами и истинными друзьями. Это дом возвышения Солнца, и в нем же пребывает быстро движущаяся Луна. Любая надежда, зарождающаяся в священной душе, осуществляется быстро и тщательно, и благодаря его великой судьбе друзьям сопутствует удача.

Двенадцатый дом — в Тельце и является домом врагов. Он лишен звезд, а Марс расположен в аспекте к Десятому дому. Враги государства и веры напьются крови от острого меча Марса. Луна находится в Овне, доме возвышения Солнца. Великие мужи этой науки [астрологии] определили, что в гороскопах Восшествия на престол Луна, сей посредник передачи света от высших небесных тел низшим, должна быть

в Овне. Они считают, что это именно такое обстоятельство, на которое следует опираться. Солнце — в соединении с Юпитером. Управитель Десятого дома (Юпитер) размещается в Седьмом доме. Дом асцендента эфирный⁵. Это указывает на то, что победоносные войска будут хорошо дисциплинированы, а царское величие и слава будут возрастать с каждым днем. Сектор Доброй Судьбы усиливается благодаря своему расположению во Льве, доме Солнца, а его управитель находится в Десятом доме. Юпитер, убедительное предзнаменование преданности, размещен в Седьмом, своем собственном, доме (Стрельца), что является наиболее благоприятным. Управитель Десятого дома находится в восхождении. Дела государства будут с каждым днем развиваться и процветать. А сектор дома асцендента поднимается в дом Луны (?). Меркурий расположен в благоприятном аспекте к Луне. Эта совокупность предзнаменований свидетельствует о том, что всё и всегда будет оборачиваться к лучшему, что счастье прибудет, а желания осуществляться. Толкование добрых знаков гороскопа и его чудес — всё-таки за пределами человеческих возможностей. Благодаря работе мысли и своим глубоким познаниям мудрые исследователи небесных таблиц и углов градусов на поверхностях астроблестящих знают, сколь мало наделяющих величием и силой часов, заключающих в себе вечное благословение, случалось с тех пор, как небеса и созвездия совершили первые движения, а руководство миром человеческим — сия суть творения — было вверено небесным телам.

Один из поэтов сказал относительно хронограммы возвышенного Восшествия на престол:

Кафедра была возвышена прочтением *хутбы* в честь Царя,
Справедливая чеканка обратила деяния в золото,
Восшествие Акбар-шаха на трон власти

Дало хронограмму Вступления на престол: *Насрат-и-Акбар*
(Великая победа = 963 г.х.)

Полустишие «Восшествие на престол защищающего мир Властелина» также указывает на счастливое завершение года. А слова *Кам-бахш*, что указывают дату этого события — вестника процветания, начертаны самозабвенным пером мауланы Нур-ад-дин Тархана.

Глава 3

*Рассказ об учреждении новой,
Божественной эпохи —
от Восшествия на престол
Его Величества Шахиншаха*

От разума светлых духом и верно мыслящих не укрыто, что перо Провидения, заполняющее свиток мира, руководствуется принципом: последовательное упорядочение [событий] Вселенной не может быть достигнуто без должного внимания отдельным [из них] и определения дат. Запись событий и толкование происшествий обретают точность и недвусмысленность благодаря указанию месяцев и лет, и неизменный закон повелевает, чтобы по прошествии определенного времени какое-то великое событие открывало собой [новую] эпоху, и на этом стали бы основываться все приказы и свершения, духовные и мирские. Поскольку славное Восшествие на престол несло с собой высочайшее счастье и растущую удачу, оно заслуживало того, чтобы сделаться звездой на челе (*гхарра*) безграничного успеха и провозвестием беспредельного блаженства. Благодаря Божественному вдохновению, что послало луч света в сердце Его Величества, и единодушию величественных мудрецов, получивших его благословенное согласие, сия запись в свитке месяцев и лет стала основанием новой эры, дарителем мира и уверенности. Поскольку озаряющий мир Новый год [Навруз] последовал сразу за Восшествием, взлелеянным оживляющим взглядом Солнца, время (между этими событиями), в течение коего раскрылись тысячи побед, сочли узорным порогом перед днями Нового года, вступлением к величию и завоеваниям; и так начало Великой эры совпало с наступающим Новым годом. При вычислениях исходили из действительных солнечных лет и месяцев, и Его Величество Шахиншах по своей удачливости и величию,

следуя велению Божественного вдохновения, назвал сию Великую эпоху *тарих илахи* (Божественная эпоха). Писцы благословенным пером занесли это в свитки и указы. Названия месяцев [этой] эры звучали подобно известным названиям персидских месяцев, но в дополнение были украшены титулом *илахи* (то есть Божественный), например, фарвардин, Божественный месяц, или же ардибихишт, Божественный месяц. Дни назывались так же, как нынешние 30 персидских дней, а именно:

1) Ормуз ¹	16) Михрган (Михр)	
2) Бахман	17) Сарош	
3) Ардибихишт	18) Рашн	
4) Шахриюр	19) Фарвардин	
5) Исфандармаз	20) Бахрам	10
6) Хурдад	21) Рам	
7) Мурдад	22) Бад	
8) Даибазар (Даи-ба-азар)	23) Даи (Даи-ба-дин)	
9) Азар	24) Дин	
10) Абан	25) Арад	
11) Раш	26) Аштад	
12) Мах	27) Асман	
13) Тир	28) Замиад	
14) Гош или Гуш ²	29) Марисфанд	
15) Хур (Даи-ба-михр)	30) Аниран ³	

Поскольку в некоторых месяцах имелось два дня сверх тридцати, их называли соответственно *руз* и *шаб* (день и ночь). Благодаря благословенному вниманию Его Величества дополнительные дни отменили, и месяц, как и год, стал солнечным. Просветленный разум Его Величества назначил, чтобы годы открывшейся Божественной эпохи, как и месяцы, образовали двенадцатеричный цикл, а каждый год получал название по [соответствующему по порядку] месяцу, например, первый год назывался бы *фарвардин илахи*, а второй — *ардибихишт илахи*.

Опорой тех, кто учредил эту священную эпоху, был ученый века, Платон [своего] времени, Амир Фатх-ал-лах Ширази, именуемый Азад-ад-даула⁴.

Это он в счастливый час заложил основание сего возвышенного, вздымающегося в небеса здания. Хотя учреждение произошло в 992 г.х. (1584 г.), было сочтено разумным отнести [начало] эры к событиям года Воцарения, поскольку порядок событий начиная со священного Восшествия будет отсчитываться с [начала] Божественной эры. Поскольку власть и удача сего рода, сочетающегося с вечностью, — отпрыски Божественного сияния, есть надежда, что слава этого благородного дома будет озарять и удивлять мир на протяжении тысячи тысяч лет, а число лет и месяцев в конце концов превзойдет все подсчеты и вычисления рассчитывающих небесные циклы. Копия фирмана, коему покорен мир, составленная Абу-л Фазлом, написавшим это благостное предисловие, и провозглашенного в областях [царства] после учреждения этой светлой эпохи, содержит следующее.

Глава 4

*Фирман Его Величества
Джалал-ад-дин Мухаммад
Акбара Падшаха Гази*

В это славное для власти время и благоприятную эпоху, когда цикл (*карн*)¹ победоносного пребывания [Хумаюна] на престоле владычества уже завершился и сад Судьбы осветился улыбкой, издан (оказался под лучом величия) миропокоряющий *фирман*, повелевающий правителям [различных] областей царства, равно как и прочим служителям государства и казначейства, в силу своих заслуг и положения достойным царских милостей, принять к сведению следующее:

«Величественный ум Его Величества всецело поглощен размышлением о том, чтобы люди любого сословия и положения, заботливо и дивно сотворенные, могли провести их драгоценные дни — каковые невозможно обменять или вернуть назад — в веселье и довольстве, под сенью счастья и надежды, так, как это угодно Господу, тем самым спасая покорные шеи от ярма предписаний (*таклид*), сорванного рукой отречения всеми наставниками в религии и предводителями в вере, но дерзко выставляющего напоказ свою низость и непривлекательность в любой вере; [а также тем] чтобы они [люди] могли упражняться, собирая заслуживающие внимания сведения, а не оставались на путях утверждений (*масалик-и-маталиб*) лишенными водительства доказательств; наконец, чтобы на улицах их чувств (*машари-и-макасид*) они не уступали сиюминутным удовольствиям, забыв о свете разума. Наш разящий цель ум (*замир-и-сабат пазир*) постоянно устремлен к истинам науки и тонкостям мудрости и благодаря Божественной милости и руководству с момента величественного зарождения наполнен и обогащен вдохновением и прозрениями,

11

а благодаря прекрасной сокровенности и чистоте стремления наде-
лен и благословен знаками прошлого и будущего. В ходе этих ис-
следований наш взгляд упал на календари, распространенные среди
людей Индии и называемые на их языке *патра*².

В этих календарях (*аврак-и-кулпатра*)³ мы обнаружили, что
начало лунного месяца вычисляется на основе противостояния (Солн-
ца и Луны), то есть от момента, когда свет сменяется тьмой. На
индийском языке это называется *киинпачч*⁴. И так в своем невеже-
стве и глубоком заблуждении эти омраченные, руководствуясь лишь
формализмом и необычным самомнением, начинали месяц с тьмы [меж-
дулуния]. Помимо того что глупость этого пустого и безоснователь-
ного обычая слишком очевидна, чтобы оспаривать это, правоверные
религиозные учителя сего народа доложили нам — и это подтвердили
их древние, достойные доверия книги, — что в давние времена лунный
месяц наступал с [момента, когда] начинала светлеть видимая часть
луны, что именуется на их языке *шуклпачч*, и этот разумный обычай
прекратил свое существование со времени [царствования] Викрамад-
житы из-за распространения ереси, хаоса и смут. Одним из основных
и наиболее очевидных правил [отсчета] является соответствие между
первым числом месяца и появлением света. Поэтому [мы] издали
указ, чтобы все астрологи, создатели календарей, составители гороско-
пов во всех подвластных нам землях писали свои календари, основыва-
ясь на методе *шуклпачч*. Дабы предупредить ошибки, а также упрос-
тить и облегчить процесс, [такой] календарь был составлен, запечатан
священной печатью и послан нами в качестве образца.

Тем временем высочайшие чиновники Двора сообщили нам
следующее: от священного ума не укрыто, что цель учреждения [но-
вой] эры [заключается] в том, чтобы с легкостью определять сро-
ки событий и дел, дабы ни у кого не было причины изменить [их].
Например, кто-то заключает договор, или арендует землю, либо берет
заем сроком на 4 года 4 месяца. Если неизвестна точная дата
начала [договора], будет трудно и даже невозможно определить дату
его окончания. Также очевидно, что если эра насчитывает уже много
лет, то основание новой распаивает врата благополучия и процвета-
ния для всего человечества. И изучающим историю известно, что от

начала и до нынешних дней заслуга великих правителей и столпов мудрости состоит в том, чтобы собственными усилиями обновить основание, переданное им, и тем самым освободить людей дела от клубка затруднений. В настоящее время эра хиджры⁵, начинаемая со дня торжества врагов и скорби друзей, насчитывает почти тысячу лет, а индийская эра (*тарих-и-хинд*) — более полуторы тысячи лет. Подобным образом эры Искандера и Яздигерда⁶ насчитывают тысячи и сотни лет. Всё это изложено в календарях. Записывать или произносить [название] эры при разговоре или в делах для мирских людей крайне трудно, а особенно для простого люда, средоточия торговли. Также очевидно, что народ Индии в пределах царских земель пользуется различным летосчислением. Например, в Бенгалии эра Лачмана начинается [с] правления Лачман Сена, [со времени] которого ныне минуло 465 лет⁷. В Гуджарате и Декане используется эра Сальбахан, от начала каковой идет 1506 год. В Мальве, Дели и других местах распространена эра Викрамаджита, по которой исчисляется уже 1641 год. В Нагаркоте же эру отсчитывают с начала правления того, кто владеет крепостью.

Происхождение и значимость каждой эры известны сведущим в истории, и примечательно, что ни одна эра в Индии не берет начало от сколько-нибудь значительного события. Если по обычной благосклонности и всеохватывающей доброте [Акбара] будет установлена новая эра, которая окажется удобна для всех людей и упразднит противоречащие индийские эры, то благодаря ее достоинствам и преимуществам возрастет нынешняя и будущая слава Вашего Величества. Из авторитетных книг, [содержащих] общеупотребительные ныне таблицы, такие, как «Зидж Илхани» или «Новые таблицы Гургани», явствует, что эры берут начало от великих свершений — к примеру, основание религии или захват великого царства. Хвала Аллаху! При нынешней могучей власти в видимом мире произошло множество знаменательных событий и блестящих дел, таких, как покорение великих городов, взятие непреступных крепостей и другие победы, и была [явлена] Божественная помощь, и любое [из перечисленного] могло стать основанием новой эры. Но если Ваше Величество повелевает, чтобы новая эра началась с момента Вашего Вступления на престол владычества, что явилось

одним из редчайших даров Господа и неиссякаемым благом, каковому идет 29-й солнечный и 30-й лунный год, то столь доброе деяние будет знаком признательности [Аллаху] и исполнением чаяний народа. К тому же это благое деяние не нанесет никакого ущерба славе эры хиджры, ведущей начало со дня, когда Его Величество [Мухаммад, Посланник Аллаха], лучший из людей, из-за множества врагов был вынужден отправиться из Мекки в Медину. Иное могут предположить лишь никчемные людишки недалекого ума, нечистые по самой своей природе. Соответственно во время правления Малик Шаха, когда эра хиджры являлась не столь древней, как ныне, а дела не были так запутаны, как в наше время, из соображений удобства приняли эру Джалали, дабы народ, испытывавший трудности в практических делах, покончил со своими бедами. Она используется в календарях во всех странах ислама, то есть в Аравии, Турции, Мавераннахре, Хорасане, Ираке и прочих, и пишется во всех долговых обязательствах, [засвидетельствованных] знатоками права и займодавцами во все времена⁸».

Повторные обращения этой группы людей и снисходительность к их просьбам возобладали, [и они] были удовлетворены: издали указ, чтобы Новый год [Навруз], последовавший вскоре за Воцарением, стал основанием Божественной эры, и распахнулись бы врата радости и умиротворенности. Источником мудрости было отдано требующее послушания повеление, чтобы все составители календарей в исламских странах наряду с указанием эр арабской, Руми, персидской и Джалали в качестве дополнения отмечали бы и новую эру, тем самым распахнув врата процветания. В индийских календарях им (составителям) также следует обозначать новую эру вместо прежних, не согласующихся [друг с другом], — особенно это относится к эре Викрамаджита, основанной на обмане (*талбис*)⁹, — и покончить с их разными эрами. И хотя в календарях, распространенных в Индии, годы считались солнечными, а месяцы — лунными, было приказано, чтобы и месяцы новой эры вычислялись по Солнцу.

Еще мудрецы различных религий и сект установили определенные дни месяцев и лет для [вознесения] признательности в соответствии с небесными явлениями и духовными указаниями, а также ради

веселья всего человечества — ведь это дает стимул для милосердия и добрых дел — и называли их [эти дни] празднествами (*ийяд*). И в эти дни ликования была утверждена признательность и сделаны добрые распоряжения для исполнения обрядов преклонения и смирения пред Всемогушим Господом, что воплощает высшую меру преданности и повиновения; и чтобы богач и бедняк, великий и малый в меру своих возможностей накрыли столы изобилия, распахнули врата радости и успехов для несчастных и обделенных современников (братьев века и детей времени) и оказали им различные милости, ради этого (было приказано): различные празднества, перечень коих прилагается к сему указу, бытующие во [многих] странах в продолжение тысяч лет и строго соблюдаемые на протяжении последнего тысячелетия справедливыми правителями и праведными философами, по ряду причин утратившие великолепие в этой стране, возродить, дабы добиться благосклонности Господа и идти по следам людей тех счастливых времен. Надлежит неукоснительно устраивать их во всех наших владениях — в городах, городках и селениях. Следует с неослабным вниманием следить за этим и не допускать ни малейшего небрежения. Список празднеств таков¹⁰:

- 1) Дни Нового года
- 2) 19 фарвардина, Божественного месяца
- 3) 3 ардибихшта, Божественного месяца
- 4) 6 хурдада, Божественного месяца
- 5) 13 тира, Божественного месяца
- 6) 7 мурдада, Божественного месяца
- 7) 4 шахриюра, Божественного месяца
- 8) 16 михра, Божественного месяца
- 9) 10 абана, Божественного месяца
- 10) 9 азара, Божественного месяца
- 11) 8, 15 и 23 дая, Божественного месяца
- 12) 2 бахмана, Божественного месяца
- 13) 5 исфандармаза, Божественного месяца.

Глава 5

*Рассказ о великих управителях
царских земель в момент
Восшествия на престол
Его Величества Шахиншаха*

В эту благостную эпоху, когда родились счастье и владычество, когда [пришло] время убедиться в верности и проверить чекан преданности, Султан Мирза Сулейман, сын Хан-мирзы, сына Султан Махмуда, сына Султан Абу Саида, мирно правил землями Бадахшана¹, в то время как область (*вилаят*) Кабула, Газни и другие территории от Хинду Коха [совр. Гиндукуш] до реки Инд, известные как Нилаб, управлялись мудростью и искусством Муним-хана, выделявшегося среди [прочих] слуг вечной власти своей беспристрастностью и справедливостью. Благодаря его превосходной службе Мухаммад Хаким и целомудренные жены [Хумаюна] жили в той стране, наслаждаясь покоем. Кандагар и [подвластные] ему земли, то есть *джагир* Байрам-хана, управлялись Шах Мухаммадом из Килата, поднявшим стяг отваги и дерзания; он превратил те земли в обитель мира, предотвращая междоусобицы и неудачи. Об управлении Дели, столицей той земли, уже было рассказано. Агра, столица Халифата, и прилегающие к ней земли процветали под властью Искандар-хана Узбека, Самбал подчинился Али Кули Шайбани; *саркар* Калпи управлялся Абд-ал-лах-ханом Узбеком, а слуги Тардибек-хана² оберегали Меват; Кийя-хан находился в Кол Джалали (Алигарх), а Хайдар Мухаммад-хан — в Биане. Новые милостивые грамоты были направлены ко всем слугам высокого Двора, и там говорилось: «Мы оставили всех во владении их землями, как ранее, дабы каждый проявил искренность и истинность службы; в свое время они [эти люди] достигнут высоких ступеней и должностей, как то будет угодно воз-

вышенному уму Шахиншаха». Ныне мироукрашающий здравый смысл Его Величества Шахиншаха настаивал на том, чтобы остаться некоторое время под покровом уединения, дабы его озаряющую мир красоту не узрел никто, кроме него самого. Возможно, причиной этого дальновидного и верно принятого решения явилось то, что под маской безразличия к миру он мог испытывать людей и составить в преддверии своего святого ума наиболее точную оценку каждого человека; либо же ограниченность тех людей и их неспособность оценить его совершенства вынудили его придерживаться такого поведения ради блага грядущих поколений. Или же целью ставилось, чтобы черные сердцем и лукавые враги предавались своим мрачным деяниям, свободные от страха пред величием священных основ; или же проникающий вглубь взгляд этой грани перстня Халифата упал на вечный мир реальности и презрел юдоль земную (*хакдан*); возможно, здесь был иной замысел³, и лишь зоркий и проницательный сможет когда-нибудь разгадать его. (Как бы то ни было, пусть будет что есть.) Сей сокрытый и [вместе с тем] явленный царь⁴ передал⁵ [ведение] всех государственных и финансовых дел Байрам-хану, а сам занялся вещами, которые служили плотной завесой его величия и были непроницаемы для поверхностных [людей] этого века.

Глава 6

Взятие под стражу

Шах Абу-л-маали

и заключение его [в тюрьму]

Когда мироукрашающие замыслы Господа, предназначенные последовательность событий, видимых и невидимых, определяют, что платье верховной власти должно быть препоясано кушаком вечности и украшено каймой постоянства, Он срывает со смутьянов и зачинщиков вражды их листья и ветви и повергает их корень и ствол. Более того, эти злодеи и интриганы сами совершают такие поступки, которые оказываются причиной их падения и гибели. Подобный случай произошел при наступлении утра власти и славы Халифата, когда венец счастья был возвышен великолепием Его Величества Шахиншаха, а престол верховной власти сиял его свет (фар)¹. В это время дурманящее вино [недостойных] мыслей и прихотей ударило в голову Шах Абу-л-маали², рассудок коего помутился из-за преклонения перед собственной красотой и вкушения хмеля мира, а стопа умеренности сошла с тропы твердости, как это показано в рассказах о его деяниях от вступления на службу к Его Величеству Джаханбани и до кончины этого Повелителя Века. Ныне, когда Правитель Века (Хумаюн) [извечным] путем отправился в мир постоянства, а Владыка этого цикла (Акбар) благодаря покровам уединения уберется от раздоров и беспокойства сердец как аскетов, так и мирян, кровь этого чревоугодника и пьяницы, ревнителя старых календарей³ испортилась от порочных мыслей окончательно.

Черная желчь и уныние усилили его умопомрачение и раздули пламень безумия. Он был опьянен, и бешеный пес укусил его; [он был] безумен, и скорпион ужалил его! Помимо того, кое-кто из прежних прислужников мира, которые в силу порочности своего склада не

искали ничего, кроме собственной выгоды, и, хуже того, не думали ни о чем, кроме [удовлетворения], а по своей неприязни, глупости и слепоте не отличали добра от зла, способствовали его заблуждению и без устали подбавляли дурман неразумия в вино высокомерия.

В таких обстоятельствах Байрам-хан Хан-ханан, взявший в свои опытные руки бразды правления царством и наводивший порядок в запутанных делах, в виде первой услуги после Воцарения Его Величества Шахиншаха исполнил труд заключения под стражу этого захмелевшего безумца. Вот рассказ об этом: поскольку пары безрас- 16
судства бродили в голове этого смутьяна, а верх чалмы его разума сдвинул ветер высокомерия, стали видимы знаки мятежных мыслей, и неблагонамеренные измышления выступили из-под покрова. На третий день после Восшествия [на престол] на том же восхитительном месте было устроено великое собрание. Его Величество Шахиншах восседал на троне верховной власти, а предводители и военачальники почтительно окружали его. Еще до начала собрания этому упрямцу [Шах Абу-л-маали] послали известие с сообщением, что решено [устроить] великое празднество, [где] будут обсуждаться дела государственные и финансовые, и его присутствие необходимо. Но сей глупец, обманувший самого себя, придумал извинения, которые оказались хуже его проступка, и среди них такое, что он еще не закончил оплакивать (Хумаюна); и если он явится, то как отнесется к нему Его Величество Шахиншах, какое место в собрании ему укажут, и как должностные лица будут приветствовать его? Поскольку те [посланные] настаивали на его прибытии, он сбросил маску и заявил о теснейших узах [с] Его Величеством Джаханбани Джаннат-ашияни и о глубоком уважении, которое последний питал к нему. Выставив условием своего присутствия некоторые малозначительные вещи, всё-таки прибыл, ибо головная боль покинула его. И занял место по правую руку от Его Величества Шахиншаха. Был час, когда накрывают праздничный стол, и как только он протянул руки для омовения⁴, сильный и проворный Тулак-хан Кучин⁵ показал сообразительность: подойдя сзади, схватил обе руки Шах Абу-л-маали и сковал их⁶. Остальные, стоявшие у подножия трона, поспешили на помощь. Шах Абу-л-маали опешил от удивления и не оказал

сопротивления. Бывшие с ним люди, многие из которых являлись давними сторонниками династии, намеренно собрались до его прибытия и в тот же день вновь стали слугами непосредственно (Акбара) и приняли царские милости. То был первый зверь, угодивший в сеть судьбы.

Установлениями верховной власти и канонами справедливости кандалы и темница одобряются, когда необходимо свершить суд над злосчастным и строптивым человеком. Ибо человек — непостижимый талисман и труднообъяснимая загадка. Неразумно отправлять его в обитель небытия за единственный недостойный поступок, который он может совершить, ибо невозможно иначе перестроить сие величественное основание, кроме как десницей власти Господней. Поэтому мудрые правители не одобряют поспешности в разрушении и уничтожении этого славного дворца [человека].

Ведь главу казненного не приставить вновь.

- 17 Также не подобает просветленным людям осквернять тюрьму присутствием людей, чей злой нрав, строптивость и мятежность не раз обнаруживали себя. Поскольку мироукрашающий Аллах сделал Его Величество Шахиншаха совершенным выражением своего всеобъемлющего сострадания, он [Акбар] вложил нить совета в руки доброжелателей и, подарив жизнь этому неискушенному молодому человеку, послал его в заточение, чтобы начало этого облагораживающего Вселенную царствования не было отмечено ничем, что напоминало бы тиранию. Хотя стремление уничтожить порочных и является благом для всего человечества, но поскольку сие сходно с [проявлением] тирании, ему не место в новогоднюю пору удачи. Этого безумного зачинщика раздоров заковали и отослали в Лахор, где те, кому доверили сие поручение, передали его Пахлван Гулгазу⁷ («глаза, подобные розе»?), начальнику стражи (*асас*) города. Но тот недалекий — по небрежности или же со злым умыслом — не выказал необходимой осмотрительности при охране этого нечестивого интригана, и ему удалось сбежать из тюрьмы. Мирза Шах⁸ и другие должностные лица Лахора бросили Пахлван Гулгаза в темницу, и он, страшась

не милости, принял яд и так освободился из узилища тела. Муним-хан, коему был доверен Кабулистан, обрадовался, получив известие (о заточении Абу-л-маали), и хитростью заманил Мир Хашима⁹, брата Абу-л-маали, державшего в качестве *джагира* Кахмард в Горбанде, и бросил его в тюрьму. Это также являлось правильным поступком.

Одним из отрадных событий этого времени стало отправление грамоты удачи в Кабул, обитель мира. Когда царственный ум обрел покой от насущных проблем того края, он сосредоточился на том, чтобы избавиться от Искандера. Тот проводил свои дни в горах Сивалика, и поход из Дели воистину был задуман против него. Но Его Величество вспомнил об их высочествах бегим¹⁰ и, кроме того, пообещал для успокоения преданных героев, недавно прибывших в Индию, что пошлет всех давнишних и верных командиров в Кабул¹¹, дабы те не мешкая привезли сперва их высочества бегим, а затем и семьи служителей Двора в прекрасные и обширные индийские земли, чтобы люди могли осесть здесь и хоть что-то удерживало бы их от возвращения в привычные места. Таким образом, Мухаммад Кули-хан Барлас, Шамс-ад-дин Мухаммад-хан Атка, Мирза Хасан-хан, Мирза Хизр-хан Хазара, Бабус, Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд Бакши и многие другие были посланы со средствами и ценными дарами для решения сей почетной задачи. На пятый день после Вступления на престол [Акбара] войска собрали под сенью победоносных стягов, и они отправились в гористый край Сивалик, называемый также Химачал¹².

Глава 7

*Начало 1-го Божественного
года с момента священного
Восшествия на престол
Его Величества Шахиншаха —
года фарвардин первого цикла*

Так как мир озарился лучами справедливого владычества питомца Божественного света, а земля и ее обитатели выразили свой восторг посредством слов и ликования, мир внешний и внутренний обрел славу и блеск, и весенняя пора души и тела разразилась мольбами о благословении. Через двадцать пять дней после благоприятного момента Восшествия на престол — в среду¹, 28 раби ас-сани 963 г.х. [11 марта 1556 г.], мир засиял от наступления Нового года, а Султан Востока [Солнце] предстал перед ликом Овна со своими украшающими землю знаменами.

Весенний ветерок мир освежил [своим дыханьем],
Славу земли дождь преумножил,
С душою, преисполненной веселья, влюбленное в удачу Солнце
В порыве радости цветов покровы (букв. «кожу») разорвало.
Из глины (*гил*) сотворила роза (*гул*) трон *Кауса*,
Фиалка облачилась в оперение павлина (*таус*),
На каждой ветке распустила бутоны юная весна,
Каждый цветок нашел приют в руке, его дающей.

Великое светило заставило воспрянуть духом страдальцев века, а радостные известия о священном Восшествии на престол Шахиншаха одарили проникательных и познавших тайны мудрецов тысячами жизнеутверждающих вестей. Внешний мир обрел счастье, а внутрен-

ний мир — славу. Видимое и невидимое царства достигли гармонии и наполнились светом.

Человек², получавший когда-либо поздравления от возвращенных в преумножающем свет собрании духовного и земного [миров], хорошо знает, какие они высказывают добрые пожелания долгой жизни, внутреннего и внешнего процветания, духовной и земной гармонии; описание всего этого увековечено в древних хрониках³. Но разве можно описать внутреннее и внешнее благословение питомца света, поздравления которому выразил сам Свет, без какого-либо человеческого вмешательства и при помощи голосов действия⁴, а именно украшающей мир весны.

Ввиду того что мудрые мужи прошлого и настоящего сошлись во мнении, что основание всякой эпохи закладывается в каком-нибудь славном событии, то ее летосчисление должно вестись от ближайшего [к этому событию] Нового года⁵, невзирая ни на какие временные расхождения; дни, предшествующие Новому году, считаются частью Нового года⁶, и последний представляет собой начало Божественной эры. Таким образом поступили и в отношении описанного выше события. Когда бы ни зашла речь о Божественной эре, под ней следует понимать начало отсчета от переполняющего сердце Источника.

Среди великих благ, предоставленных в начале этого года Его Величеством Шахиншахом, была отмена налогов⁷ (*бадж у тамга*). Разве можно подсчитать их размер? Несомненно, они превышали [годовой] доход одного климата. Властелин Земли [Аллах] предпи- 19
сал [своим подданным совершение] столь великих благодеяний в качестве благодарности за небесные милости и таким образом заставил возрадоваться караваны сердец купцов, приносящих процветание в мир взаимозависимости, и умы множества людей — представителей данных Богом ремесел. Это великое установление повлекло за собой такое благодеяние, как *бадж у тамга*. Несмотря на то что положение дел Правителя Века было сокрыто завесой, а алчность сановников ослабила на какое-то время возвышенное основание [Халифата], Шахиншах вознамерился сохранить в силе это благословенное [нововведение]; и хотя какое-то время закон не претворялся в жизнь, благой результат его действия оказался в некоторой мере проявлен

управляющими судьбы. Слава Аллаху! В настоящее время, когда мировое украшение Халифата лично занимается как частными, так и общими делами [государства], и люди подвергаются испытанию, и каждый может достичь успеха в соответствии со своими талантами, этот лучший из даров успешно применяется во всех уголках государства. Сладкоречивые подданные с льстивыми языками расписали Его Величеству все выгоды и возможности обогащения от налогов, но так как справедливый разум Его Величества Шахиншаха желал обрести Божественную милость и потому заранее был издан указ, утверждающий это великое благо, то к ним не прислушались, и их попытка помешать роду человеческому выразить благодарность за одно из тысяч других благодеяний потерпела крах. Пусть одарит Всемогущий Аллах Его Величество Шахиншаха долгими годами жизни да преумножит его власть и радость соразмерно великим благодеяниям, заключенным в этом даре и равным количеству осчастливленных душ и сердец, обретших покой благодаря этой милости!

В ряду событий тех счастливых дней следующее: из Казвина прибыл Мир Абд-ал-Латиф⁸, одна из величайших личностей Персии и вместилище всяческих добродетелей. Он был представлен при Дворе и удостоился различных милостей. Его достойный сын, Мир Гияс-ад-дин Али⁹, осчастливленный царской благосклонностью и возвышенный титулом Накиб-хана, сопровождал его. Мир Абд-ал-Латиф славился познаниями в области наук, своим красноречием и верностью, а также другими превосходными качествами. Вследствие того что человеком он был нефанатичным и обладал широкими взглядами, в Индии его называли шиитом, а в Персии — суннитом. Он воистину стремился совершить путешествие в мирный град вселенской терпимости, за что приверженцы обеих сект осуждали его.

20 Когда украшающее мир знамя бросило тень победы на окрестности города Дахмири¹⁰, отважные герои и сокрушающие [вражеские] ряды газии, посланные вперед в качестве авангарда под командованием Пир Мухаммад-хана, настигли противника у гор Сивалик. Они решительно выступили вперед с надлежащими предосторожностями, полагаясь на Божественное провидение; и так как Сикандар рассчитывал всего лишь на безрассудную отвагу, ему очень скоро

пришлось покинуть поле битвы и укрыться в ущельях. Победоносные воины вернулись ко Двору, и их осыпали милостями. Дабы упрочить основания осторожности, войско провело там около трех месяцев, занимаясь охотой. Прибыли многие землевладельцы и засвидетельствовали свое почтение, обретя тем самым славу. Среди них и Дхарм Чанд¹¹, раджа Нагаркота, пользовавшийся большим уважением и имевший значительное число сторонников, вследствие чего и носил чалму превосходства над современниками. По воле судьбы, ниспосланной вечным благословением, он удостоился чести поцеловать священный порог. Ревностным служением он проявил себя на арене преданности и был возвышен вниманием Его Величества Шахиншаха.

Одно из героических событий того времени — осада Нарнаула Хаджи-ханом. Дело происходило так: когда стало известно о неминуемой кончине Его Величества Джаханбани, Хаджи-хан, высокопоставленный раб Шер-хана, осадил с большими силами Нарнаул. Раджа Бихари Мал Качваха¹², ставший по Высочайшей милости Шахиншаха военачальником Султаната и поднявшийся до положения, которое было выше, чем то, что занимали все раджи и раисы¹³ в Индии, и чьи сыновья, внуки и весь род дослужились до высоких постов и великих должностей — о чем будет поведено в надлежащем месте, был тогда с Хаджи-ханом. Маджнун-хан Какшал¹⁴, *джагирдар*, оказался заперт в Нарнауле, и войско его находилось в затруднительном положении. Раджа в силу своего великодушия и предусмотрительности вмешался и, завладев крепостью мирным путем, послал Маджнун-хана ко Двору. Когда Его Величество Шахиншах взошел на трон, в Дели правил Тардибек-хан, который выступил против Хаджи-хана и после освобождения Нарнаула проследовал в Меват. Там он наказал множество нечестивых и упрямых людей, а затем вернулся в Дели, где с благоразумием и твердостью занялся делами. В это же время из Гуджарата прибыл и поступил к нему на службу шейх Гадаи Камбу¹⁵ из Дели. Так как в течение его временного пребывания в Гуджарате он хорошо повел себя по отношению к Байрам-хану, проявив к нему доброту, то теперь, когда бразды правления оказались в руках у того, он [Гадаи Камбу] был вознагражден

почтительным отношением и званием *садра* и остаток своих дней пользовался у современников почетом и уважением.

Поскольку приближался сезон дождей, Его Величество с целью дать отдых и создать условия для войска, приказал возвратиться назад и стал лагерем у города Джаландхара. Розовый сад мира был орошен правосудием, а возвышенная армия наслаждалась отдыхом в том славном месте почти пять месяцев. Прибыли и засвидетельствовали свое почтение послы Абд-ар-Рашид-хана, правителя Кашгара. Они преподнесли ценные подарки и удостоились милостей со стороны Тени Аллаха.

Вот краткое изложение вышеназванного события.

Абд-ар-Рашид-хан старался поддерживать добрые отношения и искал для себя покровительства посредством закладывания основ согласия со знатными родами. Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни всегда относился к нему милостиво и по-доброму. Примером тому может служить следующий случай. Когда [Его Величество] был занят возвышенными размышлениями о походе в Индию, он послал Ходжа Абд-ал-Бари, происходившего из благородной линии ходжей Накшбанди, в Кашгар. Тот вернулся и удостоился чести приветствовать пороги счастья. Правитель Кашгара отправил вместе с ним мирзу Шараф-ад-дин Хусейна, дабы тот выразил соболезнования (по поводу кончины Хумаюна), а также передал поздравления [по случаю Восшествия на престол]. Ходжа Абд-ал-Бари был сыном Ходжа Абд-ал-Хафи, сына Ходжаган Ходжи, любимого сына Ходжа Ахрара¹⁶, — пусть земля ему будет пухом! Мирза Шараф-ад-дин был сыном Ходжа Муина, сына Ходжа Хаванд Махмуда, младшего брата Ходжа Абд-ал-Хади, сына Ходжаган Ходжи. Вследствие этих родственных связей мирза Шараф-ад-дин Хусейн прибыл вместе с Ходжа Абд-ал-Бари и поступил на службу к Его Величеству. Мирза также происходил из высокородной семьи по линии матери, ибо ею была Кичак бегим, дочь Мир Ала-ал-мулка из Тармиза [Термеза] и Фахр Джахан бегим, дочери Его Величества хакана Султан Абу Саида мирзы¹⁷. Вскоре он достиг высокого положения¹⁸ и стал *Амир-ал-Умара*, ибо подтвердил право на столь знатный титул своей хорошей службой, и, выдавая внешнее поведение за отражение внутренней сути, притязал на возвышенное звание искреннего [человека].

Таков Двор, где люди обращают зерно искренности в мирскую [выгоду]. Пусть не станет неверная мысль камнем преткновения для тебя (о читатель!), да не скажешь ты, что оказывать этому человеку (Шараф-ад-дину) почести, превышающие его положение, — значит преступать закон справедливости. Справедливость — это одно, а благожелательность — совсем другое, хотя в случае, подобном этому, рост доверия со стороны духовного и земного Властелина (Акбара) — это способ испытания и выявления характера посредством управления вином мира, дабы всё малодушное было уничтожено, а мужественное — преумножено. Излишне высокое положение чревато сотней соблазнов, и даже если этих соблазнов (искушений) удастся избежать, внешние связи и поверхностные отношения не ведут к достижению желаемой цели. Необходимы внутренние узы и подлинная чистота души, чтобы выдержать истинные испытания пробного камня искренности. Как много отпрысков знатных семейств мира приходят к возвышенному Двору и заявляют о своей преданности и искренности! Но поскольку пыль оберегающего власть порога является пробным камнем человеческих бриллиантов, то достоинства и недостатки [этих людей] вскоре всплывают и вознаграждаются по заслугам. Тот, кто чист сердцем и наделен подлинным благородством, день за днем возвышается, а тот, кто прикрывает расшитым платьем показной чистоты собственную внутреннюю скверну и продает ячмень под видом пшеницы, в конце концов сам несет убытки, покрывая себя бесчестьем и позором на веки вечные. Поэтому случай мирзы Шараф-ад-дин Хусейна и сотни подобных ему людей стал предупреждением мудрым и мыслящим. В свое время краткое изложение истории каждого из них откроет врата процветания для рода человеческого.

В то время как лагерь стоял в Джаландхаре, Камал-хан Гакхар¹⁹, сын Султан Саранга, младшего брата Султан Адама, охотно последовал путем давней преданности и удостоился чести поцеловать [возвышенный] порог. Он был щедро одарен царскими милостями и включен в список военачальников. Проявил себя храбрецом в войне с Хему и в Манкоте и [хорошо зарекомендовал в других делах] — потому и стал объектом особого внимания со стороны Его Величества Шахиншаха.

Глава 8

Рассказ о вероломстве мирзы Сулеймана, об осаде им крепости Кабул и его мирном уходе, а также о победе царских слуг¹

В это благоприятное время, которое величественная армия проводила в Джаландхаре, пришли вести о восстании мирзы Сулеймана. Были приняты меры для отправки подкреплений. Подробности этой истории таковы. Когда ужасные вести о смерти Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни достигли Кабула и Бадахшана, мирза Сулейман и его сын мирза Ибрахим, по причине шаткости верности и искренности в этой стране или же по неискренности и невежеству своему, что низвели их до уровня своекорыстия и заставили чинить вред самим себе, или же потому, что в порочности души своей искали выгоду в притеснении других, или же по наущению нечестивых, близоруких людей, не думающих ни о чем, кроме собственной пользы, и по нашептыванию жены мирзы — Харам бегим²,
23 без согласия которой он не мог решить ни одно государственное дело, [так как] по слабости (*кучакдили*) дал ей власть над собой, [а также] из-за крайней узости мысли, забыв о том, что святое Воцарение вознесло до небес трон Халифата, отказались от наследственного послушания и почтительности по отношению к Его Величеству Шахиншаху, служение которому является условием величия, и подняли голову мятежа. Мирза Сулейман, бросив взгляд на смуту того времени и кажущуюся незрелость Хедива Мира — что была лишь покровом украшающей мир красоты, — возымел притязания на верховную власть. Когда настала пора выказывать благодарность и отплатить за милости — то есть за внимание и расположение, коими одарили его Их Величества Гити-ситани Фирдус-макани и Джахан-

бани Джаннат-ашияни, — исполняя добрую службу, и тем самым удостоиться похвалы смертных; когда с добрым намерением и твердой решимостью ради духовного и земного успеха следовало предложить жемчужину верности для самых суровых испытаний, он по низости своей природы и непорядочности превзошел проступки неблагодарных и омыл славные свитки в водах греха, швырнув их после этого на землю мятежа³. Долг (хукук) променял на непокорность (акук) и пошел тропой бесстыдства. И собрал свои отряды, разбросанные по разным частям горной страны Бадахшан, и стал тешить неблагодарное сердце мыслью о захвате Кабула.

Харам бегим приходилась дочерью Мир Ваис беку и являлась матерью мирзы Ибрахима; она была известна под именем *Вали Ниамат* («госпожа милосердия»). Ранее, когда Его Величество Джаханбани задумал поход в Индию, она явилась с [выражениями] соболезнования о смерти мирзы Хиндала, думая угодить благонравным женам — Гульчехре бегим и Гульбадан бегим, сестрам Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни. Однако для бегим это было лишь предлогом, действительной же причиной стала ее ссора с мужем и сыном, которые принудили ее уехать и совершить паломничество в Мекку. Причина этой размолвки заключалась в следующем: по- 24
скольку бегим благодаря своим способностям и проницательности руководила в Бадахшане делами государственными и финансовыми, полновластно благоволя одним и притесняя других, завистливые люди ограниченного ума коварно нашептали недостойные измышления о ней мирзе Ибрахиму и тем внушили неприязнь к ней. Это зашло так далеко, что сей простоватый тюрок потерял самообладание и обманом захватил Хайдар бека, младшего брата бегим, которого и подозревали люди⁴, и предал его смерти. Бегим расстроилась и отправилась в Кабул. Некоторое время она оставалась в свите этих целомудренных женщин. Тем временем мирзы (отец и сын) раскаялись в том, что совершили, послали людей и уговорили ее воротиться. Она же в своем неразумии и тьме душевной проведала о слабости Кабула и задумала овладеть городом. И описала это мирзе Сулейману как легкое дело, но влияние Его Величества Джаханбани делало успех сих недалеких и порочных людей невозможным.

Когда случилось неотвратимое (смерть Хумаюна), эта *Вали Ниамат Кафир-Ниамат* (так называемая «благодетельница», в действительности же — не помнящая благодетель) в земле без дорог стала проводницей на пути гибели. Муним-хан, узнав о положении дел, мудро решил не вступать в битву, а принялся приводить крепость в порядок: отстроил то, что было разрушено, и подновил бастионы и [защитные] валы. Он доложил обо всём охраняющему мир Двору, прежде чем мятежный мирза успел поднять в Кабуле пыль раздоров. Мирза, оценив невидящим оком свои полчища и малочисленных царских слуг, выступил в поход, [двигаясь] переходами; в начале первого Божественного года, то есть в середине весны, он подошел к Кабулу и осадил его. В первом же столкновении проявил свою стремительность и упорство и показал себя в сече. Это была жаркая битва между верными кабульцами и дерзкими бадахшанцами. Разгорелся пламень нападений и защиты. Каждый день храбрецы мирзы Сулеймана подступали к стенам твердыни и давали свидетельства своей доблести, атакуя ворота. Верные кабульцы шли на всё, чтобы защитить крепость, и отбивались от бесчисленных врагов, паля по ним со стен из пушек и ружей. Отважные и стремительные бойцы выступали из ворот и бесстрашно бились. Поскольку им, бывалым воинам, сопутствовала неизменная удача Его Величества Шахиншаха, они выходили победителями, несмотря на численное превосходство врага, и никогда не испытывали опасений.

Когда из посланий Муним-хана стало известно о положении дел, всё внимание было отдано отправке войск. Многие высказывали мнение, что сил, посланных за целомудренными женами, будет вполне достаточно, и, прежде чем Его Величество, занятый множеством неотложных дел в Индии, распорядился об отправке подмоги, Кабул и кабульцы с Божьей помощью избавились от мирзы. Войска, отправленные за целомудренными женами, не принимали участия в деле; тем не менее, когда они достигли Инда и в Кабуле узнали, что на подходе силы из Индии, мужество осажденных укрепилось, а неприятель пришел в замешательство. Мирза прибег к уловкам и ухищрениям и послал в качестве посла Кази-хана Бадахши⁵, одного из ближайших сподвижников, славящегося своим знанием и мудростью; благодаря

счастливой судьбе и внутренней благостности он [Кази-хан] провел последнюю часть жизни на службе у Его Величества Шахиншаха, став одним из бессменных служителей у порога успеха. В уместное время этому будет посвящен отдельный рассказ. Он приложил свои таланты для исполнения порученного, но не добился успеха. Муним-хан, зная, что его следует держать под присмотром, не позволил ему [тотчас же] вернуться. Он выказал ему великую милость и позаботился, чтобы у того возникло впечатление, будто в гарнизоне продовольствия с избытком, а дух [солдат] высок. И действовал так искусно, что, несмотря на совершенное отсутствие запасов, сей проницательный посланник вопреки истине уверовал, что [гарнизон] полностью обеспечен снаряжением и провизией. Благодаря этому дальновидному замыслу он [Муним-хан] достиг прекрасного результата. Некоторое время спустя Муним-хан отпустил посланника и направил такое сообщение: «Хвала Аллаху, что меня поддерживает подобный Владыка Века, а в крепости столько храбрых и верных людей, что я способен делать вылазки и сражаться. Однако я не думаю отказываться от осторожности. Сотни раз благодарим мы за то, что продовольствия и запасов для гарнизона хватит на годы, и, помимо того, вскоре подоспеет хорошо вооруженная армия Индии, более многочисленная, чем саранча или муравьи. Оставьте же Ваш пагубный замысел и не допустите, чтобы высокий и низкий указывал на Вас как неблагодарного, и не пятняйте злым именем щеку доброй судьбы. Вам не прельстить посулами и обычных мужей доблести — так как же Вы сумеете совладать с этим благородным отрядом, что, ведомый благой удачей, оставил позади эту нижайшую из ступеней и достиг небес искренности? Разве возможно при помощи лжи низвести их и обмануть сих благословенных?».

Мирза, лелеявший тщетные желания в надежде, что жители забудут о верности, а гарнизону не хватит припасов, тотчас впал в отчаяние и вновь послал Кази-хана в крепость. Поскольку последний подтвердил, что население измучено долгой осадой, он [мирза] постучал в дверь мира с тягостными условиями. Муним-хан, сердце которого приготовилось к тому, что его умертвят, проникся жалостью к себе и осажденным в их нужде и согласился на мир. Посол, будучи человеком рассудительным, в качестве первого условия выставил

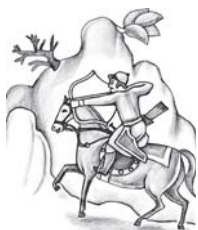
требование, чтобы *хутба* была прочитана на имя этого недостойного своего имени, слабого разумом, дерзкого и недалекого [то есть мирзы]! И тут Муним-хан, как и рассчитывали эти изображающие искренность лицемеры, сошел с пути верности и дал согласие на подобное унижение. Следующее условие состояло в том, что другой берег Барана должен принадлежать Бадахшану и станет собственностью мирзы. Муним-хан дал на это только показное согласие; он разрешил прочесть *хутбу* согласно уговору, но [лишь] в одной мечети и в присутствии немногих людей. Мирза оставил Мукдим бека на реке Баран для защиты спорной территории, а сам вернулся в Бадахшан. Возвращение мирзы было равнозначно изгнанию Мукдим бека. Благодаря преданности верно мыслящих слуг Кабул освободился от когтей стольких неблагодарных людей и вновь обрел порядок под управлением Муним-хана. Неблагодарный мирза отправился в Бадахшан, поставив подходить опару собственной гибели.

Милостивый Аллах! Победоносные царские слуги, на коих была возложена забота о делах Шахиншаха, по причине развлечений в Индии или же по иным недостойным мотивам не преследовали мирзу Сулеймана. Но неизменная удача, сопровождавшая стремя Шахиншаха, позаботилась о том, чтобы мирза получил воздаяние за свою непочтительность. И так поражения и беды обрушились на него⁶, и Господь Воздающий заставил его, поверженного, отвернувшего свою главу от [пути] покорности своему повелителю, лобызать порог охраняющего человечество Двора. Хотя мнимые управители делами царства не предприняли никаких шагов для наказания мирзы, истинные Распорядители стояли на страже и вложили наказание в его грудь. Об этом будет рассказано в соответствующем месте.

Наконец, когда кабульцы благодаря Божественной защите избавились от бед, вызванных нечестивыми, было решено, что носилки целомудренных женщин, то есть Ее Величества Мириам-макани, Гульбадан бегим и прочих, отправятся в Индию в соответствии со священными указаниями. Все они счастливо и благополучно воссоединились с Его Величеством Шахиншахом и пали ниц в признательности Господу за духовные и земные блага. Сжатый рассказ об их путешествии и происшествиях [в пути] будет дан ниже.

Глава 9

Получение известий о мятежных замыслах Хему и о походе армии удаchi для подавления мятежа названного злодея, коего ожидал печальный конец

В то время как обустройствающий ум [Акбара] был занят делами Искандара, одновременно следя за смятением в Кабуле, 31 михра, Божественного месяца, или 8 зу-ль-хиджжа [963 г.х.] (13 октября 1556 г.), в Джаландхар пришли вести о приближении Хему, в голове которого копошились честолюбивые мысли о верховной власти и небольшой рассказ о котором уже приведен¹; [стало известно] о его сражении со знаменитыми военачальниками [Акбара], об их недостаточной стойкости и о захвате им Дели. Вот краткий рассказ об этих событиях: между Хему и Ибрахимом², претендующим на [трон] Султаната, произошло несколько сражений, где победа неизменно оставалась за первым. Султан Мухаммад, присвоивший в Бенгалии царский титул, также потерпел поражение и был отправлен в обитель небытия. Вдобавок Хему выступил против Таджа Карарани и Рукн-хана Нухани и одержал победу. Он дал 22 битвы противникам Мубариз-хана³ и вышел победителем в каждой. Его победы внушили ему неподобающие мысли, и он не осознал, что победа одного тщеславного человека над другим, еще более тщеславным, не основание для того, чтобы, преисполнившись дерзости, бросаться на железную скалу. В то время как Его Величество Джаханбани при содействии Божественного воинства завоевывал Индию, Хему был занят в иных местах, и его пустые фантазии не давали о себе знать. Теперь, когда маснад Халифата пребывал в сиянии славы Его Величества Шахиншаха, он [Хему] отвел свой взгляд от

27

соперников и с огромным числом людей и военных слонов с восточных областей двинулся к Дели, оставив в Чунаре Мубариз-хана, о котором уже достаточно сказано. Военачальники, назначенные в те области, прибыли в Дели. Тардибек-хан собрал разные отряды и начал приготовления к сражению. Каждого он ободрил словами, способными успокоить смущенных. Немало доблестных и пылких воинов прибыло из областей, но Али Кули Шайбани, занятый в Самбале усмирением презренных афганцев, не смог присоединиться к царским слугам.

28 Говоря об этом вкратце, заметим, что Шади-хан, один из главных военачальников Мубариз-хана, владел многими *парганами* в *саркаре* Самбала. В том году, что стал началом Божественной эры — да будет она вечно благоприятна! — Али Кули-хан двинулся, чтобы покончить с ним [Шади-ханом]. Он послал вперед нескольких командиров, таких, как Мухаббат-хан, Латиф-хан и Гияс-ад-дин, с заданием преодолеть Рухаб⁴ и ожидать его подхода. Вино отваги не дало этому отряду [придерживаться] плана и осторожности, которые составляют первую ступень благоразумия. Шади-хан внезапно ударил и рассеял их. Эти недалекие сражались безо всякого порядка и выпустили поводья твердости. Латиф-хан и многие другие утонули. Али Кули-хан, узнав об этой неудаче, устремился со своими отрядами, в которые входили Махди Касим-хан, Баба Саид Кибчак и Мухаммад Амин Дивана, с намерением атаковать Шади-хана. Наутро того дня, когда он решил форсировать реку, от Тардибек-хана пришло письмо с известием, что приближается Хему с хорошо вооруженной армией; разбить этого негодяя — насущная задача, и ему следует прибыть немедленно. Али Кули-хан отказался от задуманного предприятия и двинулся к Дели; но еще до его прибытия военачальники [Акбара] сразились и проиграли крупную битву, и город Дели, столица Индии, перешел в руки Хему, что еще более раздуло пламень его опьянения и увеличило самомнение. Это произошло по воле рока ради целей, ведомых лишь Аллаху; либо же это было вызвано дурными умыслами Маулана Пир Мухаммада Ширвани. Но довольно, довольно! Скорее всего, это случилось, чтобы тщеславные и превозносящие себя военачальники не считали Владыку земли

обязанным [им] чем-либо; или же ради того, чтобы показать верховную власть этого Владыки трона судьбы, дабы новое завоевание Индии было свершено рукой лишь того, кого вели небеса.

Краткий рассказ об этом поучительном поражении таков. Победы этого презренного (Хему) над противниками Мубариз-хана, потерявшими разум в западне погибели, вдохнули в него черные мысли, и когда вести о неминуемом событии — смерти Его Величества Джаннат-ашияни — достигли отдаленных областей, он по близорукости понадеялся на неурядицы времени и возымел дерзость решить, что даст сражение возвышенной армии Его Величества Шахиншаха, хранимого Божественной помощью. Юный возраст великолепного [повелителя], над могуществом коего была наброшена сияющая завеса, лишь прибавлял смелости этому пустому и поверхностному [человеку]. Неисчислимое богатство, а также множество воинов и военного снаряжения, оставленного [на полях боев] столь многими правителями Индии, прибавили ему спеси и дерзости, так же как и отход победоносных военачальников из городов и крепостей [царских] владений. И, наконец, он отправился на это гнусное дело с 50 000 кавалерии, 1 000 слонов, 51 пушкой и 500 небольших орудий.

Тардибек-хан готовился в Дели к защите и, созвав военачальников, прибывших со своих постов, отдал распоряжения относительно битвы. Мужеством он укрепил собственное сердце и одновременно ободрил робких. Наконец 24 михра, Божественного месяца, первого года, что соответствовало вторнику, 1 зу-ль-хиджжа 963 г.х. (6 октября 1556 г.), негодяй Хему появился близ Дели при всём вооружении и расположился лагерем в Таглакабаде; военачальники [Акбара] собрались и стали совещаться. Многие храбрецы — одни из благоразумия, а другие из трусости — не желали сражаться. Они заявили, что, до тех пор пока не подоспеет армия Шахиншаха, им следует любыми средствами усилить крепость и искать возможности устроить ночную атаку. Некоторые советовали дожидаться подхода Али Кули-хана с военачальниками той области (Самбала). Часть героев, готовых пожертвовать жизнью ради славы, для верных душ которых поле битвы было более заманчиво, нежели пиршественная зала, предложили: «Будем считать эту возможность благом — нападём!».

Судьба оплатит тому, кто откладывает на завтра

труд нынешнего дня.

Наконец все сошлись на том, чтобы дать битву, и препоясали чресла храбрости. В день арад, 25 михра, Божественного месяца, что соответствовал 2 зу-ль-хиджжа [963 г.х] (7 октября 1556 г.), войска выстроились [к битве]. Центр находился под командованием Тардибек-хана. Афзал-хан, Ашраф-хан и Маулана Пир Мухаммад Ширвани, присоединившиеся в качестве доверенного лица Байрам-хана для наблюдения за царскими слугами или же с коварным намерением лишить удачи Тардибек-хана, также оказались в центре. Хайдар Мухаммад-хан, Касим Мухлис, Хайдар Бахши, Али Дост-хан Барбеги и ряд других находились в правом крыле, Искандар-хан со своим отрядом — в левом. Абд-ал-лах Узбек, Кийя-хан, Лал-хан входили в передовой отряд. Бойцы вражеской армии также были готовы к мученичеству; они устремились навстречу и показали свою отвагу. Герои обеих армий освободили сердца от мыслей жизни и совершали подвиги. Неустрашимые духи авангарда и левого крыла армии удачи явили доблесть и оттеснили передние ряды и правое крыло неприятеля, после чего начали его преследование. Их подвиги и смелость оказались таковы, что души Рустама и Исфандияра пели им хвалу, а уста Века и [всего] человечества превозносили их тысячу раз. Четыреста крупных слонов стали их добычей, а Рай Хусейн Джалвани⁵, главный полководец врага, был смыт в океан уничтожения. Более трех тысяч злополучных недругов сошло в бою в прах небытия.

Надменный Хему, соединявший крайнюю дерзость с изворотливостью, постоянно пускался на лукавые уловки. Отобрав 300 лучших слонов и отряд воинов, готовых отдать свою жизнь, он отделил их от остальной армии и выжидал момент для бегства или атаки.

30 Когда победоносная армия добилась преимущества и начала преследование беглецов, а часть принялась грабить и тащить добычу, Тардибек-хан, занимавший почетное место на этом поле мужества⁶, во главе небольшого отряда созерцал представшее взору зрелище. Хитроумный Хему увидел возникшую возможность и напал на них. Спутники Ходжа Султан Али⁷, носившего титул Афзал-хана, и Мир

Мунши, называемого Ашраф-ханом⁸, а также некоторые другие — впрочем, их было немного⁹ — повели себя малодушно; также и Маулана Пир Мухаммад Ширвани¹⁰ избрал бегство, чтобы скомпрометировать главнокомандующего Тардибек-хана. А последний, для которого настало время расплаты за прошлую неверность, решил, что его жизнь дороже, и избрал бесчестие бегства. И, когда дела пошли так успешно и столь [славная] победа уже явила свой лик, произошла катастрофа.

Кто из-за расстройств ума попадает в подобный тупик (*берах*), тот оставляет собственную выгоду¹¹ — не говоря уже об искренности и преданности — и проявляет равнодушие к собственному добродетели, основа которого заключается в попечении о власти своего повелителя. Поэтому нет нужды говорить, что в этот решительный момент была пролита его кровь и расплескана его честь. Судьба сего мужа, оберегающего собственную жизнь, послужила предостережением для разумных. Не стоит в этой связи даже упоминать о великодушии: разве буду искать эту редкую и бесценную жемчужину в корзинах для мусора? Я не столь неискушен! Но могу сказать следующее, и это подтверждено рядом высказываний мудрецов и ясно как день: убегающий получает больше ран, чем отважный, противостоящий ярости битвы, и силы погибели быстрее повергают тех, кто любит свою жизнь и спасается от смерти, чем тех, кто презирает смерть и неустрашим в битве. Если человек будет придерживаться некоторой умеренности, не выказывая подавленности во время бедствий или опьянения в период благополучия, для него никогда не настанет черный день. Многие из тех, кто читает записи деяний, полагают, что такой позор Тардибек-хана является своеобразным искуплением вероломства, допущенного им по отношению к Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни в начале его путешествия в Персию¹². Но разве могло это стать искуплением вероломства? И может ли позор, подобный такому, поместиться на [чашу] весов справедливости в качестве противовеса постыдному деянию? За то, что он видел Владыку Века, пришедшего для совершенствования видимого и невидимого, под покровом отрочества и не оказал ему почтения, но желал лишь продемонстрировать собственное величие, украшающий мир Аллах наложил на него, любующегося самим собой, подобное наказание. Увы! Увы! Какой близорукостью это было! Или, возможно,

управители судьбы раздули спесь и опьянение Хему, чтобы показать величие Шахиншаха — дабы названный, обманувший самого себя, преклоняющийся пред собой, предстал великим в глазах близоруких, коими полон мир. Впоследствии он был пленен и сброшен во прах поражения, чтобы его позор излечил зрение недальновидных, и они, чуть приблизившись к величию Владыки Века, более усердно исполняли бы его повеления, что предусматривают заботу о видимом и невидимом.

Одним словом, Хему, увидевший было, как дрогнула и начала разбегаться его огромная армия, счел это странное действие (бегство Тардибека) хитростью врага и не пустился в преследование, но гордо выстроил войска прямо на поле битвы. Крушащие ряды герои, что преследовали беглецов, удивились, вернувшись, и поспешили в том же направлении, что и Тардибек-хан. После этого Хему вступил в Дели и преумножил собственную спесь, так что его опьянение превратилось в безумие.

Когда это небывалое событие стало известно возвышенному Двору, Его Величество Шахиншах, мощный своей дальновидной мудростью, не опечалился, а дал вышивальщикам ковра чести и украшающим поле битвы повеление выступить в благоприятный час и покарать этого высокомерного глупца. Приказ озарил лик царского величия цветом подчинения и покорности воле Господа и отбросил тень милости на дела мирового правительства. Поскольку ум его был недоволен историей с Сикандаром, он, чтобы привести в порядок расстроенные дела Пенджаба и подавить волнения, оставил отряд во главе с Хизр Ходжа-ханом, который принадлежал к роду правителей Моголистана и, будучи возвышен союзом с величественной семьей¹³, пребывал в большом почете среди *амиров*. После чего приступил к уничтожению Хему.

Поскольку празднование Ид Курбана было совсем близко, начались приготовления к нему, и в благоприятный час, в день бахман, 2 абана, Божественного месяца, что соответствовал 10 зу-ль-хиджжа [963 г.х. — 15 октября 1556 г.], четвергу — дню Ид Курбана, в Идгахе состоялось собрание, и после исполнения праздничных обрядов Его Величество разбил там свой шатер¹⁴. Тардибек-хану и другим военачальникам направили указ (*фирман*), повелевающий хранить бодрость сердец и держаться стойко. Суть его заключалась в том, что не

должно им отчаиваться из-за события, явленного замыслом Господа на свет из палат тайны, [ведь] Божественный творец чудес использует всё многообразие красок; поскольку дело это требует крайней осмотрительности, пусть они соберутся в городе Тханесаре и ожидают там подхода царской армии. На следующий день он отправился в путь под водительством Божественной мудрости и 10 абана, Божественного месяца, что соответствовало пятнице, 18 зу-ль-хиджжа [963 г.х. — 23 октября 1556 г.], расположился в Сихринде. Потерпевшие поражение военачальники и Али Кули-хан Шайбани ещё до получения царских указов явились в окрестности Сихринда и, засвидетельствовав свое почтение, были благосклонно приняты.

Одним из событий того времени стало умерщвление Тардибек-хана Байрам-ханом. Вот рассказ об этом происшествии. Байрам-хан видел в Тардибек-хане соперника и постоянно опасался его. Тардибек, со своей стороны, считал себя вождем армии и выжидал удобного случая свергнуть Байрам-хана. Каждый полагал фанатизм сутью религии и усматривал в этом дополнительный довод [в пользу того], чтобы искать возможности уничтожить соперника¹⁵. Несмотря на взаимную враждебность, источниками которой являлись зависть и недостаток разума, они ради притворства и обмана состояли в отношениях *тукан*¹⁶, что на тюркском означает «брат» (*хамзад*). Байрам-хан решил, что момент благоприятен — ибо Тардибек-хан был разбит и опозорен, — и возобновил изъявления дружбы и привязанности и благодаря стараниям Маулана Пир Мухаммад-хана заманил того [Тардибек-хана] в себе в жилище. Сославшись на необходимость очищения (*тахарат*)¹⁷, он оставил его в своем шатре и вышел; ворвались его прислужники и умертвили Тардибека¹⁸. Ходжа Султан Али и Мир Мунши, подозреваемые в измене и соучастии [в заговоре], были брошены в темницу вместе с Ханджар беком¹⁹, близким родственником Тардибека. Его Величество Шахиншах по мудрости и благоразумию сделал вид, что отошел от управления делами и занялся охотой. Возможно, им двигало стремление укрыться на время от черных мыслей недальновидных и созерцать ступени доброй службы и степени преданности в людях, удерживая всё это острым умом, дабы уловки злокозненных стали очевидны его сердцу без помощи других. В день, когда это случилось, он, по своему

32

обыкновенно, развлекался соколиной охотой в привольных долинах Сихринда.

Услышав о происшедшем, в полноте мудрости не выразил удивления. Предоставив возмездие Аллаху, невозмутимо созерцал пути Провидения. Вечером, когда он [Шахиншах] вернулся с охоты, Хан-ханан послал к нему Маулана Пир Мухаммада Ширвани со словами, что «причиной такой дерзости явилась единственно его преданность престолу. Тардибек-хан сознательно, с предательскими целями избрал в той битве позор бегства. Его неискренность и лицемерие общеизвестны, ибо от начала и до конца он действовал недостойно. Если такие проступки были бы прощены, то все деяния, задуманные Его Величеством, оказалось бы невозможно свершить. Он весьма стыдится своей самонадеянности, ибо не испросил разрешения. Причина такой дерзости заключалась в том, что Его Величе-
33 ство, будучи кладезем любезности и источником доброжелательности, конечно, не согласился бы на его (Тардибека) убийство. И тогда, если бы Его Величество издал указ, воспреещающий сей поступок, действовать вопреки ему было бы безграничной наглостью, тогда как исполнение его привело бы к беспорядкам в стране и мятежу в армии. Он надеется, что Его Величество одобрит его, [одарив] взглядом прощения, дабы другие злодеи восприняли бы предостережение». Владыка Мира видимого и невидимого милостиво принял посланца Байрам-хана и выслушал его извинения. Он успокоил его знаками расположения и доверия, после чего встал на путь искоренения раздоров.

Глава 10

*Отделение победоносных войск
от армии Его Величества ахиншаха
в качестве передового отряда*

Когда украшающие мир стяги бросили лучи победы на долину Сараи Карунда (?)¹, был отдан приказ, чтобы избранный отряд, состоящий из преданных героев, следовал впереди основных сил. Искандар-хан Узбек, Абдал-лах-хан Узбек, Али Кули-хан Андараби, Хайдар Мухаммад Ахтабеги, Мухаммад-хан Джалаир, Мирза Кули Чули, Лал-хан Бадахши, Маджнун-хан Какшал и множество храбрецов отправились под началом Али Кули-хана Шайбани. Байрам-хан послал с ними собственных спутников — Хусейн Кули бека, сына Вали бека, Шах Кули Махрама, Мир Мухаммад Касима из Нишапура, Сайид Махмуда Барху и Аузан Бахадура вместе с другими усердными и бывалыми воинами в качестве передового подразделения авангарда (*харавал-и-манкула*), дабы не дали они угаснуть храбрости и самопожертвованию и могли бы проверить мастерство и доблесть друг друга. Эти удачливые взяли на себя заботу о построении войск и в соответствии с законами побед и правилами стратегии распределили их между правым и левым крылом, центром, передовым и замыкающим отрядами, резервом, флангом, лучниками (*укчи*) и *алтами*², прославив каждую часть великолепием мастерства, [полного] преданности и искренности, и укрепив непобедимые войска сверкающими мечами выдавших виды любителей сечи.

Поскольку упование на Господа (букв. «на основание счастья») есть глубинная склонность разума, а для высочайших владык — лучший авангард победы³, Хедив Земли [то есть Акбар], сделав все дополнительные приготовления, обратил свой ум к молитве Аллаху,

34 Подателю жизни, Осуществляющему желания, Порождающему; и со спокойным умом, открытым челом, набожным сердцем, справедливым намерением, верным принципом, обширными дарованиями, мощной рукой, твердой стопой, возвышенной душой и величественным духом, праведным замыслом, сияющим лицом и улыбающимися устами он вложил стопу владычества в стремя удачи и двинулся вперед. В эту пору молодости и присущей ей порывистости сей великий принц неизменно действовал с пронизательностью и подчинением Разуму, что украшает силу, и оставаясь под покровом безразличия и завесой нежного возраста, оберегал украшающую мир красоту своей власти. Не прибегая к помощи посланий и послов и изысканных речей заинтересованных посредников, он продолжал заниматься испытанием верных и преданных; и, передав управление делами жаждущим этого⁴, неизменно был погружен в молитву на пороге Подателя жизни и Творца мудрости, зная, что источник явлений, духовных или мирских, есть несравненный Господь. Житейские мудрецы, а также те, кто почитает вторичные причины, пренебрегая Первопричиной⁵, не в состоянии воспринять ни неизмеримой мудрости этого восседающего на троне Халифата, ни возвышенного величия этого Избранника двух миров, однако полагают себя среди истинных причин — и даже более! — считают себя истинными творцами в мастерской верховной власти! Но успехи сего избранника Истинного Господа становились яснее с каждым днем, тогда как сущность этих недалеких, не ведающих истины, подверглась испытанию [и оказалась] лишь позолоченной медью и сгинула в бездне тьмы, как внимательный и вдумчивый увидит из этого правдивого повествования.

Итог этой истории таков⁶. Возжигатель Света в Мастерской Творения в своей величайшей Милости взял на себя заботу о делах — всех в совокупности и каждого в отдельности — этого питомца Света, достигшего спасения от тьмы почитания творений и озарившего свое сердце сиянием почитания Господа. Он (Господь) не терзал его, ограничивая его душу мирскими делами, а соединял его стремления с иными, не попавшими в поле зрения его возвышенного ума, и теми, которые не могут быть охвачены мировым духом, и вкла-

дывал их в грудь его удачи. И, возведя его на престол в царстве видимом и невидимом, Он сделал его вождем армий земных и духовных. Любой недостойный и испорченный [человек], пламя удачи которого было погашено ветрами бед, опускает на глаза мысленную завесу и попадает во тьму отрицания и мрак сопротивления, погружаясь в трясину гибели из-за собственных деяний. Соответственно славное положение Его Величества Шахиншаха тысячью примеров запечатлелось в умах блуждающих по пустыне бунтовщиков, некогда связанных с властью, сочетающейся с вечностью. Об этом будет упомянуто в надлежащем месте.

И пусть благоразумный узнает немного о бедах, что обрушились на мирзу Сулеймана, явившегося с 10 000 бойцов для завоевания Кабула, который Муним-хан и Хан-ханан с помощью доброго духа Его Величества Шахиншаха удержали с горсткой воинов, дабы сразу (стало очевидно), как далеко простирается удача Владыки духовного и земного, и можно было понять, каков поэтому будет конец этих презренных, находящихся рядом, по злополучию своему соперничающих с духом Его Величества и идущих на него войной⁷. Участь Хему, постигшая его в начале пути (Акбара), — это бич предупреждения для спесивых и своевольных.

35

В это время в городах и деревнях Индии случилась великая нехватка [съестного], и во многих частях [страны] разразился ужасный голод⁸, особенно в области Дели. И хотя находили золото, не нашли и следа зерна. Люди начали есть друг друга; некоторые объединялись и умерщвляли случайных путников, после чего поедали их. Хотя это возмездие за деяния человеческие продолжалось два года, особенно тягостным оказался один из них. Видимо, так проявлялись наказания за прошлое, дабы благодаря священному Восшествию на престол Халифата можно было сразу покончить со всеми пороками эпохи и нечестивостью мира.

Глава 11

*Победа армии Его Величества
Шахиншаха в битве с Хему,
пленение последнего и его
смертная казнь*

Великий Господь! Сколь различны веления судьбы и как многообразны знаки рока! Ни одна травинка не появится из земли, если это не вызвано неким замыслом, ни один листочек на дереве не шелохнется, если это не надобно для разных целей. Как может человек оценить тайны и следствия, скрытые за событиями, которым Вселенная обязана своим движением? Среди таковых был и пир, облаченный в [одеяния] битвы (*базм-и-размнаму*)¹, ставший одной из важнейших причин внешнего порядка и лучшим средством руководства для тех, кто сбился с пути в глуши заблуждений и гибели. Вот рассказ об этом великом благе. Злополучный Хему всё более поддавался гордости и спеси, ибо в нем нарастали, умело подстрекаемые, безрассудные страсти, как уже вкратце описывалось. Особенно ободряло индийскую армию поражение Тардибек-хана, и [в результате] она осмелилась противостоять воинству удачи. Высокий и низкий преисполнились гордыни и предались мятежным мыслям.

36 Когда слухи о выступлении стягов удачи разошлись среди вражеских воинов, Хему послал пушки, знаменитые и качеством, и количеством, под началом своих верховных военачальников Мубарак-хана и Бахадур-хана, вперед в Панипат, что лежит примерно в 30 косах от Дели², и начал готовиться к битве. У него не возникло мысли, что рожденные победой войска будут двигаться стремительно. Когда имеющие львиное сердце бойцы авангарда прослышали о прибытии пушек в названный город, они снарядили отряд яростных и жаждущих сечи бойцов — подобных Лал-хану Бадахши, Мирза

Кули Узбеку и Саманджи-хану³ — и отправили их вперед в атаку. После того как этот отряд послал донесение о численности врага, Али Кули-хан Шайбани присоединился к воинам, и искусные *гази*, поддерживаемые удачей Шахиншаха, к деяниям тигров добавили хитроумие. Можно предположить, какие подвиги свершали тигры при подобной поддержке! Словом, пушки были захвачены, а авангард врага бежал, не приняв боя. Когда отживший свое Хему узнал об этом, то разделил собственную армию на три части. Правым крылом командовал Шади-хан Какар⁴, левым — сын сестры Хему Рамья, известный храбростью, сам же двинулся вперед с безмерной гордыней и стремительной быстротой. Он повел с собой горообразных слонов с пастями, подобными драконьим, что были собраны многими правителями Индии и по начертанию Небес и в предостережение поверхностным и недалеким сосредоточены в одном месте для этого изгоя по облику и сути своей. Среди слонов выделялись 500 великолепных (*сира*), каждый из которых представлял собой мерило быстроты и проворства. В отношении мощи и храбрости они являлись образцом, а поступь этих неутомимых гигантов нельзя назвать бегом, ибо, сколь ни быстроноги скакуны Ирака (Аравии), им не опередить их. Воистину каждый из этих знаменитых слонов мог рассеять крупное войско. Они особо предназначались для отражения натиска кавалерии, ибо лошадям были неведомы столь устрашающие формы. Как можно нанизать на тонкую нить слов качества этих ходячих гор? Они рушили величественные здания, сотрясая их, и играючи вырывали крепкие деревья. А в час битвы и схватки приподнимали всадника с лошадью и подбрасывали их в воздух.

Они идут кротким шагом, но, когда они встречаются [в битве],
Могучие — лишь порошок сурьмы под их ногами.

Как описать многочисленность его армии?

Итак, он выступил в прекрасном порядке с 30 000 опытных всадников — раджпутов и афганцев, — которые своими многократными подвигами раздули его гордость и самомнение. На подобные горам спины этих огромных слонов, оснащенных броней (*каджим*)⁵

и защитным вооружением и подготовленных к войне, посадили арбалетчиков и стрелков из ружей. На каждом слоне была такая кольчуга, а в их хоботах находились копья и кинжалы, и доверили их воинам и бесстрашным погонщикам. Каждому предназначалось отдельное место. Слон по имени Галиб Джанг, один из лучших, оказался под началом Хасан-хана фаудждара; слон Гадж Бханвар⁶, которому не нашлось бы равных среди тысячи, поручен Майкал-хану; мощный Джор Баньян — Ихтияр-хану; слон Фаудж Мадар — Санграм-хану; а слон Кали Бек, которым во многих битвах правил сам Хему, был в тот день доверен погонщику по имени Капан. Он [Хему] снискал преданность этих вождей, львов джунглей битвы, верно служивших Шер-хану и Салим-хану, а также многих иных высокомерных и воодушевил их на битву. Но военные приготовления нужны [лишь] против поверхностных и тех, на кого воздействуют материальные причины. Есть ли в них смысл, [если они направлены] против чтящего Господа, того, кто уничтожает обычные причины, рожденного для устройства и завершения мира духовного и земного? Всё это оснащение и вооружение пополнило кладовые украшающего мир верховной власти. И необычное событие, случившееся немедленно вслед за тем, послужило тому доказательством.

Вот рассказ об этой удивительной удаче.

В день дибадин, 23 абана, Божественного месяца, что соответствовал четвергу, 2 мухаррама 964 г.х. (5 ноября 1556 г.), когда передовой отряд победоносной армии разбил лагерь на границах Панипата, вернулись разведчики и принесли сведения, что враг подошел, и сообщили о его численности и вооружении; стало ясно, что злополучный негодяй дерзко приближается. И прежде чем [воины Акбара] достигли названного города, пошел слух, что Хему выслал вперед значительный отряд во главе с Шади-ханом Какаром. Царские военачальники не придали этому особого значения, а, приобщившись сердцем к удаче, растущей с каждым днем, двинулись навстречу. Когда не осталось сомнений в том, что Хему приближается, [совершив] все описанные приготовления, смятение вошло в сердца царских слуг, ибо они отвели взор от истинной опоры (то есть Акбара), чему способствовали и пустоголовые болтуны, от которых не свободна ни одна армия —

скорее, таковых целые армии. Храбрецы армии удачи доложили обстановку оберегающему победу Двору и приготовились пожертвовать своими жизнями. Войско насчитывало 10 000 солдат, но [настоящих] мужей битвы набралось едва 5 000. Когда герои-завоеватели и верные храбрецы узнали, что враг совсем близко, они по мудрости и обширным способностям, которые в подобных случаях скорее привлекут победу, чем тысячи опытных солдат, не придали значения очевидному численному превосходству врага и его великолепному вооружению, ибо удачливым и счастливым несвойственно откладывать на завтра работу этого дня. Без тени колебания и [секунды] промедления они стянули войска, ища возможности завязать сражение. Сикандар-хан [Узбек] и множество ветеранов стояли справа; Абд-ал-лах-хан с отрядом преданных бойцов занимал позицию слева. Центр был поддержан мужеством Али Кули-хана Шайбани, Хусейн Кули-хана, Шах Кули Махрама, а немалое число искусных молодых воинов образовало авангард.

Теперь, когда повествование продвинулось столь далеко, должно остановиться и обратиться к рассуждению, дабы придать приятность речи. О ищущий слов назидания и следящий за нитью описания, обрати ко мне на время слух!

С той поры, как Его Величество Шахиншах, движимый своим завоевывающим мир разумом, послал вперед прославленных военачальников, он ни на минуту не забывал о сборе основного войска и шаг за шагом приближался к победе. В тот лучший из дней, ставший новогодним днем победы и ликования, он выступил из Карнала, что в десяти косах от Панипата, и сделал остановку в пяти косах от названного города. В лагере не ведали о том, что неприятель приблизился к передовым частям, и солдаты еще не счистили грязь пути и не передохнули, когда получили сведения, что враг достиг авангарда; [пришли] и другие тревожные известия. Похоже было, что многие отступили, но битва по-прежнему кипела. Войску немедленно отдали приказ завязать сражение, и развернулась подготовка к выступлению. Доблестным героям было велено облачить грудь в кольчуги, а сердца — верой в Господа и следовать за победоносным стремением. За короткое время они вооружились так, что снискали бы похвалу от владык судьбы, и с

38

нетерпением ожидали битвы. Его Величество с царственным и невозмутимым выражением лица водрузил на голову шлем Божественной удачи, на грудь — панцирь Божественной защиты, а стопу власти [поместил] в стремя намерения. Байрам-хан Хан-ханан объехал ряды [воинов] и отряды, приняв меры для соблюдения правил войны и защиты [уязвимых] мест. От имени Его Величества Шахиншаха он раздавал обещания наград и [грозил] гневом и подготовил пир сечи. Когда войска построились, а сердца воодушевились, Повелитель Мира призвал всех к стремительности и приказал выступать. Когда месяц миропокоряющего знамени осиял Панипат своим приближением, перед [войсками] появился авангард победы; героические бойцы (мужи) подошли и принесли радостные вести о победе, а Шах Кули Махрам привел Его Величеству пленного Хему и был осыпан царскими милостями.

Вот краткий рассказ об этой великой победе и неизмеримом благе, которое стало образцом доброй удачи.

Когда Хему узнал, что знамена победы еще далеко, а вперед посланы [лишь] несколько военачальников, он тотчас выступил им навстречу, полагая, что если рассеет воинов, составивших этот отборный отряд, то оставшаяся часть задачи окажется нетрудной. Полагаясь на множество своих испытанных войск и многочисленных и мощных слонов, наступал с безмерной спесью. Во хмелю собственной ретивости он не мог понять, что тот, кого поддерживает погонщик слона, неизбежно одолеет того, кто полагается на самого слона. Как можно оспаривать превосходство того, кто пользуется доверием самого Создателя слонов? И есть ли смысл звать на подмогу слонов против него? Несмотря ни на что, сей злосчастный, близкий к смерти, завязал ожесточенную сечу, и храбрецы с каждой стороны напряглись в благородном усилии и, подобно Раду в найсане⁷ и тиграм в тростниках (*найистан*), с криками ринулись навстречу друг другу. Доблестью и преданностью они исполнили добрую службу и стяжали славу.

Две армии столкнулись так,
Что высекали искры из воды.

Казалось, весь воздух — заалевшие кинжалы,
Их сталь окрасилась в рубина цвет⁸.

Хотя преданность и стойкость героев победоносной армии не поколебались, но под натиском слонов дрогнули и правое крыло, и левое. Некоторые тигры джунглей битвы, то есть охотящиеся подобно тиграм воины, считавшие пыль поля боя лишь украшением невеселости победы и румянами на щеках удачи, искавшие воду жизни в источнике пьющего кровь меча, испили сполна [чашу] желаний. Среди них были Мухаммад Касим-хан из Нишапура⁹, Хусейн Кули-хан, Шах Кули Махрам и Лал-хан Бадахши. Когда они поняли, что лошади не устоят перед слонами, они совершили обходной маневр¹⁰ и, подобно голодным тиграм ища свою добычу мечами, с которых стекала кровь, обрушились на врага и смяли его. Они сбрасывали с седел крепко сидящих всадников и отправляли их [в мир иной] подобными кинжалам копытами быстрых, горячих коней. Отряды верных лучников надвинулись со всех сторон и доблестно исполнили службу. Али Кули-хан Шайбани, командование которого озаряло центр славой, приблизился к месту, где проходила огромная расщелина, непреодолимая даже для слонов. Отважных искателей битв и подобных львам бойцов центра зажали на узком клочке, но они держались стойко, выжидая возможности атаковать. Они проявили такую твердость, что слоны отступили от краев центра. И тогда [отряд] центра зашел в тыл врага, разя стрелами и рубя мечами. Злополучный Хему гордо правил слоном по имени Хаваи (скала?), одним из лучших у него, и смотрел по сторонам — на отважных мечников и натиск крушащих ряды *гази*. С дурными предчувствиями он наблюдал за боем витязей армии удачи; собрав группу неистовых слонов, он пускался на любую хитрость, которую в силах был измыслить его могучий ум, и всякое дерзкое деяние, что таилось в его строптивой душе. Он предпринял мощные атаки, и совершил немало доблестных подвигов, и потеснил множество пылких воинов величественной армии. Бхагван Даса, одного из его вождей, прославленного своей отвагой на поле битвы, на его глазах изрубили в куски, Шади-хан был затоптан копытами быстрых скакунов рати удачи. И вдруг

40

в самый разгар сражения стрела из натянутого лука Божьего гнева попала Хему в глаз и, пронзив глазницу, вышла с затылка. Как видно, ветер гордости и спеси этого [недостойного] с черной судьбой, внутренне омраченного, вырвался через это окно. Едва лишь бившиеся вокруг него увидели, что стрела судьбы поразила свою цель, как рука их храбрости ослабела, и они пали духом. Они стали безруки и безноги и развязали пояса преданности. Его армия была разбита, а каждый воин посыпал прахом поражения свою голову, рассеял по земле блеск своей храбрости и обратился в бегство. В этот момент Шах Кули-хан с несколькими смельчаками подступил к слону, на котором восседал Хему. Не зная, что на слоне сам Хему, он пытался убить погонщика, чтобы захватить слона как добычу. Беспомощный погонщик, на ком не было ни шлема преданности, ни кольчуги отваги, боясь за собственную жизнь, выдал повелителя. Когда Шах Кули-хан узнал об этой необыкновенной удаче, он благословил свою [счастливую] звезду и до небес подбросил шапку радости. Он пощадил погонщика и посулил ему царскую награду. После чего отделил этого [слона] и еще нескольких и покинул поле битвы.

Едва лишь победный ветерок донесся до отмеченных победой стягов Его Величества Шахиншаха от Источника Божественной милости, как злополучный враг показал свою спину, ища спасения в бегстве. Тигры джунглей храбрости стрелами и ударами секир¹¹ сбрасывали погонщиков прямо с вершин их гор и заставили гороподобных слонов мчаться словно ураган. Когда растущее с каждым днем величие облачено в доспех битвы, [даже] сокрушающие ряды воители с львиным сердцем могут спастись лишь бегством; как же неразумные твари могут сопротивляться славе гения? После такой победы, которая до конца мира будет вписана в победные реляции великих правителей и [станет] великолепным прологом [правления] могущественных владык мира, победоносные военачальники по возвращении воздали хвалу Провидению. Остальная часть не знающих поражений войск занялась умерщвлением беглецов и сбором добычи, и были сложены горы убитых и награбленные сокровища¹². Подсчитали, что число павших на том поле равно 5 000. Но кто может подсчитать тех, кого затоптали на дороге во время бегства? 15 000

крупных слонов попали в руки царских слуг. Отряд победоносных героев преследовал беглецов и, истребив многих мечом, с успехом возвратился к подножию трона. Правитель Века воздал хвалу за великую удачу и осыпал всех сражавшихся бесчисленными милостями. И когда героев допустили в Присутствие и удостоили наград земных и духовных, Шах Кули-хан ввел связанного Хему. Хотя тот был спрошен, но по грубости (*джахалат*) не ответил. Быть может, он не мог говорить или же был охвачен стыдом и не расположен размыкать уста. Байрам-хан Хан-ханан попросил Его Величество Шахиншаха священной рукой вырвать этот корень мятежа и приобрести заслугу святым ударом. Сей Владыка знания и Глава мудрецов, считавший свою молодость лишь завесой для снизошедшей на него от Бога мудрости и пребывавший под маской неизвестного, с тем чтобы укрыться от упрямого недоверия неверных и веры искренних, ответил такими словами, что стали толкованием истины и назиданием для мудрых: его возвышенный дух не позволял ему лишить жизни пленного, и, по его мнению, в зале суда Единственного он не будет иметь никакой заслуги этим деянием. Хотя простодушные приверженцы домогались этого и докучали ему, Шахиншах выказывал всё более и более сильное отвращение к [подобному] деянию. Я восхищаюсь возвышенным пониманием, следа которого не найти в содержании книг или в умах величайших мудрецов; однако разумным при великом Дворе ведомо, что отыскать подобное возможно только в сияющем обиталище святого сердца чистого духа, воспринявшего свет истинного знания от [самого] Творца без какого бы то ни было содействия людских средств или земной помощи. Это явление на челе того, кто восседает на троне земном и духовном. Даже практичным и мирским людям ясно, что, несмотря ни на какие обстоятельства, возвышенный и страшящийся Господа ум достиг ступени возлюбленного Аллаха. И такой (то есть практический человек) знает, что действовать вопреки Его желаниям — значит разить мечом самого себя, ибо, невзирая на все человеческие усилия, сила Творца повергает его во прах презрения и бездну гибели. Потому ныне это понятно тем, кто ежедневно читает летопись сего царя, основа которого — процветание. Разве есть у него, озабоченного внутренним миром,

свободное время, чтобы уделить внимание ничтожности и незначительности противников? Даже если будет у него досуг и соизволение его ума, то как столь возвышенный дух решится замазать священное одеяние собственного ума такой пылью; но если это и произойдет, как запятнает он свой меч кровью приговоренного, нечистого негодяя? Какое сравнение может быть между этой святой особой и просьбами мирян? В конце концов Байрам-хан Хан-Ханан, поняв, что Его Величество не склонен принять его мнение, оставил попытки и под влиянием унаследованных убеждений, укореняющихся в человеке из-за подражания отцам и наставникам, решил сам обрести воображаемую заслугу и мечом очистил мир от скверны его [Хему] бытия. Если бы Его Величество выступил из-за своей завесы и уделил внимание этому делу! Или если бы при этом Дворе имелся дальновидный учитель мудрости, чтобы они удержали Хему в заключении и внушили ему желание служить порогу удачи! Без сомнения, он стал бы превосходным слугой и возымел возвышенный дух. Если бы наставником его оказался подобный великий (как сей пронизательный мудрец или, быть может, сам Акбар), каких бы дел он не совершил? Чтобы показать величие Шахиншаха и преподать урок поверхностным, они послали его голову в Кабул¹³, а останки перевезли в Дели и выставили на виселице предостережения. Мир обрел успокоение от мятежа и раздоров, и смертные достигли счастья и безмятежности.

Среди¹⁴ чудесных событий и необычных качеств Его Величества Шахиншаха, выступивших из укрытия таинственности и обнаруживших свое великолепие в театре проявлений, было то, что [когда] Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни прибыл в Дели после победы над Сикандаром [Суром], он (Акбар) упражнялся там в рисовании в согласии с возвышенным советом (Хумаюна?). Умелые художники, а именно Мир Сайид Али¹⁵ и Ходжа Абд-ас-Самад Ширинкалам, бывшие одними из несравненных в сем искусстве, состояли в его услужении и обучали его. Однажды этот сосуд Божественных явлений находился в библиотеке Его Величества Джаханбани и занимался рисованием, дабы заострить свой ум. Вдохновенным пером он очертил фигуру расчлененного человека. Один из придворных, увидев этот странный рису-

нок, спросил о его значении. Его Величество разъясняющим тайну голосом произнес, что это изображен Хему. В то время ни имя, ни дела Хему не были известны, и потому прислушивающиеся не поняли смысла и воздержались от дальнейших расспросов. В день, когда Байрам-хан обратился со своей просьбой и тѣился уговорить Его Величество умертвить Хему его святой рукой, тот отвечивал, что уже казнил этого надменного ранее и отъял ему члены, и напомнил затем о случае с рисунком. Милостивый Боже! Как и когда в тот год весть об этом возносящем верховную власть происшествии была передана языком действия и губами речи? Разумеется, настоящее, прошлое и будущее, присутствие и отсутствие могут быть открыты обычным элементам человеческой природы¹⁶. Но у питомцев Божественного света, учеников Истины и учителей Разума, чья чистая сущность есть проявление Божественного света и восход солнца Истины, будущее и прошлое подчинены настоящему, а несвершившееся видно так же отчетливо, как и свершившееся. И что за дело до отсутствия тому, кто знает о присутствии Господа? Довольно, довольно! Пред ним не может быть ничего невидимого.

Путник на дороге преданности, а именно Абу-л Фазл, написавший такое вступление о достоинствах, спросил однажды у Его Величества о подробностях этого чуда. Он соблаговолил ответить: «Невидимый Вдохновитель поместил на наш язык указание о том, что ему лучше ведома сия тайна». Лучезарность светила Истины и его уединение за покровом — это явления, причины которых сходны. Обширные таланты возвышенного характера, который среди стольких сосудов, полных возбуждающих чувства вин, один глоток коих опьянит героев Пути, а именно: 1) вино юного возраста; 2) вино земного владычества; 3) вино духовного превосходства; 4) вино внешней красоты; 5) вино скрытого благоволения, — способен сохранить свои возвышенные чувства и направлять взор не на себя, а на Господа! Желания такой души делаются ее возлюбленными, и счастье приставлено для услужения к порогу ее надежд. Я, днем и ночью преданный этим вратам Счастья, не припомню, чтобы он, осеняя кого-то блеском милости или в личной беседе, промолвил хотя бы слог, в котором сквозила надменность¹⁷, или же, сядя или вставая, в речи или выслушивая

[кого-либо] в окружении сановников, показал бы различие в обращении. Дальновидным мудрецам хорошо известно, как сложно оценить способности того, кто пользуется таким количеством порабо-щающих человека вин, но с каждым днем возрастает в мудрости. Но тот, кто связан с удачей и чье сердце неусыпно, знает, что Божествен-ный Промысел является его Охранителем, и столь великие победы (над страстями) легко приходят к нему, а такие великие дары и благородные подвиги и необычные свершения редки в этом мире (*рузгаран*).

44 Одно из великих чудес случилось в то время, когда армия вы-ступила из Джаландхара на покорение Индии и уничтожение Хему. Командующему артиллерией однажды дали приказ подготовить фей-ерверк для развлечения солдат; и, помимо прочего, им надлежало смастерить изображение Хему, набить его порохом и поджечь. Ма-стера быстро подготовили пиротехническое зрелище (*гулзар-и-атиш*, букв. «розовый сад огня»), принесли изображение Хему и подожгли. На первый взгляд это казалось лишь дерзкой забавой, в действи-тельности же гасило злую жизнь. Поистине необходимо, чтобы тот, кто вершит столь великие дела под видом игр и забав, — ведь люди есть люди — укрывался за завесой, и не показывал присущую ему духовную красоту, и, творя свой труд, казался бы [к нему] неприча-стным.

Очевидно и неоспоримо, что никогда еще не был [достигнут] подобный образец случая, когда великие сердцем, благородные [влады-ки] прошлого создавали замысел завоевания Индии и свершали слав-ные подвиги. По некотором размышлении это становится ясно тому, кто сведущ в древней истории. Ибо ни разу в прошлом не было правителя Индии столь храброго, предприимчивого и честолюбивого (как Хему). Наоборот, все они не преуспели в управлении собствен-ными землями. По-иному обстояло дело с этим сильным духом: он всегда размышлял о завоевании отдаленных климатов и таил в серд-це замыслы великих походов. И впрямь судьба была милостива к Хему, как к никому из прежних властителей Индии, а именно в [отношении] множества закаленных солдат, большого числа ода-ренных военачальников, количества пушек, не имевших себе равных,

кроме как в Турции, и когорты мощных слонов, любого из которой хватило бы, чтобы расстроить [вражеское] войско. Маулана Ша-раф-ад-дин Али-и Йезди в «Зафар-наме», повествуя о битвах Его Величества Сахиб Кирани (Тимура), произошедших в Индии, рассказывает о войнах Индии и величии их правителей и похваляется, что 120 боевых слонов перешли в руки царских слуг в этой великой войне¹⁸. Для сведущих в истории и тех, кто в здравом уме, положение правителя того времени и его отличие от Хему очевидны. В последнем случае, [весьма] поучительном, краткий рассказ о котором представлен, захвачено было 1 500 слонов. Из этого можно предположить [размер] остальной добычи. Но возможно ли счесть личные сокровища правителя¹⁹ и тому подобное? Равниной победы оказалось то самое счастливое место, где Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани сражался с Султан Ибрахимом и вознес победоносные знамена, о чем уже вкратце повествовалось в надлежащем месте.

В тот торжественный день, когда с помощью Божьей была одержана столь великая победа, Сикандар-хана Узбека послали с частью войск преследовать беглецов и защитить город Дели от мародеров. Он действовал стремительно, и освободил некоторых зло-вредных и никчемных из темницы существования, и восстановил по-рядок среди встревоженного населения. Немало добычи попало в его руки. На следующий день армия удачи выступила в час, избран-ный астрологами, и озарила своим прибытием священную землю Дели. Благородные, прославленные во всех науках, искусные во всех ремес-лах толпами выходили приветствовать армию, криками славя [ее]. 45 Маджнун-хан Какшал поведал Его Величеству о выдающейся пре-данности раджи Бихари Мала, проявленной им при осаде (Нарнау-ла). Было дано милостивое повеление о его присутствии [на приеме]. Раджа, послушный [царскому] указу, был вознагражден, облобызав землю покорности. В тот день, когда почетные платья подарили ему, его сыновьям и прочим родственникам, их привели ко Двору, чтобы получить дозволение [отбыть], и Его Величество поднялся на слона *маст*²⁰, который [словно] в опьянении принялся бросаться во все стороны. Народ бросился в одну сторону. Слон двинулся было на

раджпутов, но они, непоколебимые в своей преданности, не тронулись с места. Такая твердость привлекла возвышенный взгляд Его Величества Шахиншаха, и он задал несколько вопросов о радже, после чего вымолвил разъясняющими тайну устами: «Мы вознесем тебя»²¹. И как будет описано далее, это и случилось.

Хвала Аллаху, что жители Хиндустана или даже всё человечество обрели главу. Не хватит многих томов, чтобы вместить его [Акбара] величие. Милостью его справедливости вечнозеленый сад Индии удостоился особого украшения, а почитающие истину слуги Господа получили могущественную опору. В благодарность за это великое благо устроили большие празднества, и горы даров были излиты в руки мира. Благосклонность Шахиншаха разнообразием любезностей вознесла множество людей, бесстрашно ступивших в передний двор преданности. Щедрыми наградами осыпали высоких и низких, великих и малых. Так, Али Кули-хана Шайбани удостоили титула Хан Заман, а саркар Самбхал и другие *парганы* Дуаба были назначены ему в качестве *джагира*; он получил дозволение уехать и принять управление этими территориями.

Абд-ал-лах-хан Узбек²² получил титул Шуджаат-хан, и [ему] назначили саркар Калпи. Сикандар-хан удостоился титула Хан Алам, а Маулана Пир Мухаммад Ширвани был титулован — Насир-ал-мулк и приближен к царской особе. Кийя-хану²³ поручили территории Агры. Украшающий верховную власть разум Шахиншаха наставлял чиновников Двора Султаната во все уголки [царства], и так порядок и спокойствие были дарованы благодатным землям Индии.

46 В это время слуха Его Величества достигли [вести], что Хаджи-хан, раб Шер-хана Афгана²⁴, известный своей храбростью, благоразумием и умением набирать войска, самочинно действовал в Алваре, и в том *саркаре* оставались отец и жена злополучного Хему, а также его достоинство и рабы. Для [исполнения] сей службы был назначен Насир-ал-мулк с большим числом надежных и преданных сторонников. Хаджи-хан устранился мощи победоносной армии и обратился в бегство до ее подхода, и [так] Алвар и весь *саркар* Меват оказались во владении царских слуг. Оттуда они направились в Деоти Мачари²⁵, где находились дом и семья Хему²⁶. Место было укреплено, и бой длился долго; и

отца Хему захватили и живым привели к Насир-ал-мулку. Последний предложил ему сменить веру. Старик ответил: «Восемьдесят лет я чтил своего Бога, следуя этой вере. Так зачем мне менять ее сейчас и лишь из страха за свою жизнь, не понимая иную [веру], переходить в Ваш обряд почитания?»

Пир Мухаммад отнесся к его словам так, будто не слышал их, и ответил ему на языке меча. Одержав победу, он вернулся с огромной добычей и пятьюдесятью слонами, засвидетельствовал почтение при Дворе и удостоился царской благосклонности. Хаджи-хан, покинув город Алвар, отправился к Адджиру с целью найти пристанище для своей семьи, оставить там солдат и подготовиться к возобновлению войны. *Рана*²⁷, крупный заминдар, сын того *раны*, который, как рассказывалось, сражался с Его Величеством Гити-ситани Фирдус-макани и был им разбит²⁸, потребовал с него дань и начал жестоко притеснять. И потому близ Адджира между ним [Хаджи-ханом] и *раной* разгорелась великая битва. Хаджи-хан и Музаффар-хан Ширвани, бывший его *вакилом*, свершили подвиги в этом сражении, и в конце концов *рана* потерпел поражение, ибо часть войск покинула его. Хаджи-хан овладел Адджиром, Нагором (?) и прилегающими землями.

Когда [вести] об успехе Хаджи-хана дошли до царского слуха²⁹, Мухаммад Касим-хан из Нишапура, Сайид Махмуд Барха, Шах Кули-хан Махрам, Тахир, Хан Харрам султан и многие другие были посланы уничтожить его. Когда же территорию Дели и Дуаб очистили от врага, Его Величество решил осенить светом своего присутствия восточные области Индии с целью избавления этих обширных земель, житницы верховной власти и удачи, от скверных мятежников. В то время пришли вести, что Хизр Ходжа-хан сражался с Сикандаром Суром близ Лахора, но не выстоял и отступил к Лахору. Вот краткий рассказ об этом.

Как уже сообщалось, в то время как армия выступила из Джаландхара к Дели, чтобы покончить с Хему, Хизр Ходжа-хану повелели обуздать Искандара. С ним были посланы Исмаил бек Дулдай, Али Кули-хан, Мир Латиф, Шах Кули Наранджи, Халик Барди бек и значи- 47
тельные силы. Крупные сановники выехали в Лахор и расположились там. В ту пору, когда мятеж Хему омрачал мир, а военачальники

[Акбара] потерпели близ Дели такое поражение, мулла Абд-ал-лах Султанпури, коварными уловками и лукавыми путями получивший от афганцев титул Шейх-ал-ислам, а от Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни — титул Махдум-ал-мулк, под влиянием мятежных замыслов, [бродивших] в его голове, и окрашенной в два цвета жидкости в его жилах выдавал себя за слугу вечной власти, но в сердце своем был дружелюбен афганцам и отправил Сикандару приглашение [явиться], уговаривая его покинуть горы. Сикандар собрал множество бродяг-афганцев и некоторое число землепашцев из гористой части Пенджаба, спустился с гор и начал собирать дань в Пенджабе. Хизр Ходжа-хан оставил город Лахор на попечение Хаджи Мухаммад-хана Систани и двинулся навстречу Сикандару. Когда у Хаджи Мухаммад-хана не осталось сомнений в недостойном поведении муллы Абд-ал-лаха, он наказал его темницей и пыткой³⁰. Закопав его в землю по пояс, вырыл из земли часть золота, припрятанного жадной рукой последнего³¹. Когда Хизр Ходжа-хан приблизился к городу Чамьяри³² и до врага оставалось 10 косов, он отделил 2 000 копеечников и послал их вперед. Сикандар не упустил возможность и атаковал их крупными силами. Разыгралось ожесточенное сражение, и эти две тысячи были разбиты. Хизр Ходжа-хану не пришло и мысли, что настал час проявить стойкость, и он начал отступать к Лахору. Сикандар преследовал его недолго, но затем счел сбор дани с населения добровольным даром времени. Когда эти известия достигли царского слуха, Сикандар-хану, получившему титул Хан Алама, спешно пожаловали Сиалкот в качестве *джагира* и со всевозможной быстротой послали на подмогу Хизр Ходжа-хану.

Глава 12

*Поход войска Его Величества
Шехиншаха из Дели в Пенджаб
для подавления мятежа Сикандара,
преследование последнего
и осада крепости Манкот*

Едва стало известно, что Сикандар собрал армию, и узел всего дела не может быть распутан до тех пор, пока удача Шехиншаха не повернет поводья в этом направлении, как поход в восточные области был отложен, и решили двинуться на Пенджаб. Одним из чудесных знаков явилось то, что некоторые придворные увидели предсказание в *диване «языка тайн»* (Хафиза), и этот стих случайно стал известен.

Не удостоился Сикандар воды.
Ее не будет, несмотря на власть и злато¹.

Сердца пронизательных верных обрели еще одну опору, а умы 48
поверхностных — твердость. Когда украшающий мир Господь преумножает удачу этой вечной власти, дальновидные из содружества Истины лицезрят красоту и великолепие избранника Божьего и не заботятся о привычном ходе дел мира. В пору тревог те, кто не одарен возвышенным видением, благодаря подобным иносказаниям успокаиваются сердцем своим. Был дан подчиняющий мир приказ, чтобы крупные чиновники и военачальники подготовились к походу и следовали у величественного стремени.

Когда осуществили все приготовления, пронизательный разум (Акбара) оставил государственные заботы, и 23 азара, Божественного месяца, что соответствовало понедельнику, 4 сафара [964 г.х.]

(7 декабря 1556 г.), хотя и наступили сильные холода, был начат поход на Пенджаб. Дели поручили заботам Махди Касим-хана. Передвигались неторопливо, переход за переходом, а по пути охотились. Это стало и пополнением [запасов], и удовольствием. Тюрки и таджики приходили толпами, влекомые молвой о благожелательности и светом справедливости [Акбара]; в особенности же не проходило дня, чтобы из Кабула, Бадахшана и Кандагара не являлось бы множество [людей] и не изъявляло свое почтение. В пути подоспели вести из Лахора о том, что 6 дая, Божественного месяца, что соответствовало четвергу, 14 сафара [964 г.х.] (17 декабря 1556 г.), в доме Байрам-хана его жена, происходившая из семьи ханов Мевата, родила сына, которого нарекли Абд-ар-Рахим².

49 Вот краткий рассказ об этом событии. Чтобы успокоить умы заминдаров, Его Величество Джаханбани, будучи в Дели, связал себя брачными узами [с их семьями]. Среди прочих явился и засвидетельствовал почтение Джамал-хан, двоюродный брат Хасан-хана из Мевата, одного из могущественных заминдаров Индии. У него выросли две прекрасные дочери. Его Величество женился на старшей, а младшую отдал за Байрам-хана Хан-ханана. Когда знамена Шахиншаха были направлены на подавление Хему, Хан-ханан отправил своих домочадцев в Лахор. Эти известия пришли, когда величественный талант направился к бесчисленным победам, и это сочли добрым знаком. Байрам-хан устроил радостный пир. Астрономы прочли величие и превосходство в его гороскопе и объявили, что он [Абд-ар-Рахим] будет вознесен опекой Шахиншаха, и исполнит благородную службу благодаря своей верности, и удостоится высоких милостей³. Читающие письма на челе узрели линии преданности на его висках и обрадовали тем верные сердца. И воистину всё это сбылось благодаря вниманию Его Величества Шахиншаха — чудодейственному напитку мастерства, алхимику, [нашедшему] драгоценный камень благоприятствования. Поэтому с каждым днем на его лбу [всё явственнее] читались огни прямоты и знаки преданности. Краткие рассказы об этом будут приводиться всякий раз, как тому представится случай.

Когда в Джаландхаре раскинулся величественный лагерь, Искандар [Сур], поднявший в той области знамена восстания и

мятежа, отступил в горный край Сивалик, что был его неизменным оплотом и постоянным убежищем, намереваясь отсидеться там некоторое время в ожидании [поворота] событий. Победоносная армия, надеясь на победу и желая раз и навсегда избавиться от его непокорности, сделала всё, чтобы его уничтожить. Не обращая внимания на трудности марша и суровость этой области, она последовала за Сикандаром в горный край Сивалик, обособленный мирок, [служивший] прибежищем недовольным и строптивым душам Индии, и расположилась в городе Десуха⁴. Оттуда войско направилось в отрядный город Дахмири, превратив его в розовый сад верховной власти и родник удачи.

Глава 13

*Начало 2-го Божественного года
с момента [священного]
Восшествия на престол
[Его Величества Шахиншаха] —
года ардибихишт первого цикла*

50

В месте, где царит благоденствие (*Дахмири*), вошло в свой дом возвышения, радуя и озаряя мир дыханием весны, вместилище света для земли и ее обитателей, украшение времени и его детище — Солнце, благодетель Вселенной. Вероятно, знак Овна называют домом его возвышения потому, что в этот период земным существам даруются возвышение и новая жизнь. Несомненно, совершенство сего дарителя величия небесным и земным телам столь огромно, что не существует места, достойного звания дома возвышения источника света для всего сущего. Словом, украшающее мир светило переместилось из источника Рыб в приют радости [знак Овна] в ночь четверга, через 10 часов 40 минут астрономической ночи среды, которая пришлась на 27 раби ас-сани лунного 964 г.х.¹, и мир озарился днем нового года, положившего начало второму году Божественной эры.

Подобно человеку, наделенному умом, пропел соловушка
Весны устами слова высокой похвалы,
Очистил ветер утра воздух ароматом амбры,
Поры земли заставили благоухать пространство,
Поля покрылись пеленою без подушек,
Невесты без приданого заполнили сады,
Дворцов платформы алыми украсили коврами,
Сады — коврами пестрыми.

И над цветами и кустами роз был слышен щебет птиц,
Опьяненных без музыкантов, без чаш или вина.

Нет сомнения, что атмосфера подобной радости перед столь возвышенным начинанием свидетельствовала о его грядущем успехе и указывала на то, что начатая работа завершится успешно. Таким образом, дальновидные получили известие об отступлении Сикандара [Сура], спешно бежавшего в крепость Манкот², и об осаде и захвате этой крепости Его Величеством Шахиншахом. Вот некоторые подробности.

После того как Сикандар в страхе перед победоносной армией бежал в горную страну Сивалик, а Дахмири стал местом стоянки царской армии, постоянно приходили донесения, что сей порочный беглец [Сикандар] вознамерился заманить войско удачи в ущелья и дать там сражение (букв. «в этих центральных ущельях как следует затянуть пояс усилий»). Его Величество Шахиншах не придавал значения этим словам и снялся с лагеря в соответствии с установленными правилами. Насир-ал-мулк с большим отрядом храбрых и опытных воинов был выслан вперед совершить ряд опустошительных набегов на горных *заминдаров*. С Божьей помощью эти герои очень быстро преподали урок раджам гор и захватили богатую добычу. Коварные горцы, ранее со злыми намерениями вступившие в сговор с Сикандаром, [вынуждены были] оставить его; камень раздора положил конец этому союзу, и они [горцы] обратились в бегство без боя. Был дан приказ догнать их и при помощи решительных действий захватить в плен предводителя беглецов. Отряд храбрецов незамедлительно бросился в погоню и настиг часть [вражеских] войск. Услышав о преследовании, Искандар [Сикандар] пришел в замешательство и пал духом и потому бросился в крепость Манкота, которую заранее подготовил на случай, если судьба отвернется от него. Проворные воины победоносной [армии] разграбили его стан и доложили Двору, что он [Сикандар] отступил в свою крепость³.

51

Крепость Манкота состоит из четырех сильных укреплений, возведенных Салим-ханом [Суром] на прилегающих холмах, после того как он вернулся ни с чем из похода против племени гакхаров.

На каждом холме он построил укрепление из камней, соединенных известковым раствором, и если наблюдать со стороны, то всё оборонительное сооружение предстает перед взором как единая цитадель. Это хорошо защищенное место труднодоступно для войск, но даже если бы [вражеской армии] удалось подойти к крепости, справиться с ее гарнизоном оказалось бы не так-то просто. Там имелся богатый запас хорошей воды и достаточно провизии⁴. Таким образом, в месте, поистине заслуживающем звания крепости Создателя, были воздвигнуты неприступные укрепления. Салим-хан построил эти укрепления прежде всего как убежище для армии Пенджаба, на случай если знамена Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни направляются в сторону Индии. В голове [Салим-хана] созрел преступный замысел разорить Лахор, чтобы укрепить [это место], а затем собрать там большую армию, дабы обезопасить данную часть страны. Причина разорения Лахора заключалась в том, что в этом крупном городе проживало множество купцов и ремесленников, которые за просто могли снабдить всем необходимым большое войско и обеспечить его оружием. Не исключено, что если бы победоносная армия соединенного с вечностью рода пришла сюда, она получила бы изрядное подкрепление, и тогда положение [Салим-хана] оказалось бы безвыходным. Однако он покинул теснины существования прежде, чем успел осуществить задуманное.

Итак, когда доставили известия о побеге Сикандара и о том, что он укрылся в этой крепости, Его Величество Шахиншах, следовавший⁵ воле Аллаха, не считаясь благодаря своей мудрости с личными неудобствами, счел дело всего человечества поводом к [решительным] действиям и осадил Манкот, дабы освободить людей от смуты бунтовщика и упрочить верховную власть. Был отдан приказ, чтобы армейские *бакиши* [казначей] руководили возведением редутов, а войско обложило крепость. Всё выполнили в соответствии с осадными правилами, храбро и самоотверженно. Адхам-хан, чья звезда возвышенной удачи прибли-
52 зила его к Шахиншаху, в первый же день подъехал к основанию крепости и явил великую доблесть. Дело было так. Когда победоносные силы приблизились к подножию крепости, множество выдающихся и храбрых афганцев, не раз развертывавших флаги доблести на поле

битвы Бахрама [Марса], поместили арку притязаний на ворота⁶ гордости и вышли из крепости. Подобно знаменам обнажили они около ворот свои проливающие кровь мечи и заносчиво двинулись в атаку. Адхам-хан⁷ проявил небывалую храбрость и с львиной неустрашимостью бросился на [вражеский] отряд. Сильной рукой поверг он нескольких бойцов, смешав их с пылью и кровью. Затем быстро вернулся назад и был удостоен возгласов одобрения. Подобным образом могучие воины каждый день покидали [укрепления], демонстрируя свое превосходство. Противник охранял крепость, и его пушки и мушкеты не позволяли приблизиться к ней. Эта горстка злодеев делала всё возможное, но разве могли они одолеть властелинов судьбы? Или их злобные намерения против [победоносного войска] имели счастливый гороскоп?

Мы наступаем подобно мечам обнаженным, ведомым Судьбой,
Кто встает у нас на пути, на смерть обречен.

В числе событий, случившихся в начале осады, произошло следующее. Бахадур-хан, брат Хан Замана, поднявший смуту и мятеж в Замин Даваре, а затем осыпавший прахом смятения и покаяния свое чело, прибыл из Замин Давара пристыженный и подавленный и был возвышен возможностью выразить почтение [Шахиншаху]. Благодаря ходатайству Байрам-хана Хан-ханана он не понес наказания за собственные преступления. Хотя Хан-ханан хотел сделать доброе дело, на самом деле он создал ему условия для роста высокомерия и злобы. Истинная доброта заключается в наказании злодеев, дабы преподать им урок и не дать возникнуть желанию переступать границы страны зла.

Дело состояло в следующем. Когда завоевательные знамена Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни двинулись против Индии, Кандагар, *джагир* Байрам-хана, был украшен управлением Шах Мухаммада Кандагари⁸, пользовавшегося [особым] доверием благодаря своей рассудительности и преданности. Замин Давар вверили заботам (дивани) Бахадур-хана. Когда Индия стала обителью мира и был установлен трон Халифата, пагубная натура Бахадур-хана дала о

53

себе знать, и у него зародилась мысль захватить Кандагар. Поначалу он хотел проявить свою неблагодарность посредством хитрости и интриг и так завладеть Кандагаром. Но поскольку вероломство влечет за собой духовное и земное падение, его пагубные мысли не увенчались успехом. Дело в том, что Бахадур-хан поведал свою тайну Фаррух Хусейну, сыну своего приятеля Ходжа Касима Хазары⁹. Одного за другим спрятал он в своем доме несколько безумных и невежественных людей, дабы в определенный день они вышли и избежали от стражи у ворот; а сам Бахадур-хан вошел бы через ворота Машур и, совершив совместными силами нападение, пленил Шах Мухаммада и захватил Кандагар. В назначенный день, когда находящиеся в засаде уже надевали свои доспехи, некоторые согладатаи прознали об этом заговоре и сообщили смотрителю крепости. Тотчас послали людей, чтобы схватить их. Прежде чем те добрались до места, злодеи услышали их приближение и в смятении бросились к воротам Машур. Ворота оказались заперты, и, поскольку их охватила паника, они никак не могли сломать засов¹⁰. Они отбивались как затравленные звери и были ввергнуты в бездну уничтожения. Кое-кто бросился за ворота навстречу своей смерти. Многие же остались и попрятались в городских домах, найдя приют у порочных и двуличных людей. Вскоре Шах Мухаммад нашел их и казнил. Бахадур-хан, поняв, что хитрость не удалась, отправился в Замин Давар и приготовил войска. Вокруг него собрались бродяги и злодеи, и он во второй раз стал готовиться к захвату Кандагара.

Когда Шах Мухаммад понял, что на помощь из Индии рассчитывать не приходится, он усилил крепость и обратился [за помощью] к правителю Персии. Он написал ему, что Его Величество Джаханбани заключил договор, согласно которому Кандагар после завоевания Индии будет принадлежать подданным царя Персии. В связи с этим необходимо, чтобы он [царь Персии] выслал большие силы, дабы подавить мятеж этого неверного, и тогда Кандагар сможет перейти к нему. Правитель Персии послал 3 000 туркмен из [владений] *джагирдаров* Систана, Фараха и Гармсира под командованием Али Яр бека Афшара. Бахадур-хан ничего не знал об этих силах, столь внезапно обрушившихся на него. Произошел ожесто-

ченный бой. Дважды падал под ним конь, и в конце концов он потерпел поражение, и ему пришлось спасаться бегством. Не смог он удержать и Замин Давар. Шах Мухаммад со всем почтением отнесся к присланным на помощь войскам, но принес извинения за то, что не может сдать им Кандагар, так что тем пришлось вернуться с пустыми руками. Бахадур-хан, убитый горем из-за своего поражения, был вынужден прийти с пристыженным лицом к оберегающему мир Двору, и поскольку тот — тень великого порога, мало берущая и много дающая, а также представляет собой оживленный рынок всепрощения, то его серьезные преступления предали забвению, а он сам получил Мултан в качестве *джагира*. Бывшему *джагирдару* Мултана, Мухаммад Кули-хану Бирласу, пожаловали Нагор и его территории. По царской доброте Бахадур-хан был назначен командующим одной из батарей. Поддерживаемый Высочайшим родом, он совершил великие подвиги. Итак, хотя гарнизон из всех сил защищал крепость, победоносные герои теснили его всё больше и больше, демонстрируя искусство возведения редутов и укрытых подступов. В это время пришло известие о благословенном прибытии в Лахор из восхитительного города Кабула благочестивых женщин, ожидавших дальнейших указаний.

Глава 14

*Прибытие Ее Величества
Мириам-макани и других
благочестивых жен, а также
поход Его Величества
Шахиншаха навстречу им*

Еще до того как стало известно о неблагонамеренности мирзы Сулеймана и его планах относительно Кабула, Его Величество Шахиншах повелел, чтобы завеса непорочности — Мириам-макани — и остальные находящиеся в отдалении дамы священного гарема прибыли в Индию; об этом указе уже упоминалось. Однако из-за мятежа мирзы прибытие женщин отложили. Муним-хану направили благоразумный приказ, чтобы после подавления мятежа мирзы Сулеймана гарем отправить в столицу. Когда беспорядки, вызванные мирзой, с Божьей помощью были подавлены, и умы царских слуг, как уже говорилось, успокоились на сей счет, благочестивые жены начали собираться в Индию — отчасти во исполнение обетов¹, отчасти из послушания велениям Его Величества Шахиншаха. Семьи многих воинов, служивших в армии Шахиншаха, также присоединились к процессии. Но поскольку о восстании Хему стало известно злонамеренным в тех областях, священное путешествие не состоялось. Однако когда вести о победе покрыли пятнами затемненное чело враждебных, а голову Хему доставили и водрузили на железные ворота Кабула, громко забили барабаны радости, и караван, выразив признательность [Аллаху] и преисполнившись радости, в благоприятный час двинулся в путь. Муним-хан, коему был доверен Кабул, также сопровождал женщин, чтобы послужить им проводником, исполнить добрую службу в Индии и тем самым прославить себя. Кабул передали Мухаммад Кули-хану Бирласу, посланному Двором в качестве помощника; повинувшись указаниям

55

Его Величества Шахиншаха, Мухаммад Хаким, его мать и сестры остались в Кабуле. Газни перешел Ходжа Джалал-ад-дин Махмуду Буджуку («отсеченный нос»). Достигнув Джалалабада, караван остановился на несколько дней ради [пополнения] запасов. В это время от гонцов Двора пришли вести о торжестве Байрам-хана и об умерщвлении Тардибек-хана, и потому Муним-хан счел разумным отказаться от намерения попасть в Индию. Он проводил женщин до Котал Ситара, где оставил их, и вернулся в Кабул. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан Атка и его братья — Ходжа Амбар Назир и Мулла Максуд Бангали, а также ряд иных слуг взяли на себя заботу о женщинах. Муним-хан, вернувшись в Кабул, отпустил Мухаммад Кули-хана в Индию, и вслед за тем военачальники и прочие преданные слуги Двора отправились в столицу в свите Ее Величества Мириам-макани и других. Среди происшествий, случившихся на этом пути, — смерть двух родных сестер Его Величества Шахиншаха. Одна скончалась в Джалалабаде, другая — в Котал Ситаре близ Инда. Ее Величество Мириам-макани и другие жены провели несколько дней в скорби из-за ухода этих улаждавших сердце, а затем положились на волю Божью. Радость [предстоящей] встречи с Шахиншахом превозмогла печаль, и, после того как были исполнены последние обряды, караван двинулся дальше. Когда вести о [приближении] благочестивых женщин достигли царского слуха, Его Величество Шахиншах пришел в восторг и послал встречать процессию Ее Величества Мириам-макани и ее благонравных спутниц сию вершину целомудрия — Махам Анагу, мать Адхам-хана, за глубокий разум и верность высоко им чтимую, ту, что служила ему, когда он был еще младенцем, и вплоть до той [поры], как он украсил собой трон, ту, что начала путь доброго служения с высшей степени любви. Сия вершина целомудрия вступила на благоприятную службу [благородным] женщинам в Лахоре и, сообщив о стремлении Шахиншаха повидаться с ними, сопровождала их до лагеря удачи. Его Величество Шахиншах поручил осаду Хан-ханану, а сам отправился вперед, чтобы встретить их. Благоприятное соединение² произошло в одном переходе от крепости (Манкот), и тоскующие очи Ее Величества Мириам-макани восхитились украшающей мир красотой Его Величества Шахиншаха. Все преисполнились

ликования, и на следующее утро Ее Величество Мириам-макани, Хаджи бегим, Гульбадан бегим, Гульчехра бегим, Салима Султан бегим, многие другие родичи и друзья благородного семейства и воины прибыли в лагерь. Войско, утомленное долгой осадой, возрадовалось прибытию их высочеств и многих верных солдат; увидев в их приезде путь к победе, бойцы удвоили свои усилия.

Одним из событий, случившихся во время осады благодаря изобилию удачи, стало то, что Хан Заман, который отправился в Самбхал, одержал крупные победы, хотя и не обладал подлинной искренностью и верностью. Увы, увy! В тысяче лиг была от него верность. Не ведал он значения служения и владычества. Хуже того, даже не потрудился узнать обыкновения мирских торговцев, знакомство с которыми необходимо любому невежде. Краткий рассказ о его страшном конце будет приведен в соответствующем месте этого благородного повествования. Одной из добрых услуг, оказанных им в то время вследствие внешней связи со счастьем, стала его битва с Рукн-ханом Лохани³, прославленным военачальником Мубариз-хана⁴. Хан Заман разбил его и усмирил многих бунтовщиков⁵ от Самбхала до самого Лакхнау. Другим славным свершением того времени стала его победа над Хасан-ханом Бачготи.

Вот краткий рассказ об этом замечательном событии. Названный Хасан-хан был одним из известных землевладельцев Индии, пользовавшимся почетом благодаря множеству братьев, иных родичей и прислуги. В то время как армия Шахиншаха предприняла осаду Манкота, этот недалекий и надменный возомнил, что ему представился [удобный] случай: собрав немалое войско, начал опустошать *саркар* Самбхала. И взял с собой Джалал-хана Сура, одного из могущественных афганских вождей. Когда Хан Заману стало известно о его темных замыслах, он соединился с царскими военачальниками, стоявшими там, и двинулся к Лакхнау, намереваясь дать сражение. Герои показали себя и одержали победу⁶. Во вражеском войске было более 20 000 кавалерии, тогда как армия удачи едва насчитывала 4 000 [бойцов]. С помощью дарованной Богом удачи и вопреки характеру предводителя, уже вкратце описанному, его приобщение к вечному счастью даровало ему победу. Неисчислимая

добыча попала ему в руки, в том числе множество слонов. Из особо крупных здесь оказались два, прозываемых Сабдилья и Дилсанкар, поистине непревзойденных. Они удостоились одобрения взыскательного взгляда (Акбара) и были включены в число избранных слонов Шахиншаха. Поскольку жизненный путь Хан Замана завершился гибелью и бесчестьем, а низость его сущности выступила наружу, и он превратился в вожака вероломных, верное сердце не позволяет подробно останавливаться на его деяниях. Лучше будет обратить поводья скакуна пера прочь от этой низины!

Среди счастливых происшествий, имевших место во время осады Манкота, была победа Кийя-хана. Краткий рассказ об этом радостном событии таков: цитадель Гвалиара, одна из знаменитых крепостей в Индии, имеющая мало равных себе по мощи, находилась во владении Мубариз-хана Адали. От его имени ею управлял Бхил-хан⁷, один из рабов Салим-хана, сына Шер-хана. Раджа Рам Сах, чьи предки владели сей твердыней, с войском раджпутов осадил ее и привел гарнизон в затруднение. Кийя-хан прошел от Агры до Гвалиара, и Рам Сах отошел от крепости, чтобы дать битву. Он сражался отважно, но Кийя-хан держался стойко и, поскольку ожидал победы от миропокоряющего духа Шахиншаха, нанес поражение врагу, отправив многих в царство небытия. После чего приступил к осаде Гвалиара⁸.

Восхитительным событием, случившимся во время осады Манкота, явилось то, что осененная счастьем дочь мирзы Абд-ал-лах-хана Могола, славная своим родом, вступила в брачный союз с неповторимой жемчужиной Халифата. Байрам-хан не одобрял этого союза, ибо сестра Абд-ал-лах-хана Могола была замужем за мирзой Камраном, и потому он видел в Абд-ал-лахе приверженца Камрана (*аз камрани*). И противился союзу, покуда Насир-ал-мулк не дал ему понять, что противодействие в подобных вопросах весьма нежелательно, и, взяв на себя это дело, своим благоразумием не довел сие счастливое предприятие до конца. Ему (Насир-ал-мулку) повелели устроить собрание услады и празднество радости, и был дан царский пир. Заканчивая [рассказ] об этом, я возвращаюсь к своему повествованию, дабы в подробностях изложить дальнейшие приключения осажденных (или осаждающих) в Манкоте.

Глава 15

*Взятие крепости Манкот
и возвращение рати Шахиншаха
в Лахор и иные счастливые
события*

Божьей помощью и благословенной заботой Шахиншаха, являющегося ключом от любых замков, видимых и невидимых, произошло открытие [врат]. Поскольку мироукрашающее Божество следит за делами этого владыки земного и духовного, для каждого начинания, связанного с ним, будет разумно выяснить, каковы [на сей счет] распоряжения устроителей судьбы. Завоевание этой крепости, равной стене Александра¹, служит доказательством сделанного замечания. Способ, каким ее удалось взять, не укладывается в сознании мудрецов. Приготовления к осаде, какие мало кто мог бы себе представить, были исполнены со всей тщательностью, и с каждой из сторон подвели траншеи. В некоторых местах батареи подходили к самой крепости, и среди них находилась траншея, за которую отвечал Насир-ал-мулк: [она] оказалась выдвинута дальше остальных. Входы и выходы для заключенных в крепости перекрыли. Сикандар, хотя и полагался на силу укреплений, был обескуражен ходом дел. Однако, несмотря на его растерянность, негодья рассчитывали на восстание Мубариз-хана Адили — о коем уже вкратце повествовалось — (в надежде), что ему, быть может, удастся поднять голову в восточных областях Индии, и он двинется на Дели; тогда осада крепости (Манкот) не будет доведена до конца, и он (Сикандар [Сур]) получит возможность [поднять] бунт в усмирённых провинциях; поэтому последний продолжал оборонять крепость. Но поскольку деяния противящихся Богом установленной власти никогда не увенчаются успехом, чаша жизни Мубариз-

хана наполнилась [до краев]. Вот рассказ об этой истории. Сын Мухаммад-хана, правивший Бенгалией и прозванный Садр-хан², присвоил себе титул Джалал-ад-дин и возымел огромные притязания. Он двинулся, чтобы дать сражение и отомстить за своего отца, убитого в бою Мубариз-ханом. Разыгралась жаркая битва, и Мубариз-хан Адили лишился жизни. Он правил четыре с лишним года. Я восхищаюсь удивительной удачей, выпавшей царству благодаря раздорам между его врагами. Они пошли войной друг на друга и оказались орудиями вечной власти.

Едва лишь эти вести дошли до осажденных, как они пали духом. Когда Сикандар узрел и понял, что поднялись знамена растущей день ото дня удачи, и поражение за поражением неизбежны, отчаяние за отчаянием обрушилось на него. В нужде он пополнил собой списки молящих и послал своих наперсников просить Его Величество Шахиншаха, чтобы тот отправил в крепость одного из верных людей, дабы успокоить его растревоженную душу и принять его в победоносную армию. Его Величество, кладезь доброжелательности, из сострадания послал Атка-хана, славящегося особой мудростью и надежностью. С пристыженным лицом Сикандар объявил, что не располагал разумом, усматривающим конечный результат, и усвоил недалёковидные мнения. Он не в состоянии изъяснить покорность и тем обелить свой лик. В случае с ним будет правильно, если Его Величество Шахиншах будет так милостив, чтобы освободить его на некоторое время от службы. Пока же посылает сына в качестве раба и надеется, что ему назначат место, где тот мог бы остаться некоторое время и готовиться к счастью облобызать порог. Он клянётся Господом — Создателем мира, что, покуда жив, не вынет шеи покорности из ошейника послушания и поместит ожерелье сей милости на шею собственной жизни, сделав его жемчужиной своей доброй судьбы. Он завоевал сердце посла коварной лестью и покорностью, отправив также Насир-ал-мулку, бывшему *вакилом* Хан-ханана — скорее, *вакилом* Султана-та, — дары деньгами и добром; и тот, будто бы из верности³, проявил участие к Сикандару и передал содержание его просьб Шахиншаху при посредничестве Хан-ханана.

59

Его Величество, считавший сладость прощения большей, нежели сладость мщения, принял доводы Хан-ханана и назначил Сикандару Харид и Бихар в качестве *джагиров*. Тот послал сына Абдар-Рахмана с Гази-ханом Таннури⁴, одним из своих доверенных лиц, ко Двору, защите принцев, дабы их добрые услуги стали причиной большей милости к нему Шахиншаха. Соглашение было выполнено в полном соответствии с царскими желаниями. Ценные дары, в том числе несколько лучших слонов, достойных Двора, своевременно отослали, и 11 мурдада, Божественного месяца, что соответствовало субботе, 27 рамазана [964 г.х.] (24 мая 1557 г.), ключи от крепости были переданы царским слугам. Его Величество Шахиншах поставил подпись прощения на списке его проступков и, закрыв глаза на перечень его деяний, дозволил ему отбыть. Выйдя из крепостного заточения, тот, пережив тысячи страхов и опасений, достиг Хариды и Бихара. Спустя два года он отправился в обитель уничтожения.

Итак, когда завоевание Манкота было завершено, и султан Сикандар, став просителем Султаната, обезопасил себя, заботу о крепости возложили на Абу-л Касима, брата Мухаммад Касим-хана Мауджи. 16 мурдада, Божественного месяца, что соответствовало 2 шаввала [964 г.х.] (31 июля 1557 г.), после шестимесячного 60 бездействия армия покинула склоны Сивалика [и направилась] в Лахор, намереваясь достичь Агры, устроив пред тем дела Пенджаба. В пути ум Байрам-хана омрачился из-за одного недоразумения и неспособности оценить оказанную ему милость. Поведать об этом можно в следующих словах. В последние дни осады Манкота Хан-ханана одолел недуг. Появились нарывы, из-за которых он не мог сесть на лошадь. В это время Его Величество Шахиншах обратил внимание на поединки слонов как способ развлечения. Не раз он принимал участие в этой забаве, с которой связаны сотни замечательных моментов. Как-то раз состоялось продолжительное состязание между двумя царскими слонами, звавшимися Фатуха и Лагна. В ходе поединка они случайно оказались вблизи шатра Хан-ханана. Толпа народа и громкие возгласы вызвали опасения и раздражение Хан-ханана, и он заподозрил, что это, наверное, произошло по Высочайшему указанию (Акбара). Некоторые злопыхатели подтвердили

это предположение. Он послал к Махам Анаге одного из близких слуг с такой вестью: «Я не знаю за собой каких-либо проступков на этом пороге, окруженном небесной сферой, и не выказывал ничего, кроме благожелательного уважения. Так почему же недоброжелатели наносят мне оскорбление и устраивают подобную низость, науськивая этих слонов на мой шатер?» Махам Анага умиротворяющими речами успокоила его смятенный ум.

В это время странная вещь случилась с Владыкой Земли, который держался под маской неизвестного и направлял внимание на то, чтобы скрыть свои отличия — сию тайну, насколько позволили мои способности, я уже донес от сердца бумаге. Событие, о коем сейчас пойдет речь, стало причиной того, что некоторые глубокие умы осознали истину. Однажды мироукрашающий Шахиншах почувствовал стеснение из-за присутствия недальновидных и раздосадовался. Сила негодования, которая в характере, уравновешенном от рождения, есть элемент, заложенный Господом, прорвалась гневом. Он ощутил отвращение к слугам порога удачи, неизменно следовавшим у его стремени, и отделился от них, а затем повелел, чтобы никто из свиты не сопровождал его. Отослав даже своих конюхов и подобных лиц, дабы одиночество его уединения не могло быть осквернено толпой этого типа людей, без сопровождения, один покинул лагерь удачи. В действительности он погрузился в молитвенное общение с Господом, с виду же гневался на людей. Среди его лучших лошадей значился благородный скакун из Ирака, названный Хайран, которого ему подарил Хизр Ходжа-хан. Ему не имелось равных по норову и быстроте, и столь же непревзойден он был в своей злобности. Когда его отпускали на свободу, приблизиться к нему не мог никто, и [лишь] с трудом представлялось возможным поймать вновь. Божественный герой мира благодаря своей силе и отваге постоянно ездил на нем. И в сию пору уединенности сел на этого вызывавшего опасения коня и стремительно умчался, оставив всякое общество и укрепляя свою славу присутствием Аллаха. Одолев некоторое расстояние, он для чего-то спешил и, забыв о норове коня, принял позу [человека], общающегося с Господом. Быстрый и пламенный скакун поступил по обыкновению и быстро помчался прочь, так что исчез

61

из охватывающего дали пристального взора Его Величества. Когда его святое сердце вновь пожелало сесть на коня, нигде не оказалось ни сопровождавших, ни лошади. Несколько мгновений он недоумевал, что же делать, и тут внезапно увидел, как тот самый конь издалека приближается к нему галопом. И мчался, покуда не поравнялся с ним, и тогда спокойно остановился, ожидая его. Его Величество удивился и сел на благородное животное. Следует признать это одним из необычных дарований его украшающей трон верховной власти: ведь конь, неохотно позволявший садиться на себя и которого, если он вырывался, поймать можно было с трудом, ускакавший и исчезнувший посреди [бескрайней] равнины, возвращается по собственной воле и безропотно позволяет вновь сесть на себя лишь потому, что внимание Шахиншаха обратилось к нему! Чудесно! Разве может появиться страх перед одиночеством у того, к кому милостиво несравненное Божество и о ком оно заботится? И что невероятного в том, что с ним случаются такие вещи? Хотя и может показаться, будто воздвигающее мудрость Божество делает мироукрашающую красоту этого духовного и земного [владыки] зримой для него одного, однако воистину она есть выставление множества факелов на широком пути руководства для направления недалеких и поверхностных, дабы те, кто знает его как видимого повелителя и царя, могли — что гораздо важнее — познать его как духовного владыку и, поняв, что угождать ему значит угождать Господу, достигли бы розовой обители вечного счастья.

Приветствие великому, достигшему этого знания, и да возрадуется счастливый, получающий такое наставление! И сколь слеп безбожник, который пред лицом подобных лучей разума остается под пеленой непризнания и погружается в трясину гибели! И сколь ничтожен и мерзок тот, кто, имея сию славную обитель, несмотря на это, ступает на тупиковый путь лицемерия и противодействия и спорит с самим Господом, Создателем мира! Будем кратки, ибо благородным речам такого рода нет предела! Земной Хедив распознал в этом таинственном указании (возвращении коня) Божественную волю, и, отказавшись от своего намерения уединиться, вновь сердечно приветствовал верных военачальников, находящихся в лагере, и отбросил тень доброты над теми землями. Возрадовался род людской, и Его

Величество, сопровождаемый свитой, 25 мурдада, Божественного месяца, что соответствовало 11 шаввала [964 г.х.] (7 августа 1557 г.), достиг Лахора, прежде чем подошли основные силы. Он тотчас же занялся охотой. Несколько дней спустя прибыл и весь лагерь.

Хан-ханан, обуреваемый Султаном домыслов [Шайтаном], вновь вернулся к прежней истории и [снова] заподозрил Шамс-ад-дин Мухаммад-хана Атгу. Он заявил ему: «Хотя лик моей преданности и верности величественному роду свободен от пятен лжи или лицемерия (*реву ин рийя*), и известно, что взгляд милости и благожелательности Его Величества, обращенный на меня, свободен от упрека, а потому я не боюсь, что столпы ее [милости] надломятся; однако, поскольку Его Величество временами обходится со мной неблагоприятно, я полагаю, что причина тому — Ваши измышления и наговоры (*саи саайит*). Что я совершил, что Вы затягиваете пояс враждебности ко мне и, алкая крови моей, настраиваете священный ум против меня? И даже доходите до того, что покушаетесь на жизнь мою?» Шамс-ад-дин был встревожен таким выпадом; и, собрав всех родичей и зависимых, он явился к Хан-ханану и заявил, скрепив [свои слова] нерушимыми клятвами, что никогда не размыкал уста ради дурных слов о нем и никогда не совершит подобного. В конце концов Хан-ханан опомнился, и его беспокойство несколько улеглось.

Среди событий того времени случилось, что Бахадур-хана послали в Мультап для наведения порядка в его *джагире*. Как уже указывалось, он был дарован ему недавно. Тому повелели также преподавать урок живущим по соседству *билучам*⁵, поднявшим главу надменности. Достигнув сего приятного края, Бахадур-хан повел себя отважно. Множество пеших и конных воинов выступили ему навстречу и оказали упорное сопротивление. Сражения продолжались целый месяц, но, поскольку тень удачи избранника земли простиралась над ним, с Божьей помощью он вышел победителем.

Поскольку мирообустрояющий Аллах собирался открыть величие Шахиншаха, дабы оно выступило из-под завесы покорности и само успокаивало бы смуты мира, покров над поступками Байрам-хана, постоянно похвалявшегося своей преданностью, начал рассеиваться, и он превратился в путника в полосе бездорожья.

Одной из причуд, замеченных за ним наиболее зоркими, было то, что он — как с позволения, так и без оно́го — раздал царских слонов своим ближайшим военачальникам (*умара*). Он даже забрал нескольких оберегаемых царских слонов, служивших ширмой для величия Его Величества Шахиншаха, под предлогом, что передаст их (достойным) людям⁶. *Хедив* Земли не желал подчиняться подобной тирании, но, поскольку действия имеют свой решающий срок, а этот срок еще не пришел, он закрыл глаза на сей поступок и покорился судьбе. Милостивый Аллах! Какая широта способностей! И какое великодушие! И это — в ранней юности, что является порой неистовства и началом закипания сил страстей. Но что удивительного в великом человеке, которого Творец взял под свою защиту?

В то время когда Лахор осияло прибытием Его Величества Шахиншаха, явился Султан Адам Гхаккар, выразил свое почтение и был благосклонно принят. Поскольку он не выступил, когда знамена Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни впервые поднялись для завоевания Индии, в сердце его имелись опасения. Однако, исполнив похвальную службу — а именно схватив и выдав мирзу Камрана, источник стольких смут и неурядиц, — он заслужил расположение, и его прошения постоянно поступали к величественному Двору⁷. В то время когда земля обрела небесную красу благодаря сиянию (*фар*) трона Его Величества Шахиншаха, а судьба исполняла свое призвание — за власы тянуть каждого вождя и предводителя изъявить покорность величественному Двору и [тем] возвысить их вечной удачей, — желание облобызать порог охватило ворот счастливого. Но по присутствующему ему невежеству он просил, чтобы его, возвышенного служением, не брали в Индию вместе с величественной процессией, и знаки милости не сделали его изгнанником из собственной страны. Он также просил, чтобы один из доверенных слуг приехал за ним и сопровождал его к возвышенному Двору. Великодушие Его Величества Шахиншаха указало, чтобы его добрые услуги были вознаграждены, а просьбы удовлетворены сполна. Таймур-хан Джалаир⁸ был избран для сказанной службы, и ему повелели успокоить того и привезти для изъявления покорности. И он был осыпан большими милостями, чем мог представить ум его желаний.

Среди происшествий, случившихся во время пребывания в Лахоре, предостережением возмутителям спокойствия послужила смертная казнь Тахт Мала, заминдара Мана⁹. Вот краткий рассказ об этом. Сей заминдар в злополучии своем стал наперсником Султан Сикандара и явился причиной его заблуждений. Поскольку повсеместным обыкновением заминдаров Индии является покидать путь единомыслия и обращать взор свой во все стороны, присоединяясь к любому, кто ведем победою или раздувает недовольство, то когда в Индии начались волнения после известия о неизбежном событии (смерти) Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, а Сикандар Сур поднял голову мятежа, сей заблудший примкнул к последнему и оказал ему поддержку. Когда знамена победы осадили Манкот и гарнизон был стеснен, тот, следуя уловкам заминдаров, присоединился к войску. Байрам-хан, узнав о его интригах, казнил его, а на это место назначил его брата Бахт Мала, известного своей рассудительностью и верностью. Поскольку основным правилом величественного духа Шахиншаха являлось условие, чтобы те, кто присоединился добровольно — пусть даже понуждаемые необходимостью, — предохранялись от мести, его благородная природа, приобщившаяся к тысячам милостей и благородных деяний, не одобряла сей казни. Но поскольку покров его украшающей мир красоты еще не был откинут, он не явил внешнего знака (своего неудовольствия).

64

Когда его завоевывающий мир разум вновь обратился к делам Пенджаба, он провел в отдыхе и развлечениях 4 месяца и 14 дней, в продолжение коих Лахор стал предметом зависти небес из-за великолепия царской армии. Внешне носил маску человека, не заботящегося о делах, в действительности же глубоко вникал [во всё] и испытывал верных. После того как сановники Халифата уладили все дела, управление Лахором доверили Хусейн-хану¹⁰, сыну сестры Махди Касим-хана¹¹, и победоносные стяги двинулись в благоприятный час, 25 азара, Божественного месяца, что соответствовало вторнику, 15 сафара 965 г.х. (7 декабря 1557 г.), в столицу Дели.

Среди событий, случившихся в то время, когда армия расположилась в Джаландхаре, был брак Хан-ханана Байрам-хана с вершиной целомудрия Салимой Султан бегим¹². Вот рассказ об этом. Во

времена своего правления Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни обручил сию завесу целомудрия, дочь его сестры и мирзы Нур-ад-дин Мухаммада, с Байрам-ханом, условившись, что после завоевания Индии передаст ему неповторимую жемчужину, славящуюся среди непорочных жен Двора знатностью своего рода и благородными качествами (*насаб у хасаб*). Это обещание оставалось обязательством вплоть до подходящего случая. Когда Джаландхар стал обителью просветления благодаря прибытию величественного лагеря, Хан-ханан направил ум к исполнению этого желания и испросил у Его Величества Шахиншаха сей дар. Его Величество, поскольку следовал путем умиротворения под маской безразличия, ответил согласием на просьбу и способствовал браку. Все дамы Двора, а в особенности Бика Махам Анага¹³, проявили великое рвение в устроении свадьбы, и потому бракосочетание и свадебная процессия (*зифаф*) произошли в ту же неделю. Мирза Нур-ад-дин был сыном мирзы Ала-ад-дин Мухаммада, сына Ходжа Хасана, известного под именем Ходжазада Чаганиан. Названный Ходжазада приходился внуком Ходжа Хасану Аттару, бывшему, в свою очередь, прямым потомком Ходжа Ала-ад-дина, первого халифы Ходжа Накшбанда¹⁴.

- 65 Да будет известно, что Ходжазада Чаганиан был зятем Султан Махмуда, сына Султан Абу Саида мирзы. Паша, дочь Али Шукр бека, предка Байрам-хана в третьем поколении¹⁵, бывшая замужем за Султан Махмудом, отдала свою дочь от мирзы за Ходжазаду. Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани, приняв во внимание это родство, выказал милость мирзе Нур-ад-дин Мухаммаду, в ком он читал знаки искренности и преданности, и отдал за него свою дочь Гульбарг бегим. Салима, славная добрыми качествами, чистотой и благородством характера, родилась у достойной [девы] (Гульбарг бегим). Учитывая это родство, Его Величество Джаннат-ашияни задумался о женитьбе (Байрам-хана). Благостный Аллах! Сколько подражаний в этом мире! Из-за того что Султан Махмуд совершил ошибку в отношении Ходжазады Чаганиана, то есть заключил союз с незнакомой семьей, за чем Его Величество Фирдус-макани повторил сие, вступив в союз с мирзой Нур-ад-дин Махмудом, и по какой причине подобный союз был вновь заключен ныне, в повторение того, что имело место ранее?

Глава 16

*Начало 3-го Божественного года
с момента [священного]*

Восшествия на престол

*Его Величества Шахиншаха —
года хурдад первого цикла*

Хвала Аллаху! Талисман второго года Божественной эры, украшенной самоцветами радости и блаженства, стал серьгой в ухе Времени, ожерельем на шее годов и месяцев, в то время как весенняя звезда третьего Божественного года воцарилась на полях власти и удачи. Спустя четыре часа двадцать восемь минут в пятницу, 20 джумада ал-аввала 965 г.х. (10 марта 1558 г.), властелин четвертого неба (Солнце) рассеял мрак семи сфер и вступил в знак Овна. Он придал новые силы внешнему и внутреннему мирам. Неописуемый космос¹ был дарован увядающей земле и вековому небу. Сердца, не ведавшие радости, обрели блаженство благодаря проявлению благодетных огней этого года, а жаждущим счастья новогодний ветерок подарил мир и надежду.

Весенним ароматом разум мира
Весь воздух напитал алоэ Кимара².
Веселый ветер всюду запах мускуса развеял,
Наполнив центр земли благоуханием.
Столь много³ по земле мускуса рассеялось,
Что воздух стал подобен раковине с ароматом цибетина.
Луна была бледна и свет не излучала,
Кровь капала с тюльпана, а с жасмина — слезы.
Фиалка, дабы защитить от злого глаза, поспешно
В голубой⁴ окрасила ушную мочку сада.

После празднования Нового года и прибытия известий о победе и завоеваниях благословенные плодовые деревья Божественного Сада, то есть победоносные знамена Шахиншаха, выступили из Джаландхара в Дели, наслаждаясь по пути охотой на диких животных.

Когда армия переправилась через реку Сатладж, на берегу которой располагался город Лудхиана, быстрые вестники доставили сообщение о том, что Хаджи-хан, о котором уже вкратце поведано, оказывает ожесточенное и равное по мощи сопротивление силам, отправленным сокрушить его. Было решено, что армия удачи проследует в Хисар и выяснит, каково положение дел у войск, высланных вперед. Если возникнет необходимость направить еще одну группу войск, то армия [удачи] проследует к месту военных действий, и край тот будет вверен заботам Его Величества. В соответствии с этим превосходным планом весь священный лагерь был спешно отправлен в Хисар под командованием Насир-ал-мулка, в то время как Его Величество Шахиншах отправился в Сирхинд, дабы отдать долг уважения и затем, посетив мавзолей Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, присоединиться к войску. Да славится его [священный] прах! Еще до того как военачальники потерпели поражение, а Хему стал одерживать победу, Ханар бек⁵ и несколько придворных доставили святое тело властелина в Сирхинд и поместили там гроб, закутав оный в саван. Через некоторое время [Шахиншах] воздал почести [почившему] и отправился в Хисар, где озарил лагерь своим присутствием. Байрам-хан Хан-ханан получил соизволение на его просьбу сопровождать Его Величество в данном походе в Сирхинд. Пока [победоносные] знамена пребывали в Хисаре, возникла ссора между Насир-ал-мулком и шейхом Гадаи. Так как Байрам-хан был склонен поддержать шейха, то встал на его сторону, и Насир-ал-мулк несколько дней пребывал в печали и не являлся ко Двору. Но через некоторое время добрые люди вмешались [в конфликт] и уладили дело.

Когда звук [приближения] победоносной армии достиг слуха Хаджи-хана и его людей, они отступили без боя, и каждый направился в свои земли. Хаджи-хан поспешил в Гуджарат, а Мирза Касим-хан из Нишапура отбыл в Аджмир и занялся делами последнего.

Шах Кули-хан Махрадж⁶ и некоторые другие были посланы захватить Джитаран⁷. Непобедимые герои силой своих мечей и с невообразимой храбростью отправили многих раджпутов в пропасть уничтожения и захватили крепость. Страна очистилась от сора упрямых смутьянов.

Глава 17

*Поход мирозавоевающей
рати Шахиншаха к Дели
и прибытие в этот
чудесный город*

Когда миропокоряющий разум не беспокоился более о названных областях, величественное войско направилось в Дели через Саману. Переход за переходом были отмечены деяниями справедливости и дарением радости, и 5 ардибихшта, Божественного месяца, что соответствовало 25 джумада ал-ахира [965 г.х. — 15 марта 1558 г.], мироукрашающие стяги отбросили свет и тень на землю столицы. Знатные люди города поспешили навстречу с приветствиями, обратив пыль от пересекающей мир рати в узор на челе собственной удачи. Огни беспристрастности и справедливости, сияние милости и благоволения Шахиншаха излились на высоких и низких. Помощью Распорядителя Счастья дела военные и гражданские были вновь приведены в должный порядок. В сию пору Хан-ханан и все военачальники и столпы царства дважды в неделю устраивали великие собрания в *диванхане* Шахиншаха. Все [решения], принятые по делам политическим и финансовым, смиренно представлялись Шахиншаху, и то, что приказывалось его распоряжением, коему послушен мир, получало царскую подпись.

Среди поразительных вещей, которые забавляющиеся игрой небеса извлекали из-за завесы неслыханных событий, была история любовной связи Али Кули Хан Замана и сына погонщика верблюдов¹. Так открылась его [Хан Замана] подлинная низость, и он превратился в объект насмешки для человечества. Вот краткий рассказ об этом. В царствование Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни Шахам бек, сын погонщика верблюдов, выделявшийся внешней красотой, вхо-

дил в личную гвардию [Хумаюна]. Движимый внутренней развращенностью, Хан Заман остановил похотливый взгляд на этом сыне погонщика верблюдов и проводил дни, присвоив порыву вожделения и вспышке животной страсти имя Любви! После неизбежного события, [постигшего] его Величество Джаханбани, Шахам бек и Хушхал бек², который также входил в личную гвардию [Хумаюна], удостоились чести засвидетельствовать свое почтение Его Величеству Шахиншаху в Джаландхаре и были внесены в списки личной гвардии [Акбара]. В это время Хан Заман по собственному неразумию и убожеству послал людей привезти его [Шахам бека], и тот, не обладавший истинной добродетелью, гордый своей мимолетной и неистинной красотой, воспользовался сей возможностью сделать карьеру и покинул службу. Ведь при Дворе, где ценилась истинная красота, а внешней миловидности было место лишь в сочетании с внутренним очарованием, имелась ли какая-то надобность в этом человеке, пригожем снаружи, и мог ли взгляд одобрения Шахиншаха коснуться его? Одним словом, этот несчастный безрассудно бежал из обители удачи и предстал пред Хан Заманом. Он оживил базар [внешней] красоты, и этот неблагодарный (Хан Заман), чьи порочные склонности были усилены опьянением храбрости и успеха, ступил на путь неблагодарности; а поскольку нечестивые души Мавераннахра во тьме своих сердец не питают уважения к славе и величию и [присваивают] возвышенное имя тому, кто нечист, грязен и мерзок, говоря: «Мой падишах, мой падишах», так и этот порочный обращался к Шахам беку, склонялся пред ним и исполнял *корнии*³. В своей неизмеримой греховности, поведать о которой возможно лишь малую толику, он сошел с пути благоприятствования, только о малой части которого можно рассказать, и ступил на путь уничтожения. Великим злом являлось его льстивое окружение, чьи коварные взгляды не видели ничего, кроме личной выгоды. И потому они неизменно окрашивали в светлые краски сию порочность, трудясь для собственного возвышения. Когда человек дурной природы занимает высокое положение и поддается опьянению, а толпа льстецов осаждает его, духовное и физическое состояние подобного человека ухудшается, и он заканчивает [дни

68

свои], лишившись здоровья и достояния. Дурной конец жизненного пути Али Кули-хана служит тому примером.

Когда непочтительность и бесстыдство сих злополучных дошли до сведения Его Величества, были отправлены письма с увещеваниями, посланы мудрые наставления и указания. В возвышенном повелении говорилось: «Наш Двор являет собой океан прощения и благоволения. Человек, поддавшийся вожделению и обществу порочных льстецов, одолеваем властелином похоти и страсти и становится мишенью различных бесчестий. Не будем пока говорить о мужестве, истине, верности, преданности и искренности, но ухватись за нить благоразумия — сей залог спасения большей части человечества — и раскайся в своих поступках, искупи свои прегрешения добрым служением; отошли этого сына погонщика верблюдов ко Двору, дабы мы могли рассматривать твои поступки как несовершившиеся и возвысить тебя царскими милостями. Если же по безрассудству и бесстыдству ты не подчинишься царским велениям, твое наказание будет вложено в грудь твою, и да послужит это предостережением иным недалеким и одурманенным». В то же время, поскольку опьянение и греховная сущность Али Кули-хана проявлялись всё более и более явно, украшающий мир ум предписал разместить некоторое число храбрецов неподалеку от [места проживания] того, дабы возможно было лишить его высочайшего поста и абсолютной власти, не разорвав покрова его чести. С этой целью город Сандила (в Аудхе) был отдан во владение Султан Хусейн-хану Джалаиру. Сей же порочный (Хан Заман) по собственной воле передал указанный город Исмаил-хану, сыну Ибрахим-хана Узбека и своему ближайшему родичу. Если предводитель погряз во зле и вероломстве, удача неизбежно оставляет ведомых им. Поэтому Исмаил-хан не отдал *парганы*, а оказал сопротивление. Султан Хусейн-хан, поддерживаемый подобным владыкой удачи, всё забрал у него силой; и тот нашел убежище у Али Кули-хана и выступил против него [Султан Хусейн-хана] с большим войском. Султан Хусейн-хан двинулся со своими людьми, чтобы покончить с ним; а поскольку он был одним из тех, кто приобщился к вечной удаче, то вышел победителем, несмотря на полчище врагов. Множество самых закоренелых злодеев, которые

возвели свои жизни на предательстве, были обращены во прах небытия. Шах Будаг Буйяки⁴, близкий родственник Али Кули-хана и благодаря его храбрости один из прославленных [воинов] того времени, поспешил в преисподнюю исчезновения. Али Кули-хан из-за врожденной порочности желал выступить и встретиться с Султан Хусейн-ханом [в бою] и, отбросив раз и навсегда покров приличий, очернить свой лик на веки вечные. Несколько мудрых и прозорливых людей удержали его от этого недостойного намерения и обратили к исправлению его дурных деяний. Он принял совет и попытался исправиться. Однако, не обладая счастливым складом [ума], он не отдалил от себя этого сына погонщика верблюдов и не отвратил длань свою от прочих недостойных поступков. В тайне он замышлял гнусность, наружно же показывал исправление. Насир-ал-мулк постоянно бранил его недостойное поведение и настаивал, чтобы против него с целью кары была послана армия, в то время как Байрам-хан принял сторону Али Кули-хана и по собственному великодушию закрыл глаза на его беззакония. Друзья последнего [Али Кули-хана] при Дворе давали ему веские советы, но поскольку он — сия дверь порока — оказался не в силах оставить свои деяния, то прибегнул к хитростям и уловкам. Послал доверенного слугу, прозываемого Бурдж Али, ко Двору в надежде, что тому, быть может, удастся поправить его дела и найти средство против тревог Двора. В то время Насир-ал-мулк находился на вершине могущества, и государственные и финансовые вопросы были поручены его весомому суждению. Он следовал верности, [исходящей] из глубины его сердца, и не обращал внимания на пристрастность Байрам-хана. Однажды Бурдж Али, бывший одним из [членов] буйного общества в окружении Али Кули-хана, явился к Насир-ал-мулку и произнес слова, выходящие за всякие границы [приличия]. Вследствие того осознающая истину душа Насир-ал-мулка вознегодовала, и он приказал уложить Бурдж Али и высечь розгами, и [затем] сбросить с крепостной башни Дели и закинуть в пучину уничтожения. После чего произнес: «Этот малый теперь служит подтверждением собственного имени (бурдж означает «башня»)»⁵. Байрам-хана это весьма раздосадовало. Он взлелеял месть в своем сердце, но отложил его наказание до подходящего момента.

Среди укрепляющих верховную власть событий, случившихся в то время в Дели, была смертная казнь Мусахиб бека, сына Ходжа Калан бека. Это осуществилось стараниями верного Насир-ал-мулка и освободило человечество от его (Мусахиба) мятежности. Говоря кратко, его тщеславная душа преисполнилась лицемерия, а его натура стала вместилищем пороков. И в период [правления] 70 Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, и при восходе мироукрашающего солнца Шахиншаха его предосудительные деяния выходили на свет. Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни называл его *Мусахиб-и Мунафик* («лицемерный спутник»), как уже упоминалось⁶.

В описываемое время он проводил часть своих никчемных дней в обществе Абу-л-маали, [строая] коварные козни, а другую — в восточных областях в числе злонамеренных приспешников Али Кули-хана. Он сделал сына Али Кули *мухрдаром* (хранителем печати), а поскольку сосуд его жизни почти наполнился, с дурными намерениями приехал оттуда в Дели. Байрам-хан заключил его в темницу, а затем отправил в Мекку в сопровождении надежных людей. Он покинул собственное жилище (*кадмгах*)⁷ и следовал своим путем, когда дела его пришли к завершению и его стопа (*кадм*) сошла в [обитель] исчезновения. Причиной сего стал Насир-ал-мулк. Искусными уловками тот убедил Байрам-хана взять два листа бумаги, на одном из которых значилось «смерть», на другом — «освобождение». Их следовало подбросить [в воздухе], и упавший надписью вверх считать Божественным велением и действовать соответственно ему⁸. Судьба благоприятствовала его замыслу, и немедленно были высланы люди, и названного — наказали.

К недостойным делам, свершившимся в том году, относится убийство Ходжа Джалал-ад-дина Буджука. Говоря кратко, он, будучи *Падшах кули*⁹, то есть царским рабом, не уклонялся со своего пути ради того, чтобы оказать почтение и другим людям. Но великие мира сего заняты укреплением собственного положения и желают, чтобы каждый прислуживал и льстил им. Поэтому многие сановники его не любили. Помимо того, у него были недостатки — легкомыслие и подшучивание, которое, пожалуй, является худшим из ос-

корблений в глазах великих [мира сего]. Расточая хвалы выдающимся [людям] времени, он под видом шутки, именуемой невежами приятным остроумием, произносил вещи далеко не приличные, так что не было того, кого не ранил бы шип его насмешки. В описываемое время, когда по совету Мухаммад Кули-хана Барласа ему ввели Газни, злокозненные лица воспользовались удобным случаем и ожесточили ум Муним-хана, воскресив одновременно его давнее желание отомстить тому. В Индии же они наущали Байрам-хана лишить его [Джалал-ад-дина] жизни и тем вносили всё большее смятение в ум Байрама. Где же тот дальновидный и добродетельный человек, который, заботясь о благоденствии своего господина, не превращает ценных слуг в мишень для стрел мести ради собственных целей, который отбросит [мысли о] своих потерях или приобретениях и постарается выдвинуть способных людей? Когда Ходжа прослышал, что Муним-хан отказался от намерения отправиться в Индию и мыслит о мести, то пришел в сильное замешательство. Он не мог поехать в Индию, ибо Владыка Века пребывал [еще] под завесой беззаботности, а Байрам-хан был крайне могуществен. Если даже при [жизни] Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни Байрам-хан, которому передали какое-то непочтительное выражение, произнесенное на его счет Джалал-ад-дином, воспользовался возможностью заставить его в одиночестве в бане и обошелся с ним с великим бесчестьем, забыв в гневе об уважении к Его Величеству Джаханбани, то теперь, когда положение [Байрама] было столь высоко, а Владыка Века пребывал под покровом равнодушия, как ему [Джалал-ад-дину] предстать пред ним? И какие обвинения сумеет возвести черный сердцем и жестокий! Он оказался не в силах заставить себя отправиться в Кабул, чтобы встретиться с Муним-ханом, представлявшимся благожелательным к нему. Вероломство в глазах Джалал-ад-дина также являлось страшнейшим из преступлений, и потому он не мог вынести разлуки с повелевающей вечностью властью, [укрывшись] в другой стране. Муним-хан послал несколько человек придать ему уверенность, и затем, убедив его при помощи посулов и [мнимого] дружелюбия, заточил в темницу. После чего по его наущению тому [Джалал-ад-дину] несколько раз кололи

глаза, но поскольку удел его еще не наступил, ясность его честного взгляда не замутилась. Через некоторое время, когда того выпустили в уверенности, что он слеп, он направился в Бангаш и после, ведомый местными жителями *бангаши*, оказался на пути в Индию, намереваясь во что бы то ни стало броситься к порогу верховной власти. Какой неотвратимый указ ни выпустили бы его враги (Байрам и прочие), он по меньшей мере был бы у ног своего владыки. Когда Муним-хан узнал об этом, то отрядил быструю погоню. Те схватили его [Джалал-ад-дина] и его младшего брата Джалал-ад-дин Масауда, а Муним-хан заковал их и бросил в темницу. Он размышлял, каким образом ему от них избавиться. В конце концов, смог подослать к пленникам людей и пролил кровь этих верных ради собственных бесчестных целей! Байрам-хан также решился и прислал приказ покончить с ними. Его Величество Шахиншах, пребывавший под покровом равнодушия ради испытания верных, а также с иными целями, внутренне негодовал, узнав об этих делах; однако, предоставив воздаяние и за описанный, и за прочие проступки Господу — Создателю и Украшателю мира, не сказал на это ничего. Да охранит Всемогуций Аллах это воплощение терпения, дабы он мог править духовно и телесно!

Глава 18

О расположении

Его Величества Шахиншаха

*к слонам и бою разъяренных
слонов*

Прозорливый, избравший завесу разум Его Величества Шахиншаха, постоянно ткущий маску беззаботности, и передавший дела политические и государственные любителям этого, и каждодневно опускавший чистую завесу на лик своей верховной власти, обремененной с вечностью, — тем самым испытывая хвастливых почитателей мира — обратил внимание к скачкам на верблюдах и верблюжьим боям в ту пору, когда [Шахиншах] пребывал за завесой в Кабуле. Ибо в том краю не были приняты скачки на лошадях и охота с собаками. Когда же Индия прославилась его благословенным прибытием, он особо заинтересовался слонами, животными диковинными и по обличью, и по привычкам своим. Если в отношении величины я уподоблю их горам в намерении описать их тем, кто их не видел, то не преуспею в своей попытке, ибо кто учтет красоту их сложения и их мудрость? Или же, если уподоблю их скорость и ярость ветру, как передать их неистовство, когда на поле битвы они опрокидывают непоколебимо стоящих? Если же сравню их с лошадьми по пронительности, понятливости и мудрости, истинная суть останется невысказанной. Отдельный том понадобился бы, чтобы описать их свирепость, мстительность и поражающие деяния. Подобный труд может быть написан мудрецом без украшений изысканной речи. Только красноречия и благозвучия недостаточно, чтобы охватить столь значительную тему в ее целостности. В дополнение к истинной мудрости необходимы жизнь, проведенная в обществе искушенных людей, и изучение привычек [этих] необычных видом, мощно

72

сложенных, весьма разумных, крушащих горы, затаптывающих лошадей и обращающих вспять рати (животных), и обретение таким образом знания об этих великолепных, внушающих страх и вызывающих изумление созданиях. Наряду с этим необходимо также созерцание их ярости и мягкости, а также наблюдение их удивительных поступков. Тогда, быть может, удастся поведать о них малую толику из многого, чтобы сжатость повествования не опечалила бы сердце. К чему я, не располагающий такими возможностями, впадаю в пространные рассуждения и предаюсь словесному украшательству? Для чего отвлекаюсь от цели, коей посвятил сей благородный том? Несомненно, лучшее — удовольствоваться тем, что уже произнес об этих диковинных созданиях, чем я увеличиваю великолепие моего собственного предмета!¹

Когда священный взор Его Величества Шахиншаха коснулся сих диковинных созданий, он признал их достойными его внимания и подготовил для себя новую завесу. В действительности же мироукрашающее Божество предопределило начало украшения² этого единственного [мужа] порога величия (то есть Акбара) и превратило предмет страха и ужаса недалеких почитателей живых существ в ходячую монету, чтобы те не смогли порвать цепь, приковывающую их к этому духовному и мирскому *Хедиву*, не предавались бы пустым мыслям и не перешли своей меры. Ибо сведущие в этом искусстве [управления слонами] и обучающие ему не в силах были укротить свирепость (слона), в то время как сей Божественный борец умирал его своей отвагой. Несомненно, на него стоило обратить внимание!³ Для мудрых и благочестивых описанное стало также началом прозрения и постижения путей этого избранного Господом. Ибо сей занимающий престол явил деяния, которые выходят за пределы [возможностей] речи и которые невозможно взвесить на весах разума. Искусство управления и езды на *мастах*⁴, то есть на затаптывающих людей и скидывающих погонщиков слонах, один вид коих размягчал желчный пузырь мастеров этого искусства с железной печенью, было явлено этой священной особой. Когда возбужденный (*маст*) и злобный слон умертвил своего погонщика и растоптал несколько человек, и паника началась в городе, сей поддерживаемый небесами и оберегаемый Господом подо-

шел — ибо прогуливался между садом и двориком, — водрузил ногу на бивень [своего] слона, с улыбкой уселся и двинул этого слона в бой со взбешенным и драчливым слоном (*маст*). В разгар поединка, увидев, что погонщик другого слона утратил контроль над животным, этот Лев Аллаха⁵ перепрыгнул со своего слона на другого. И тогда благочестивые обрели снадобье для озарения. Ибо даже приблизиться к этому зверю без Божественного покровительства было невозможно и уж тем паче сидеть на нем, непоколебимо править им и использовать в сражении; [и это заставило] и непосвященных и посвященных покориться (букв. «очутились в состоянии, когда кольцо оказалось в их ушах»). Никому не приходило в голову, что он взберется на слона и приведет в порядок поводья и всё остальное, чтобы поехать на нем. Он накинул веревку на шею слона, словно украшение, и, сидя у его шеи, вложил ногу в эту веревку. Что мне сказать? То же, что и вначале: я не в силах описать сие. Если поверхностный читатель полагает, что в своем описании я отклонился с длинного пути намерения в [безграничные] просторы, здравомыслящий и рассудительный поймет, что я ни на шаг не свернул с дороги и спешу вперед. Но среди множества примеров Божественной защиты, пробудивших людей духовных и мирских ото сна небрежения и вызвавших у одних изумление, а у других — сожаление о недостатке проницательности в прошлом, увеличивших понимание иной части [человечества] и подвигнувших их вознести хвалу собственной дальновидности, значилось случившееся в Дели [событие], когда священный разум отвлекался, охотясь на слонов. Как-то раз он поднялся на слона по имени Лакхна — бывшего воплощением неукротимой ярости — в момент, когда тот был разъярен от бешенства, злобного характера и жажды человекоубийства, и заставил его вступить в бой с подобным ему слоном, так что самые высокомерные изумились. Слон Лакхна, на котором ехал Его Величество, одержал победу и неистово преследовал другого, как вдруг его нога, сходная с огромной колонной, провалилась в глубокую канаву, и он, взбешенный, с бродившими в его голове парами ярости, начал вырываться и раскачиваться. И тут могучий муж, сидевший у него на спине, — ибо так заведено, чтобы искусный человек с сердцем льва восседал на этих обличьем подобных

горам, и таковой именуется на хинди *бхои*⁶ — не сумел удержаться, когда слон, достигая неба, встал на дыбы и упал наземь. И тут, когда крик поднялся со всех сторон, а сердца верных расплавились, тело [священной] особы также двинулось с места, и его легкокасающаяся стопа очутилась в веревке на шее слона, называемой на хинди *калава*⁷. Его Величество с сердцем, способным забросить аркан храбрости на небеса, и ладонью, наделенной Божьей помощью в пальцах, крепко ухватился за веревку и, не выпуская прочного каната Божественной защиты, оставался непоколебим в сердце и спокоен в душе. Посреди такой неразберихи и сумятицы, что вызывают землетрясение в этом мире и бурю во времени, покуда слон со всей огромной силой высвобождал ногу из ямы, предпринимая удивительные усилия и наклоняясь из стороны в сторону до самой земли, покуда неслись вопли толпы, а зверь пытался избавиться от священной особы Его Величества, подоспело несколько сметливых, преданных и проворных мужей, которые и сняли Его Величество с животного. Встревоженное сердце мира успокоилось, и замутившаяся, казалось, жизнь века вновь обрела размеренность. Мне неведомо, была ли явлена сия красота под видом ужаса сама, без воли этого избранного. Для того ли, чтобы разящие издалека мысли враждебных не навредили ему, дал [Шахиншах] лицезрение подобной (Божественной) опеки, или же духовный и мирской Хедив, сей царь над видимым и невидимым, сознательно и намеренно явил сие торжество, чтобы столь прекрасным деянием обнаружить слепоту незадачливых злопыхателей и проницательность верных. Вскоре после того как Его Величество привел себя в порядок, слон собственными усилиями вытащил ногу из канавы и начал буйствовать. Его Величество с тем же ясным взором и невозмутимым духом влез на него и, окруженный Божественной защитой, проследовал к своему постоянному жилищу. Байрам-хан Хан-ханан, услышав обо всех обстоятельствах, что повергли в трепет спокойные души преданных, явился к трону, чтобы преклонить колени, и, признательный за невредимость царской особы, — а также чтобы отвратить дурной глаз — оделил мир щедрыми дарами. Херувим двора небес и участники святого собрания воздели длани мольбы и просили ще-

дорого Господа о вечной власти и совершенствовании человечества благодаря неусыпной заботе этого владыки горизонтов!

Да будет известно любознательным, что первый слон, на котором проехал Его Величество Шахиншах, прозывался Дилсанкар. Он был прислан Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни Байрам-ханом Хан-хананом вместе с другими слонами, составлявшими часть добычи в битве при Мачиваре. Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни подарил в Лахоре названного слона Его Величеству Шахиншаху, и, поскольку его мастерство езды на слонах еще было развито не настолько, чтобы он мог ездить на крупных слонах в одиночку, обычно катался на этом, весьма спокойном. Еще был слон, называемый Фауджбидар (рассеивающий войско?), на котором он в первый раз проехался один, без помощи погонщика. Этот слон также был подарен ему [Акбару] Его Величеством Джаханбани. Однажды, когда Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни на- 75 правлялся из Мачивары в Сихринд, Его Величество Шахиншах ехал на этом слоне до самого Сихринда. Первый слон *маст*, на котором проехался Шахиншах, носил имя Дамудар, и Его Величество подарил его Байрам-хану. Когда Его Величество проделывал путь из Дели в Салимгарху, что лежит на берегу Джамны, этот слон стоял, привязанный к дереву возле дороги. Поскольку он обладал достоинством степенности, погонщик, даже при его высоком положении *маста*, набирал в руку рис и клал ему в рот. Его Величество был доволен смирным поведением слона и подошел к нему; встав на слона-самку, которую они привязали к тому, он взошел на шею Дамудара. Первый слон *маст*, на который Шахиншах уселся и который вступил в бой с другим *мастом*, звался Джхалпа. Это случилось во время осады Манкота. После долгого боя между этими двумя чудищами поединок, словно в игре в шахматы, окончился вничью, и их развели⁸. В то благоприятное время Его Величество достиг возраста 14 лет. Позже мастерство езды на слонах *маст* у Его Величества возросло до такого уровня, что сей поддерживаемый Победой без колебаний садился на слонов *маст*, управлять которыми наотрез отказывались даже опытные погонщики (букв. «опускали тыльную сторону руки на землю бессилия»). И он мог вести их против слонов *маст*, и — без

малейшего преувеличения! — более тысячи раз садился на слонов *маст*, умертвлявших своих погонщиков и убивавших людей, способных сокрушить город или рассеять армию, и вступал на них в бой. Да сохранит Всемогущий Господь этого поддерживаемого вечностью в течение циклов и эпох на троне успеха и исполнения желаний смертных!

Среди укрепляющих верховную власть событий того времени явилось то, что Ходжа Абд-ал-лах, сын Ходжа Мухаммад Закарии, сына Ходжа Дост Хованда, на чьем челе сияла жемчужина правдивости, вместе с прочими благородными ходжами⁹, владевшими *джагирами* в городе Талунди¹⁰, а также Мирза Хасан из Термеза и Кара Бахадур из Кашгара были назначены выступить против раджи Капур Чанда, засевшего в крепости Джаму¹¹. Сии добрые слуги двинулись [в поход], следуя надлежащим правилам, и проявили величайшее рвение и преданность. При помощи победоносной власти они вступили в жаркую битву и одержали великую победу. Они захватили множество добычи, и драгоценный камень их доброй службы и верных действий оказался проверен.

Глава 19

*О том, как Его Величество
Шахиншах направился в Агру,
равно как и о прочих
происшествиях*

76

По прошествии шести месяцев, в течение коих благословенная область Дели являла собой обитель справедливости и мира благодаря пребыванию там Его Величества Шахиншаха, а ее дела решались в согласии с наставлениями вдохновения, украшающий мир разум — луч озаряющего мир великолепия солнца и свет, исходящий из источников вечного Света, — постановил, чтобы величественные знамена направились в Агру, которая своим воздухом и водами заставляет Багдад стыдиться Тигра, а Египет — Нила, и его подобный океану разум решил отправиться в путь по реке Джумна на корабле. Управляющие речными делами чиновники подготовили лодки и корабли, а [их] внутренняя и наружная обшивка была украшена шелком. В день иштад, 26 михра, Божественного месяца, что соответствовал воскресенью, 26 зу-ль-хиджжа [965 г.х.] (9 октября 1558 г.), Шахиншах — сей океан без границ — с сердцем, подобным океану, взошел [на корабль], придав достоинство всепоглощающего океана жалкому количеству воды. Крупные чиновники, придворные и прочие приготовились к поездке и также взошли [на корабли]. Казалось, будто река устроила праздник, или же розы и тюльпаны подняли свои головки из воды. Со всеми возможными увеселениями и радостями они тронулись в путь в Агру. В сем приятном путешествии они развлекались, ловя рыбу и охотясь на водных птиц. И величественное собрание, что являло собой другую реку, полную бесценных сокровищ, благодаря движению подобных кораблям кувшинов вспенилось дарами и

щедротами, пока наконец 17 абана, Божественного месяца, что соответствовало воскресенью, 17 мухаррама 966 г.х. (30 октября 1558 г.), полумесяц знамени Шахиншаха не возник в точке восхождения на горизонте Агры, сделав сей счастливый и удачливый город центром сферы престола и точкой восхождения света удачи. Его Величество Шахиншах одарил небесным положением цитадель, известную под именем Бадалгарха, расположившись в ней. Знати были отведены жилища. Удача поселилась там, и процветание заложило свои основания в этом саду роз. За короткое время названный город в силу счастья возвышенного прибытия превратился в букет роз семи климатов. Это место умеренного жара и холода, и его климат соответствует [потребностям] организма, а в отношении деревьев и фруктов почвы его подобны Хорасану и Ираку. Через него протекает река Джумна, которой найдется немного равных по прозрачности и вкусу ее вод. На обоих берегах слуги порога удачи воздвигли чудесные дома и разбили неописуемо восхитительные сады. Со всем блеском и великолепием сей град вновь стал обителью Халифата и центром Султаната.

77 Поскольку благоприятствующие созвездия милостивозирают на счастливый гороскоп Шахиншаха, и результаты, соответствующие этому, должны обнаружиться, сужденные победы и снятие покрывала с невест вдохновения свершились своим порядком. Всякая надежда, которая могла возникнуть либо посредством борьбы и труда, либо безо всяких усилий и стараний, исполнялась различными путями. Среди таковых было счастливое предзнаменование, явленное после прибытия в Агру, то есть легкое взятие крепости Гвалиар. Вкратце уже говорилось, что Кийя-хан во главе рати доблестных бойцов отправился осаждать ее. Однако поскольку сия цитадель по силе и неприступности являет собой шедевр мудрецов прошлого, удивительный памятник искусных жителей древности, силой взять ее было невозможно, а распахнуть ее [ворота] можно было лишь растущей с каждым днем славой подобного владыки удачи, и [потому] предприятие не двигалось с места, несмотря на старания покоряющих мир воевателей. В описываемое время, когда стяги победы пребывали в Агре, Хабиб Али-хану, Максуд Али

султану и ряду других было велено отправиться на подмогу Кийя-хану. Бахабал-хан же не пренебрег ни малейшей возможностью усилить Гвалиар. Несколько проводников удачи, его благожелателей, преподали ему здравый совет: хоть крепость мощна и снабжена припасами, но ничто не устоит против Божественной помощи и небесной удачи, особенно если не осталось защитника, который бы его поддержал. Замечание оказалось весьма справедливым, и посему он принял совет, и в бахмане, Божественном месяце, что соответствовал [месяцу] раби-ал-ахира [966 г.х. — январь—февраль 1559 г.], Хаджи Мухаммад-хан Систани снизошел к просьбе гарнизона, и успокоил его (Бахабала) встревоженный ум, и склонил его к служению Шахиншаху. Сей удачливый понял, что передать ключи от крепости царским слугам — значит распахать врата собственных желаний. Так мощная крепость перешла под власть героев удачи. Его Величество встретил его [Бахабала] с великой милостью и вручил ему подарки, почетное одеяние и земли. Воистину [одной] раздачей обещаний благосклонности свершено столько великих дел. И добавлен новый символ веры, а именно вера в искренность и прямоту сей сокровищницы величия всего человечества. Новая поддержка была дарована тем заблудшим в глуши изумления. Каждый обрел уверенность, что всё задуманное при этом оберегающем мир Дворе несомненно исполнится, а козням недалеких и ограниченных не будет места. Одичавшие обитатели пустыни замкнутости прониклись доверием и отыскиали путь к отрадному приюту общения, ибо это — Двор, где для выдвижения [достойных] и покровительства не обращают внимания на сходство или различие происхождения. Имеющие ясное сознание, и искреннее сердце, и признательную душу, и способности, понимающие ценность обучения избегают горнила расплаты и удостаиваются царских милостей.

78

Среди событий, случившихся в том счастливом году, были битва, [данная] Камал-ханом Гхаккаром, и его победа. События этой чудесной истории таковы: в то время как Агра стала обителью верховной власти, до царского слуха дошло, что афганское племя, называемое *мийана*¹, поднимает мятеж в Сарандже², что находится в области Мальва.

Его Величество выслал против них Камал-хана Гхаккара, ибо тот явил знаки храбрости и годился для этого поручения. Он выступил с отрядом и дал битву. Одержав победу, вернулся, чтобы облобызать порог. Его вознаградили почетным платьем, и он получил во владение города Кара, Фатехпур³, Хансва⁴ и некоторые другие.

К произошедшему в то время относится и отправление Адхам-хана с группой войск против Хатканта. Говоря вкратце, Хаткант, укрепление, мощнее которого нет близ Агры, принадлежит землевладельцам из племени бхадаурия⁵, известного своей рассудительностью и храбростью. Они постоянно бунтовали против султанов Индии. Поскольку Байрам-хан всё время подозревал Адхам-хана, он решил дать ему эти земли в качестве *джагира*, чтобы таким путем отослать его от Двора и в то же время обеспечить наказание мятежников тех краев, тем самым достигнув сразу обеих достойных целей. Соответственно ему назначили указанный *джагир* и отправили. Бахадур-хана, Хан Джахана, Сайид Махмуда Барху, Шах Кули-хана Махрама, Садик-хана, Исмаил Кули-хана, Харрам-хана, Амир-хана и прочих героев зачислили в его армию. С Божьей помощью они усмирили сию область, и мятежников постигло должное наказание.

79 В числе событий того года значилось прибытие ко Двору Шах Мухаммада Килати, коему Байрам-хан доверил управление Кандагаром. Уже сообщалось, что, когда Шах Мухаммад Килати разбил Бахадур-хана, брата Хан Замана, благодаря заключению соглашений с правителем Персии и приводом войск оттуда, он не сдержал своих обещаний. Поэтому правитель Персии поручил сыну своего брата — Султан Хусейну мирзе, сыну Бахрам мирзы, и опекуну своего племянника, Хусейн беку Ичак Угли Истаджлу, а также Вали Халифе Шамлу овладеть Кандагаром. Шах Мухаммад, полагаясь на несокрушимость удачи Шахиншаха, совершил всё возможное, чтобы удерживать крепость, и осада затянулась.

В конце концов несколько подобных Рустаму героев однажды ночью устроили вылазку, [пройдя] через Новые Ворота, и напали на батареи Вали Халифы Шамлу. Они ранили его и многих убили. После долгих споров Султан Хусейн мирза отступил от стен крепости, так и не достигнув своей цели. Повелитель Персии разгневался и послал

упомянутого мирзу, Али Кули султана, бывшего правителем Шираза, и Вали Халифу Шамлу с крупными силами, [приказав] овладеть Кандагаром любыми средствами. Али Кули султан, весьма похвалявшийся этим поручением, приложил все старания, чтобы захватить крепость, однако пуля из мушкета сделала его путником в царстве небытия. В войске возник разлад. Хотя от Хедива Века не приходило внешней помощи, Божественное покровительство по временам оказывало содействие и смущало столь крупную рать. Султан Хусейн мирза, не отваживаясь отступить, но и не решаясь остаться, проводил свои дни в растерянности и разбил лагерь вокруг крепости. Тем временем Шах Мухаммад Килати отправил ко Двору посольство, чтобы объяснить состояние дел, и в ответ ему дали приказ со словами, что Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни, бывало, говорил, что как только он завоюет Индию, то передаст Кандагар шаху. И неверно было биться с этими людьми и доводить дело до того. Крепость следует передать подданным шаха, а ему, Шах Мухаммаду, после извинений надлежит возместить ущерб Двору. Я восхищаюсь умеренностью и человеколюбием, проявленными здесь в столь высокой степени, равно как и соблюдением права и приверженностью обязательствам, что были столь очевидны! В соответствии с возвышенным приказом Шах Мухаммад передал Кандагар Султан Хусейн мирзе и отправился ко Двору; в том же году он удостоился счастья служения [Акбару] и царских милостей.

Диковинным происшествием было то, что Шах Кули-хан Махрам [едва не] стал йогом и отшельником. При нем состоял мальчик, прозываемый Кабул-ханом; он умел танцевать, и тот [Шах Кули] его любил. Поскольку Его Величество не одобрял такого рода поведение своих слуг⁶ — ибо хотя оно и может быть чистым, однако же к нему примешивается порок, что хорошо известно здравомыслящим, — он воспретил сие. Шах Кули же не в силах оказался оставить своей привычки, и потому было приказано забрать у него мальчика и отдать его в гвардию. Шах Кули-хан под гнетом человеческой природы не выдержал муки и подверг опасности собственное доброе имя и славу. Он нарядился в одеяние йога и попросил об отставке. Байрам-хан прочел стих, чтобы утешить его, и постарался привести в чувство.

Тот вернулся к [вратам] преданности Шахиншаху, устыдился того, что совершил, и его осыпали милостями.

Одно из чудесных и счастливых [предзнаменований], случившихся тогда же со священной особой, — то, когда *Хедив* развлекался охотой в Мандхакаре, что лежит в шести косах от Агры, где *чита* преследовал олененка. Он поймал его и в пасти уносил прочь, как вдруг мать того, побуждаемая силой привязанности, яростно бросилась на зверя. *Чита*, радовавшийся своей добыче, жалко покатился по земле; внешне это произошло из-за вмешательства матери, в действительности же — благодаря милосердию Шахиншаха, и газель вырвалась из когтей смерти и понеслась по равнине рядом с матерью. Хотя святое сердце желало остаться под покровом (букв. «украсить занавес»), однако Божественный промысел обнаруживал его украшающую мир красоту. В продолжение сего укрепляющего верховную власть времени Его Величество Шахиншах неизменно носил в Агре маску равнодушия, испытывая мужей века. Он постоянно развлекался охотой на оленей с *читой* и боями слонов, а также подобными занятиями, которые поверхностный человек считает пустыми развлечениями, тогда как мудрый признает в них завесу мироукрашающей красоты. Несравненное Божество день за днем делало свет солнца удачи Своего избранника всё более и более ярким, а то, что Его Величество рассматривал как покров своей красоты, было обращено Творцом в ее проявление, так что день за днем возносилось величие этого *Хедива* Эпохи. Царское могущество и величие постепенно открывали себя без каких-либо внешних знаков отличия. Подробности и особенности подобных действий невозможно доверить ни книгам, ни [прочим] записям. Пребывающая в прахе пылинки, Абу-л Фазл, который явился с поспешностью и собирает отрывочные сведения о деяниях этого *Хедива* Века, постепенно опрашивая тех, кому они ведомы, несколько изумлен красноречивыми и способными людьми [служившими] верховной власти, обреченной с вечностью. Ибо, коль скоро Владыка Мира оставался за завесой и не составил повествование о своих чудных делах и славном положении ради назидания человечества, какая беспечность владела этими знающими и одаренными, что они не собрали священных событий

этой Богом данной власти? И где у меня — злосчастного, у которого нет ни ствола, ни листьев внешнего роста, обязанного выполнять царские приказы и знающего, что безупречное служение заключено в моей рассудительной преданности, и потому коротающего свое время в разнообразных занятиях, — досуг, чтобы в подробностях фиксировать события? Да, воистину, если Господь дарует мне достаточную жизнь на службе у Его Величества, я поведаю чудесную повесть о моем повелителе земном и духовном и в таком обличье изъясляю свою преданность Господу. Одним словом, хотя правитель эпохи проводил свои дни под покровом равнодушия, однако каждый день люди способные и талантливые, верные бойцы, преданные герои, мудрецы и мастера толпами являлись из различных уголков земли и обретали то, чего жаждали. Двор царя стал тенью Божественного Двора, где каждый достигал большего, чем желал, и становился воинем рати успеха; и сад человеческих сердец расцвел многими красками, а счастье и радость постоянно множились.

Глава 20

*Начало 4-го Божественного года
с момента священного
Восшествия на престол
[Его Величества] Шахиншаха —
года тир первого цикла*

Возблагодарим беспримерную щедрость и извечное совершенство за то, что третий год Божественной эры подошел к благополучному завершению и настало время для года четвертого. В воскресенье¹, 2 джумада ал-ахира 966 г.х. (12 марта 1559 г.), свет Акбара² и великое светило озарили дом возвышения.

Видимый и невидимый миры обрели славу, врата радости распахнулись перед смертными, источники наслаждения предстали во всем великолепии перед взором человечества, сфера (каукаба) Султана весны (Солнца) воспламенила мир, завладев им, а шум войска Царя Роз заставил обратиться в слух время и землю. Новогодняя щедрость духа произрастания веяла на тела и характеры земных обитателей: весеннее изобилие одарило горизонты наполняющими умы ароматами и запахами, свежий ветер обучил питомцев сада плавным движениям³ куропатки и исполненной достоинства поступи фазана, воздух придал элементам земли качества взмывающего ввысь пламени и движущейся воды⁴. Коричневые покровы земли были заменены на атласный⁵ и парчовый ковры без утка и основы из зелени и роз; голоса садовых птиц соперничали с нежногласой флейтой, трель соловья побивала свирель Пана⁶. Тюльпан смеялся над клювом попугая, а листва — над хвостом павлина. Фиалка одаряла глаза наблюдателей зрением, нарцисс⁷ пребывал в бдительном восхищении Божественной мощью, лилии⁸ и гиацинты⁹ раскрывали тайны белого и черного, тюльпаны и цветы стали искусными выразителями истин Аллаха и существования:

Из Рая чашу¹⁰ свою тюльпан получил,
От Ризвана¹¹ розе доставлен привет.
Был славой овеян прекрасный сей сад,
Светились как лампы щеки [цветов],
Под чашечкой каждой скрывался бутон ароматный,
Подобный темному амулету на руке ненаглядной.
Лилия, раскрыв немые свои языки¹²,
Секунду каждую жаждала пить
Капли росы, что стебли травы серебрят,
Ветерок всколыхнул ложе цветов,
В каждый источник утка свой клюв погружала,
Как золотые ножницы в шелка отрез.
На веточке каждой щебетали птицы,
Куст розовый музыке в такт качал главой,
Любовную песнь исполнил соловей, встающий так рано,
И страсть он разжег у любителей хмеля.
Сам Шахиншах, собою украсив весь мир,
Еще одну весну к весне прибавил.

82

В тот счастливый год, что явился узорной каймой книги Судьбы, завоевывающий мир гений отдал приказ снарядить войско в восточные области, дабы отобрать Лакхнау и прилежащие к нему территории у Али Кули-хана и пробудить последнего от сна беззаботности. «Если он наконец встал на путь благоразумия, сделав преданность своей движущей силой, и отправил сына погонщика верблюдов — причину его надменности и нерадивости — ко Двору или просто удалил одного от себя, поставив послушание и повиновение Властелину Мира и смертных своей целью, то, несомненно, его ожидают царские милости, и ему надлежит отправиться вместе со счастливым войском возвышенной династии в Джаунпур, дабы покарать афганцев, по-прежнему вынашивающих в умах мятежные планы. Пусть он покажет себя там, и тогда бывшая добрая служба будет принята во внимание, а нынешние грехи искуплены, [в результате чего] он получит помощь и поддержку». Был издан указ, чтобы победоносные войска вернулись в свои земли, подготовились и затем оказали помощь Али Кули-

хану. Если же этот злосчастный и одурманенный [тщеславием] человек не оценит всего изобилия оказанных ему милостей, то будет наказан и повержен, и [наказание] это будет рассматриваться как необходимое действие в делах управления миром и как украшение поклонения Создателю. В результате изложенных выше соображений Кийя-хан Ганг, Султан Хусейн-хан Джалаир, Мухаммад-хан Джалаир, Шахам-хан Джалаир, Хаджи Мухаммад-хан Систани, Чалма-хан, Камал-хан Гхаккар и другие преданные воины отправились в путь. Также издали *фирман*, чтобы он (Али Кули) передал Лакхнау царским слугам, а сам прибыл ко Двору. Абд-ал-лах-хан Узбек, управлявший Калпи, был возвышен царским указом и получил повеление принять участие в данном походе и действовать в соответствии с законами преданности. Так как завеса [затмившая разум] Али Кули-хана оказалась еще не сорванной и требовалось несколько дней для ее полного уничтожения, он по получении приказа вверил Лакхнау и прилежащие к оному земли заботам Джалаиров и других военачальников и, подпоясавшись храбростью, вознамерился захватить Джаунпур. В Джаунпуре находился упомянутый ранее Ибрахим¹³, и, когда Мубариз-хан был убит, а Хему исчез, он начал судорожно метаться подобно смертельно раненному зверю. Али Кули-хан отобрал у него Джаунпур без боя¹⁴, и обширные земельные владения перешли к нему в руки благодаря счастливой судьбе Шахиншаха. Он совершил все эти геройства, и одним из его смиренных с виду действий явилось решение отослать от себя Шахама. Однако если бы это шло от сердца, он отправил бы его ко Двору. Так или иначе он удалил от себя сей источник мятежа и, продемонстрировав свою преданность, направил уверения [в верности] вместе с подарками к возвышенному порогу.

83 Одним из поучительных происшествий того года, способных послужить путеводной звездой для заблудших в пустыне несогласия, стало убийство сына погонщика верблюдов [Шахам бека]. Поскольку сам Создатель является поручителем верховной власти этого Хедива горизонтов [Акбара], управляющие судьбы находились за [непрестанной] работой, а потому, несмотря на то что возведенный на престол Халифата пребывал за завесой безразличия, они отправляли врагов соединенной с вечностью власти в пропасть уничтожения, назначая каждому соот-

ветствующее наказание. В одно время они одаривали властью и успехом в битвах царских слуг, как это было, например, в случае победы над Хему и при взятии крепости Манкот, и так далее. В другое время они наносили позорное поражение врагам, отправляя их в пустыню скитаний, примером чему может служить история с мирзой Сулейманом. А иной раз они вызывали ссоры в рядах черномыслящих недоброжелателей, так что те, сцепившись, повергали друг друга в обитель уничтожения, о чем свидетельствует происшествие с сыном погонщика верблюдов. Вот подробности его ухода в небытие — великий удар счастливой судьбы. Когда Али Кули-хан выказал притворное повиновение и на время удалил его от себя, сей жалкий негодяй стал проводить свои дни в тщеславии в близлежащих окрестностях, пока однажды не поехал в город Сухарпур¹⁵, отданный во владение Абд-ар-Рахман беку, сыну Муайид бека Дулдая, любимого придворного Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни. Этот сын погонщика верблюдов в начале своей неприглядной карьеры был любовником Абд-ар-Рахмана, и, следуя безнравственным обычаям Мавераннахра, которые нельзя назвать ни переполняющим [чувством], ни нежностью, ни [тем более] любовью или дружбой, они предавались бесстыдству и непристойности, ведя друг с другом игру страсти. Именно по этой причине Шахам и пришел в его [Абд-ар-Рахмана] дом, завел разговор об Арам Джан и попросил, чтобы ее ему вернули.

История Арам Джан такова. Она была падшей женщиной, и Али Кули-хан, воспылав к ней любовью, порожденной вожделением, поддался на уговоры той, что побывала в объятиях тысяч мужчин, и женился на ней¹⁶. Он поставил ее наравне с собственными женами и, потеряв всякий стыд, брал на свои пьянки с Шахам беком, дабы она развлекала их декламацией стихов и пением, становясь зачастую причиной ссор. Шахам бек со временем почувствовал влечение к ней, и так как Али Кули-хан потерял голову от страсти [к нему], то вел себя по отношению к Шахаму как слуга. Он разделил свои земли на три части, оставив одну себе, а две другие отдал этому сыну шута и выполнял все его прихоти. Однажды ночью этот пьяный негодяй [Шахам] высказал свои пожелания, и

84 Али Кули-хан, потеряв всякое уважение к себе, отдал ему собственную законную жену¹⁷. Некоторое время Шахам бек наслаждался этой страстью, но когда сердце его охладело, он по глупости передал полученную путем нарушения уз брака распутницу Абд-ар-Рахман беку тем же образом, каким и сам получил. Абд-ар-Рахман сделал ее женой и держал в уединении. Когда Шахам бек был у него в гостях, то вспомнил во хмелю и [в пылу] разгоревшейся страсти об Арам Джан и заявил о своем нетерпении (*бе-арами*). Полагая, что Абд-ар-Рахман такой же, как и Али Кули-хан, он ожидал, что тот вернет ему Арам Джан. Однако Абд-ар-Рахман обладал чувством собственного достоинства и потому отказал ему. Шахам бек, отличавшийся надменным и деспотичным нравом и разгоряченный вином, пришел в ярость. Все приятельские отношения были тотчас забыты. Вот насколько крепки отношения, основанные на страсти!

В итоге Шахам бек разбушевался и вынудил Абд-ар-Рахман бека привести распутницу из дома последнего в соседний сад и закатить там пир с пением и выпивкой. Между тем об этом прослышал Муйнд бек, брат Абд-ар-Рахман бека, и, вооружившись, пришел к воротам сада, где находился сей подлый негодяй. Его попытались остановить, и завязалась драка. Неожиданно в суматохе подлеца настигла стрела, и птица его души освободилась из тесной клетки плоти. Абд-ар-Рахман избавился от своих оков и, обратившись в бегство, поспешил к защищающему мир Двору. Там он выставил на продажу¹⁸ сей правильный поступок, являвшийся на деле результатом¹⁹ несчастного случая, в качестве начала верной службы и, получив назначенную цену, как если бы сам являлся инициатором происшедшего, был удостоен всяческих милостей и занял достойное положение среди [царских] сановников²⁰.

Когда Али Кули-хан услышал о случившемся, то разорвал ожерелье терпения и осыпал пылью скорби свою голову. Он бросился в погоню за Абд-ар-Рахман беком и дошел до самого Ганга. Когда же увидел, что тот [Абд-ар-Рахман бек] уже пересек реку, в отчаянии вернулся назад и отвез тело убиенного сына погонщика верблюдов в Джаунпур, похоронил его на берегу водоема и возвел [над могилой] величественное строение. Таким образом, без каких-либо усилий верноподданных этот конфликт затих. Несомненно, любой,

кто восстает против [падишаха], возвеличенного самим Аллахом, и правителя, почитаемого всеми обитателями видимого и невидимого миров, своей же рукой вонзает смертоносный кинжал себе в сердце, и его собственное деяние становится основной причиной его же падения, а происшедшее служит основой усиленного пробуждения просветленных и счастливых. [Бесчисленные] тому свидетельства можно найти в истории правления *Хедива Мира*, и некоторые из них будут описаны нами в надлежащем месте.

Одним из радостных событий этого года было улаживание дел с женьтьбой Адхам-хана. Вот краткое описание. Шахиншах, одаривая своей милостью вершину целомудрия Махам Анагу и ее детей, направил мысли в сторону [устройства] брака Адхам-хана, младшего сына Махам Анаги. И после тщательных обсуждений и размышлений его суженой стала дочь Баки-хана²¹ из Баклана²², который долгое время служил секретарем (*парваначи*) у мирзы Хиндала. За короткое время были сделаны все надлежащие приготовления к празднику, и состоялась свадьба. Возвышенное присутствие Его Величества Шахиншаха наделило это торжество тысячей благ.

Глава 21

Пленение Насир-ал-мулка

Пир Мухаммад-хана

Байрам-ханом

Поскольку караван-сарай мира служит источником предостережения для проникательных наблюдателей, за всем, что ни происходит в нем, сокрыты тысячи замыслов и справедливость, и всё становится выражением Божественной мощи. Провидцам надлежит это видеть. В зале правосудия Истинного Судьи, находящемся на рыночной площади, полной шума и зла (в мире), удача не уничтожается и никто не сводится с небес почета на землю бесчестия, если только не отбросил искренность и не избрал путь заблуждений. Поэтому в описываемое время, когда чаша удачи Байрам-хана была почти полна, трещина возникла в его характере, из-за чего при пособничестве недалеких возмутителей спокойствия и злополучных завистников, что недовольны собственной судьбой и бунтуют против Господа, и по скудости разума печалются при [виде] чужой радости и радуются чужим бедам и горю, сердце Байрам-хана стало враждебным мулле Пир Мухаммаду. Последний же в полноте своей верности и искренности оставался непоколебим в преданности и управлял делами политическими и финансовыми. Он полагался на собственную честность и неподкупность и вершил свой труд без морщинки на челе сердца, не хмуря бровей своей души. Поскольку подобный муж неизбежно служит мишенью для высоких и низких и окружен толпами, это заставляет сердца несведущих обливаться кровью от зависти, и от черных помышлений они предаются клевете и наговорам. А умы великих по причине множества дел и отсутствия досуга для рассмотрения смущаются жужжанием сих подобных мухам существ. Пир Мухаммад-хан также стал оплотом и убежищем человечества, и

потому завистники по призванию чувствовали, как закипает их кровь, и препоясались, чтобы разнести слухи и вызвать возмущение. День Байрам-хана близился к закату, и он выпустил из своей руки нить благоразумия, что способно удерживать людей, и, предав себя в руки завистливых, стал подозрительным к возвышенным деяниям Пир Мухаммада. Хотя последний не совершил ничего, что заслуживало бы немилости, [однако] тот по наговору завистников по призванию и из-за речей лживых и корыстных лиц отстранил честного человека, доверившегося ему.

Как раз тогда случилось недоразумение [из-за того], что Насир-ал-мулк [Пир Мухаммад-хан] несколько дней хворал, а Хан-ханан нанес ему визит. Раб-тюрок, бывший привратником, по невежеству произнес: «Я доложу (о Вашем прибытии)». Хан-ханан был раздражен таким обхождением, но когда мулла Пир Мухаммад узнал об этом, он вышел и принес тысячу извинений. В то же время лишь немногим из свиты Хан-ханана разрешили войти вместе с ним. Морщина, что на некоторое время оставляла его чело, проступила, и он замыслил что-то против Насир-ал-мулка. Завистливые, выжидающие [подобных] событий, воспользовались удобным случаем и сделали несколько замечаний, особенно шейх Гадаи. Два или три дня спустя Ходжа Амин-ад-дин Махмуд, Мир Абд-ал-лах Бахши, Ходжа Мухаммад Хуссейн Бахши и кое-кто из слуг [Байрам-хана] были отправлены к Насир-ал-мулку с посланием: «Вы носили одеяние бедного ученого, когда пришли в Кандагар. Так как Вы представлялись честным и прямодушным и исполнили добрую службу, Вы были вознесены мной на высокое положение; и, будучи муллой, Вы стали вождем ратей. [Но] поскольку способности Ваши были ограничены, Вы быстро опьянели и вышли из подчинения после одной чаши. Мы опасаемся, что Вы причините великий вред, исправить который будет трудно. Будет лучше, если на некоторое время Вы спрячете ноги под одеяло разочарования и посидите в углу. Ныне Вам надлежит отдать Ваше знамя, барабан и прочие знаки отличия и Вашего возвышения и посвятить себя исправлению своего характера, ибо это будет благом и для Вас, и для мира. После чего будет приведено в исполнение то, что мы решим относительно Вас».

Как только Пир Мухаммад-хан выслушал это послание, он, будучи человеком независимого ума, с безмятежным челом передал должностные принадлежности и с блаженным сердцем принял отставку. Несколькими днями позже Байрам-хан по наущению некоторых злонамеренных лиц решил заточить его в крепость. С сим намерением послал муллу с несколькими людьми в Биану. Там благодаря посредничеству мужей, что держатся середины между доброжелательством и враждебностью, тот получил дозволение следовать в Хиджаз и отправился в Гуджарат. Когда же явился в Радханпур¹, Фатх-хан Балуч держал его некоторое время под наблюдением, стараясь выказывать почтение. В это время были доставлены письма от мирзы Шараф-ад-дин Хусейна и Адхам-хана, просивших его оставаться в том месте, которого достиг, и ожидать [дальнейших] событий. Он вернулся оттуда, и нашел приют в долине Джхаин² близ Рантанбхура, и укрепил названное ущелье. Когда Байрам-хан узнал обо всём, то послал Шах Кули Махрама, Харам-хана и отряд схватить его. Когда эти силы приблизились, произошло сражение. С наступлением ночи Пир Мухаммад-хан покинул указанное место и отправился прочь с небольшой свитой. Его добро попало в руки тех, кого отправили в сей поход.

Одним словом, Байрам-хан по причине собственного небрежения и по наущению завистливых, недалеких людей отстранил этого честного и способного слугу и своей рукой ударил топором по ногам собственной удачи. Поскольку Его Величество Шахиншах препоручил все дела верховной власти Байрам-хану и оставался за завесой, испытывая природу человеческую, он предоставил Господу возмездие за этот дурной поступок, вызванный недостойными замыслами, и в полноте мудрости ничего не сказал открыто, просто наблюдая за мировым представлением. В качестве преемника Пир Мухаммада Байрам-хан назначил *вакилом* Хаджи Мухаммад-хана Систани, своего давнего слугу. Однако, хотя Хаджи Мухаммад номинально и занимал указанную должность, настоящим *вакилом* стал шейх Гадаи, бывший *садром*. Во всех политических или финансовых делах Байрам-хан не делал ничего, не посоветовавшись с ним, и последний, будучи возбужден порабащающим человека вином мира, не считался с сирыми и

убогими. Надменность, что свергает [даже] давние удачи, — что же тогда будет с возникшей недавно? — была усвоена им и стала причиной падения его и его покровителя. Последствия этого вскоре стали очевидны, как будет описано в свое время.

Одним из событий того года стало отправление Хабиб Али-хана на завоевание Рантанбхура, что являлся крепостью, знаменитой высотой и мощью. Во время господства афганцев Салим-хан доверил эту цитадель своему рабу Джаджхар-хану³. Когда громко забил барабан удачи Шахиншаха, сей злополучный раб понял, что поддержание крепости оказалось выше его сил, и с дурным намерением — не допустить, чтобы она попала в руки царских слуг, — продал её Рай Сурджану, который служил *ране* Удай Сингху и слыл могущественным в тех краях. Сурджан выстроил здесь дома и упрочился там. Силой он прибрал и окрестные деревни. В это время священный ум направил свое внимание на захват крепости и отправление [на это дело] Хабиб Али-хана и прочих предводителей. Войска препоясали пояски решимостью для захвата и осадили цитадель. Пламень сечи взметнулся высоко, и храбрость врага стала подобна воде, но, поскольку Всемогущий приберег [славу] захвата крепости для руководства Его Величества Шахиншаха, именно в это время произошло отпадение Байрам-хана; и рассудительные мужи сочли прочие дела более важными и потому не спешили с осадой.

88

Среди происшествий описываемого времени значилась поездка пребывающего под покровом Шахиншаха в Гвалиар. Поскольку величественный дух Его Величества Шахиншаха от рождения занят захватом царств и привлечением сердец, он на этом промежутке пути был весьма склонен к охоте с *читой*. И сделал ее завесой для своей украшающей мир красоты. Тогда же он отправился в путь на юг ради охоты и прославил землю Гвалиара высоким присутствием. Во время охоты несколько загонщиков оленей (*ахубанан*) и охотников доложили, что купцы, сопровождающие шейха Мухаммада, одного из известных шейхов Индии, пригнали из Гуджарата волов⁴, не имеющих себе равных и достойных царского охотничьего экипажа. Поэтому последовал приказ привести волов, уплатив купцам цену, которая их устроит. После чего Его Величеству сообщили, что

у шейха Мухаммада и его родичей есть рогатый скот лучше этого, и, если он [Шахиншах] посетит их селение на обратном пути, шейх, конечно, ради собственного прославления подарит его ему. Таким образом, с мнимой целью получить названных животных, в действительности же — испытать учтивость шейха, он [Акбар] направился к его жилищу. Шейх обратил пыль царской процессии в мазь для очей своей славы и узрел в прибытии Его Величества защиту от притеснений Байрам-хана⁵; он преподнес всех быков, принадлежавших его родственникам, и в придачу другие дары и диковинки Гуджарата. И также предложил разнообразные сладости и благовоения. В завершение беседы спросил у Его Величества, стал ли тот чьим-нибудь учеником (букв. «отдал ли руку верности»). Его Величество, вложивший руку доверия в десницу Господа и бывший сокровищницей сокровищниц истин духовных и мирских, стремился скрыть свое положение и духовную высоту; убрав длань Богом данного таланта от тех, чьи руки были пусты, он стал зрителем изменчивого представления Вселенной и для виду ответил отрицательно. Шейх протянул руку и, завладев священной дланью того, кого питал Божественный [источник], возгласил: «Мы приняли руку твою». Его Величество Шахиншах в избытке учтивости и скромности не обратил внимания, лишь улыбнулся и удалился⁶. Его Величество Шахиншах часто рассказывал на возвышенных собраниях: «В ту же ночь мы вернулись к нашим шатрам, устроили пир с вином и веселились, смеясь такому способу ловить волов и уловке шейха с протягиванием его руки».

89

Под одеяниями пестрыми у них ловушки,
Взгляни, сколь длинны руки тех, у кого рукава коротки⁷.

Милосердный Господь! Каково же достоинство этого хвастливого простака, и какой оказалась мера справедливой оценки, учтивости и великодушия Его Величества Шахиншаха! Ибо, хотя все передавали Его Величеству, что этот шейх, вместо того чтобы ощутить раскаяние, в открытых разговорах выражал гордость своим притворным поведением, он не обращал на это внимания и не тщился исправить того! Сей шейх

приходился младшим братом шейху Бахлулу⁸, которого, как уже упоминалось, умертвил мирза Хиндал. Хотя оба брата были лишены каких-либо достоинств или учености, они в разное время жили в горных убежищах и пользовались магическими словами с Божественными именами⁹. И даже использовали это как доказательство своей известности и надежности и при помощи легко обманываемых простаков проникали в общество принцев и эмиров, где торговали святостью, и мошенничеством прибирали [к рукам] земли и деревни. Старший брат находился на службе у Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, а поскольку последний интересовался магией, шейх пользовался у него почетом. Также и шейх (Гаус) в частных [разговорах] и в обществе простаков хвалился узами преданности и учительства между ним и Его Величеством Джаханбани. Во времена мятежа Шер-хана, когда старший брат расстался с жизнью из-за верности Его Величеству Джаханбани, и поскольку люди полагали его семью соединенной с вечной властью (царского рода), шейх, опасаясь, что афганцы плохо обойдутся с ним, отправился в Гуджарат. Когда обширная страна Индия озарилась светом счастья Шахин-шаха и превратилась в обитель мира и спокойствия, шейх со своими сыновьями и внуками прибыл в Агру, и явился ко Двору, и был принят с честью. Шейх Гадаи, имевший против него давнюю обиду, вновь опоясался враждебностью и представил Хан-ханану трактат, составленный шейхом в Гуджарате, где тот приписывал себе восторги и предъявлял странные притязания, прельщая тем умы простаков. Это настроило Хан-ханана против него, и шейх, сумев при помощи некоторых людей спастись от гнева Хан-ханана, отправился в Гвалиар и стал отшельником. 3 ардибихишта, Божественного месяца, восьмого года [правления Акбара], что соответствовало понедельнику, 17 рамазана 970 г.х. (10 мая 1563 г.), он сошел в обитель уничтожения¹⁰.

В числе событий того года была отправка Бахадур-хана, брата Али Кули-хана, во главе крупной армии для завоевания Мальвы. Да будет известно, что Мальва, страна с приятным климатом, множеством источников и возделанных [земель], управлялась Шуджаат-ханом, известным населению Индии как Суджавал-хан. После него эти земли унаследовал его сын Баз Бахадур. Во времена тирании Салим-хана

Суджавал-хан однажды посетил его двор. Спустя некоторое время у него возникли подозрения, и он отбыл в Мальву, не испросив дозволения. Салим-хан двинулся туда с крупными силами, собираясь пленить Суджавал-хана, укрывшегося при дворе раджи Донгарпура. Салим-хан послал из Мальвы людей умиротворить его и посулами убедил явиться к нему. Затем передал весь *саркар* Мальвы людям, которым доверял, и наделил их землями; взяв с собой Суджавал-хана, передал ему некоторые *парганы* той области. После того как Мухаммад-хан Адали пришел к власти, он вернул Мальву Суджавал-хану, и тот оставался ее правителем до конца своей жизни. А затем и его сын Баз Бахадур стал правителем этой области. В сие время, когда мирозавоевывающий ум был поглощен сведением воедино рассеиваний мира, Его Величество обратил свое внимание на управление Мальвы. В уме своем он определил, что если бы Баз Бахадур вел себя должным образом, то имел бы честь явиться ко Двору, бывшему чудодейственным снадобьем для обретения желаемого. В противном же случае будет справедливо спасти столь прекрасную страну от нечестивых сластолюбцев. С такими мыслями Бахадур-хана с некоторым числом отличившихся военачальников послали, дабы осуществился благоприятный замысел, и было явлено сочувствие, и утешены угнетенные, что присуще верховной власти. Бахадур-хан отправился на завоевание сей области, но когда войско расположилось лагерем в Сири¹¹, стало известно о запутанности в делах Байрам-хана, подробности чего будут изложены, и последний ради личных целей послал за Бахадур-ханом и отозвал его армию. Поэтому завоевание сей области отложили до другого времени, как будет сказано в соответствующем месте.

Глава 22

*Начало 5-го Божественного года
с момента священного Восшествия
на престол [Его Величества]
Шахиншаха — года амардад
первого цикла*

В очередной раз наступила переполняющая сердце радостью весна, убравшая мир тысячью украшений, и начался во славе и величии пятый год *илахи* со времени благословенного Восшествия на престол [Его Величества] Шахиншаха — год амардад. В ночь понедельника¹, когда пробило четыре часа и девять минут, 13 джумада ал-ахира 967 г.х. (12 марта 1560 г.), согревающее землю солнце коснулось своими лучами знака Овна и возвестило собравшимся на застолье стихий о наступлении Нового года. Вновь распустились цветы удачи, и каждый лист зазеленел перед взором созерцателей сада верховной власти свидетельством господства. Ярмарочный день процветания родился для вновь прибывших в сад юности, и равнодушное уныние пребывающих в долине безумной любви обратилось в живое внимание.

Земля была усыпана цветами, луга — кустами роз,
Огни которых ярче загорались от дуновенья ветра,
Фиалка локон закрутила²
И узел завязала в сердце своего бутона.
Тюльпан и роза сбросили свои вуали
И издали взирали на нарцисса око.
От гласа франколина³ и танца фазана
Расти стал быстро кипарис и ввысь взметнулся.
Ковер цветов в саду расстелен был,
Влюбленные в лугах гуляли.

91

Глава 23

*Его Величество Шахиншах
отправляется на охоту
и раскрывает истинные намерения
Байрам-хана*

В этот счастливый год, ставший расписной каймой прекрасного и положивший начало уничтожению завесы над сим вместилищем трудов украшателей вечности, зацвел сад Разума и раскрылся бутон замысла. Для пребывающего в ожидании мира тот год стал началом исполнения всех желаний. Этот день принес вращающимся небесам добрые вести о результатах их движения и дал возможность передохнуть. То было начало размещения устремлений в сердцах небожителей. [На радость] земным обитателям на лоне надежды раскрылся и пустил корни цветок удачи. Среди всего этого [благоденствия] произошло [неприятное] событие: Байрам-хан, считавший, что никто в мире не может потягаться с ним в храбрости, таланте управления, преданности и искренности, и уверовавший из-за [сладких речей] кучки льстецов, что без него дела в Индии не пойдут, последовал дурному совету невежественных приятелей и встал на путь разрушения, совершив позорные деяния, недостойные такого человека, как он.

Испокон веков повелось, что когда Создатель-чудотворец по известным лишь Ему одному причинам или по соображениям, которые отчасти могут быть понятны мудрецам, желает подвергнуть кого-либо тяжким испытаниям, Он начинает с того, что делает этого человека орудием определенных действий, не несущих на себе печати угождения Господу. Соответственно человек, который в этом материальном мире прославляет себя, не относится к благоразумию — величайшему из Божественных даров — как чему-то незначительному, а сознаёт, что

следование оному является средством служения Аллаху. И первое, на что людям следует обратить внимание, — лъстецы не должны влиять на них. Мир устроен так, что невозможно совершенно оградить себя от них, а потому необходимо с осторожностью и проницательностью выбрать одного или двух слуг, способных, [оставшись] наедине, открыть правду, которая может оказаться горькой и неприятной во многих отношениях. Бесчисленно количество лъстецов, а у занятых людей нет времени разбираться, где правда, а где ложь, где справедливость, а где преступление. Магия успеха обкрадывает сознание, и из сотни тысяч удачливых мужей, возможно, лишь один сохранит душевную твердость в силу великих способностей. К примеру, сей великий дар и вечная скрижаль — в судьбе вскормленного Небесами *Хедива* нашего Века, так что успех его и завоевание мира возрастают пропорционально усилению его проницательности и ускорению его движения вперед. И хотя лъстецы, [вкравшиеся в толпу] при сем возвышенном дворе, добиваются осуществления своих желаний, всё же мудрый правитель крепко удерживает [в своих руках] нить распознавания и благоразумно избегает их, дабы не были порваны покровы репутации этих людей и ни один лъстец не оказал на него влияния. Разве неведомо, как в старину из-за беззаботности правителей лъстецы губили дома и роды? А сколько иных злодеяний они совершили? Нет сомнений, что на то вечная воля, чтобы при мастерской правительств обитали лъстецы, и в то же время пребывала там и глубокая мудрость. Последняя состоит в недозволении им вмешиваться в важные дела, а также в следовании Разуму, который помогает справиться с трудностями и является Султаном материального мира. 92

Есть путь и источник, глаза — дабы видеть, и солнце,
Чтоб мог человек пред собою смотреть,
Он столько огней [путеводных] имеет
И всё же тропю неверной идет!
Пусть он упадет и свидетелем станет своего наказания.
Враги не наносят друг другу такого вреда,
Какой причиняют собственная глупость и страсть.

Одним из недостойных деяний, совершённых Байрам-ханом под влиянием дурной компании, стало убийство погонщика слона, принадлежавшего Шахиншаху. Дело было так. Царский слон впал в бешенство (*маст*) и, несмотря на все старания погонщика, напал на одного из слонов Байрам-хана. И столь сильно ударил слона [последнего], что у того внутренности вышли наружу. Байрам-хан пришел в такую ярость, что велел казнить погонщика. Этим поступком, что переходил всякие границы и шел вразрез с [нормами] верности и уважения, он сделал себя объектом осуждения умудренных опытом мужей. Еще возмутительнее оказалось то, что произошло позднее, когда обезумел (*маст*) и бросился в Джамну один из личных слонов Шахиншаха. Байрам-хан катался на лодке, когда слон вырвался и направился к ней. Хан-ханан пришел в ужас, но погонщику всё же удалось справиться со слоном, и Байрам-хан был спасен от нападения [разъяренного] животного. Когда о происшествии сообщили Его Величеству Шахиншаху, он, дабы утешить Байрам-хана, приказал связать погонщика и отправил к нему, хотя погонщик ни в чем не провинился. [Байрам]-хан, время падения которого было не за горами, велел казнить погонщика, не придав значения тому, что тот принадлежал алтарю его верности и преданности, а Его Величество прислал его связанным лишь из вежливости. Он также не принял во внимание, что ничего нельзя поделать в случае безумия, особенно когда возбуждение охватывает животное, и притом животное крупное и известное своей подверженностью бешенству (*маст*). Его Величество Шахиншах, источник доброты и мудрости, оставил вне поля зрения недостойные действия [Байрам-хана], из которых выше описано лишь несколько, и укрылся под покровом безразличия. Весь его дух был обращен к мысли о том, что подобные люди, даже если они ни на шаг не продвинулись по тропе преданности, могут взять бразды правосудия в свои руки и встать на путь практической мудрости. [Однако] те пребывали в опьянении властью, и так как здравый смысл не мог пробиться [в их головы], они опускались всё ниже и ниже. Поскольку порочность этих притеснителей не перешла еще всех допустимых границ, священной души Его Величества не коснулась подлая природа его [Байрам-хана] распоряжений, ибо царство

Властелина Века было [до поры] утаено от него [Акбара] и распределено между его (Байрам-хана) льстецами. А так как Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни пожаловал Байрам-хану чин *аталика*, а сам Его Величество (Акбар) часто называл его Хан Баба — ибо у молодых монархов в обычае называть людей преклонного возраста *баба* (отец), то он [Шахиншах] относился к нему великодушно, в соответствии с его званием, и смотрел сквозь пальцы на его недостойные действия. Он [Акбар] наслаждался поездками и охотой, держа голову смирения у земли ублажения (Аллаха) и почитая несравненного Господа, пока наконец ситуация не перешла все мыслимые границы стараниями злосчастных и невежественных льстецов Вали бека Зулкадра¹ и шейха Гадаи Камбу. Он (Байрам) забил себе голову пагубными целями, и у него зародились нечистые мысли. Когда просветленный разум Его Величества Шахиншаха получил известия о преступных замыслах этой неблагодарной шайки, то, прежде чем те успели осуществить свои злобные планы, он [Акбар] поведал свою тщательно скрываемую тайну искренним и преданным [приближенным], таким, как Махам Анага, что изумляла своим благоразумием, мудростью, верностью и преданностью, Адхам-хан, мирза Шараф-ад-дин Хусейн, и другим придворным и сообщил, что намерен сбросить часть покровов со своей мироукрашающей красоты и явить свою власть, покарвав надлежащим образом Байрам-хана и сборище его льстецов, дабы пробудились они от сна нерадивости и долго горевали из-за их недостойного поведения. Великий Аллах! Как могли прийти в голову человека мысли о превосходстве Байрам-хана, величии его армии и тирании недружественных ему [Акбару] правителей! Поскольку украшающее мир Божество желало, чтобы его избранник сбросил один или два из сотен и тысяч покровов со своей красоты, и укрыл озаряющее мир чело за другой завесой, и взошел на трон управления, неизбежно следовало, что в подобной ситуации его почитающий истину разум посетят [упомянутые выше] мысли и намерения. В тот раз мысли эти были высказаны в Биане, куда он направился на охоту, и слуги падишахских порогов повели себя надлежащим образом, частично из-за недовольства жизнью, которую они вели, — ибо вследствие тирании и

преступных действий Байрам-хана эти царские подданные оказались в бедственном положении, как и сам Повелитель Века, — а частично из-за чести проявить хоть какую-то преданность — ибо во времена тайфуна и *самума*² вероломности даже незначительное присутствие верности имело огромное значение. Махам Анага поведала этот секрет Шихаб-ад-дин Ахмад-хану, управителю Дели и любимцу [Акбара], ибо тот был справедлив, предан и честен. 8 фарвардина, Божественного месяца, что соответствовало понедельнику, 20 джумада а-ахира 967 г.х. (19 марта 1560 г.), [Шахиншах] покинул Агру с намерением заняться делами управления государством и установлением мира и спокойствия. И сделал вид, что направляется охотиться в Кул (Алигар) и его окрестности, и пересек Джамну. Так как у него не было там своей резиденции, он провел ночь в доме Хакима Занбила³. Поскольку Байрам-хан всегда оказывал поддержку и внимание Абу-л Касиму, сыну мирзы Камрана⁴, и так как злобные намерения этой шайки часто выставляли его [Абу-л Касима] своим предводителем, то [Акбар] по здравому велению своего разума послал за ним с противоположного берега Джамны и взял с собой на охоту, на которой добыча его замыслов попала ему в руки, дабы не стал он [Абу-л Касим] водителем слепых душой людей на арене вражды и возмущений и проводником путников в пустыне мятежа. Замысел, безусловно, был неплохой, и его претворили в жизнь в соответствии с планом Его Величества. Ведомый судьбой, он прибыл на следующее утро в город Джалесар⁵ и оттуда отправился в Сикандру⁶. В то время там находился тесть Адхам-хана, Мухаммад Баки Баглани. Махам Анага послала за ним и поведала ему секрет. Однако этот ограниченный и порочный не захотел удостоиться чести лицезрения (Акбара) и, не желая удовольствоваться этим, раскрыл весь план Байрам-хану. Но поскольку близился конец власти Байрам-хана, а это Божественно задуманное было спланировано самими управителями судьбы Шахиншаха, Байрам-хан счел донесение пустыми сплетнями и не придавал ему никакого значения. Возвышенные знамена [тем временем] продвигались в Кул, развлекаясь по дороге охотой, и так как Ее Высочество Мириам-макани находилась в Дели и была нездорова, [Акбар] решил отправиться туда под этим пред-

логом. Он прибыл в городок Хурджах⁷ и остановился в Сарай Баханкил (?). Там его встретили Шихаб-ад-дин Ахмад-хан с братьями и другими родственниками, удостоившимися чести приветствовать [Акбара].

Они были одарены царскими милостями. Оттуда он продолжил путь в Дели и в счастливый час, 16 фарвардина, Божественного месяца, что соответствовало вторнику, 28 джумада ал-ахира (27 марта 1560 г.), этот город обрел небесную славу благодаря прибытию [Шахиншаха]. Человечество добилось осуществления своих желаний и возблагодарило небеса. Его Величество данной Аллахом мудростью стал проводником искренних, предоставив им возможность применить свои силы в достойном деле. [Акбар] отдал распоряжения доверенным слугам порогов судьбы и самым старшим членам семьи, гласившие, что поскольку Байрам-хан сошел с верного пути, он отрекся от него и потому прибыл в Дели. Каждый, кто предан Его Величеству Шахиншаху, или же умен и думает о собственной безопасности, или мечтает об осуществлении своих желаний, должен по получении этих приказов явиться ко Двору — убежищу рода человеческого, где всяк прибывший будет осчастливлен высоким положением. Это положило начало установлению его владычества, соединенного с вечностью. Счастлив тот, кто соединился с возрастающей с каждым днем верховной властью! Один из этих приказов направили Шамс-ад-дин Мухаммад-хану Атке, находившемуся в Бхере⁸, дабы тот, ознакомившись с *фирманом*, отправился в Лахор и передал этот город Мир Мухаммад-хану Калану⁹, а затем спешно прибыл ко Двору. Он также обязался привести с собой Махди Касим-хана, ибо то был путь удачи. Шамс-ад-дин, руководимый абсолютной преданностью, сделал всё в соответствии с повелением и поспешил исполнить необходимое. Подобным же образом приказ с требованием прибыть [ко Двору] направили в Кабул Муни-хану. Со всех концов двинулись царские подданные к каабе удачи.

Когда Шамс-ад-дин Мухаммад-хан Атка прибыл на службу, его приняли с царскими почестями, а возвышение одного превзошло все ожидания. За свою преданность он получил титул, о котором даже не мечтал. Ему были подарены знамя, барабан и *тумантог*¹⁰ Байрам-хана,

его заботам вверили управление Пенджабом. Разумные молодые мужи, давно преданные подданные и опытные [воины] толпами стекались со всех сторон к величественному Двору. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан из соображений бдительности и предосторожности занялся укреплением крепости Дели и восстановлением бастионов и стен последней, а также взял на себя политические и финансовые дела. Вскоре весть о потере Байрам-ханом священного расположения [Шахиншаха] разнеслась повсюду. В его власти образовалась трещина, и люди стали уходить от него. Первым, кто покинул его и направился к [Высочайшему] трону, стал Хан-ханан [Муним-хан], после которого по верному пути последовал и Кийя-хан Ганг. Он был старым и талантливым военачальником. Вслед за ним к возвышенному порогу ушли один за другим и остальные. Махам Анага присоединилась к Шихаб-ад-дин Ахмад-хану и, будучи наделенной полномочиями *вакилата*, доложила Его Величеству о положении дел. Каждый, кто искренне пришел к [священному] порогу, оказался возвышен достойными постами и одарен титулом и *джагиром*.

Глава 24

*Пробуждение Байрам-хана от сна
нерадивости, его желание искупить
свои преступления и то, как он
сошел с пути истины*

С благословенного часа, когда в стремлении поймать удачу в Агре были подняты возвышенные знамена, и вплоть до величественного прибытия [Акбара] в Дели Байрам-хан не подозревал, несмотря на всю свою мудрость и проницательность, что игральные кости выпали обратно его желаниям, и замысел мира принял иную форму, и потому продолжал бить в барабан власти. Опьяненный гордыней, он не верил доходившим до его ушей донесениям, а луч истины, направляемый к его разуму искренними друзьями, не имел никакого действия, ибо ветер высокомерия витал в его голове, пока наконец военачальники не получили утешительные известия, и повсюду не распространились слухи об отчуждении священного разума. [Байрам-хан] убедился, что Его Величество Шахиншах отправился в этот раз на охоту совершенно иного рода, и понял, что отстранен от дел, а Его Величество собрался взять бразды правления Султаната в свои руки. Он потерял нить намерений и пришел в замешательство. Осведомившись о мирзе Абу-л Касиме¹, почувствовал лишь печаль и разочарование. В результате был вынужден прибегнуть к хитрости и послал Тарсун Мухаммад-хана, Хаджи Мухаммад-хана Систани и Ходжа Амин-ад-дин Махмуда, которому Шахиншах пожаловал за добрую службу титул Ходжа Джахан, к порогам удачи и, рассчитывая преуспеть посредством лстивых речей, передал с ними свои заверения в покорности и мольбу простить его проступки. Он и не подозревал, что Владыка разоблачения принимал участие в судьбе Властелина Века, дабы тот мог выйти из-за завесы и явить [миру] свою красоту в облике

управителя земли и земных обитателей, и стремящиеся к небесному двору смогли стать свидетелями проявления силы и сделали всё для преумножения тому доказательств, а земные обитатели обрели надежду на духовное и земное благоденствие. Разве могут в подобных обстоятельствах помочь ложь и обман, и какие плоды можно пожать [такими действиями], кроме материальных и духовных потерь?

Итак, когда посланники прибыли ко Двору и услышали слова мудрости, то устыдились и опечалились. Они увидели, что их собственное благополучие не зависело от ответа (вернее, не имело никакого отношения к ответу), более того, им не позволили покинуть Двор. Когда Байрам узнал о состоянии дел из их писем и сообщений своих подчиненных — изумился и ухватил нить намерения в руку. Сначала подумал, что решающая перестановка сил еще не произошла, 97 так что ему возможно быстро отправиться туда и всё уладить. После некоторых размышлений слова «искренность» и «преданность», которые часто слетали с его губ, остановили [Байрама], однако идея верного служения его не устраивала, да и в мыслях не было никакого желания поступать таким образом (?). В конце концов, он решил набросить на свои плечи шарф верности и направиться, рыдая и стеная, пылая и изнемогая, к парадному крыльцу Двора почета.

Когда здравомыслящие доносчики довели до царского слуха истинное положение дел, кое-кто высказал предположение, что, независимо от того, в какую форму будет облечен приезд Байрам-хана, в нем будут заключены опасность и обман. Поэтому Его Величеству следовало бы отбыть в Лахор до прибытия хана и не удостаивать его беседы. [Они говорили], что время для открытой войны не пришло, и потому в этой беседе на данный момент нет смысла. Если же Байрам-хан приедет в Лахор, Его Величество должен направиться в Кабул. Другие же выражали готовность к войне и считали, что в отъезде Его Величества нет необходимости. После долгих споров сей тигр лесов власти и удачи, Властелин материальной и духовной Вселенной принял решение в пользу войны. Он отправил Тарсун Мухаммад-хана и Мир Хабиб-ул-лаха передать Байрам-хану, что запрещает ему приезжать и не позволяет приближаться в облачении дружбы, ибо Его Величество не может принять его при подобных

обстоятельствах. Когда Байрам-хан обнаружил, что дорога, на которую вступил, для него закрыта, то погрузился в долгие размышления. Ибо начать войну означало действовать обратно своим неоднократным заявлениям. Хотя Вали бек [Зулкадр] и шейх Гадаи, основные зачинщики бунта, высказывались именно за такое поведение и считали, что ему следует как можно скорее выступить и осуществить задуманное до того, как начнутся основные военные действия, всё же он из почтения к добродетельности не решился вступить в войну. На деле его удержал от этих поступков *дур баи*², исходящий от усиливающейся с каждым днем удачи Его Величества Шахиншаха. Его заносчивый ум не хотел признавать, что Индией можно управлять и без него. В результате наилучшим вариантом казались враждебные деяния под прикрытием дружелюбия, дабы в летописи его жизни не были начертаны слова вечного позора. Он не видел мироукрашающей, истинной красоты Его Величества и не имел понятия о существовании придворных хранителей, украшающих просторы Индии. По этой причине и не стал сбрасывать покровы со своих действий. По лицам людей видел, что они собираются уехать, и потому решил дать им разрешение отбыть на какое-то время. И задумал устроить хитроумную ловушку. Порой у него возникала мысль, что, коли уж отправил Бахадур-хана завоевывать Мальву, а тот еще не дошел до места, он мог бы пойти со своими сторонниками и присоединиться к тому, завоевать эту область, и там-то он отдохнет, и у него появится время обдумать собственные планы. Иногда же подумывал о том, чтобы покинуть Агру и присоединиться к Али Кули-хану, направившись через Самбал в земли афганцев, и набрать там людей. А еще говорил об отшельничестве и о том, что его преследует желание оставить мир и уединиться, дабы провести остаток дней в святых местах. Теперь, когда Его Величество решил заняться делами управления государства, разве может подвернуться ему лучшая возможность осуществить давнюю мечту и испросить дозволения покинуть Двор? Так, возможно, осуществились бы все его желания. Наконец, определяясь с собственными намерениями, он вернул назад Бахадур-хана, отправившегося в Мальву, и дозволил ему поехать поцеловать порог возвышенного Двора. Разрешая отбыть [своим] людям, рассуждал следующим образом:

98

если они верны ему и придерживаются его курса, то будет очень кстати иметь при царском войске сподвижников. Если же хотят от него уйти, то, дав им разрешение уехать, он приобретет доброе имя и убедит всех, что собирается удалиться от дел, не говоря уже о том, что присутствие подле него таких людей никак не поможет ему в достижении цели. Итак, после долгих разговоров и небольших усилий — ибо говоря о паломничестве (*хадж*), думал о недостойных действиях (*хадж*)³ — [Байрам] начал с того, что послал сына Искандара Афгана к Гази-хану Тануру⁴, дабы тот поехал и поднял мятеж на царских землях. А также отправил секретные послания в разные места, сам же направился в Алвей [Алвар], чтобы забрать семью и отправиться в Пенджаб. Если всё пойдет не так, как задумано, ему придется сделать надлежащие приготовления к началу войны.

Когда Его Величеству стало известно об этом преступном замысле, он решил не карать немилостью Байрам-хана — ибо великий [властитель] горизонтов отличался добротой и милосердием, а послал ему *фирман*, преисполненный доброты и милосердия. В этом преумножающем истину наставлении, точную копию которого я видел своими глазами, были среди прочих следующие слова:

«Ты, прислушавшийся к клике — источнику твоих бед и не подумавший, к чему всё это приведет, по их побуждению и наущению выступил и стал причиной смуты в провинциях. Ты позволил сыну Искандара и Гази-хану уехать, и теперь они устраивают беспорядки в стране. Ты также послал письмо Махди Касим-хану вместе с его *диваном* [министром] Мубараком, сообщая ему, что собираешься прибыть в Лахор и приказываешь ему охранять крепость или доверить это кому-нибудь еще. Ты также отправил послание Татар-хану Пандж Бхийя и указания во все концы начать смуту. Ты также проследовал в Алвар, намереваясь направиться оттуда в Лахор. И хотя мы не сомневаемся в твоей абсолютной преданности и в том, что ты никогда по собственному почину не совершил бы подобные действия и не являлся их инициатором, а зачинщиками этих преступлений была эта шайка [негодяев], зашедшая так далеко, всё же ты сам заявил, что невозможно после сорока лет преданной и верной службы и после всех оказанных тебе возвышенным родом почестей и милостей поднять бунт и не испытывать стыда перед лицом Господа.

Так как ты всё ещё дорог нашему сердцу, то, несмотря на причиненные тобой беспокойства и на все твои недостойные действия, мы желаем тебе добра. Сейчас, когда встреча наша откладывается, нам не представляется возможным выделить тебе провинцию в этих землях, ибо, если ты отправишься туда, люди⁵ опять станут доносить до нашего слуха печальные известия, так что тебе лучше подумать о том, чтобы удалиться в святые места⁶, о чем ты и сообщал нам в своем ходатайстве, испрашивая разрешения отбыть к ним. Пошли людей переправить дары для тех мест [Мекки и Медины], которые ты оставил в Сихринде и Лахоре. После того как с Божьей помощью и поддержкой ты обретишь сие благо и обратишь свой лик к служению паломника, мы при сих благоприятных обстоятельствах даруем тебе благосклонную беседу, которой так жаждет твое сердце. И примем во внимание твою прошлую службу, и окажем тебе ещё больше милостей. И поскольку всё зашло так далеко из-за низости [вышеупомянутой] шайки, а твое доброе имя покрыто позором среди людей, и так как мы не желаем, чтобы имя твое было запятнано, то остерегись, чтобы теперь, когда ты вступил на [новую] дорогу, слова злоумышленников не заставили тебя свернуть с пути истинного! И так как благодаря нашему уважению ты достиг предела земных желаний, то обрети же под нашим руководством окончательное блаженство».

Байрам-хан, по глупости и недостатку земной мудрости уверовавший в свои безграничные возможности и опьяненный лишающим трезвого мышления вином успеха, а также [сбитый с толку] льстецами, не узрел пути, указанного в сем благородном послании, достойном звания талисмана мудрости и волшебного амулета судьбы. Невозможно описать, с какой скоростью он стал продвигаться по ложному пути! Махам Анага из преданности и мудрости взяла дела в свои руки, используя Шихаб-ад-дин Ахмад-хана и Ходжа Джахана в качестве инструментов, и принялась успокаивать приходящих и ободрять всех и каждого.

Среди событий того времени произошло следующее. Махам Анага ради благополучия царства и для улучшения руководства недалекими и неопытными людьми задумала наделить Бахадур-хана, брата Али Кули-хана, возвышенной должностью *вакила* [первого советника правителя] и довела это до сведения царственного трона. Его Величество принял во внимание требования времени и приказал

100 облачить⁷ того в славные одежды, которых достоин не каждый. Хотя люди, умудренные опытом, но не вникшие в суть дела, много чего об этом говорили, в чем-то они оказались правы, ибо для подобной должности требуются отменные способности, богатый опыт, высокая честность, глубокое понимание и величайшее усердие. Помимо всех этих качеств, необходима полная независимость, дабы человек этот не думал о собственных потерях и приобретениях и обратил все силы на работу для своего господина. Если вдруг для исполнения долга перед благодетелем возникнет необходимость казнить собственного отца, он должен без колебаний осуществить требуемое! Помимо всего этого — что считается великим даром — он должен быть в мире со всеми людьми. Ибо невозможно управлять миром, если *вакил* Властелина Века, которого избрал из тысячи тысяч людей украшающий мир Господь, и заботам коего вверили многих смертных, и которому поручено просвещение стольких народов и религиозных сект, не обладает подобными качествами (*нишан*). Как тогда будут сосуществовать в мире противоборствующие убеждения и разные веры, берущие свое начало в Божественной мудрости? В действительности же слова людей имели целью удовлетворить поверхностных (*мустаар*). Помимо этого следовало прекратить беспорядки, ибо глупые турки, такие, как Кийя-хан Канг⁸, Султан Хусейн Джалаир, Мухаммад Амин Дивана, были заодно с ним (Бахадуром) и нападали на Шихаб-ад-дин Ахмад-хана, Ходжа Джахана и других людей. Украшающий мир разум возвысил его [Бахадур-хана] до должности *вакила*, дабы погасить пламя мятежников. Кийя-хану за его давнюю добрую службу пожаловали Бахраич и дали разрешение туда отбыть. Султан Хусейн-хан и ряд людей провели несколько дней в заключении и, понеся наказание, были отпущены. Мухаммад Амин Дивана бежал, став бродягой. Когда камень раздора упал среди этой злобной шайки, Бахадур-хана тоже отпустили, пожаловав Этаву в качестве земельного владения. И хотя в те дни на Бахадур-хана возложили звание *вакила*, на деле его полномочия исполняла Махам Анага. О вы, почитатели [внешних] форм. Что вы видите? Для сей благородной работы необходимы мудрость и мужество, и Махам Анага поистине была совершенным вместилищем этих двух качеств.

Многие женщины мужественно шествуют по тропе мудрости.

Глава 25

*Поход судьбоносного войска
Шахиншаха из Дели для
подавления мятежа Байрам-хана
и другие преумножающие
власть события*

Когда украшающий мир Создатель желает, чтобы Хедив Века вышел из-за завесы тайн и явил [людям] свою затмевающую мир красу, Он неизменно ввергает во мрак разум и судьбу мудрецов века, выступающих против великого [властителя]. Таким образом, замыслы

101

Байрам-хана и его хитроумных приспешников были сведены на нет. Беспомощный, он выступил из столицы, Агры, в день аниран, 30-го числа Божественного месяца фарвардин, что соответствовал среде, 12 раджаба [967 г.х.] (8 апреля 1560 г.), и направился в Алвар. Когда же прибыл в город Биану, то освободил от цепей Шах Абу-л-маали и Мухаммад Амина Дивану, заточенных в крепости Бианы для подавления мятежа, и отпустил их. Хотя на людях велел передать, чтобы те отправлялись к возвышенному Двору, на деле освободил этих матерых бунтовщиков, дабы у них появилась возможность сеять беспорядки. Когда до царственного слуха дошли известия об отбытии Байрам-хана из Агры и стало ясно, что тот намеревается продолжать свой пагубный путь к Пенджабу, украшающий вселенную разум решил, что пересекающие мир знамена должны выступить из Дели и укрепиться в Нагоре, дабы Байрам-хан не смог ступить на эту территорию. Таким образом, если он в своих тщетных мечтах задумает войти в Пенджаб, путь будет перекрыт. Поэтому в день азар, 9 ардибихшта, что соответствовал пятнице, 22 раджаба [967 г.х.] (18 апреля [1560 г.]), покоряющая мир армия вышла из Дели. Поскольку Шахиншах отличался невероятной бдительностью и осторожностью, то не удовольствовался

лишь вышеописанными превосходными распоряжениями и на первой же стоянке от этого места послал Мир Абд-ал-Латифа из Казвина, отличавшегося умом и преданностью, указать Байрам-хану путь посредством праведных наставлений. Суть его слов состояла в следующем: «Твоя служба и преданность сей великой семье известна человечеству. По причине нашего нежного возраста мы уделяли много внимания прогулкам и охоте, не останавливая взора на делах политических и финансовых, и все дела верховной власти доверили твоим превосходным способностям и знаниям. Теперь, когда мы сами занялись управлением государством и свершением правосудия, было бы правильно, чтобы сей мудрый доброжелатель (Байрам), всегда похвалявшийся своей искренностью и преданностью, признал бы Божественный дар в данной истине и бесконечно возблагодарил за это. И мог бы на время подобрать полы [своей одежды] от дел и обратить свое внимание на блаженство паломничества, о котором он всегда так мечтал и постоянно говорил, прилюдно и наедине, как о благе, которое он жаждет обрести. Мы пожалуем ему любое место и землю, что он пожелает в Индии, дабы слуги его могли обеспечивать его средствами — жатва за жатвой, год за годом». 13-го числа Божественного месяца ардибихшт упомянутого выше года, что соответствовало вторнику, 26 раджаба [967 г.х] (22 апреля [1560 г.]), знамена славы были водружены в городе Джхаджхар¹.

Тем временем Шах Абу-л-маали — вместилище раздора и мятежа — прибыл с враждебными намерениями к возвышенному Двору, ибо, будучи не в состоянии сделать что-нибудь на расстоянии, он мог бы совершить что-либо под личиной служения. Но тот, кто лелеет злые умыслы против избранника Аллаха, является собственным недоброжелателем, и его личные дела ухудшаются с каждым днем. Чтобы освежить повествование, расскажу вкратце об Абу-л-маали, начиная со времени его побега из-под ареста от Пахлван Гулгаза *котвала* в Лахоре и до сего времени.

102 Когда в первый год Божественной эры Шах Абу-л-маали бежал из Лахора благодаря хитрости, а также вследствие беспечности или алчности и вероломства тюремщиков, то по совету² служившего ему Юсуфа Кашмири отправился в страну гхаккаров. Правитель тех мест, Камал-хан, посадил его в тюрьму. Благодаря ловкости он сумел сбежать и прибыл в

Наушахру, город между Бхимбхаром и Раджаури³. Туда же прибыли кашмирцы, дезертировавшие от Гази-хана⁴, правителя Кашмира; к ним присоединилось около 300 моголов, известных беспринципностью и неблагодарностью. К нему примкнуло и около 700—800 кашмирцев, в результате чего Абу-л-маали преисполнился гордости и тщеславия. Шамс-ал-мулк Чардара и Ходжа Хаджи⁵, в прошлом служивший Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни, приехали и воодушевили их. Даулат Чак, правитель Кашмира⁶, некогда ослепленный Гази-ханом, собрал множество кашмирских *сирдаров* [военачальников], таких, как Фатх Чак, Хасубат и Мусубат — племянники (сыновья брата) Даулат Чака, Лохар Жанкар⁷ — сын сестры Даулат Чака, Юсуф Чак, также некогда подвергнутый Гази-ханом ослеплению, которое, однако, не привело к слепоте благодаря изобретательности кашмирцев, и Мухаммад-хан Макри — отец Али Шера, ныне пребывающий на службе [у Его Величества]; они проследовали через Пунч и Кхавару⁸ по тайным тропам, называемым на кашмирском языке *акудео*⁹, и прибыли в Барахмулу. Оттуда поспешили в Нурпур и, пройдя его, вступили в бой с Гази-ханом выше селения Паттан. Так как он (Абу-л-маали) повернулся спиной к алтарю судьбы, то был разгромлен и возвратился ни с чем в плачевном состоянии в Индию той же самой дорогой. Он чуть не попал в руки кашмирцев, но один из находившихся с ним героев из чагатаев¹⁰ спешился и, встав в узком проходе, начал стрелять из лука. И продолжал стрелять до тех пор, пока не опустел его колчан, и тогда кашмирцы подошли и прикончили его, а Абу-л-маали воспользовался моментом и бежал. Он прибыл через Даман-икох в Сиалкот. В плачевном и бедственном состоянии скитался от селения к селению в поисках неприятностей. Наконец пришел в Дипалпур — в то время земельное владение Бахадур-хана, брата Али Кули-хана, и нашел приют у одного Тулака, бывшего слугой Бахадур-хана, которого раньше знал. Он уже долго прятался в его доме, обдумывая планы мятежа, когда жена Тулака из ненависти, которую испытывала к мужу, пошла к Бахадур-хану и рассказала, что ее муж укрывает в своем доме Абу-л-маали, и они замышляют его (Бахадура) убить. Бахадур-хан тотчас вскочил на коня и приехал в тот дом. Окружил его и захватил Абу-л-маали, а Тулака убил там же. Он взял Шах Абу-л-маали под стражу и отправил его к Байрам-хану, который передал его

Вали беку, дабы тот переправил его в Гуджарат через Бакар [Бхаккар]. Вали бек послал его этой дорогой в Гуджарат, чтобы тот мог отправиться оттуда в Хиджаз. Когда Шах Абу-л-маали достиг Гуджарата, то в неуправляемом состоянии и безумии совершил недостойные действия и убийство. После этого бежал в восточные провинции и присоединился к Али Кули-хану, надеясь при помощи последнего разжечь беспорядки. Однако тот изменник сам мечтал о власти и господстве и потому не принял Шах Абу-л-маали, отправив его к Байрам-хану. Он [Шах Абу-л-маали] прибыл в город, когда дела Байрам-хана шли неважно. Дабы продемонстрировать видимость преданности, [Байрам] схватил его и отправил в Биану. Напоследок, когда, поддавшись пагубным советам, он [Байрам-хан] следовал по дороге в Алвар, то освободил его [Шах Абу-л-маали] из крепости Бианы и, как было уже сказано, отпустил с миром. Победоносные знамена Шахиншаха достигли Джхаджхара, когда этот упрямец и невежда, впав в безумие, приехал и, не спешиваясь, сделал *корниш*¹¹. Его Величество приказал заковать сумасшедшего в цепи и передать его Шихаб-ад-дин Ахмад-хану, дабы тот отослал его в Хиджаз. Духовный и мирской Хедив, следуя совету старых слуг и исходя из интересов времени, приказал освободить этого возмутителя спокойствия. Им надлежало выпустить никчемную душу из темницы телесной оболочки. Увы, увы! Что же они не освободили этого порочного от груза его головы. Много безобразий учинил он, поскольку злобная душа его долго не расставалась с телом. Тем самым и заслужил тяготы вечного наказания. Здесь я заканчиваю этот рассказ и возвращаюсь к основной линии повествования.

Мудрые и ученые знают: коль Байрам-хан пал столь низко, судьба заслуженно отвернулась от него. И хотя он делал вид, что принимает наставления, в сердце своем двигался в обратном направлении, и в день, когда падишахский лагерь расположился в Джхаджхаре, Насир-ал-мулк Пир Мухаммад-хан Ширвани прибыл и обрел в пыли порогов судьбы бальзам для своих просвещаемых глаз. Вышеупомянутый еще не достиг Гуджарата, когда прослышал, что удача оставила Байрам-хана. Так как он был приверженцем Двора, то спешно прибыл и выразил свое почтение. Его Величество одарил его царскими милостями, и возвысил титулом хана, и почтил знаменем и барабаном. Вследствие превосходного от природы нрава он был удачлив вдвойне: и в духовном, и в мирском плане.

Глава 26

*Возвращение царской процессии
из Джхаджхара и отправка войск
для задержания продвижения
Байрам-хана*

Поскольку ум Его Величества был обеспокоен продвижением Байрам-хана, а Шахиншаху не пристало лично принимать участие в походе, то всеукрашающий мир разум принял решение отправить в Нагор Адхам-хана, Шараф-ад-дин Хусейна мирзу, Пир Мухаммад-хана, Маджнун-хана и большое войско. Если выяснится, что он [Байрам] не собирается в Хиджаз, а лишь хочет с помощью своего донесения усыпить бдительность Его Величества и направиться в Пенджаб — источник запасов — и учинить там беспорядки, то эти храбрецы должны опоясаться мужеством и проучить его. Если же дела обстоят иначе, они должны проследить за тем, чтобы он покинул царские владения. Нагор и его земли отдали мирзе Шараф-ад-дин Хусейну. Военачальники отправились выполнять приказ. Мухаммад Садик-хан был послан подавить мятеж сына Сикандар-хана и Газихана Танура, коих Байрам-хан отделил от себя и которые, объединившись с Маттар Сенем, учинили беспорядки в провинции Самбал. Тот поспешил туда и покарал их. Когда войска отправились в путь, царская процессия повернула назад, и 28 ардибини¹, Божественного месяца, что соответствовало среде, 11 шаабана [967 г.х.] (3 мая [1560 г.]), прибыла в Дели. Врата правосудия и щедрости распахнулись перед человечеством.

Байрам-хан пребывал в *саркаре* Меват, когда его лагерь облетели известия о приближении войска удачи. Положение сразу изменилось не в его пользу, и люди стали уходить от него. С ним не осталось никого, кроме Вали бека [Зулкадра] и двух сыновей последнего —

Хусейн Кули бека и Исмаила Кули бека², приходившихся ему родственниками, а также Шах Кули-хана Махрама, Хусейн-хана и нескольких других. Воины же толпами уходили от него ко Двору.

105 Так как войско удачи переход за переходом приближалось в его направлении, Байрам-хан понял, что здесь больше нельзя оставаться. Сердце его уже не жаждало власти — он написал послание, полное раскаяния и всяческих извинений. И выразил сожаление по поводу расставания и испросил разрешения посетить святыне земли. В надежде, что чего-либо достигнет покорностью, отправил слонов, *тумантог*, знамя, литавры и другие знаки отличия с Хусейн Кули беком, который впоследствии получил милостью Шахиншаха титул Хан Джа-хана. Он написал военачальникам, которым было поручено проследить за ним: «Зачем вы доставляете себе лишнее беспокойство; сердце мое и так уже охладело к миру и лишь влачит бремя его. Я послал все свои знаки отличия ко Двору». *Сирдары*, поверив обману, повернули назад. Хусейн Кули получил дозволение засвидетельствовать свое почтение в Дели, и всем показалось, что Байрам-хан отправился в паломничество. В это же время интриган шейх Гадаи вернулся ко Двору, расстроенный и жалкий. Хотя он заслуживал наказания, его приняли милостиво. Дальновидные придворные были настороже на случай, если донесут о вероломстве или о том, что оно замышляется в какой-либо стороне, а то как бы не возникло трудностей с предотвращением его [последствий]. Тогда же неожиданно пришло сообщение, что [Байрам] направился в Пенджаб и поднялась пыль беспорядков. Поэтому злоумышленники, ждущие подходящего момента [для своих козней], возрадовались на какое-то время. О Аллах, пусть подобные [негодяи] никогда не достигнут своей цели!

Глава 27

Мятеж Байрам-хана становится очевидным, он сбрасывает маску и направляется в Пенджаб

Из-за приближения победоносных войск Хан-ханан покинул царские территории и прибыл в Биканир. Рай Калиян Мал, правитель этой земли, и его сын Рай Раи Сингх, ныне один из самых преданных слугителей Двора, занимающий высокое положение среди великих воинов, нанесли визит Байрам-хану. Ему негде было остановиться, и, приметив славное место для стоянки, он остался в этой приятной стране. И ждал подходящего момента учинить новые беспорядки. Но поскольку царская удача каждый задуманный им план обрекала на провал, ему пришлось пересечь со сбитыми до мозолей ногами все стадии благополучия, и продолжить путь в святые земли, и, таким образом, пасть ниц с посрамленным лицом на земле пристыженности. Будучи человеком чрезвычайно доверчивым, он был введен в заблуждение некоторыми негодяями, и его охватили печаль и гнев. Его разум затмило что-то вроде гордости и высокомерия. И вместе со злополучными, грязно мыслящими [сподвижниками] направился в сторону Пенджаба. Отказавшись от каких-либо планов и накинув личину зла, объявил себя мятежником. Охранявшим границы военачальникам написал, что уже почти собрался в Хиджаз, когда узнал, что кучка негодяев ввела в заблуждение благородный разум Акбара и сделала его [Байрама] бродягой. Особенно же постаралась во всём этом деле Махам Анага, имеющая большой авторитет и делающая всё, чтобы погубить его. В настоящий момент единственное его желание — прийти и наказать этих недоброжелателей, а затем опять испросить

106 разрешения и отправиться в благословенное странствие. Написав это причудливое письмо и созвав людей, он послал Ходжа Музаффар Али, получившего царской милостью титул Музаффар-хана, к Дервиш беку Узбеку¹, одному из величайших воинов Пенджаба, воспитанному им [Байрам-ханом], дабы тот [Ходжа] мог привезти оногo, наполнив его [Дервиш-бека] надеждой. Когда весть об этом дошла до царского слуха, Его Величество по своей великой доброте отправил наставительное письмо Байрам-хану, [написав], что если тот желает быть удачливым и счастливым, ему следует принять эти превосходные указания и постараться обрести свое счастье. Для лучшего просвещения рассудительных [мужей] настоящего и будущего прилагаю копию этого документа.

Глава 28

Фирман Джалал-ад-дин-у-ад-дунья
Акбара Падшаха Гази

Да будет известно Хан-ханану, что, поскольку он был вскормлен и взлелеян сей величественной семьей, его обязанности доброй службы этому Двору уже установлены, и Его Величество Джиннат-дастгах (Хумаюн) — да будет Аллах великодушен к нему! — благодаря положительным качествам и искренности, проявленным им [Байрамом], осыпал его милостями и доверил ему высокую должность быть нашим опекуном (*аталиком*), и поскольку, после того как повелитель покинул теснины этого мира ради необъятных просторов мира вечного, он (Байрам) с верностью и прямодушием опоясал талию кушаком преданности и исполнял обязанности первого министра (*вакил*), мы, наблюдая его усердие в сей службе и его казавшийся достойным характер, передали ему поводья ослабления и стягивания, насколько это допускалось. Таким образом, всё, чего бы он ни пожелал благого или дурного, исполнялось; и потому за эти пять лет вышли на свет некоторые недостойные его дела, вызвавшие всеобщее недовольство, такое, как покровительство шейху Гадаи¹, вследствие чего сделал того *садром*, и, несмотря на то что сия должность требует совершенных способностей и знаний, он, по причине личной дружбы и близости, избрал его среди всех людей, подходивших своими талантами и происхождением. Помимо того что сделал его *садром*² и дозволил ставить собственную печать на указах, освободил его и от церемонии [изъявления] почтения (*таслим*)³ и, невзирая на его очевидное невежество и недостаток дарования, обеспечил ему в райских собраниях первенство пред всеми *сайидами* благородного рода и всеми выдающимися

уламами, коим мы изъявляем почтение по причине их положения и достоинств. Этим он самым ясным образом показал свое презрение к чистейшей и святейшей семье (Мухаммада) вопреки собственной похвальбе в любви и расположении к этому роду. Он даровал своему подопечному, отвергаемому и презираемому всеми⁴, первенство перед превосходно обученными и, не испытывая стыда или почтения перед святыми духами всех наших предков, поднял его до такого положения, что названный появился пред нами верхом на коне и взял нас за руку⁵! Собственную раболепную прислугу, чье положение и качества хорошо известны, он наделил титулами султанов и ханов и одарил их знаменами, барабанами, богатыми наделами и тучными землями, а ханов, принцев, чиновников и доверенных слуг Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, положение, права и способности которых всем известны, он с совершенным отсутствием уважения в неразумии оставил без куска черствого хлеба. Более того, злоумышлял против жизни и чести их всех и не вспомнил о старых слугах и челяди, которые [многие] годы служили в надежде (на награду) и получили право на милость и благосклонность, и не дал им хотя бы незначительные должности, которые могли бы стать средством к существованию. Что касается тех, кто исполнял службу на охоте или в походах и подвергался тысячам опасностей и тревог, он постоянно измышлял ложь о них, жаждая их крови. И совершил различные неумеренные и несоизмеримые действия. Если его собственные слуги совершали сотни проступков, таких, как убийство, кража, разбой на больших дорогах, грабеж и прочее, и это доводилось до его сведения, он по пристрастности и лицемерию смотрел на сие сквозь пальцы; но если мелкий проступок допускался слугами Двора или же клеветнически приписывался им, то не колебался взять их под стражу, предать смерти или же отнять всё. Он также не брезговал разнообразными утеснениями и оскорблениями с целью слежки; и некоторые в своей отъявленной подлости прислуживали ему в этом и расточали ему лесть — таковы Шах Кули Наранджи [Махрадж], Мухаммад Тахир⁶ и Ланг Сарбан⁷. В простоте своей он верил, что те говорят истину, и покровительствовал и поддерживал их. Так, Шах Кули вел себя вызывающе и не

слушал приказов [Акбара], а Мухаммад Тахир дал столь грубый ответ, что заслуживал отрезания языка или даже казни. Он же (Байрам) знал об этом, но не предпринял ничего. Ланг Сарбан произносил перед множеством людей в его присутствии столь грубые выражения, что также заслужил соответствующее наказание. Ему [Байраму] самому известно, каковы были должность и положение Вали бека среди кызылбашей. Не принимая в расчет [незначительность] его службы, его происхождения или должности, а главным образом, на основе его родства — поскольку тот являлся шурином Байрама⁸ — последний ввел его и поставил над всеми крупными военачальниками, так что даже обеспечил превосходство над Сайид Кули мирзой⁹, который славен высотой своего положения *сайида* и близостью к повелителю. Хусейн Кули, который не бился даже с цыпленком¹⁰, он дал положение, равное Искандархану, Абд-ал-лах-хану и Бахадур-хану, и оделил его плодородными землями, в то время как великим ханам приходилось довольствоваться пустошами. В продолжение всего этого времени совершал подобные деяния на многих собраниях, чем огорчал и тревожил нашу широкую душу. Поскольку мы желали доставить ему удовольствие и считали его искренним доброжелателем нашей семьи, всецело полагаясь на его слова и поступки, то рассматривали все эти неподобающие деяния как [проявления] безупречной преданности и доброй воли, намеренно и сознательно оставляя их без внимания с совершенным великодушием. В конце концов нам было доложено, что он по наущению всё той же клики замышлял поднять бунт и, разлучив нас с теми немногими, кто оставался с нами, обречь на одиночество. Дабы предотвратить эти козни, мы отправились из Агры в Дели и написали ему, что вследствие различных поступков, выступивших на свет, и речей, пересказанных нам, мы полагаем, что он не может служить нам ныне; но, хотя мы получили от него множество обид, мы продолжаем считать его Хан-хананом и величать так. И чтобы успокоить его, мы принесли торжественные клятвы, что не умышляем против его жизни, достояния или чести. Но поскольку мы сами стали уделять внимание делам управления, было решено, что он займет подобающее ему место и доложит, что

считает надлежащим, а затем мы в соответствии с нашим решением дадим приказ [об исполнении]. Поскольку по разным случаям мы заявляли, что пришло время нам самим обратиться к обязанностям управления, мы полагали, что, узнав сии добрые вести, он будет доволен и останется тверд и неизменен в повиновении. Однако до нашего сведения дошло, что он полностью позабыл о милости, оказанной ему при исполнении его должности, и об обязательствах перед нашей благородной семьей, основанных на ее расположении и покровительстве ему в продолжение сорока лет, и о ее поддержке [оказанной] ему с колыбели, и внимает речам сей мятежной шайки. Та же ради собственных корыстных целей пожелала вовлечь его в ряды мятежников и в последний период его жизни лишить отрады мира иного и ввергнуть в вечный позор. Таким образом, благодаря своему отъявленному коварству, подлости и спеси они переманили его и свели с (верной) стези. Он отправил весть сыну Искандара [с предложением] выступить против [Акбара] и послал также людей к Татар-хану Пандж Бхийя, приглашая его вступить в Даман-и-кох, устроить там бесчинство и затем уйти. Сам же думал о Лахоре, полагая, что сумеет посеять там мятеж и обратиться к противодействию. В царские владения он внес разлад и пытался ледяным дыханием потушить светильник верховной власти сей семьи, зажженный вечным сиянием и питаемый рукой Божественной мощи. Очевидно, завеса гордости и надменности затмила глаза его разума, и ему неизвестно, что

Кто дует на зажженную Аллахом лампу,
Обжигает собственную бороду¹¹.

Памятуя о всём том чистосердечии и надежности, что столь явно проявлялись во всём его поведении, нам казалось и кажется по-прежнему, что сии проступки были вдохновлены порочными людьми и в действительности чужды ему; невозможно поверить, что они принадлежат ему, также и потому, что его вскормила и взрастила сия великая семья, и повиновение нашим приказам для него правильно и надлежаще; [и] дабы преподать урок, мы повелели, чтобы он отказался от этих

гнусных дел, взял под стражу и отправил ко Двору эту закоренелую, погибшую шайку, ставшую причиной гибели его удачи и чести и ради собственных целей подпитывающую его непокорность и враждебность. Поскольку мы в продолжение этих пяти лет уважали его волю и во всём повиновались, не преступая пределы его добрых пожеланий, что бы он ни предлагал — будь то приемлемо или неприемлемо для нас, то и ему подобным же образом надлежит немедленно подчиниться этому указу и не досадовать. Если же поступит в соответствии с сим указом, мы очистим наше сердце по отношению к нему и полностью простим его проступки и оскорбления. И как только он пожелает служить, и к этому представится случай, мы призовем его на нашу службу, дабы можно было убрать над ним завесу. И поскольку его услуги по-прежнему ценятся и одобряются нами — хотя он и получил тысячи милостей, равных им, мы желаем, чтобы имя его, что в течение многих лет во всех землях и городах славилось искренностью, преданностью, послушанием и надежностью, оставалось безупречным, вопреки участию в мятеже, упрямству и непокорности, и не было включено в список Карачи Кара Бахта¹². Таким образом мы напоминаем ему об обязанностях повиновения. Да остережется он питать иные мысли, и да будет уверен, что, если по невежеству и близорукости покинет путь, и гордость и надменность повредят ум его и поместят его среди отступников, мы, сопутствуемые могуществом и почитанием, двинемся на него с нашими победоносными войсками и, сопровождаемые верховной властью с решимостью уничтожить его, Божьей милостью сотрем его с [лица] земли. Есть надежда, что в сих обстоятельствах, когда удача нашего Халифата предпослана, а его начинает отступать, будет одержана великая победа, и он будет разбит армией удачи, посрамлен и сделан пленником. Пусть же не показывает свое безрассудство, полагая, будто осыпал своих людей за эти пять лет столькими милостями, что они оказались бы полезны в пору нужды. В его недомыслии и невежестве ему невдомек, что удача связана с Божественной милостью. Если нет этой милости, вероломный слуга не достигнет успеха. Поэтому очевидно, что большинство из тех, кто величает себя [его] сыновьями и братьями, и кто, как он полагает, никогда не покинет его, уже отделились от него, ведомые

удачей. Те, что остались, один за другим покидают его и являются ко Двору. Мало-помалу они оставят его в одиночестве. В таких обстоятельствах ничто, кроме покорности и вручения [своей судьбы милости нашей], не поможет.

Глава должна склониться, а шея — подчиниться.
Ибо верно всё, свершаемое справедливым принцем.

* * *

Хан-ханан, падение которого было близко, — вернее, который очертя голову бросился в темную ночь падения, — не извлек урока из этих наставительных слов, что могли составить закон удачи. Стоит ли говорить, что они усилили его недовольство? Но сведущий знает, что он собственными усилиями поспешал к пропасти бесчестия. Словом, [Хан-ханан] выступил из *парганы* Биканир к Пенджабу. Проходя мимо крепости Табархинда¹³, входившей во владения Шер Мухаммада Диваны¹⁴, оставил сына Абд-ар-Рахима и остальных из своей семьи со всей поклажей в крепости с Шер Мухаммадом, одним из ближайших сподвижников, и продолжил путь. Шер Мухаммад склонился на сторону истинного благодетеля и отделился от него [Байрама]. Он завладел всем добром и движимым имуществом, оставленными в Табархинде¹⁵, и привез семью Байрама ко Двору. Дарвеш Мухаммад Узбек¹⁶ взял под стражу Музаффар Али, явившегося, чтобы вовлечь [в мятеж] и его, и отослал ко Двору, а сам опоясался верностью. Он признал своего господина и покинул мнимого благодетеля. Когда тот (Байрам?) проходил близ Тараха¹⁷, мирза Абд-ал-лах Могол привел его в состояние обороны и подготовил к сражению. Вали бек подошел к Тараху и был разбит. Великолепно! Кто пытается затушить лампу, зажженную Аллахом, тот кидает в пламя плоды собственной удачи и счастья. Так как настало время падения Байрам-хана, всё, что тот считал для себя выгодой, обернулось потерей. А поскольку корысть — это завеса на глазах рассудительности, он не уразумел, в чем заключалось его собственное благо, и, принимая повод пробудиться за повод предаться сну, отправился в *паргану* Джаландхар.

Глава 29

Отправление Хан Аазим Шамс-ад-дин Мухаммад-хана Атки с ойском для подавления мятежа Байрам-хана и поход Его Величества Шахиншаха в том же направлении. Возжжение огней битвы меж армией удачи и Байрам-ханом и победа царских слуг

В продолжение того благоприятного времени, когда столица Дели служила местопребыванием повелителя, были доставлены известия о походе Байрам-хана из Биканира в Пенджаб и принято царское решение выслать армию, чтобы остановить его продвижение, дабы в области Лахор не возникло ни облачка волнений. Некоторые недалековидные придерживались мнения, что Его Величество должен отправиться сам для ведения войны, а другие говорили, что туда следует послать армию удачи. Его Величество Шахиншах внял обоим мнениям и решил, что победоносная рать отправится вперед, а он затем последует за ней. После долгих споров он отнесся с одобрением к материнской заботе Махам Анаги и отстранил Адхам-хана [от похода]. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан Атка и его сын Юсуф Мухаммад-хан Кокалташ, Махди Касим-хан, Мухаммад Касим-хан из Нишапура, Али Кули-хан, Мир Латиф, Хасан-хан, родич Шихаб-ад-дин Ахмад-хана (*хвеш* — возможно, зять), и целый ряд мужей были назначены в Пенджаб, дабы не позволить Хан-ханану уйти оттуда. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан с этими великими полководцами двинулся в Пенджаб, положившись на растущую с каждым днем удачу Шахиншаха. После того как они выступили, Его Величество в качестве особой меры предосторожности начал приготовления к собственному походу.

Когда в своей совершенной прозорливости Его Величество решил устроить поход для приведения государственных дел [в порядок], он возвысил Ходжа Абд-ал-Маджида¹, назначенного *сариф-дивани*, наделив его титулом Асаф-хана, и поручил ему управление Дели как часть его обязанностей визиря. Он дал ему царские наставления и призвал не гордиться собственной мудростью и величием, помнить о милостях, которые получены, и считать свое возвышение следствием смирения, рассматривать благосклонность Его Величества как вознаграждение за его службу и удерживать око и сердце, руку и речь от людского добра. Ходжа внял драгоценным увещаниям и освятил свое процветающее чело, распростершись у величественного порога. Он отдал всё сердце труду, прилагая свои силы искренне и преданно.

Когда поднялись волнения в связи с мятежом Байрам-хана, был дан сообразный с разумом и осторожностью приказ задержать Хусейн Кули бека, и на несколько дней его передали [под присмотр] Адхам-хану. С совершенным человеколюбием, что являлось одним из его свойств, Его Величество уведомил Адхам-хана, что на нем будет лежать ответственность, если малейшая неприятность случится с Хусейн Кули. 31 амардада, Божественного месяца, что соответствовало вторнику, 20 зульт-каада [967 г.х.] (12 августа 1560 г.), Его Величество покинул Дели, дабы погасить мятеж. Поскольку, согласно Божественному установлению, благородные достижения, какие невообразимы для мира, осуществляются, едва попав в поле зрения [Акбара], понятно, что произойдет, как только Его Величество лично уделит внимание делу. Свежий пример тому был явлен, когда верные мужи, посланные [сражаться с Байрамом], попрощались и отправились исполнять свою службу. Они не принимали в расчет иные соображения — как это в обычае у старых самоуверенных слуг, но шли твердо, не сдерживая поводьев, пока не достигли *парганы* Дикдар², что лежит близ *парганы* Джаландхар и между Сатледжем и Биасом, и преградили путь Байрам-хану у Гуначура³, что относится к Дикдару. Байрам-хан готовился захватить Джаландхар, когда проведал о приближении Атка-хана. В гордыне не придавал он значения Атка-хану и возжелал битвы. В своем высокомерии и спеси разделил войска на два отряда и включил в передо-

вой [отряд] Вали бека [Зулкадра], Шах Кули-хана Махрама, братьев Вали бека, Исмаил Кули-хана, Хусейн-хана (Тукрийа), Якуб султана, Сабз Талху (?)⁴ и ряд других мужей, коим было суждено погибнуть. Целый отряд находился под его собственным командованием, а впереди располагались почти 50 знаменитых слонов. С другой стороны Шамс-ад-дин Мухаммад-хан, поддерживаемый удачей Шахиншаха, выстроил войска. Он ободрил своих людей и двинулся вперед. Сам руководил центром, правым крылом управлял Мухаммад Касим-хан из Нишапура, а левым — Махди Касим-хан. Али Кули-хан из Андараба, Кийа-хан, Сахед Хасан и иные преданные слуги входили в передовой отряд. Фарх-хан [Фатх-хан] и множество храбрецов составили *альтами*, а Юсуф Мухаммад-хан Кокалташ с несколькими доблестными героями располагался между центром и *альтамишем*. Атка-хан, не уверенный в своих людях, взял с них клятвы и обещания, укрепив их сердца перед сечей. Хотя у Байрам-хана людей было немного, все они являлись превосходными [воинами]. Немалые надежды он также возлагал на царскую армию, ибо многие слали ему письма по своему зломыслию и двоедушию.

Когда обе рати сошлись в битве близ деревни Гуначур в середине шахриюра, Божественного месяца, что соответствовало началу зу-ль-хиджжа [967 г.х.] (23 августа [1560 г.]⁵), с обеих сторон были совершены отважные подвиги. Хотя в первом столкновении передовые части врага выказали такую доблесть, что воины удачи понесли тяжелые потери, Атка, как и любой из его отряда, а также Юсуф Мухаммад-хан с немногими людьми держались на поле битвы и, пораженные лицемерием и трусостью собственных воинов, искали опору храбрости в священной душе Шахиншаха. В тот момент, когда бойцы Байрам-хана оттеснили большую часть противника и преследовали его, а Байрам-хан наступал во главе своего отряда, ликуя при мысли о победе, появился [из засады] отряд Атка-хана, стоявший [до этого] за холмами. Байрам-хан двинулся, чтобы смять его, и первыми направил слонов, главным из которых был великан с походным паланкином (*тахт раван*)⁶. Сам же он [Байрам-хан] находился в задней части (паланкина). Внезапно царская удача и помощь небес сорвали завесу сокрытия с лика успеха. Меж

двумя армиями лежала [засаженная] рисом низина⁷, и слоны ступили в это болото⁸ и увязли в нем. Храбрецы победоносной армии пустили стрелы в погонщиков, и милостью тайного содействия одна поразила погонщика первого слона и застряла в шее животного. Байрам-хан, увидев, в каком положении оказались слоны, бывшие его главной силой, попытался пройти у них за спиной, оставив рисовое поле справа, добраться до твердой земли и атаковать.

113 Атка-хан со своей проницательностью и отвагой разгадал маневр Байрам-хана и приготовился сам устроить атаку, прежде чем задуманное будет выполнено. Юсуф Мухаммад-хан промолвил: «Большая часть наших бойцов посыпала пеплом позора свои головы и ушла, разве это время для битвы?» Атка-хан возразил: «Пусть воинов мало, однако удача Шахиншаха на нашей стороне; но мы и не думаем о бегстве — это день, [когда мы] убьем или же нас убьют (*джан-фишани йа джан ситани*)». Он отправил вперед Юсуф Мухаммад-хана с храбрецами, а сам приготовился биться во главе другого отряда неустрашимых бойцов. В то время когда Байрам-хан повернул, чтобы выполнить свой маневр, эти искатели славы выхватили мечи возмездия из ножен решимости и ударили по силам Байрам-хана. Его люди решили, что этот отход был бегством, и пришли в замешательство, и Байрам-хан оказался вынужден отвести [войска] и бесславно отступить. Божественной помощью победа, что могла стать узором других побед, явила свой лик, невзирая на недостаток согласия, на малодушие и бесчестность столь многих мужей. Злополучные враги — как те, кто преследовал беглецов, так и те, кто вместе с Байрам-ханом решился драться, — были рассеяны. Победоносные войска преследовали отходящую армию и устроили трапезу для пьющих кровь клинков. Множество раненых и полумертвых [врагов] стали прахом. Герои преследовали разбежавшихся солдат на протяжении двух косов. Исмаил Кули-хана поймали живым. Тогда же пришли известия, что Вали бек [Зулкадр] ранен и лежит в поле, укрытый сахарным тростником. Его также схватили, а затем и Хусейн-хана, ослепленного стрелой⁹. Якуб Хамадани, Ахмад бек и многие вражеские военачальники были пойманы в силки расплаты. Огромная добыча попала в руки царских слуг. Атка-хан повел себя

благоразумно и не стал преследовать беглецов слишком далеко. Лишь благодаря сокрытой помощи такая победа, бывшая вступлением к другим успехам, снизошла из убежища удачи.

Его Величество Шахиншах двигался с непоколебимым разумом и удовлетворенной душой. Внутренне он пребывал близ Божественного храма, внешне — развлекался охотой. Близ Сирхинда посланцы удачи принесли добрые вести о победе. Смущенный мир вновь обрел успокоение, было собрано всё необходимое для хвалы и признательности, и церемонии ликования и довольства заняли первое место. По-новому устраивались дела Султаната. Питье изобилия даровали слабым духом. Нить разума оказалась в руках простых и несведущих. Верховная власть освободилась от рук надменных. Милосердный [владыка] времени был избавлен от тягостного общества не признающих право. Мудрость мудрых выросла. Верховная власть явила свое обличье, уважение открыло свой лик. Новые соки были влиты во Вселенную. Время и земля облеклись свежей красотой. Внутренне невидящие и завистливые сошли в преисподнюю унижения и посыпали прахом поражения собственные головы. Дряхлый мир помолодел. Родилось правосудие, и отправление его предстало взору. *Хедив* Века сорвал покров со своей мироукрашающей красоты. О сердце, ты видело и созерцало, какова сущность Великого сего мира, и какой высоты достигло величие. Из этого можно понять, что если бы с лица предметов [моего повествования] совлекли покровы более прекрасные, чем эти, и была показана необыкновенная красота, какие подвиги могли бы явиться [взору], и какие тайны могли бы открыться. Однако, видимо, разрешение показать их не даровано, или же такой показ не входит в его дальновидный план. Да пребудет он [Акбар] на протяжении поколений в счастье и удаче, ибо очень редко подобный *Хедив* приходил к владению миром. И Абу-л Фазл, составитель сего пролога удачи, издает крик из груди своей и изрекает: «Если б я не был подданным и не носил одеяния служения, то сделал бы несколько примечаний, основанных на моем опыте. Однако я включен в [число] примиряющих и потому не скажу ничего более, ибо внутренне невидящие и преудбежденные истолкуют мои слова как лесть. В доме моего разума нет

114

места этим опасениям, ибо нечистые почитатели мира не войдут [туда]. Своими чувствами я говорю, а не разумом¹⁰.

Когда же уйдет завидующий свету,
Чтоб я сказал, что сказать должен?»

Когда Его Величество разбил лагерь в Сирхинде¹¹, Муним-хан, прибывший из Кабула в послушание приказам, явился с прочими военачальниками, такими, как Муким-хан, родич¹² Тардибек-хана, Касим-хан и Мир Бахр¹³, его брат Ходжаги Мухаммад Хусейн, Ходжа Абд-ал-Муним, известный всем как Ходжа Падшах-и-Мариз¹⁴, маулана Абд-ал-Баки *садр*¹⁵, Мулла Загар, Пайанда Мухаммад¹⁶, Шагун Мухаммад¹⁷, Фаридун, дядя мирзы Мухаммад Хакима по материнской линии, Абд-ал-Фатх, сын Фазиль бека, Мир Мухаммад Нишапури, и многими другими, включая большое число воинов. Они прибыли 27 шахриюра, Божественного месяца, что соответствовало понедельнику, 18 зу-ль-хиджжа [967 г.х.] (10 сентября [1560 г.]), и их приняли с царской благосклонностью. Муним-хана возвели в высокую должность *вакила*, титуловали Хан-хананом и украсили платьем почета, в то время как все военачальники удостоились милостей, соразмерных их положению и заслугам. В тот же замечательный день Шамс-ад-дин Мухаммад-хан Атка и другие верные, сослужившие добрую службу и вернувшиеся с победой, засвидетельствовали свое почтение и были отмечены милостями. Одевание *даку*¹⁸ (пелисса) и одевание *фаттах*¹⁹ Байрам-хана поднесли Атка-хану, и он получил титул Хан Аазима. Некоторые негодяи, взятые в плен на поле боя, такие, как Вали бек [Зулкадр], его сын Исмаил Кули, Хусейн-хан, Ахмад бек Туркмен, и прочие привели в кандалах на ногах и шеях вместе с огромной добычей, а также знаменем, вышитым самоцветами и предназначенным для гробницы Разави в святом Мешхеде, однако не посланным. Прибытие этого знамени все восприняли как начало благоприятных предзнаменований для Шахиншаха. Мухаммад Касим-хан Нишапури, Абу-л Касим, брат мауланы Абд-ал-Кадир ахунда и ряд других, получивших дозволение отбыть в Мультан еще до [получения] известий о мятеже Байрам-хана, теперь, ког-

да Мульта́н отобрали у Мухамма́д Кули-хана Барласа и отдали им, были отправлены туда. Из тех, кого захватили в день сечи, Вали бек, получивший тяжелые ранения, умер в темнице, и голову его в знак предостережения послали в восточные области. Остальные же находились в заключении, покуда их не освободили при посредничестве приближенных [к царю] придворных; впоследствии они выказали верность и послушание и удостоились милостей. Подробности о каждом из них будут изложены в соответствующем месте.

Хвала Аллаху! Те, кто оказался более порочен и непокорен (чем остальные), отдельно получили заслуженное наказание, более [суровое], чем у иных. Вали бек, основа распрей и мятежа, заслужил такую кару, какая могла послужить укреплению преданности верно видящих и верно действующих. Из-за отвергнутой удачи Бахадур-хана то, что могло послужить источником назидания и благоприт-ствования, стало причиной всё более грубых ошибок и шатаний. Когда безмозглая голова Вали бека была привезена *тавачи* в *паргану* Итава, *джагир* Бахадура, внутренняя строптивость и вероломство этого неблагодарного [то есть Бахадура] обнаружили себя: он обрек *тавачи* на мучительную смерть! Многие неподобающие деяния свершены этим вероломным. Близкие друзья подговорили его на несколько дней разыграть безумие (букв. «указали ему путь безумия»)²⁰. Нет, нет, скорее безумием стало совершение подобного постыдного поступка. Позже они воистину помогли ему вернуть рас-судок и тем спасли его. Царские слуги, которые, без сомнения, не были ни лицемерами, ни нерадивыми, сознательно скрыли столь недо-стойное деяние. Хотя некоторые в своем злосердечии рассматривали такое поведение²¹ как своеобразную преданность, однако для разли-чающего взора оно является вершиной вероломства. Таким образом, по некотором размышлении они открыли тайну.

Глава 30

Прибытие Шахиншаха в Лахор и иные события

116 После того как была дарована великая благодать и не осталось сомнений в низложении Байрам-хана, а Атка-хана почтили приемом, Его Величество решил покинуть армию и отправиться в Лахор, охотясь по пути. Таким образом удалось бы и насладиться охотой, и прибытие Его Величества вновь осветило бы Лахор. Поэтому армия была оставлена там (в Сирхинде) под командованием Муним-хана, и Его Величество выступил [в путь]. 4 михра, Божественного месяца, что соответствовало вторнику, 26 зу-ль-хиджжа 967 г.х. (17 сентября 1560 г.), он спешился в Лахоре, и Атка-хан устроил роскошные празднества. Его Величество Шахиншах возвысил его [Атка-хана] царскими милостями и передал ему и его братьям лучшие земли Пенджаба. В пору пребывания Его Величества в Лахоре Хан Аазим захворал, и Его Величество великодушно оставил его там и направился к армии, отданной под начало Муним-хана.

Глава 31

Поход Шахиншаха в горы Сивалика и завершение истории Байрам-хана

Когда было установлено, что Байрам-хан направился к радже Ганесу¹ в Талвару², укрепление посреди гор, и ищет там укрытия, духовный и мирской Хедив выступил к Сивалику 18 михра, Божественного месяца, что соответствовало вторнику, 10 мухаррама 968 г.х. (1 октября 1560 г.), под Божественной защитой, дабы дело завершилось без проволочек со стороны интриганов, и мир обрел спокойствие. В великом стане в Мачиваре ожидали прибытия Его Величества, когда Хедив Земли достиг его, [следуя] переход за переходом. Муним-хан и прочие сановники вышли приветствовать его и были возвышены выполнением *корниша*. Оттуда они двинулись [в путь], чтобы довести задуманное до конца. В пути Мир Мунши и Ходжа Султан Али, бежавшие во времена истории с Тардибек-ханом и совершившие путешествие в Хиджаз, получили соизволение облобызать порог. Когда знамена достигли Сивалика, войско храбрецов вступило в ущелье и устремилось вперед. Множество индийских отрядов и их вожди — раджи и райаны с гор — препятствовали их продвижению, и с ними произошло несколько стычек. Мощен был натиск с обеих сторон, а Султан Хусейн Джалаир из победоносной армии обрел счастье мученичества. Раджи потерпели поражение и бежали, и многие из тех обреченных горцев стали жатвой меча.

Когда слух о приближении победоносных стягов достиг Байрам-хана, он задумался о своем скором конце и вложил главу, [ожидающую] правосудия, в ворот стыда и раскаяния. Он послал Джамал-хана, доверенного слугу, с мольбой о прощении его провинностей и принес извинения: из-за множества событий, бывших результатом

наваждения, а не его доброй воли, испарина стыда проступила на его лбу и выражение сострадания на [лике] земли; если Его Величество дошьет рубаху удачи, окаймив ее прощением, и поднимет из праха его, упавшего на путь бесчестия, то его голова мольбы [коснется] пыли [царского] порога. Джамал-хан прибыл в шатер Шахиншаха и вручил прошение. Он также собственными устами изложил смысл желаний Байрам-хана. Его Величество Шахиншах, движимый присущим ему великодушием и исключительной добротой, в благодарность за столь великое благодеяние внял его неслыханным извинениям — и, поскольку его [Акбара] благородный нрав находит радость в снисходительности, он с открытым челом и вмещающим [мир] сердцем подвел черту прощения под всеми его проступками. Чтобы успокоить его, послал маулану Абд-ал-лаха из Султанпура с несколькими приближенными и Джамал-ханом, дабы они утешили Байрам-хана добрыми известиями о прощении и милости и привезли облобызывать порог. Посланцы исполнили поручение, однако ум Байрам-хана не был утешен. Он заявил, что пристыжен и удручен из-за всего, что совершил, и заслуживает любого наказания. Его сердце не страшится лишиться снисходительности и сияющего милосердия Хедива Века, однако он тревожится из-за знатных Чагатаев и прочих царских слуг. Если Муним-хан прибудет и даст ему заверения, принесет клятвы и обеты, то при его содействии он оставит мятежников и совершит преклонение. После чего, получив дозволение, сможет провести остаток своей жизни в священных местах и в смирении и самоуничтожении попытается исправить и искупить свои преступления. Поскольку океан доброты был в приливе, эту его просьбу также удовлетворили. Знамена удачи водрузили в городе Хаджи-пур³, что рядом с Даман-и-кохом и между Сатладжем и Биасом, и Муним-хана, Ходжа Джахана, Ашраф-хана, Хаджи Мухаммад-хана Систани отправили успокоить Байрам-хана обещаниями милости и привезти его с собой для изъявления почтения. С немногими людьми посланцы направились в дикие ущелья, где он укрылся. Заминдары теснились (толпой), и с отвагой (*хамийят*)⁴, присущей заминдарам Индии, стояли, решившись пожертвовать своими жизнями. Посланцы миновали ущелья и вступили в крепость, где находился Байрам-

хан. Увидев Муним-хана, он успокоился и понял, что послание, доставленное ими от Его Величества Шахиншаха, истинно. Выйдя ему навстречу с надеждой, обнял [Муним-хана], выразив глубокий стыд. Муним-хан ободрил его обещаниями и соглашением и собрался отвезти к величественному порогу. Бабаи Замбур⁵ и Шах Кули Махрам возложили руки на одеяние Байрам-хана и принялись плакать и причитать, говоря, что это вероломство, и тот не должен уходить. Несмотря на то что Муним-хан и другие посланные успокаивали их, они не удовлетворились. Видно, опасались за собственную участь. Поэтому, когда Муним-хан сказал им: «Вы останетесь на эту ночь здесь и будете ждать новостей, а затем, когда умы ваши прояснятся, вы явитесь и засвидетельствуете почтение», они позволили Байрам-хану отбыть, сами же остались. Байрам-хан отправился к порогу удачи. Царская армия стояла меж горных теснин, ожидая событий, и малoverы (*вакиа талабан*) делали различные замечания, когда показалась счастливая процессия (*аизза*)⁶. Царская армия разразилась криком [радости], и воцарилось всеобщее ликование. День стал неблагоприятен для мятежников, и лица их омрачились. Он (Байрам) обратил свой лик к величественному Двору, и в абане, Божественном месяце, что соответствовал мухарраму 968 г.х. [сентябрь — октябрь 1560 г.], обвязал платок вокруг своей шеи и в стыде и раскаянии совершил преклонение. Он припал посыпанной пеплом головой к касающейся [небесных] сфер стопе Его Величества Шахиншаха, и мучаясь раскаянием, стыдясь за совершённые преступления, но и радуясь [дарованному] прощению, громко возрыдал. Его Величество Шахиншах принял его извинения и, подняв своей священной рукой главу Байрам-хана из пыли унижения, обнял его. Он снял ткань (*фаута*) с его шеи и вытер с его лица слезы сожаления и прах стыда. Милостивыми устами осведомился о его здоровье и пригласил сесть по правую руку, как это было принято в бытность Байрам-хана первым министром (*вакилом*). И попросил Муним-хана сесть возле себя, а другие слуги заняли места соответственно своему положению. Милостивыми устами он произнес слова столь великодушные и благосклонные, что пыль робости и облако стыда исчезли с его [Байрам-хана] чела. Однако остается верной пословица:

Хоть преступление прощено, стыд останется.

Затем, поднявшись, одарил Байрам-хана великолепным платьем, которое носил на собственном теле, и дал ему разрешение отправиться в Хиджаз. В согласии с бдительностью и предусмотрительностью, что лежат в основе любого деяния, а в особенности свершений верховной власти, он дал ему в спутники Тарсун Мухаммад-хана и Хаджи Мухаммад-хана Систани. Те должны были стать его проводниками к рубежам царства и безопасно провести по неспокойным дорогам. Они вернулись [обратно] от [границ] территории Нагора.

Однажды Байрам-хан упрекнул Хаджи Мухаммад-хана Систани, сказав: «Ничье противодействие и неверность не ранят меня так, как то, что вы позабыли все прежние обязательства». На что Хаджи Мухаммад-хан отвечал: «Вы, невзирая на все заверения в преданности, данные Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни, и на то, что он кормил Вас, и на все милости, принятые от Его Величества Шахиншаха, показали себя мятежником и обнажили меч, и тогда случилось то, что случилось. Если я оставил Ваше общество, что в этом необычного? И что я совершил?» Байрам-хан устыдился и не стал возражать. Мне известно из надежных источников, что в течение всего путешествия его не покидала боль, которую ему причинили эти суровые слова.

119 Хвала Аллаху! Величие и врожденная снисходительность Его Величества Шахиншаха произвели впечатление на все сердца. Этот простак [Байрам-хан], гордый своей храбростью и проницательностью, пробудился ото сна беззаботности и выбрался из пучины мятежа. Искренние были возвышены, а базар строптивых опустел. Век обрел славу, и радость появилась на лицах смертных. Письмо от Хан Аазим Атка-хана стало известно, и поскольку в нем повествуется о различных событиях, я привожу его точную копию в сем *икбал-наме* (послании счастья), дабы мудрые извлекли урок.

Прошение нижайшего из преданных слуг,
Шамс-ад-дин Мухаммада Атки

После молитв и заверений в преданности он сообщает, что, когда сей благожелатель [Акбара] прибыл в Дели, и Ваше Величество осыпали его царскими милостями и даровали ему знамя, барабан и *тумантог* Байрам-хана, и поставили его правителем Пенджаба, казалось должным, что сей благожелатель будет исполнять службу, соответствующую таким милостям и отличиям, дабы никто из верных не мог ничего возразить против его возвышения. Когда пришли известия, что неверные и мятежные посредством [зловредных] писем и посланий призвали Байрам-хана в окрестности Фирузпура, был дан приказ, чтобы столпы царства собрались и сообщили, что необходимо сделать ради благополучия государства. На том собрании зачитано письмо Байрам-хана Дарвеш Мухаммад-хану. Там написано: «Я — раб и слуга Его Величества, но я желаю отомстить *вакилам* Его Величества». Каждый доброжелатель на сем собрании изложил то, что считал необходимым, дабы воспрепятствовать Байрам-хану. Когда два дня спустя знаки величия указанного хана были поднесены вышеназванному благожелателю, он решил, что пробил час для исполнения доброй службы. Долго обсуждали и спорили столпы царства — а там собрались и великие, и малые — и сей *факир* потребовал права действия (*дав талбид*)⁷ и предложил, чтобы дело Байрам-хана Божьей милостью и бесконечной благодатью царя передали ему, и добавил, что если он, повстречав того когда бы то ни было или узрев, промедлит с наступлением, то станет хуже женщины или наложника. Столпы державы промолвили: «Подавление Байрам-хана — великое предприятие. До тех пор пока Его Величество не выступит лично, схватить того будет невозможно». В то время как столпы государства придерживались такого мнения, ваш слуга не тратил слов, но известил своего господина, что Мухаммад Касим-хан и Махди Касим-хан получили дозволение и отправились в сторону Мультана и Лахора. Пусть сей слуга также отправится разведчиком на службе у своего господина (*мухадим*) и день за днем докладывает обо всём, что произошло. Просьбу этого желающего блага слуги милостиво приняли, и ему отдали приказ выехать в сопровождении великих военачальников для подавления Байрам-хана. Также было приказано включить⁸ [в отряд] тысячу человек в

120 качестве вспомогательной силы. Он испросил дозволения и четыре или пять дней оставался в окрестностях Рохтака, в *паргане* Махим⁹, однако не виднелось и следа вспомогательных сил. После напоминания, сделанного повелителю, из всей тысячи послано 15 человек. Поскольку [среди отобранных] находилось немало ветеранов¹⁰, они испытывали все тревоги, связанные с военными действиями. Выступление замедлилось также потому, что шел сезон дождей, и стояли грязь и лужи. Люди использовали «Мать»¹¹ в качестве посредницы и сочинили сотни тысяч небылиц, например, что Атка проходил в день по два коса и не наступал потому, что напуган, и дело в его руках не подвинется. Его следует лишить владений и доходов. «Мать» действовала исходя из того, что говорили люди, и, не придав значения (моей) двадцатилетней службе и привязанности, пересказала (Акбару) всё, что они болтали. Ваше Величество знает, что это было так. Мой сын Азиз Мухаммад не в силах был выдержать [дурных] слов и намеков людей и написал: «Отец, людские речи убили нас. То, что уготовано тебе Судьбой, случится. Любыми средствами действуй без промедления и окончи дело Байрам-хана».

Сей благожелатель узнал, что было задумано [его врагами]. Положившись на милость Аллаха и царскую удачу, он двинулся, чтобы подавить Байрам-хана. Ныне с делом Байрам-хана покончено благодаря удаче Вашего Величества; множество его прислужников и вождей (*султанан*) умертвили, а всю его родню взяли в плен и привезли ко Двору. Да спасет нас Аллах! Если бы дела обернулись по-другому, кто знает, что бы случилось. Возможно, истина в этой истории была открыта Вам Байрам-ханом.

После победы все доброжелатели [из тех], кто не участвовал в битве, но заслуги коих известны Вашему Величеству, получили щедрые подарки и милости. До сих пор никто не спрашивал о благожелателях, бывших в сече, пока Джан Мухаммад султана Бахасуди, находившегося два дня в крепости Джаландхар, не похвалили и не наградили титулом хана. Помимо него всякий получил подарки и пожалования, в десять раз большие, нежели [оказанные] услуги. Когда же после всех названных подошла очередь сего благожелателя и его сына Юсуф Мухаммада, храбро бившихся в этой великой сече, оказанной

в первый день милостью стало повеление, чтобы имя «Атка» было упомянуто в *фирмане* (в указе, провозглашающем победу)! О защитник мира! Сей благожелатель полагает Бегу (Махам Анагу) причинной, [однако] ничего злого не произнесет о ней. Да признает Аллах законным то, что я собираюсь сказать! Ради Вашего Величества сей благожелатель поставил на карту свою жизнь и, взяв с собой двенадцатилетнего сына¹², встретился [в бою] с Байрам-ханом и его десятью по двадцать раз родичами, слугами и султанами. Ни один из верховных военачальников не покинул своих *парган*, чтобы помочь мне, а люди, бывшие со мной, действовали так, как Байрам-хан, возможно, описал [Вам]. Вот как они повели себя в отношении сего старого слуги. Все телохранители (*курчиан*) Байрам-хана, эти шпионы, состоящие [для вида] на службе у Вашего Величества¹³, получили милостью Вашего величества титулы и пожалования по два или три *крора* [земли]. Юсуф Мухаммад-хан своим мечом встречал Байрам-хана, его ханов и султанов¹⁴, и Ваше Величество наградило его титулом хана. Власти дали распоряжение наделить его одним *крором* [земли], но не указали [точного места] (*тан*)¹⁵. Они дали один *крор* в награду сему слуге, возвышенному титулом Хан Аазима. Из всего множества [пожалований] власть определила лишь сорок *лакхов* у Фирузпура. О защитник мира! Все спутники этого благожелателя на протяжении целой жизни служили вместе со своими братьями и сыновьями в ожидании (награды). И теперь благодаря удаче Вашего Величества каждый возвышен титулом хана или султана. Поскольку знамя, барабан и *тумантог* Байрам-хана поднесены сему смиренному, а также дарованы его *даку* и *хилат-и-фаттах* (одеяние победы), знаки отличия вместе с положением, он надеется, что его [Байрам-хана] должность также будет назначена ему, смиренному».

Глава 32

*Поход Шахиншаха из Пенджаба
в Агру, простершаяся над Дели
тень его удачи и путь
[Его Величества] в столицу
по воде*

Когда Его Величество Шахиншах мощью возвышенной удачи поднял одну завесу с лика своих деяний и вознамерился решить дела политические и финансовые; когда лавки недалеких и злополучных были разгромлены, и каждый из них удалился в угол, пристыженный и поверженный; когда святая душа благодаря небесной помощи освободилась от этих дел, он повернул свои поводы к столице. И вознамерился уделить внимание отправлению правосудия, дабы новые силы даровать смятенной Вселенной и издать некоторые установления, которые стали бы законом, [пригодным] для нужд управителей, нынешних и будущих. Поскольку знамена удачи находились в Сихринде, было дано распоряжение, чтобы обоз двигался прямой дорогой на Дели, тогда как его собственным всадникам надлежало направиться к Хисар Фирузе, чтобы поохотиться. Когда знамена утвердились в Хисар Фирузе, егеря доложили, что вблизи расположены джунгли, где живут *йуз*, которые на хинди называются *чита*, и способ ловли этих хищных животных — наиболее замечательный из всех видов охоты. Поэтому священное сердце, являющее собой украшенную обитель радостей, умственных и физических, обратило внимание на это завораживающее зрелище. Был дан приказ совершить необходимые приготовления. За короткое время всё подготовили, и в соответствии с особым замыслом (Акбара) вырыли различные ловушки, которые на хинди называются *оди*¹. Тут же попало несколько леопардов², и свита Акбара направилась в Дели. Хотя ранее множество *чит* (гепардов) поймали для

122

царского Двора, впервые Его Величество охотился на них лично. 11 азара, Божественного месяца, что соответствовало субботе, 4 раби ал-аввала 968 г.х. (24 ноября 1560 г.), знамена были водружены в Дели и смертные обрели источник умиротворения.

Среди происшествий этого времени значилось отправление в Кабул отряда под предводительством Абу-л Фатха, сына брата Муним-хана. Говоря кратко, в ту пору, когда Муним-хан очутился у подножия трона под бременем царских повелений, он передал Кабул своему сыну Гани-хану и назначил его вместо себя. Для помощи ему и наставления оставил Хайдар Мухаммада Ахтабеги. Из-за неспособности и незрелости обоих дела пришли в расстройство. Когда царская процессия пребывала в Дели, ко Двору поступила жалоба от Гани-хана, в которой сообщалось о несоответствии характера Хайдар Мухаммада Ахтабеги [выполняемым обязанностям]. Поэтому по совету Муним-хана Хайдар Мухаммад был вызван ко Двору, а для содействия Гани-хану в Кабул посланы Шагун, сын Карачи, Дарвеш Мухаммад, Ходжа Дост, Ходжаги Мухаммад Хусейн, брат Мухаммад Касим-хана, и большой отряд под командованием Абу-л Фатха.

Одним словом, Его Величество Шахиншах, проведя несколько дней в Дели, в день азар, 9 даи, Божественного месяца, что соответствовал пятнице, 2 раби ас-сани [968 г.х.] (21 декабря [1560 г.]), направился в Агру и совершил сие путешествие по воде. Благородные [мужи] и столпы царства сопровождали его, в то время как великий обоз двигался в том же направлении посуху. Его Величество прибыл в Агру в день фарвардин, 19 даи, Божественного месяца, что соответствовал понедельнику, 12 раби ас-сани [968 г.х.] (31 декабря [1560 г.]). Сады надежд искренних расцвели. Целебные повязки были наложены на израненных [сего] века. Базар справедливости оживился. Удача обняла верного, и пора радости настала для достойного. Вырос росток счастья. Бутон почтения начал раскрываться. Мироукрашающий разум Шахиншаха под видом беззаботности направил свое внимание на просвещение мира духовного и земного. Он расположился в цитадели — лучшем строении в городе. Были заложены основания восхитительных зданий. Дом Байрам-хана передали Муним-хану Хан-ханану. Прочие придворные и слуги принялись строить удобные дома по

обоим берегам Джамны, и так город становился краше. Тем временем Муним-хан устроил царский праздник и попросил Его Величество почтить его своим присутствием. Эта просьба была удовлетворена, и его дом обрел небесное великолепие от блеска прибытия Его Величества Шахиншаха. Хан-ханан поднес редкие и диковинные дары и изъявил готовность пожертвовать своей жизнью за Его Величество (букв. «стоял с монетой жизни в ладони»).

Одним из поучительных событий, случившихся в то время и ставших каплями для глаз удачливых, стало убийство мирзы Ибрахима, сына мирзы Сулеймана, и поиск последним защиты у мироохраняющего Двора. Поскольку основанные на истине цели Шахиншаха — вход к вершине счастья, очевидно, что любой, кто бы ни противодействовал и сопротивлялся ему, получает за то наказание от владык судеб — даже если Его Величество Шахиншах великодушно прощает подобное противодействие и внешне не обращает на него внимания — и вынужден прибегать к поддержке Двора. Ибо карой за то, что поднимается глава недовольства и разворачивается флаг высокомерия, служит то обстоятельство, что подобного настигает соответствующее наказание, и он низвергается в постыдную обитель нужды, дабы пробудился ото сна небрежения и стал усерден в служении. Положение мирзы Сулеймана является тому примером. Как уже упоминалось, в начале царствования его поведение было недостойным, и мироукрашающий Аллах вложил за это наказание в его грудь, и приуготовил ему столь ужасное поражение, и сделал его просителем сего Двора. Он послал мольбу с одним из своих доверенных, известным знанием дел. В сие время указанный посланник прибыл и ожидал [возможности] засвидетельствовать почтение. Он получил дозволение на аудиенцию, после того как Его Величество посетил жилище Муним-хана, и был возвышен совершением простираяния. Прощение мирзы Сулеймана вручили вкупе с уместными дарами. В нем содержались: выражение стыда и раскаяния за прошлые провинности, рассказ об убийстве мирзы Ибрахима и просьба о помощи против его недругов. Вот краткий рассказ о случившемся. Мирзы Сулейман и Ибрахим с начала правления [Акбара] вступили на путь погибели и посеяли семена

собственного падения, хотя победа и являла им несколько раз свой лик в их сражениях с узбеками, что стало причиной возрастания их спеси. Среди этих успехов была поимка сына³ Аббас султана, постоянно устраивавшего набеги из Хисара от имени Тимар-хана, правителя Хисара и его родственника во втором колене. В конце концов они привели к Хисару армию и овладели внешними укреплениями. Тимар-хан заперся в крепости и проводил свои дни, [измышляя] хитрости. Он ожидал помощи от узбеков, которых при-
звал с разных сторон. Поскольку мирзы знали, что эта подмога уже совсем рядом, они возвратились из Хисара в Бадахшан. В пятый год Божественной эры, что соответствовал 967 г.х. [1560 г.], мирзы снарядили армию слуг и *аймаков* и двинулись на Балх. Проницательные и дальновидные отнеслись к этому походу неодобрительно, ибо выступить против Балха было неразумно, потому что войско Балха оказалось крупнее, нежели войско Бадахшана, а их военачальники — более многочисленны. Меньшее войско может напасть на превосходящее его, если в нем больше вождей, но в войске Бадахшана их имелось только два — мирзы Сулейман и Ибрахим; в неприятельском же войске — Пир Мухаммад-хан⁴ и многие принцы. Поэтому устраивать сей поход вовсе неразумно. Хотя то, что говорили проницательные, являлось справедливым, их слова не нашли доступа к ушам разума, ибо мирзы были опьянены вином высокомерия. Вернее, их заносчивость возросла, и они настаивали на походе упорнее, чем когда-либо. Истина в том, что устроители вечности пожелали наказать их за недостойное поведение в отношении Его Величества Шахиншаха так, чтобы, охмелев от беззаботности, они собственными руками ввергли себя в пучину уничтожения.

Когда Пир Мухаммад-хан прослышал о намерениях мирз, он отрядил гонцов просить о помощи, одновременно направив опытного посла к мирзам и предложив соглашение. Посол объявил, что Пир Мухаммад-хан уступит мирзам Хульм и Айбак. Те отправили вершить посольство Мирза Бека Барласа, старого и надежного слугу, и ответили, что, если Пир Мухаммад-хан отдаст им Хульм и Айбак и утвердит мир на крепкой основе, разногласиям придет конец. Затем,

когда сами выступили из Бадахшана, то решили, что нападать на Балх будет неверно по двум причинам. Во-первых, потому что они отправили посла. Во-вторых, потому что могли выступить и взять с собой аймаков⁵ Балха, гористого края⁶, что лежит перед Хорасаном, и привести их под свою власть. Тогда дело с Балхом легко уладилось бы. Если же не воспользуются такой возможностью, то Пир Мухаммад-хан усилит крепость и соберет войска отовсюду. Следуя этому замыслу и явно позабыв о прямотушии, они взяли путь вдоль подножия гор, оставили Балх позади, и направились к Хорасану, и покорили аймаков, обитавших на пустынных нагорьях (*сахаранишин*).

125 Тем временем пришли известия, что Мирза Бек убит, а Пир Мухаммад-хан собрал войско и готовится к войне. Вот история этого крушения: мирзы во время похода в Хорасан достигли [земель] близ Чул-и-Зардака (бурая пустыня?), что известны под именем Сан Чарек⁷, миновали Чашма-и-Газаран и вознамерились идти дальше, когда пришли вести, что, едва Мирза Бек покинул дом Пир Мухаммад-хана, завершив великий труд⁸, Хусру⁹ по знаку Пир Мухаммад-хана убил его мечом. (Пир Мухаммад заявил:) «Какова же наша слабость, если нам приходится отказываться от собственных земель»; и его цель, когда он предложил мир, заключалась в том, чтобы оттянуть время и собрать силы. Теперь, когда подросла подмога, он двинулся по стране и превосходил силами мирз. Мирзы, получив эти известия, начали совещаться между собой. Опытные мужи указали, что надлежит повернуть (*уриб шуда*) и стремительно уйти к гробнице¹⁰ (*Рибат*) Мир Рузадара. Узбеки тогда остались бы позади. Если дойдет до битвы, то это также было бы благоприятно. Но продолжать идти навстречу им совершенно неразумно. Мирзы не приняли это предложение и двинулись навстречу неприятелю. Узбеки с великим проворством достигли берега¹¹ Чашма-и-Газарана, который имеет извилистое течение¹², и вырыли траншеи, насыпали вал перед своими позициями и, выставив вдоль них стрелков из ружей и лучников, приготовились к битве. Мирзы быстро построили войска в боевой порядок и приближались к речке (*сар-и-чашма*), не ведая об укреплении; мирза Сулейман шел по низкому берегу вдоль реки, а мирза Ибрахим — по верхнему пути. Мирза

Сулейман подступил к врагу, однако не сумел ничего сделать. Не зная, что предпринять, отступил и уразумел, что [если] двинется на Хорасан или прилегающие к нему земли, то итогом будет лишь то, что попадет в плен. Тогда он развернулся и с великим искусством выбрался из теснин¹³ (*джарха*), миновал неприятельские тылы (*арка* (тюрк.) — тыл) и направился в пустыню (*даштчул*) близ Бадахшана. Множество его людей погибли. Мирза Ибрахим [тоже] подошел к реке и напал, однако ничего не достиг. Он натянул поводья и остановился, и многие из его бойцов были убиты пулями и стрелами. Мухаммад Кули Шигали¹⁴ подбежал к нему и произнес: «Разве это время для остановки? Ваш отец ушел восвояси». Мирза спросил своих людей, что те посоветуют. Большинство воинов ответили: «Уйти очень трудно. Верно будет биться прямо здесь, и посмотрим, что из этого получится». Мухаммад Кули заговорил сурово и произнес: «У людей войны есть твердое правило — если солдаты отделились от врага на расстояние полета стрелы, то вступить с ним в рукопашную будет трудно. Зачем вы без нужды толкаете мирзу к гибели?». После долгого обсуждения мирза покинул это место и начал отходить. Он вступил в земли врага, и многие его люди разбежались. Обрив голову и лицо, продолжил путь с немногими, полагая, что, быть может, таким путем им удастся ускользнуть. Когда же одолели некоторое расстояние, их лошади лишились сил. Они продолжили путь пешком и шли еще два дня. Затем, раздобыв мула, пришли в какое-то селение, чтобы достать чего-нибудь поесть. Тут брат Кул Кафира узнал мирзу, задержал его с помощью местных жителей и доставил к Пир Мухаммад-хану. Тот заключил его [в темницу] на несколько дней и сказал, что отпустит. Нечестивые негодяи Мавераннахра толпами являлись повидать мирзу вследствие сходства их нравов. У Пир Мухаммад-хана возникли подозрения, и он поторопился умертвить того. Хронограммой этого события стало выражение *Курак кушт* (Курак убил, 967 г.х.). Курак — это имя палача. Мирза Сулейман составил хронограмму *Ко нахл-и-умед-и-пидр* («Где же отпрыск¹⁵ надежды отца», 967 г.). Двумя днями ранее мирза Ибрахим сочинил оду (*касида*), начальными строками которой были:

126

Я отправился в страну раскаяния, словно тюльпан,
с рубцом¹⁶ на сердце моем.
При воскрешении восстану я из праха с рубцом на сердце!

Так удивительно, что до этого похода мирза Ибрахим постоянно тревожился из-за сна, увиденного им, и переходил от страха к надежде. Мирза Ибрахим рассказывал об этом сне так: «Однажды ночью я пришел услужить Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни. Погруженный в созерцание Божественного сияния, глядел на его прекрасный лик и грезил. Временами жажда иметь его черты овладевала моим сердцем. Однажды ночью я увидел во сне, что имею его черты, и возрадовался этому, но когда положил руку на мои бороду и брови, то обнаружил, что они все истлели и распадаются на части, так что через короткое время у меня не осталось ни бороды, ни бровей, ни ресниц. Я проснулся, горя о том, и печаль из-за этого не покинет меня. Видимо, меня постигнет какая-то беда».

Когда мирза Сулейман пересек ущелья (*джарха*), то направился в Бадахшан дорогой на Вахш¹⁷ и пустыню Махмуд. С немногими людьми оказался среди народа Хазараджата и был вынужден сражаться. Он доказал свою храбрость и продолжал путь, атакуя [врага], невзирая ни на какие потери (*кушта кушта*). Дважды по тридцать раз они преграждали ему путь. Он лично вступал в бой и сумел спастись. Когда же достиг Бадахшана, то получил вести о несчастьи с мирзой [Ибрахимом]. Врата скорби открылись в дни его [жизни]. Особенно же Харам бегим, дочь Султан Ваис Кибчака и мать мирзы, впала в безутешную печаль. Она надела синее одеяние¹⁸ и не снимала его, покуда была жива. Один из красноречивых прочел такое четверостишие:

О рубин Бадахшана, ты покинул Бадахшан,
Ты шествовал сияя благодаря покровительству Солнца;
Ты в мире сиял подобно кольцу Сулеймана,
Увы, ты исчез с Сулеймановой длани¹⁹.

Разумеется, тот, кто не признаёт власть Владыки Века и опьяняется крепким вином мира, увидит такие дни. Это первая ступень,

которая была достигнута. Внемли мне, ибо среди происшествий я опишу падение мирзы Сулеймана, дабы мудрый получил предостережение. Говоря кратко, в тот день, когда Муним-хан Хан-ханан устроил свой пир, представили посланников. И когда прозвучали торжественные заявления, жалобы и извинения за преступления мирзы, сердце Шахиншаха — океан благожелательности — приняло оправдание, и он, задав милостивые вопросы, выразил сострадание мирзе. И говорил таким возвышенным языком, и весь тот радостный день прошел в уладах духовных и земных.

В продолжение сего благоприятного года множество вдохновленных покинули дома и явились, чтобы упасть ниц на пороге удачи, будучи привлечены рассказами о справедливости и великодушии Хеди́ва Века. Они достигли цели и сделали восхваления Его Величества Шахиншаха амулетом своей веры и удачи. Среди них прибыли и благословенные стопы той чаши знания и хранилища истин, Ходжа Абд-аш-Шахи́да, сына Ходжа Абд-ал-лаха, известного как Ходжаган Ходжа, бывшего, в свою очередь, сыном Ходжа Насир-ад-дина Убай́д Аллаха, который известен как Ходжа Ах-рар²⁰. Ходжа Абд-аш-Шахид обладал как внешними достоинствами, так и сокры́тыми от глаз дарованиями. Он обрел счастье присоединения к возвышенному собранию, являющемуся чудодейственным снадобьем в делах мирских и духовных, и Его Величество Шахиншах, бывший внутренне учащимся Божественной школы, с почтением вышел навстречу и выразил свое уважение. Сей кладезь назидания, Маулана Саид Туркиста́ни²¹, стоявший во главе ученых мужей Мавераннахра и прошедший целую жизнь в обществе Маулана Ахмада Джунаи́да²², также познакомился с Его Величеством Шахиншахом. Маулана, помимо того, был полон внутреннего знания. Хотя он не проник столь глубоко в тонкости Божественной мудрости или же в физику и математику, однако достиг высокого уровня в тех науках, которые распространены в Мавераннахре, и не сделал свое знание причиной беспокойства и раздора. В то благоприятное время, когда дела политические и финансовые, а также управление дел Султанатом озарились сиянием присмотра Его Величества Шахиншаха, люди различных званий и искусные мастера всех стран пришли и достигли

успеха духовного и земного. Благословением внимания Тени Господа дела Султаната пошли в гору. Базар управления оживился. Возвышенное основание было даровано вере. Стала краше весенняя пора мира. Знатоки религии получили опору. Клеветники лишились своего промысла. Почитатели сотворенного [мира] обрели зрение, чтобы видеть. Утро удачи настало для почитателей Господа. Открылся истинный мир. Внешний мир украсился великолепием.

128 Среди событий того времени был брак мирзы Шараф-ад-дин Хусейна. Сопутствуемый удачей Шахиншах, который по внешним признакам распознаёт сокрытое, неизменно отличал царскими милостями и возвел в благородные должности ряд людей, представших перед ним и известных доброй службой и верностью, и в коих знатность рода сочетается с внутренними достоинствами. Заставляя их постоянно находиться в его присутствии, он наблюдает и изучает их характер. Ибо Шахиншах обоснованно полагает: «Возможно, что мошенник нарядился честным и попал в списки избранных, и трещина и надлом могут появиться в устоях верховной власти из-за его порочности». По тому же принципу мудрецы древности, когда они хотели сорвать завесу тайны с сердец, вливали лишшающее разума вино в их уста и опьяняли их, дабы эти слабые головы под хмелем выдали все секреты, которые хранились в их умах.

Люди испытывают человека пробой вина.

И когда намерение достойно, давать вино подобного рода одобряется изречениями мудрецов. Опьянить подобный плутовской разум и испытать его полезно для мироукрашающей религии. Также принцип этого мироукрашающего Шахиншаха, когда он желает узнать достоинство чьего-то таланта и склад ума, [дозволяет] опоить губящим человека вином мира (то есть благоденствием) и опьянить мирским хмелем, а затем проницательным оком читать сущность его характера. Недалекие люди, которые толкутся в яме заблуждения и чьи глаза не видят цели, высовывают язык упрёка, вопрошая: «Почему такое доверие оказано без [достаточной] осведомленности?» Те же, кому ведомы ступени совершенства, видят в этом обычае возможность отра-

жения характеров и восхваляют подобную проверку. Примером такого испытания служит мирза Шараф-ад-дин Хусейн, происходивший из очень знатного рода, на коего Его Величество взирал взглядом поощрения и которого наделил возвышенным положением, дабы тот мог служить опорой Султаната. Поскольку высокие связи и репутация мирзы были зримы всему миру, некоторые царские слуги, видящие лишь внешнее положение, полагали его здоровым внутренне так же, как и внешне, и дали ему в жены вершину целомудрия, священный плод Султаната, Бахши Бану бегим²³, которая являлась родной сестрой Его Величества Шахиншаха. Благодаря этому союзу положение мирзы неизмеримо возвысилось. Вскоре он получил дозволение отправиться в *саркар* Нагор, что числился его владением.

Одним из происшествий того года стало отправление мирзы Кара Бахадур-хана, брата мирзы Хайдара Гургана²⁴, на завоевание Кашмира. Поскольку необходимой частью правил отправления правосудия и повеления миром является то, что если правитель предается удовольствиям и проводит время в потворстве собственным страстям, а не уделяет внимания заботе о своих подданных, утешению угнетенных и подавлению угнетателей, то Владыка Века, которому Всемогущий Аллах вручил власть и коего сделал правителем земли и ее обитателей, из признательности Господу должен стремиться искоренить такого тирана и привести жителей этих земель [под власть] разумного и справедливого, считая сие началом проявления высочайшей преданности. Так, в соответствии с этим принципом в сем году издали приказ отдать войско под начало мирзы Кара Бахадура, родственника мирзы Хайдара, знакомого с этой страной, и послать его на завоевание Кашмира, поскольку царского слуха достигли [известия] о волнениях злокозненных кашмирцев и о несправедливостях Гази-хана. Большой отряд воинов выделили для подмоги Кара Бахадуру. В это время Гази-хан, сын Качи Чака, являлся правителем Кашмира, ибо управление им перешло к нему после его отца. Однако истина в том, что он был сыном Хусейн Чака, брата Качи Чака. Когда мера дней Хусейн Чака наполнилась, Качи Чак, то ли ведомый страстью, то ли из политических соображений, взял его беременную жену. Через два или три месяца после свадьбы родился Гази-хан²⁵.

Поскольку Кара Бахадур не был ни искусен, ни трудолюбив, он приступил к своей службе после долгого промедления и прибыл в Раджаури в разгар жаркого времени года. Насрат-хан, Фатах Чак, племянник Даулат Чака, Лохар Жанкари, Наджи Рина, брат Иди Рины, Йусуф Чак, сын Рамаки Чака, и Ходжа Хаджи явились и присоединились к нему. Увидев, что войско снаряжено плохо, Насрат-хан, Фатах Чак, Лохар Жанкари²⁶ дезертировали в Кашмир. Войско три месяца оставалось в Лали Кхокаре, близ Бимбхара, ожидая подхода подкреплений. Поскольку предводители этих сил слыли старыми служаками, они не торопились с прибытием. Такой медлительностью и неповоротливостью не обрести доступ в Кашмир, ибо дороги в сем краю таковы, что если правитель за несколько дней получит известия о подходе чужеземцев и займет перевалы, то для войска, [даже] украшенного тысячью Рустамов, будет трудно или невозможно овладеть этими землями. Гази-хан, который узнал о приближении армии, — а меж тем прошло еще несколько месяцев — так сильно укрепил дороги и перевалы, что не могло быть и речи о том, чтобы преодолеть их. Он также выслал свою пехоту вниз с гор²⁷. Мирза Кара Бахадур после нескольких дней сражений близ Раджаури был разбит и повернул назад. Не одна лишь сила кашмирцев стала причиной этого. Сезон малярии, начало дождей и неприбытие подкреплений — вот основные причины поражения. Необычная битва произошла в это время. На одной стороне находились стрелки из ружей, на другой — лучники. Царские воины, малые числом, с небесной помощью свершили великие дела и дали доказательства своей храбрости. Особенно отличился Кучак Бахадур, муж с сердцем Рустама. Наконец, поскольку дело оказалось невыполнимым, а устроители судьбы приберегли завоевание этого восхитительного края для другого времени, когда мироохраняющий Шахиншах поднимет завесу над своей мироукрашающей красотой и возьмет на себя управление делами без участия разрушителей и упрямец, они на сей раз не дали всё необходимое для победы. Кара Бахадур исполнил все приготовления, которые сумел, и явился в крепость Даира²⁸ близ Раджаури. Кучак Бахадур ранили стрелой. Он попал в плен и был приведен к Гази-хану. Поскольку кашмирцы видели его доблесть, Гази-хан милости-

во принял его и передал [на попечение] лекарей. Но так как снадобья оказались бессильны, он ступил на путь гибели²⁹. На следующий день Кара Бахадур прибыл в Наушахру. В сию пору растущей власти Его Величество Шахиншах в согласии с велением времени был занят в Агре, столице, вознесением благодарения за величественные милости Аллаха и [находился] под покровом невнимания к делам верховной власти, ибо знамения удачи и счастья появлялись ежедневно. Повсюду завоевывались страны и приходили вести о победах. Из всех краев толпами стекались владыки искренности. Владычество упрочивалось, и удача украшала [его]. Разум стал дальновиден, а люди — преданны. Какое место на этом священном празднестве могли занять известия, подобные тому, что случилось с Кара Бахадуром? И могли ли они поднять пыль утрат в том возвышенном святилище?

Среди происшествий значилось получение вестей об уходе Байрам-хана. Поскольку священная особа [Акбара] — источник великодушия и человеколюбия, он выразил сожаление в связи с этим событием, несмотря на всё, что произошло ранее и о чем поведана лишь малая толика из множества. Мне неизвестно, явилось ли сие событие воздаянием за прошлые деяния, или же его разум всё ещё пребывал оскверненным злыми помыслами, или его мольба была услышана, или милость Аллаха освободила этого достойного мужа от тяжкого бремени стыда. Воистину Байрам-хан в действительности явил себя достойным мужем превосходных качеств. По причине дурного окружения, что является худшим из зол для смертных, его достоинства были впервые осознаны им, а его охмеление усилено безграничной лестью. Ибо когда человек останавливает свой взгляд на собственных добродетелях и способностях, шумный базар льстецов поселяется в приходежей его сердца. И он принимает каждую лесть, достигшую его, за истину и превращается в почитателя и украшателя самого себя. Поэтому, когда настало время, истинная красота Владыки Века осталась сокрытой от Байрам-хана, ибо она находилась за завесой нежного возраста и неискушенности в политических делах. Отыскивая недостатки других, он забыл о собственных. Однако скопище льстецов не причинило ему такого ущерба, как его

искренние, но неискушенные и недалёковидные друзья. В конце концов, поскольку он воистину принадлежал к числу благодетельных разума и пробужденных удачей, то благодаря доброму руководству не нашел конец в мятеже и неповиновении, а раскаялся. Благодатью служения и милостью прощения достиг счастья, и царь мира стал им доволен и явил милость. Он отправился в паломничество к прославленным местам с почетом, сопровождаемый своей семьей и обеспеченный добром. Прибыв в город Паттан³⁰, что является ближайшим городом к Гуджарату и ранее назывался Нахрвала, на несколько дней остановился в сих восхитительных окрестностях, дабы передохнуть. В то время правителем города был Муса-хан Фулади³¹, и его положение считалось устойчивым. Множество афганцев собрались вокруг него и вызвали брожение в стране. Среди них и Мубарак-хан Лохани, отца которого убили в битве при Мачиваре, когда командовал Байрам-хан. Жажда мести охватила этого безумного афганца, и он решил убить Байрам-хана. Помимо того, в караване находилась кашмирская жена Салим-хана, сына Шер-хана, и ее дочь от него, и они намеревались следовать в Хиджаз вместе с Байрам-ханом³². Также было условлено, что Байрам-хан женит своего сына на [этой] дочери; это тоже не нравилось афганцам.

Когда Байрам-хан находился в Паттане, он постоянно посещал его сады и прочие достопримечательности и однажды отправился к огромному пруду³³, на восхитительную прогулку; посреди него есть беседка³⁴, которую можно достичь на лодке. Когда он вышел [из лодки] и готовился взойти на свои носилки, тот невежественный и неправедный с 30 или 40 негодьями афганцами приблизились к берегу пруда, чтобы напасть на Байрам-хана. Казалось, будто они пришли, чтобы изъявить ему свое почтение, и потому он подозвал их к себе. Когда тот мерзавец подошел к нему, то подло выхватил кинжал и вонзил его Байрам-хану в спину с такой силой, что острие вышло из груди. Другой негодяй ударил его по голове мечом и добил. Вот так он, счастливый в своей смерти, покинул этот мир со словами «Аллах акбар» («Аллах велик») на устах. [Байрам-хан] обрел счастье мученичества, что всегда было желанием, о котором сам просил в утренних молитвах³⁵ и просил молиться святым

людей. Однажды, когда он находился на вершине своей власти, один из простодушных сайидов³⁶, поднимаясь, чтобы покинуть прием у него, сказал, что произнесет *Фатиху*³⁷, с тем чтобы *наваб* обрел мученичество, Байрам-хан улыбнулся и ответил: «Мой добрый господин (мир), к чему это волнение, и к чему это сожаление — мы желаем мученичества, но не так поспешно».

Словом, его спутники были смущены, сбиты с толку и разбежались, а Байрам-хан лежал в пыли и собственной крови, пока несколько факиров и бедняков не подняли его окровавленное тело и не предали его земле вблизи гробницы Шейха Хисама³⁸, одного из величайших шейхов своего времени. Эта трагедия произошла в день бад, 22 бахмана³⁹, Божественного месяца, что соответствовал пятнице, 14 джумада ал-аввала 968 г.х. (31 января 1561 г.). Касим Арслан⁴⁰ составил следующую хронограмму:

Когда Байрам надел одежды паломника, чтобы посетить *Каабу*, 132
Своим мученичеством в пути он цель осуществил⁴¹.

Незримый ангел изрек сию хронограмму:

Шахид шуд Мухаммад Байрам.

(Мухаммад Байрам стал мучеником, 968 г.х.)

Впоследствии тело усилиями Хусейн Кули-хана Хан Джахана⁴² было перевезено в Мешхед и там похоронено. Воспользовавшись этой непостижимой трагедией, бродяги Паттана разграбили лагерь Байрам-хана и не забыли ничего на пути дерзости. Ужас убийства вызвал великую скорбь среди людей погибшего. Мухаммад Амин Дивана, Бабаи Замбур и Ходжа Мулк увезли с места трагедии Абд-ар-Рахима, наследника Байрам-хана, бывшего десяти лет от роду, вместе с его матерью и несколькими слугами и направились в Ахмадабад. Толпа негодяев афганцев тотчас последовала за ними, и несчастным страдальцам пришлось сражаться на всём пути до Ахмадабада. Они оставались там четыре месяца, а затем Мухаммад Амин Дивана и несколько слуг ступили на верный путь и направились к мироукрашающему Двору, взяв с собой Абд-ар-Рахима. Прежде чем они облобызали порог, новости о смерти Байрам-хана достигли Его Величества Шахиншаха, и

был отдан милостивый указ представить Абд-ар-Рахима. Сей указ достиг Джалора⁴³ в пору одиночества и сиротства и произвел целебное воздействие на сломленные души. Указ гласил, что ему [Абд-ар-Рахиму] надлежит явиться ко Двору, и Шахиншах возвысит его. Несколько верных людей, подобных Бабаи Замбуру, Ядгар Хусейну⁴⁴, привезли сей новый плод верности в Агру в середине шестого Божественного года, что соответствовало началу 969 г.х. (сентябрю 1561 г.), и поставили его пред испытующим взглядом Его Величества, и возвысили его простиранием на пороге. Его Величество Шахиншах, несмотря на злоречивых и зломыслящих, встретил этого отрока с ясным лбом, в линиях чела которого читались знаки благородства и истины, с присущей [ему] добротой и взрастил под сенью личного присмотра. Вскоре его отметили титулом Мирза-хана. День за днем хорошие манеры и благородство характера обнаруживали себя, и он достиг возвышенного положения. [Впоследствии] ему было даровано высочайшее звание Хан-ханана. Рассказ об этом будет приведен в надлежащем месте.

133 На исходе того года, начавшегося в счастье и окончившегося весельем, вершина целомудрия Махам Анага, связанная с Его Величеством Шахиншахом настоящими и очевидными узами, знанию и проницательности которой в ту пору благодаря дару возвышенного видения дел [Акбаром] доверили бразды открытия и завершения всех дел, политических и финансовых, задумала женить своего старшего сына Баки Мухаммад-хана⁴⁵. Поскольку одна из дочерей Баки-хана Баклани вышла замуж за Адхам-хана, она пожелала, чтобы другая дочь соединилась с ее старшим сыном, а она [Махам Анага] подготовила роскошное празднество ввиду священного прибытия (Акбара). С таким намерением она простилась с возвышенным Двором и занялась подготовкой сего дарящего радость торжества. Свадебный пир был устроен в соответствии с правилами великих духом, а бдительные и искусные слуги величественного порога приложили талант и мастерство для украшения домов и подготовки увеселений. По просьбе этой удачливой и испытанной служанки Его Величество Шахиншах в своей неизмеримой милости и благосклонности осиял светом присутствия сию картинную галерею улады. Каждый день устраива-

лось новое великолепное развлечение, и стар и млад приняли участие в ликовании и радости.

Печальным событием того времени стало появление у священной особы Его Величества Шахиншаха некоторых затруднений (*саб-ра чанд*)⁴⁶ из-за гнойников. Как искренние, верные, так и поверхностные спутники огорчились, однако от проникательных и дальновидных не было сокрыто, что великий Врачеватель, от которого зависят здоровье и болезнь и проявлениями коего являются справедливость и беспристрастность, скорбь и радость, ради процветания и мудрости того слуги, которого он вознесет до высочайшего положения, приведет в сад вечной радости и наделит успехом в делах мирских и духовных, вначале делает его подверженным вещам, низменным по своей природе. Цель этого — увеличить бдительность или отвратить дурной глаз, дабы в качестве вознаграждения за это он поднялся по ступеням желаний и преисполнился вечной радостью. В согласии с этим мудрым замыслом уравновешенное тело Его Величества Шахиншаха в это время несколько разгорячилось, а его священный нрав отклонился от центра равновесия. Разве в силах я описать, как кровоточили сердца верных, и как ослабла их печень? Мелкие душонки торговцев встревожились. Через несколько дней сыпь, подобная пути к болезни, появилась на коже, и Всемогущий Аллах, как и подобало, определил охранить этого великого, которого Сам же выпестовал. Спустя недолгое время это смятение ушло, и тот признак изъяна оказался стерт, и наступило полное выздоровление. Хворый мир поправился, и обеспокоенные умы достойных укрепились. Чтобы отблагодарить за Божественную щедрость, были принесены дары и пожертвования. Нужда покинула край бедных, тоска исчезла из сердец молящихся. Царские слуги расточали дары соразмерно своему положению и преданности и стали дарителями радости человечеству.

Глава 33

Завоевание Мальвы

134

Обязанность поклонения и преданности возлагается на каждый класс сыновей Адама, а поклонение, приличествующее Двору верховной власти, и благодарность, предписанная царственным вершителям правосудия, заключаются в непрестанной заботе о спокойствии подданных, в приложении своих монарших сил для поддержки немощных и угнетенных, в освобождении голов страдальцев от тяжкого бремени тиранов и бунтовщиков. Во-первых, им надлежит принять соответствующие меры и назначить здравомыслящих и рассудительных осведомителей. Если подбор кандидатов для этой группы требует времени, пусть они в силу своего понимания и дальновидности назначат незнакомых между собой людей и посредством столь превосходного способа изучают природу знатных и безродных. Во-вторых, пусть применяют глубокое размышление¹ — неотъемлемую часть Божественного просветления — и следуют здравому смыслу, если поддадутся гневу или легкомыслию. В-третьих, пусть всеми способами, доступными их возвышенному разуму, развивают в себе широкие взгляды и глубокую проницательность и наделяют властью и влиянием талантливых людей, испивших сладкие воды искренности, преумножают свое влияние и оберегают собственное достоинство. Да избегут они узких взглядов на великие дела и воздадут каждому представителю непокорного племени по заслугам. Пусть после предостережения предадут соответствующему наказанию мятежников и строящих козни, осмелившихся поднять голову смуты и обративших ради собственных страстей исправление в разложение. И как могущественные князья придерживаются подобных принципов в своих землях, точно так же они правят по справедливости и в других странах, возводя на этом фунда-

менте их мировые завоевания, дабы слава их и власть преумножились день ото дня. Поскольку эти украшающие мир качества не являются [у Его Величества] приобретенными, а присущи священной личности Шахиншаха с рождения, он в сей благословенный час, преумножая свою славу и открывая врата радости для человечества, обратил взор на дела верховной власти и начал одаривать светом и справедливостью мрачный мир.

Когда до Шахиншаха дошли вести об угнетении народа Мальвы и несправедливостях, творимых Баз Бахадуром, о котором вкратце уже поведено, справедливость требовала собрать войско, и выслать его против этого опьяненного [гордыней] и презревшего истину, и освободить всех людей этой страны, уповающих на Аллаха, от бедствий времени. Сановникам, занимающимся делами управления, был отдан строгий приказ подготовить большое войско под командованием храбрых и преданных военачальников и направить оное на выполнение этой возвышенной службы. За короткие сроки сановники подготовили войско согласно этому указу. В конце пятого года *илахи*, в начале² 968 г.х. [октябрь 1560 г.], Пир Мухаммад-хан [Ширвани], Абд-ал-лах-хан, Кийя-хан Канг, Шах Мухаммад-хан Кандагари, Аадил-хан, его сын, Садик-хан, Хабиб Али-хан, Хайдар Али-хан, Мухаммад Кули Тукбай, Кийя-хан Сахиб Хасан (прекрасный?), Мирак Бахадур, Саманджи-хан, Паянда Мухаммад-хан Могол, 135 Мухаммад Ходжа Куштигир³ (борец), Михр Али Силдуз, Мирам Аргун, Шах Фанаи и другие истинные герои и верные воины были переданы под командование Адхам-хана, дабы направились они на юг, восстановили справедливость и благополучие, став бальзамом на ранах угнетенных жителей Мальвы. Если правитель этой страны очнется от сна нерадивости и будет готов искупить свои преступления, то сможет рассчитывать на царское милосердие и будет возвышен дозволением поцеловать высокий порог, дабы быть вознагражденным соответственно его поведению. Если же нога его нетверда из-за вина беззаботности и не позволяет ему двигаться быстро по пути послушания и служения, тогда надлежит подвергнуть его наказанию (букв. «поместить [наказание] в его грудь»), дабы это послужило уроком другим высокомерным упрямам. Победоносные

войска крепко затянули ремень мужества в согласии с законами служения и отправились в поход, строго следуя по этому пути. И двигались не слишком быстро, чтобы основные силы не отставали от них, но и не слишком медленно, чтобы никто не подумал, что они боятся.

Путешественник⁴ не тот, кто движется то быстро, то медленно.
Путешественник тот, кто движется медленно и твердо.

Глава 34

*Начало 6-го Божественного года
с момента священного Восшествия
на престол [Его Величества Шахиншаха]
— года шахриюр первого цикла*

136

В час, когда удача улыбалась, и в духовном и физическом плане воссияло знамя грядущего Нового года, а на флаге свежего весеннего утра отразился, как в зеркале, лик власти и судьбы. Через 9 часов 59 минут после того, что принято считать ночью среды¹, но что на деле является вторником, 24 джумада ал-ахира 968 г.х. (10 марта 1561 г.), Великое Светило и Источник Света Вселенной направило лучи на возвышенный дом Овна и вошло во всё возрастающие владения Шахиншаха, положив начало шестому году с момента священного Восшествия на престол, то есть году *илахи* шахриюр. Армии цветов продемонстрировали всё свое величие, а ароматы садов проникали в самые глубины разума.

Странствующие ночами ветры зефир от ручья принесли.
Новогодние облака с холмов снова флаги развернули.
Одни нагрянули внезапно, подобно добрым вестникам,
Другие походили на разубранных каменьями слонов,
идущих вереницей.

Приветствую тебя, благоуханье, в создании
которого не принимал участия парфюмер (*Аттар*)².
Великолепна вышивка, чей мастер скрыт [от глаз людских]³.

Небесные тела поведали о мире и спокойствии, наступивших
благодаря увеличению тени ежедневно преумножающейся власти.

Движения сфер сообщили времени и земле вести о завоевании новых владений.

Когда победоносные войска, препоясавшие чресла на завоевание Мальвы, приблизились к этой стране и удостоверились в безрассудстве и высокомерии Баз Бахадура, правившего своевольно и деспотично, они выстроили свои ряды в надлежащем боевом порядке. Адхам-хан и Пир Мухаммад-хан встали в центре, Абд-ал-лах-хан и ряд других воинов расположились на правом фланге, Кийя-хан Канг и остальные — слева. Передовой отряд возглавляли Шах Мухаммад-хан Кандагари и Садик-хан.

По врожденной беззаботности Баз Бахадур пренебрегал государственными делами. Вино, назначаемое учеными мужами в определенные часы малыми дозами для приведения в норму телесных элементов с учетом склада характера и телосложения⁴, было обращено этим человеком, погрязшим в животных удовольствиях, в причину для величайшего сумасбродства; и он беспробудно пил его, не отличая ночь от дня, а день от ночи, постоянно им злоупотребляя. Музыка и пение, применяемые мудрыми и дальновидными в качестве средства просветления ума и повышения настроения в моменты усталости и подавленного состояния⁵, дабы отдохнуть от груза трудов и ноши человечества, почитались этим мерзавцем за серьезное дело⁶, и он тратил на это занятие всё бесценное время, которое восполнить невозможно. В своей неистовой гордыне вершил неблагоприятные дела и не внимал тому, что ему говорили.

Держите в тайне пирушки ваши,
А то прибудет страж, играющий мечом.

Когда войско удачи приблизилось к Сарангпуру — раю, устроенному для дураков этим пьяницей, последний слегка пробудился от бессознательной дремоты и выехал из города, пропитанный вином и в состоянии похмелья, и проехал так 3 *коса*. И построил свое войско, и приготовился к битве. Он украсил центр (*калб*)⁷ низменной медью собственной персоны, а Салим-хан Хаса-хейль, управитель Райсина и Чандери, командовал правым флангом. Адам⁸ ко-

мандовал левым флангом. Тадж-хан Хаса-хейль и Суфи, которым в голову ударили пары храбрости, возглавили авангард. Войска расположились друг против друга на расстоянии двух или трех *косов*, и храбрецы с обеих сторон непрерывно сходились в бою. Они вменили соблюдение правил осмотрительности в обязанность опытным мужам, а сами проявили в сражении [чудеса] бесстрашия. Каждый день отряд доблестных и бывалых воинов, возглавляемый искушенным верноподданным, обладающим как глубоким разумом, так и невероятной отвагой, подступал к флангам противника и останавливал продвижение и отступление мятежников, и особенно торговцев зерном, которых на языке Индии называют *банджара*⁹. Они поставили врага в трудное положение. И вот настала очередь Шах Мухаммад-хана Кандагари, Садик-хана, Паянда Мухаммад-хана Могола, Шах Фанаи, Михр Али Силдуза, Саманджи-хана и Мухаммад Ходжи Куштигира. Они выступили после первой ночной стражи и, заблудившись, оказались по другую сторону вражеского войска и вышли к позициям последнего. Им пришлось принять бой; и произошла яростная рукопашная схватка. Когда весть об этом долетела до царского лагеря, Абд-ал-лах-хан, Кийя-хан Канг и ряд других [храбрецов] поскакали туда и приняли участие в сражении. Хотя поначалу в бой вступил Адам, который, сражаясь как Рустам, отразил натиск победоносной армии, Садик-хану и нескольким другим удалось умело укрепиться в лощине¹⁰ и стойко ее удерживать. Царские войска выступили и нанесли поражение врагу. Завязался рукопашный бой между Кийя-ханом и Салим-ханом, и первый вышел победителем; Садик-хан и Кийя-хан объединили свои силы, чтобы отразить атаку Баз Бахадура, выставившего перед собой свои войска.

137

Прошло время, равное смене примерно одной ночной стражи, и от источника удачи подул ветерок победы, а на розовом кусте надежды распустился бутон завоевания. Благодаря удаче Шахиншаха и выдающимся качествам *Хедива* Века была одержана славная победа, которая могла бы стать украшением великих свершений. Баз Бахадур, пропитанный вином и опозоренный, пустился в сторону Хандеша и Барханпура. Всё его добро и имущество, его гарем, певицы и танцовщицы — предмет его удовольствий и украшение его жизни — попали в

руки победителей. Когда этот негодяй готовился к сражению с победоносным войском, он, в соответствии с индийскими обычаями, поручил доверенным людям своих жен и наложниц, чтобы в случае прихода недобрых вестей о его поражении они предали их всех мечу, дабы те не достались врагу. Когда силуэт поражения Баз Бахадура отразился в зеркале исхода [битвы], эти порождения дьявола исполнили всё в соответствии с приказом и смыли водой меча нескольких сказочно сложенных куколок со страницы жизни. Ножом несправедливости выскоблили они из мирового манускрипта жизнеописания этих невинных существ. Когда победоносные войска стремительно ворвались в город, некоторые из них оказались ранены, но в них ещё теплилась жизнь, а до многих очередь кровопролития ещё не дошла. Злодеи не успели протянуть руки к этим невинным женщинам, главной среди которых была Рупмати, славившаяся во всём мире красотой и очарованием. Баз Бахадур, глубоко привязанный к ней, обычно изливал чувства в индийских стихах, где говорил о своей любви. Изверг, которому она была вверена, поднял несправедливый меч и нанес ей несколько серьезных ранений. Сразу после этого прибыла армия удачи и обнаружила красавицу полуживой¹¹. Когда Баз Бахадур бежал, Адхам-хан спешно и с воодушевлением нагрянул в Сарангпур, дабы захватить запряганные и иные сокровища, а также гарем с певицами и танцовщицами, краса и талант которых славились по всему миру, и чьи чарующие сердца прелести превозносились на улицах и базарах. Он завладел имуществом Баз Бахадура, включая его наложниц и танцовщиц, и отправил людей на поиски Рупмати. Как только этот напев¹² достиг ее слуха, преданная кровь упомянутой вскипела, и из любви к Баз Бахадуру она храбро выпила чашу смертельного яда, унеся свою честь в потаенные палаты уничтожения¹³.

138 Когда Адхам-хан благодаря удаче, сопутствующей Шахиншаху, одержал победу, его врожденное безрассудство усилилось, и чалма его гордыни была вознесена ветром надменности, то есть его глупостью и невежеством. Разум его ветшал, и всё, что советовал ему Пир Мухаммад-хан, его бескорыстный проповедник, пропускалось мимо ушей. Он [Пир Мухаммад-хан] лично возблагодарил Аллаха за столь великую победу¹⁴ и исполнил для этого всё необходимое (то есть раздал ми-

лостыню) по силе имеющихся возможностей. Дабы доставить удовольствие царским военачальникам, он устроил великий пир и преподнес подарки по собственному усмотрению всем слугам порога удачи, сопровождавшим его. Затем завоеванная территория была разделена на части. Сарангпур и некоторые лучшие *парганы* отдал Адхам-хану, который являлся вождем лишь на словах. Манду и Уджайн пожаловали Пир Мухаммад-хану, вождю истинному. *Саркар* Хиндия вверили Кийя-хану, а Мандесур и его окрестности — Садик-хану. Абд-ал-лах-хан Могол вернулся домой в Кальпи. Адхам-хан оставил себе все ценные и лучшие предметы, а также запасы и сокровища этой страны, что были накоплены за века, и многих знаменитых танцовщиц и красавиц, славившихся своей миловидностью и грацией на всех девяти небесах, многочисленных певцов и музыкантов и преданся развлечениям и удовольствиям. Он отделил несколько слонов из добычи, подаренной судьбой, дабы отправить их к мирозащищающему Двору вместе с донесением о победе¹⁵.

Среди великих побед, прославивших этот год, значилась победа, одержанная Хан Заманом над афганцами. Хотя Али Кули Хан Заман не утолял жажды из сладкого источника преданности, — не понимая ни собственного несчастья, ни своей выгоды, не считаясь с добротой и благосклонностью Шахиншаха, — и быстро продвигался в водовороте ошибок, но пока завеса над его действиями еще не была сброшена, и он выдавал себя за военачальника вечной власти, ему всё же удавалось преуспевать во всех его начинаниях благодаря ежедневно растущей удаче [Акбара]. Когда Байрам-хан покинул сцену, черносердечные и невежественные афганцы возомнили, что настало их время, и возвысили сына Мубариз-хана, известного как Адали, наградив последнего именем Шер-хан. Они собрались все вместе и решили выступить против Хан Замана и уничтожить его. Хан Заман прослышал об их замыслах и принялся укреплять крепость Джаунпур. Он отправил послания находящимся поблизости военачальникам, и, кроме Сикандар-хана [Узбека], собрались вместе Бахадур-хан, Ибрахим-хан Узбек, Маджнун-хан Какшал, Шахам-хан Джалаир, Мир Али Акбар, Камал-хан Гакхар и другие. Так как враг был очень силен и имел около 20 000 всадников, 50 000 пеших

воинов и 500 слонов, представлялось неразумным выступать [первыми] и завязывать с ними бой. Негодяи афганцы посчитали, что эта задержка [со стороны противника] им на руку, и выступили со значительными силами и в полном вооружении на Джаунпур, расположившись лагерем у реки Гумти, на берегу которой находился город. На третий день, опьяненные вином самонадеянности, они переправились через реку, выстроившись в боевом порядке. Шерхан, Фатах-хан и огромная армия двинулись к мечети Султан Хусейна Шарки. Они отправили направо большой отряд под командованием Якуб-хана, Фатту, Сайид Сулеймана, Салим-хана Харвара и Джаухар-хана к [воротам] Лал Дарваза и послали Хасан-хана Бачготи и Адама, сына Фатах-хана, с кучкой тщеславных мерзавцев налево, к пристани (*банд*) шейха Бахлула¹⁶. Хан Заман держал своих людей на чеку в соответствии со всеми правилами и тактикой (*батузук-у-ясамиш*) и был готов к сражению. Храбрецы, крепко державшие сердца в своих руках и готовые пожертвовать жизнью ради чести, вышли со всех сторон и вступили в рукопашный бой. Величайшие герои ринулись на Хасан-хана Бачготи, и перед незначительным числом лучников он предпочел позор отступления. В этот момент подошел Шерхан с группой смельчаков, жаждавших схватки и отважно сражавшихся. Он оттеснил победителей к городу. Черносердечные афганцы решили, что победа у них в руках, и двинулись в другом направлении. В это время Хан Заман с группой непреклонных воинов вернул себе победу. Он атаковал врага с тыла стрелами и положил конец пустячному успеху афганцев. С Божьей помощью, поддерживающей вечную власть, вскоре была добыта великая победа. Богатая добыча и много отменных слонов попали в руки царских подданных. Если даже те приверженцы верховной власти, чьи сердца лишены искренности, а устремления неразумны, могут воздвигнуть столь победоносные знамена только потому, что с этой властью связаны, то как описать размах побед, которые одерживают искренние и преданные?

Глава 35

*О стремительном походе Его
Величества Шахиншаха к Мальве,
о том, как его дарующая
справедливость тень простерлась
над страной, и о его возвращении
в столицу*

Когда мироукрашающий Аллах утверждает столпы удачливого, Он совершенно подавляет его противников. И повергает тех, кто принимается нахваливать пшеницу, но продает ячмень¹, вместе с явными и тайными супостатами, и, дабы исполнилось правило «[сначала] наиболее важное, а затем менее важное»², Он начинает с того, что втоптывает в пыль позора внешне и внутренне порочных и низвергает их как отверженных в царство уничтожения. После чего отправляет внутренне никчемных в пучину гибели и тем очищает мир от тех, кто с лисьей пронырливостью надевает обличье верных, а вершит труд врагов. Словом, когда украшающий мир Господь позволил такой победе выпасть на долю Али Кули-хана, Он усилил степень его опьянения. Тот не отослал ко Двору добычу сей небесной победы, что стала подарком Аллаха. Мировопокоряющий разум Шахиншаха пожелал посетить восточные области, дабы опьянение Хан Замана не перешло в безумие. Однако когда узнал, что исправление Адхам-хана, ставшего строптивым после победы при Мальве, — более насущная задача, то решил посетить и успокоить сей край — один из великолепных даров Аллаха. Превосходный разум повелителя, который в начале событий неизменно устремляет взор к их окончанию, и его дальновидность, размышляющая в начале дел, каким образом их можно счастливо завершить, требовали, чтобы в первую очередь он погнал

140

коня намерения к Мальве, дабы деяния тех злодеев не стали непоправимы. Он был занят этими мыслями, когда Садик-хан прибыл ко Двору и поведал об истинном положении дел. Это утвердило Его Величество в принятом решении, и военачальникам было велено выполнить необходимые приготовления для похода. Его врожденная доброта побуждала сердце к исправлению Адхам-хана. Желание узреть сей восхитительный край и решить эти дела укрепилось в его дальновидном разуме. Он оставил Муним-хана Хан-ханана, Ходжа Джахана и некоторых других в Агре и, уведомив высокопоставленных чиновников и глаза государства³, отбыл с отрядом особых слуг в благоприятный час дня сарош, 17 ардихишта, Божественного месяца, что соответствовал воскресенью, 11 шаабана 968 г.х. (27 апреля 1561 г.).

Проходя мимо крепости Рантанбхур, которой управлял Рай Сарджан, он [Акбар] не подумал о том, чтобы захватить ее, а продолжал свой путь. Рай Сарджан, услышав о приближении победоносного отряда, послал с заслуживающими доверия военачальниками достойные подношения и засвидетельствовал неизменное повиновение. Когда он [Акбар] остановился близ цитадели Гаграун⁴, одной из мощных крепостей Мальвы, стало известно, что Баз Бахадур передал ее одному из своих доверенных [слуг], и она до сих пор не взята. Его Величеству было также доложено, что Адхам-хан намеревался овладеть ею лично. В один из дней, когда Его Величество находился там, герои-завоеватели получили повеление окружить твердыню (букв. «взять это гнездо мощи»). Когда управитель [крепости] узнал, что Шахиншах накрыл ее тенью завоевания, он, будучи талантливым и дальновидным, сделал ключи от цитадели дополнительным средством своей безопасности и был возвышен, облобызав землю. Его удостоили царских милостей. Его Величество оставил Халдина управлять сей славной крепостью и продолжил путь в конце того же дня. Он двигался стремительно всю ночь и наутро —

141 в пору расширения сердца и удлинения жизни — прибыл в окрестности Сарангпура. Он совершил продолжительный переход (от Агры), в котором было столько подъемов и спусков, за шестнадцать дней и водрузил свои рассеивающие тьму знамена вблизи Сарангпура в

день бахман, 2 хурдада, Божественного месяца, что соответствовал вторнику, 27 шаабана [968 г.х.] (13 мая [1561 г.]).

Достойным удивления стало то, что в тот же день Адхам-хан выступил из Сарангпура с намерением взять крепость Гаграун и прошел 2 или 3 коса. Он не ведал о походе Шахиншаха. Хотя Махам Анага выслала быстрых гонцов, чтобы предупредить его о походе и дать ему возможность свершить надлежащие приготовления для исполнения службы, однако стремительность Его Величества Шахиншаха оказалась такова, что и посланцы грез не в силах были поспеть за ним — на что же тогда способны скачущие во весь опор гонцы? Адхам-хан снарядил свои войска и спокойно двигался к Гаграуну, когда вдалеке показались мироозаряющие золоченые шары (*каукаба*). Хотя лишь меньшая часть победоносных отрядов сопровождала в ту ночь стремя Его Величества, однако на всех тех равнинах и пустошах из-за ратей Божественной милости явились такие сонмы и множества бойцов невидимого мира и всадников небесной обители, что они [войска Акбара] показались глазам воинов неисчислимыми. Несколько солдат Адхам-хана, выехавших вперед него, внезапно наткнулись на царскую свиту. Когда их взгляд упал на Его Величество, они непроизвольно соскочили с лошадей, замерев в низжайшем почтении. Адхам-хан был изумлен, видя, что его люди столь смутились и бросились с лошадей. «Милостивый Аллах, кому они изъявляют такое уважение?» В удивлении он вскочил на лошадь и подъехал ближе. Когда его взгляд упал на мироозаряющую красоту Его Величества Шахиншаха, [Адхам-хан] смешался и, подобно кружимой пылинке, спешил и засвидетельствовал почтение. Он приник лицом зависимости к пыли мольбы и был возвышен, облобызав стремя. Поскольку обычай [проявлять] доброту к слугам и прощать их ошибки присущ Его Величеству от рождения, он принял Адхам-хана с милостью и на некоторое время сошел с коня, дабы последний утешился, а прочие спутники, явившиеся с Адхамом, удостоились бы счастья показать глубочайшее уважение. Затем [Шахиншах] вновь сел в седло, чтобы направиться в Сарангпур. Поселившись в жилище Адхам-хана в том городе, он сделал его объектом зависти и подобием небес. Адхам-хан ступил на ковер подчинения и

поднес вещи диковинные и прекрасные, однако, не осознав меры заботливого внимания и благосклонности Его Величества, занес стопу выше своей ступени, [на ту, которую] просветленная, Божественная и являющая истину чаша не открыла ему.

142 Закон преданности заключается в том, что там, где есть физическое отсутствие, остается истинное и духовное присутствие, и надлежащее уважение и почтение по-прежнему оказываются владыке, а личные желания [человека] оставляются, дабы угодить благодетелю. Что говорю я? Преданность — бесценное сокровище. Она не покрывает голову каждого и не вложена в каждое сердце. Куда исчез расчет? И что случилось с деловыми соображениями? Что за искусность в том, чтобы выманивать подачки притворства и утайки пред лицом такой заботы и доброты? Нет сомнения, что тот, кто по своей порочности ведет игру обмана на доске честных мужей, ссыпает пыль погибели в чашу⁵ своего [доброго] имени и славы! Тогда как Адхам-хан расточал лицемерную лесть, острый разум Шахиншаха не находил в этом удовольствия, и то, что творил Адхам, не одобрялось священной душой. Среди прочих вещей тот поднес одежду, чтобы Его Величество, будучи запылен после скачки, мог надеть свежее одеяние. Но поскольку поведение Адхама не счистило частицы пыли с рубахи чистой и святой души, Его Величество пренебрег одеянием лицемерия. Адхам-хан попал в тенета смятения и смущения. В избытке нужды своей он искал помощи у каждого из приближенных [к Акбару] придворных и выказал смирение и скромность. В конце концов Его Величество, рудник доброты и жалости, проявил сострадание к его несчастью и благодаря собственному величию оказал честь этому слуге, надев свежие одежды, которые тот принес. Он также милостиво обратился к нему. Поскольку в сей день его целомудренные дамы отстали и не прибыли вместе с процессией, Его Величество спал той ночью на крыше дома Адхам-хана. А гнусный, злосчастный негодяй лежал в засаде и выжидал удобного случая: быть может, взор этого святого упадет на его гарем⁶, и тогда подлец воспользуется этим как предлогом и убьет его. Святой разум Его Величества, бывший духовным садом роз, был свободен от подобных мыслей, и поскольку он совершил долгий переход, то предался продол-

жительному отдыху. Сей мудрый и целомудренный никогда и не помышлял о злополучном гареме Адхам-хана. Поскольку Божественное покровительство неустанно следит за этой духовной и материальной путеводной звездой [человечества], тот черный сердцем и злополучный не получил возможности или предложения (для оскорбления его), а щит истинной и духовной верховной власти оберег его одиночество.

На следующий день Махам Анага доставила отставшую занану⁷ и устроила великое развлечение. Адхам-хан был пробужден сей искусной женой от сна небрежения и признал высочайшую честь — прибытие Хеди́ва Мира. Он послал дары и приготовил пир. И поднес Его Величеству то, что попало к нему в руки из имущества Баз Бахадура, как движимого, так и недвижимого, а также всех жен, танцовщиц и наложниц [Баз Бахадура]. Его Величество, следуя обычному добросердечию, принял их и подарил тому некоторых. Он [Акбар] оставался четыре дня в Саранпуре и в день хурдад, 6 хурдада, Божественного месяца, что соответствовал субботе, 2 рамазана [968 г.х.] (17 мая 1561 г.), начал обратный путь в Агру. На первой остановке, которая случилась в округе Саранпура, в месте, что называлось Патанкор, Адхам-хан поддался злым мыслям и опозорил себя на веки вечные. Но поскольку Махам Анага была дорога этому ценителю службы и знатоку драгоценностей [Акбару], тот закрыл глаза на сие дело и не сказал ничего. Словом, подробности таковы: поскольку безрассудство и слепота сердца являлись несомненными качествами Адхам-хана, он сговорился со слугами своей матери, прислуживавшими в царском гареме, и похитил из личных покоев Шахиншаха двух несравненных красавиц из женщин Баз Бахадура, которых недавно представили Его Величеству. Он тешился тщетными мыслями, что, поскольку все сейчас заняты приготовлениями, никто не сумеет выследить его. Из-за этого безрассудного замысла он решил поставить такое пятно на чело своей судьбы. И заклеил себя вечным проклятием, обесчестив навеки. Когда сия скандальная история дошла до царского слуха, был дан приказ остановить в тот день движение и разослать быстрых гонцов искать пропавших. Искусные мужи взялись за эту службу и после тщательных поисков

143

поймали обеих и привезли их назад. Махам поняла, что, если две эти женщины предстанут перед Его Величеством, завеса над ее деяниями будет поднята, и предательство сына откроется. Поэтому приказала сих двух невинных умертвить, ибо «отрубленная голова не производит шума». Хедив Века посмотрел сквозь пальцы на этот возмутительный случай, ибо покров еще не был откинут с его мироозаряющего лика, и взирал на совершённое как не имевшее места. Я прославляю сей [способный] осушить океан талант, который в безграничной любви и избытке мудрости может счесть подобные устрашающие преступления несовершенными!

144 Как только вести о прибытии величественной процессии достигли военачальников Мальвы, каждый с ликом искренности явился из своих земель к великолепному порогу. В день, когда шатры раскинули у [стен] Сарангпура, Пир Мухаммад-хан, Кийя-хан, Хабиб Али-хан и другие военачальники явились и были возвышены, засвидетельствовав благоговейное почтение. Его Величество Шахиншах отличил каждого милостями и возвысил их положение. Адхам-хан, Пир Мухаммад-хан и прочие военачальники Мальвы, выразив почтительное уважение, были отпущены и отправились в свои владения. Царская процессия направилась к средоточию верховной власти [Агре]. Его Величество двигался переход за переходом, охотясь и стреляя [дичь], однако шел так же проворно. Когда его знамена, [увенчанные] полумесяцем, бросили лучи на земли, прилежащие к крепости Нарвар⁸, тигр⁹, могущий устроить даже леопарда небес¹⁰, вышел из леса с пятью детенышами и [расположился] у дороги, где следовала процессия. Его Величество Шахиншах, имевший в руках мощь льва Аллаха¹¹, а на груди — доспех Божественного покровительства, вышел один и без колебаний на этого яростного нравом, с железными когтями¹² дикого зверя. Когда очевидцы узрели это, волосы на теле встали у них дыбом, и пот полился из их пор. Его Величество стремительной стопой и проворной рукой обрушился на зверя и убил его одним ударом своего меча.

Пред тем, кого хранит Аллах,
Во что тот обратится, кто дерзнет сопротивляться?

Если он нападет на тигра или иного хищника,
Легко сдерет он шкуру с тел их.

Дикий зверь, столь крупный и ужасный, истекая кровью, рухнул в пыль пред силой его длани и мощью его храбрости, и крик поднялся со всех сторон. Это был первый хищник, которого Его Величество сразил лично. Детенышей¹³ умертвили мечами и стрелами многих храбрецов, сопровождавших величественное стремя.

Среди прекрасных событий, происшедших в течение путешествия, значилось награждение Мир Мунши Мухаммада Асгара титулом Ашраф-хана.

Словом, Агра была осчастливлена прибытием Его Величества в день дивадин, 23 хурдада, Божественного месяца, что соответствовал вторнику, 19 рамазана 968 г.х. (4 июня 1561 г.), и врата радости распахнулись для человечества. Великий поход завершили за один месяц и семь дней. Путь туда¹⁴ занял 16 дней, 4 дня провели в Сарангпуре, и семнадцать [дней] длилось возвращение. За это время была исполнена мера отваги и показаны ступени мудрости. А также уплачены подати любезности и великодушия и явлены глубина таланта и величие души.

Глава 36

*Повествование о необычной
истории и чудесном приключении,
случившихся с Его Величеством
Шахиншахом*

Великое [предназначение] наместничества¹ требует, чтобы справедливые правители, не выставя напоказ личные мотивы, вникали в дела в полной мере человеческих способностей и не передавали бы их другим. Ибо пристальный разум использует заместителей и посредников лишь в тех деяниях людских, за которыми он не может наблюдать лично. Наиболее светские (мирские) правители ограничивают собственное внимание выбором заместителя² и затем препоручают заботу о мелочах другим, а сами предаются наслаждениям. Его Величество Шахиншах в своей неизмеримой мудрости и вселенском благоволении ко всем, в непостижимой людским восприятием мере черпает удовлетворение в утешении человечества и сам принимает участие в большинстве дел. И поскольку одна из главных обязанностей верховной власти — знать о состоянии народа, а из всех мирских занятий испорченность здесь наиболее очевидна, ибо это занятие, где прежде всего приходится иметь дело с презренными, низкими и подлыми, которые особо привержены злодейству, алчности, лжи — ибо как можно ожидать истины, честности и бескорыстия в людях низкой природы, когда такие качества в наши дни редки и в великих?³ — Его Величество в трудах своих по большей части прилагает свой возвышенный дух и уделяет им [делам] особое внимание. И хотя величественная служба требует, чтобы священная особа повелителя охранялась за тысячами железных крепостей, однако Хедив нашего Века полагается на Божественную защиту; и испросив поддержки от святых аскетов, он много раз появляется таким образом, какой

неведом никому, и в одеянии, которое не узнаёт никто, и совершает обход. Он собирает сведения о сокрытых деяниях и тем заботится об управлении делами людскими. Благодаря влиянию пересекающих пустыню познавателей Господа, являющих знак Божественного покровительства, он охранен от угроз подобных странствий так же, как защищен от иных опасностей.

Для защиты поношенная рубаха дервиша
Сильнее, чем сотни валов Александра³.

Теперь, когда сие предисловие изложено, внимлите мне разумом, незамутненным туманом непостоянства. В городе Бахраиче находится могила Салар Масауда Гази⁴, одного из мучеников в войсках Газневи⁵. В Индии среди народа бытует обычай изготавливать флаги различных цветов и относить их в это место⁶ с многочисленными дарами. Поэтому огромные толпы выходят из Агры на эту встречу и несколько ночей бодрствуют в окрестностях города⁷. Множество людей стекаются туда, и там собираются как достойные, так и порочные. Абу-л Фазл, составитель сего благостного свитка, однажды услышал из святых уст Его Величества Шахиншаха, что как-то ночью, когда близ Агры было подобное великое собрание, он, следуя возвышенной привычке, пересек [реку] в особом наряде⁸. И созерцал различных представителей рода людского, как вдруг: «Какой-то бродяга узнал меня и сообщил об этом остальным. Осознав это, я без малейшего промедления или колебания закатил глаза и завопил и так совершил удивительную перемену в своей внешности. В образе, какой они не могли представить, я был наблюдателем и созерцал пути судьбы. Когда те добрые люди взглянули на меня, они из-за перемены моего облика не сумели меня узнать и сказали друг другу: «Это не глаза и не черты добросердечного». Я спокойно ушел от них и вернулся в свой дворец».

146

Рассказывая эту историю, Его Величество воспроизвел обличье, которое он принял, и тем заставил нас удивиться еще сильнее. Воистину это было весьма странное представление.

Одним из благословенных воздействий величественного Хеди́ва в ту пору стало [происшествие], случившееся, когда он охотился близ

Агры. Шакал напал на олененка, и сильный вознамерился причинить ущерб слабому. Мать детеныша увидела, что происходит, и оказалась в сети тревоги. Она собрала всё мужество, и помчалась к тому месту, и отважно бросалась на шакала раз за разом. Тому пришлось тяжело, и он кинулся в пруд, превратив воду в крепость. Когда луч внимания Его Величества осветил сие, крик вырвался у очевидцев. В ту пору когда знамена были водружены в Агре, — хотя с виду [Акбар] испытывал склонность к разнообразным видам спорта и особенно к охоте с гепардами, которые являют собой одно из чудес Господа, и сделал их завесой своей красоты — он, однако, постоянно занимался делами государства и покорением стран, выдвижением и возвышением верных, уничтожением злокозненных и неискренних и испытанием достоинств каждого, продвижением или остановкой их в согласии со сказанным. И не оставлял без внимания ни малейшей подробности дел. Наконец прибыли вести об опьянении Хан Замана, и [Акбар] повернул поводья своего намерения к очищению той страны и принял решение двинуться туда.

Глава 37

Поход Шахиншаха к восточным областям, подчинение Хан Замана и возвращение в Агру

От дальновидных, которые ощущают пульс века, понимают качества многообразного мира и созерцают его увлекательный пир, не скрыто, что успех, победа над противниками, привлечение способных слуг и накопление мирских богатств ведут к укреплению смирения в характере, приобщенном к истинному благородству, от рождения достойном, благонамеренном и неуклонно ведущем каждодневные записи своих деяний. Для подобного они служат источником усиленной бдительности и [оказания] благодарности благодетелю. И поскольку он знает, что преданность и доброе служение — составляющие признательности, то продолжает развивать прямоту. И становится более смиренным перед Творцом и более покладистым в отношении творений. И растит свою преданность, и [улучшает] служение своему Господину, и в то же время становится более мягким в отношении слуг. Но в том, в ком нет и частицы человеколюбия — за исключением внешней формы, и следа благородства — за исключением имени, проявятся последствия, обратные всему названному. [Достигнув] некоторой славы и проницательности, он оставляет свой истинный чин в покаянии забвения и, во-первых, пренебрегает собственными обязанностями по отношению к источнику своего существования. Во-вторых, принимает величественный и высокомерный вид по отношению к благодетелю и владыке, который для него является Богом, и позволяет гибельным мыслям проникнуть в свой ум. В-третьих, он ведет себя надменно с друзьями и равными [по положению] и делает это словно во хмелю. В-четвертых, выказывает себя притеснителем и тираном для всего человечества. Злосчастный негодяй мнит в своем

147

безрассудстве, что трудится для собственного величия, однако мудрым ведомо, что он готовит место собственной гибели. История Али Кули-хана, известного всем под именем Хан Замана, является еще один пример сей истины. Физическая отвага, в которой его превзойдут тысячи неразумных тварей земных, стала поводом для самовозвеличивания и возрастающей спеси, и он приписал себе успех, что был лучом удачи *Хедива Века*, и тем превратил его в причину всё усиливающегося опьянения. Вот почему уже упоминались его действия во хмелю.

Гордость этого порочного человека раздулась, когда разбит им был сын Адли, объединивший вокруг себя множество бродячих афганцев, и завеса над его поступками поднялась почти полностью. Совершенный разум и сильная привязанность Шахиншаха побудили его отправиться в ту область под предлогом охоты. Вот слова, что сошли с его уст: «Если какая-то частица добра осталась в этой недостойной натуре, и он пробудится ото сна небрежения и поспешит засвидетельствовать почтение, я поставлю подпись прощения под его провинностями и вернусь [в Агру], ибо он — росток, взращенный нами, а благороднейшее качество принцев — принимать извинения и прощать ошибки, ибо в рожденном женщиной человеке опьянение и ясное сознание смешаны друг с другом. Если он не ведом удачей и не выказывает признательности за счастье служения, [мы] избавимся от него прежде, чем его болезнь станет хронической, а излечение затруднительным, и жители той страны освободятся от рук некоторых притеснителей». В соответствии с этими представлениями об управлении величественная процессия при поддержке Господа проследовала к восточным городам в день шахриюр, 4 амардада, Божественного месяца, что соответствовал четвергу, 4 зу-ль-каада 968 г.х. (17 июля 1561 г.). Защита Агры была поручена Муин-ад-дин Ахмад-хану Фаранхуди¹. Муним-хан Хан-ханан, Ходжа Джахан и многие слуги порога удачи сопровождали Его Величество. Он продвигался переход за переходом, источая свет своей справедливости; внешне охотился, но внутренне пребывал с Аллахом.

Когда лагерь достиг территории Кальпи, Абд-ал-лах-хан Узбек через придворных передал прошение о том, чтобы духовный и земной

водитель бросил взгляд милости на смиренного и навеки прославил своим прибытием лачугу сего слуги: «Если Его Величество окажет мне эту честь, что недостойного будет в том, что Солнце счастья пригреет пылинку?» Сей мир великодушия исполнил его просьбу и озарил его жилище священным светом величия. Абд-ал-лах изъявил почтение повиновения. Весь тот день Его Величество посвятил торжественному празднеству в его доме, что находился на берегах Джамны, и провел время в веселье и забавах. И оттуда повернул поводя к Карре, что расположена на Ганге. Когда его лагерь раскинулся на окраине этого города, то уделил внимание охоте в окрестностях. Таким образом он пробыл несколько дней в той восхитительной стране. Хан Заман и его брат Бахадур-хан — поскольку час, когда завеса будет ими разорвана, еще не пробил — очнулись ото сна небрежения и явились засвидетельствовать почтение. Будучи возвышены этим поступком, поднесли многообразные [диловины] того края в качестве *пешкаша*². Они предложили замечательных слонов, таких, как Дилсанкар, Пулта, Далил (?), Сабдилиа и Джаг-Мохан (Очарование мира), каждый из которых являл собой совершенство этого мира, и со стыдом и раскаянием превратили пыль порога в снадобье для своих глаз. Его Величество Шахиншах, в согласии с собственными верными правилами, отнесся к их прежним порочным деяниям так, словно те не происходили, и оделил их особыми милостями. Изрекающими истину устами он произнес, что чудесное древо человеколюбия — ценный питомец Аллаха. Сколь неприятно вырывать траву и цветы (*ашиар-набати*)! По этому можно судить, что станет результатом вырывания такого древа (как человек)³. Он принял монету их стыда и покорности в качестве ходатая за их проступки и дозволил излиться океану своего прощения!

В это время Абд-ал-Маджид Асаф-хан со значительным числом воинов был послан к Панне против раджи Рам Чанда. Если бы тот повел себя надлежащим образом, схватил и отослал ко Двору Гази-хана Танури и множество пропавших людей, перебравшихся в ту страну, и если бы сам держался за пояс покорности и доброго служения, им следовало обойтись с ним мягко, после чего вернуться. Так как шел сезон дождей, раджа воспротивился [приказу], а священные воины

повернули и направились в свои владения⁴. После того как Его Величество провел двадцать дней в Карре и разум его успокоился относительно дел той страны, разнесся отзвук [его] возвращения в столицу. Оба брата прислуживали у величественного стремени на протяжении трех переходов и распрощались, удостоившись бесчисленных милостей. Его Величество Шахиншах пересек обширные просторы за 10 дней и в день михр, 16 шахриюра, Божественного месяца, что соответствовал пятнице, 17 зу-ль-хиджжа 968 г.х. (29 августа 1561 г.), прибыл в Агру. Он совершил сей удачный поход за месяц и четырнадцать дней. Путь туда занял 14 дней, 20 дней он оставался [на месте], и на возвращение ушло 10 дней. Когда тень величественного зонта Его Величества простерлась над прилегающими к столице землями, благородные души вышли, чтобы приветствовать его и выказать свою верность. Каждый получил милости соразмерно заслугам. Ежедневно устраивался базар правосудия, и [пришла] новая весна для мира. Время и его творения обрели новую радость. Вершина службы открылась царским слугам⁵ в пределах владений [Акбара] и на [их] границах. Во всех краях люди облакались в почетное одеяние паломника и отправлялись облобызывать порог счастья.

- 149 В конце абана, Божественного месяца, сего года, что соответствовало началу раби ал-аввала 969 г.х. (ноябрю 1561 г.), Шамс-аддин Мухаммад-хан Атка, возвышенный титулом Аазим-хана, прибыл из Пенджаба и засвидетельствовал почтение. Он исполнил предначертанное поклонение⁶ под видом служения своему духовному и мирскому владыке. И поднес великолепные дары, соразмерные его преданности, и был возвышен великими милостями Шахиншаха. Он отдал распоряжения по политическим и финансовым делам и решил вопросы, касающиеся войск и мирного населения, в согласии с собственным здравым суждением. Махам Анага, которая из-за своей превосходной службы, глубокой мудрости и непоколебимой преданности считала себя, по сути, первым министром, осталась этим недовольна. Также и Муним-хан Хан-ханан, официально бывший *вакилом* и восседавший на *маснаде* в качестве такового, был этим внутренне опечален. Где же здравомыслие, независимость ума и нерасположение к мирским делам, которые помогли бы увидеть в присутствии мужа, принявшего и воз-

ложившего на свою голову бремя мирских забот, великий дар Аллаха и то, за что следует испытывать благодарность, — дабы, когда Хан Аазим в своем прямодушии и верности выполнил службу Его Величеству, Муним-хан и Махам Анага взглянули бы на него как на [ниспосланного] Аллахом помощника и вознесли бы из глубины своих сердец хвалу за сей дар, вместо того чтобы так печалиться и досадовать? Ибо в преддверии праведных деяний истинная заповедь, одобренная и мудрецами, гласит, что человеку следует хранить связь с внешними делами до тех пор, покуда не появится другой [муж], способный взять на себя заботу о них, и задача угождать повелителю управлением делами будет доверена ему действиями, а не словами. Когда человеку дают понять языком действий, что его служба возложена на другого и на сцену вступил слуга, ставший главным распорядителем, досадовать неразумно. Подобным поведением человек позволяет [недостойным] желаниям овладеть собой. Более того, это означает повергнуть себя и нанести себе вред собственной рукой.

Одним из облагораживающих событий судьбы Шахиншаха, оказавшихся в тот год снадобьем для глаз прямодушных, устремленных к благодати, стало то, что Чунар, бывший неприступной крепостью, перешел под власть царских слуг. Воистину редко он попадал в руки принцев силой оружия или избытком хитрости. Ибо вследствие высоты и мощи [стен] рука внешнего врага не в силах достать его, а благодаря изобилию пищи и воды засевающие внутри не зависят от внешнего мира. Вот краткий рассказ об этом событии. Когда сын Адили стал скитальцем в пустоши гибели, крепость Чунар, бывшая его оплотом, перешла в руки некоего Фатту⁷, принадлежащего к его клану (*хасахейл*). Он сделал сию неуязвимую твердыню своим пристанищем и постарался укрепить ее. После того как знамена удачи возвратились от города Карра и утвердились в Агре, Ходжа Абд-ал Маджиду Асаф-хану поручили взять крепость. Поскольку Фатту не был лишен некоторых верных представлений и доли здравого смысла, он понял, что день поражения афганцев настал, и потому выслал множество людей изъявить его покорность. Смирненно передал мироохраняющему Двору, что если шейх Мухаммад⁸ возьмет его за руку и приведет, дабы [он] облобызал порог удачи, то, разумеется,

150

он с успокоенным разумом передаст крепость людям царя и привяжет себя к подпруге удачи Шахиншаха. Его просьба была принята, и шейх, согласно возвышенному повелению, отправился и, передав царскую благожелательность, привез того засвидетельствовать почтение. Чело его удачи прояснилось преклонением колен при Дворе оплота мира. Его Величество возвысил его милостями и дал ему положение *амира*. Хасан Али-хан Туркаман был назначен управителем крепости.

Среди происшествий того времени значилось и то, что Его Величество Шахиншах сел на слона Хавай⁹ и повел его в битву. Жизнеодаряющий и мироукрашающий Творец каждодневно возвышал ступени его величия всё новыми средствами и новыми лучами и сделал духовные и физические совершенства этого неповторимого [мужа] Двора единения зримыми для поверхностных и недалеких. Хедив Века довольствовался внутренним воздаянием признательности и продолжал носить завесу над своими поступками. Всякий раз, когда Божественный промысел предписывал убрать покров с его мироукрашающей красоты, Его Величество проникающим вглубь размышлением ткал новые, еще более прекрасные и чудесные покровы. Он был одновременно созерцателем свода Божественных начертаний и управителем мира в согласии с лучшими законами. Втайне он испытывал искренность, широту ума и способность людей к делам, внешне же казался поглощен охотой и поединками слонов — что невежды считают проявлением пренебрежения к заботам верховной власти, однако мудрые рассматривают как вершину практических умений. Среди тех самых забав, кои ввели поверхностных в это заблуждение, имелись некие деяния, которые вывели сих поверхностных против их воли на дорогу преданности и сделали их путниками на стезе истинного знания. И среди них — следующее необычайное событие. История сего назидательного случая, раскрывающего восприятие разума, такова. Слон Хавай был могучим животным и входил в [число] особых слонов. По своей неистовости, свирепости он соперничал со всем миром. Сильные и опытные погонщики, которые провели долгую жизнь, управляя подобными слонами, с трудом садились на него; так что же могли они поделаться, чтобы заставить его сражаться? Сей царственный наездник равнины храбрости и охотник на тигров в чаще отваги однажды без

колебаний поднялся на этого слона, [когда тот находился] на вершине ярости, на площадке для поло, что он устроил для своего удовольствия за пределами крепости Агры, и удивительно управлял [им]. После чего направил его на слона Ран Багха, почти равного ему по качествам. Верные и искушенные, присутствовавшие [там], оказались в состоянии, никогда прежде ими не испытанном.

Поскольку придворные, очевидцы этой тревожной сцены, были взволнованы ее продолжительностью и не могли возразить, им всем тотчас пришло в голову, что лекарство будет найдено, если привести Атага-хана, первого министра, и тот мольбами и настойчивыми просьбами сумеет отвратить Его Величество от этой ужасной затеи, созерцание коей превращало желчный пузырь львиных сердцем в воду. Когда смятенный Атага-хан прибыл и увидел положение дел, то выпустил из руки своей нить терпения и обнажил голову. Он возопил и запричитал, словно притесняемые, молящие о справедливости. Великие и малые воздели руки мольбы, прося Аллаха о невредимости сей священной особы, являющейся основой мира и спокойствия человечества. Как только Его Величество заметил смятение Атага-хана, он обратился к нему: «Не стоит причитать — и если ты не прекратишь, я прямо сейчас брошусь со слона». Когда Атага-хан понял, что Его Величество непоколебим в своем решении, он немедленно подчинился и из почтения внешне сдерживал собственный взволнованный ум. Шахиншах с сердцем, подобным львиному, безмятежно продолжал внушающее ужас развлечение, покуда слон Хавай благодаря силе невидимой руки и Божественной удаче не одолел противника. Ран Багха выпустил прочную веревку твердости и обратился в бегство. Хавай не смотрел ни назад, ни вперед и не обращал внимания на подъемы и ямы, а, подобно ветру, преследовал беглеца. Его Величество, скала непоколебимости, продолжал упорно сидеть и наблюдать пути судьбы. Одолев значительное расстояние, слон достиг берега реки Джамны и начала большого понтонного моста. Ран Багха в замешательстве взбежал на мост, и Хавай, с тигром джунглей удачи на спине, последовал за ним¹⁰. Из-за огромного веса обоих [слонов], обличьем подобных горам, понтоны то опускались, то поднимались. Царские слуги бросились в воду по обеим сторонам моста

и плыли, пока слоны не выбрались на другую сторону. В то время когда зрители взирали на сие диковинное дело, *Хедив Века* в мгновение ока умирил Хавай, норовом подобного пламени и стремительностью подобного ветру. Ран Багха умчался, спасая жизнь. И одновременно мир возродился к жизни, а смятенные сердца были умиротворены. Некоторые решили — а недалекие вообразили, — что, возможно, мозг Правителя времени и земли опьянен, и всё происшествие стало следствием этого. [Однако] они немедленно отбросили эту ни на чем не основанную мысль и поняли, что Его Величество — изумительный художник в искусствах разума, делающий явью образы из чудесной внутренней галереи и призывающий заблудших в глуши невежества на царский путь знания. Он дал зрение слепым, а глаза зрячих смазал схожим с жемчугом снадобьем¹¹. Несколько раз, когда сей счастливый автор удостоивался чести личной беседы с Его Величеством Шахиншахом, он слышал из его святых уст, что «наша сознательная и намеренная езда на *мастах*, слонах-убийцах, за миг перед тем швырнувших погонщиков себе под ноги и умертвивших их, имела своей причиной и поводом [желание], чтобы слон умертвил меня, если я сознательно ступил на путь, негодный Аллаху, или сознательно возлелеял желание, противное Его воле, ибо не в силах мы вынести ноши жизни при недовольстве Аллаха». Милостивый Боже, какая глубина! И какое отношение к самому себе? Одним словом, в любое время — святого ли уединения, занятия ли делами, во время битвы или во время пира — он постоянно следит за истинной, направляющей нитью; и пребывая внешне с творениями, а внутренне с Творцом, [Акбар] одновременно есть устроитель дел внешних и внутренних и действует как повелитель обеих этих великих сфер; и, получая удовлетворение от обоих отрадных миров, украшает престол Вселенной — духовной и мирской.

В числе прочих событий оказалось прибытие ко Двору Адхам-хана. В пору, когда Агра прославилась присутствием Шахиншаха, в его мироукрашающем разуме обрела форму мысль, что управление Мальвой следует доверить Пир Мухаммад-хану Ширвани, а Адхам-хану надлежит исполнять службу при Дворе. Были изданы соответствующие указы, и Адхам-хан повиновался им и отправился туда, после того как передал Мальву Пир Мухаммад-хану. Он ехал быстро, и

вскоре прибыл, и удостоился царской благосклонности. Сердце Махам Анаги, опечаленное разлукой с благородным сыном, утешилось этим, а Пир Мухаммад-хан, освобожденный от гнета своего соправителя, осуществил свои надежды, и люди повсюду освободились от несправедливости и обрели мир и покой. Так Адхам-хан был удержан от безрассудства и тем охранен от гибели. Более того, решение исправить его утвердилось в святом разуме [Акбара]. В это время владыка Вселенной, следуя собственным благородным привычкам, внешне непрестанно занимался охотой, тогда как внутренне странствовал с Господом и казался поглощен пленением душ¹². Он заложил мощное основание для любого труда и издал полезные установления для дел управления. Невзирая на молодость — пору, когда прежние правители потворствовали своим склонностям без самосозерцания, Его Величество превратил эти годы в путь к обретению Божественного знания и никогда ни на миг не пожалел об этом. Процветание, вступление на престол, поддержка друзей и искоренение врагов — каждое событие, ставшее лишающей разума чашей для прежних принцев или, вернее, осушением [ее] до самого дна опьянения, — в священной особе Его Величества Шахиншаха служили возрастанию знания, преумножению мудрости, изобилию благоразумия и бдительности. Благодаря Божественным целям и непреодолимым начертаниям несравненного Божества многие из мироукрашающих достоинств этого духовного и мирского принца были сокрыты даже от его собственной прозорливости. Я слышал это много раз в дни своего детства от моего почтенного отца, когда занимался приобретением знания. Он (также) являлся фонтаном благодати и сосудом духовных и земных совершенств и человеком, проводившим дни в обители уединения. Я узнал это и сам, когда мне выпало счастье служения ему — эликсиру талантов владык мудрости. В силу этого — то есть из-за того, что его мироозаряющая духовная красота была сокрыта от него, — он искал в других то, что надлежало искать в себе самом и предстояло явить ради пользы рода людского и тем самым стать проводником для скитающих в пустыне заблуждения. Он постоянно превращал терзания исканий Бога, — которые, однако, могут обернуться несокрушимым здоровьем, — в кайму собственного сердца и сохранял живость своей святой души.

Охота, сей браслет на запястье радости, превращена им частично в усилия искания и заставила его пройти в одиночестве города и села. В неизмеримой рассудительности он искал Истину среди запыленных обитателей полей бездумья — а большая часть поистине великих познают ее в этом обличье — и общался с любимыми, кто носил златанное одеяние: йогами, саньясинами и каландарами и прочими, одиноко сидящими в пыли, и безразличными отшельниками. Из внешних привычек и бесед познавал их истинную природу. Схожим образом он вопрошал об Истине ученых и именитых, скованных цепью науки и славы, кто разукрашивает жалкие лавчонки школ и учебных заведений¹³. И различал неискренность и фальшивый блеск самозванцев среди этих категорий людей, однако охватывал подобные явления своим глубоким умом. Он покрыл пылью тайны тех лживых пройдох и не ослабил имен тех слуг Истины. Несмотря на такие результаты, искания этого Царя Мира не прекращались и не ослабевали. Наоборот, он усиливал старания и был как никогда неусыпен в своих поисках врачей души, которые могли бы стать проводниками на стезе постижения [Истины].

[Долгие] годы сердце ищет у нас чашу Джамшида.
У чужого ищет то, чем владеет само.

154 Если бы таким стилем следовало написать воспоминания, понадобился бы отдельный том, дабы сумел я отобразить то, что узнал с начала моей службы. Лучше мне вернуться из этого мира и продолжать свою летопись об этом герое эпохи.

Однажды ночью Его Величество отправился в Фатхпур, чтобы поохотиться, и проходил мимо Мандхакара, местечка на пути из Агры в Фатхпур. Несколько индийских певцов распевали чарующие песни о великом Ходже, Ходжа Муин-ад-дине — да святится его могила! — который покоится в Хазрат Аджмире¹⁴. Часто его совершенства и чудеса становились предметом беседы в святых собраниях. Его Величество, искатель Истины, пребывающий в неустанном поиске, стремящийся к союзу с путниками на стезе святости и показывающий стремление к просветлению, обнаружил сильное желание посетить усыпальницу Ходжи. Притягательность паломничества туда схватила его за ворот.

Глава 38

*Краткое повествование
о Ходжа Муин-ад-дине Чишти,
да святится его могила*

Ходжа происходил из Систана, и его [имя] пишется Сиджзи¹, что в арабском соответствует Сигзи. Его почтенный отец, который звался Ходжа Хасан² и был мирным земледельцем, умер, когда тому шел пятнадцатый год. Внимание шейха Ибрахима Маджзуба³ из Кандуза обратилось на него, и благословением его взора терзания исканий охватили душу Ходжи и разорвали внешние связи. Он поспешил в Самарканд и Бухару и какое-то время усердно приобретал знания. Оттуда проследовал в Хорасан и там повзрослел. В Харуне, что является зависимым от Нишапура владением, познакомился с шейхом Османом Харуни [Чишти] и стал его учеником. На протяжении двадцати лет [Ходжа] практиковал суровый аскетизм в обществе шейха и странствовал, а также жил некоторое время в других странах. Он знал многих святых своего времени, подобных шейху Наджм-ад-дину Кубри. Словом, это один из величайших мужей ордена *чишти*. Он родственник Ходжа Маудуда Чишти в третьем колене⁴ и в девятом — Ибрахима Адхама⁵. Прежде чем Муиз-ад-дин, сын Сама, явился из Газни в Индию⁶, тот распрощался со своим *пиром* и явился в сей край. Он поселился в Аджмире, где пребывал Рай Питхора, правитель Индии. Несомненно, Ходжа преуспел в аскетизме и духовных битвах и вел великие войны с плотскими стремлениями. Хотя множество чудес приписывается ему, но есть ли чудо более славное, нежели борьба с желаниями плотского инстинкта, который есть отец излишеств? Ходжа Кутб-ад-дин Уши из Андижана⁷ в Багдаде, в месяце раджабе 522 г.х.⁸, в мечети имама Абу-и-Лайса⁹ из Самарканда

и в присутствии шейха Шихаб-ад-дина Сухраварди, шейха Ухад-ад-дина из Кирмана и многих иных святых стал учеником Ходжа Муин-ад-дина. Шейх Фарид Шакаргандж¹⁰, похороненный в Патане, был учеником этого Кутб-ад-дина, а шейх Низам-ад-дин Аулийя¹¹, бывший *пиром* Амира Хусру¹², отдал свою руку ученичества шейху Фариду. Словом, многие совершенные учителя выросли из лона наставничества этого Ходжи¹³. Да благословит Господь их души!

Глава 39

Посещение Его Величеством Адждмира и его брак с дочерью Бихари Мала

Поскольку священная душа Шахиншаха ищет сведущих в Истине и пытливо [изучает] их добрую славу, что основана на действительности, то прямо в охотничьих угодьях им принято было решение преследовать духовную дичь, и хотя его спутники молили не уходить в отдаленные края, твердя о [подстерегающих там] опасностях и множестве непокорных, он не обратил на это внимания, ибо ум его приготовился к выступлению и лишь более укреплялся в [мысли о] походе. В день шахриюр, 4 бахмана, Божественного месяца, что соответствовал среде, 8 джумада ал-аввала [969 г.х.] (14 января 1562 г.), [Акбар] отправился в Адждмир с немногими слугами, входившими в число ловчих. Также прозвучал указ о том, что Махам Анаге надлежит переправить гарем в Адждмир через Меват, и в соответствии с сим она поспешила туда. Когда Его Величество достиг селенья Калавали¹, Чагатай-хан, который, будучи доверенным придворным, имел возможность беседовать с ним, поведал о преданности раджи Бихари Мала, главы клана Каччваха, знаменитого рода Раджпутаны. И сказал, что раджа известен мудростью и доблестью, всегда славился преданностью Высочайшей семье и превосходно исполнял службу. В Дели он облобызал порог и вел себя подобно одному из тех, кто был накрепко связан с возвышенными стремениами. Долгое время [раджа] питал опасения из-за дурного обхождения с ним Шараф-аддин Хусейна мирзы и скрывался в горных ущельях. Если бы луч солнца шаха упал на него, и его подняли бы из пыли и тем освободили от невзгод века, то, возможно, его услуги были бы одобрены святым взором, что есть чудодейственный напиток удачи.

Словом, подробности испытанных им притеснений таковы: когда Меват сделался владением Мухаммад Шараф-ад-дин Хусейна, он возжелал овладеть городом Амбером, что лежит в Марваре, и где жили предки раджи Бихари Мала. В это время [другой] раджа, сын Пуран Мала, старший брат раджи [Бихари Мала], из-за порочности и потому, что желал первенства для себя, прибыл, изъявил почтение мирзе и подняв волнения. Мирза двинул войско против раджи Бихари Мала, и поскольку обстоятельства не благоприятствовали, а раджа не располагал значительными силами, то пошел на уступки. Его обложили данью, а его сын Джаганнатх, Радж Сингх, сын Аскарана, и Кангар, сын Джемала, — сыновья братьев раджи — были взяты в качестве заложников, что на хинди именуется *ол*². После чего мирза направился в Аджмир и Нагор и в тот год твердо решил собрать войска и уничтожить семью [Бихари Мала].

- 156 Когда рассказ о верности сего старинного рода дошел до слуха Его Величества, он милостиво дал разрешение представить раджу. Когда процессия достигла Деосы³, большая часть населения в страхе бежала. Его Величество произнес: «Мы не питаем иных намерений, кроме блага всему человечеству. Что может быть причиной бегства этих людей? Видимо, эти поселяне долины запустения возымели подозрения из-за гнета, которому их подвергал Шараф-ад-дин Хусейн, и потому разбежались». На исходе дня Джаймал, сын Рупси, брата раджи Бихари Мала и управителя той территории, приехал, был представлен придворными и засвидетельствовал почтение. Те доложили, что сын управителя поступает на службу [к Акбару]. Его Величество изрек: «Не следует принимать во внимание его прибытие, пусть Рупси признает наш приезд великим даром Господа и лично явится и облобызает порог». Рупси был вынужден приехать и превратил пыль порога судьбы в сурьму для глаз удачи. Его возвысили царскими милостями. На следующий день, когда селение Санганир⁴ избрали местом для лагеря, Чагатай-хан представил раджу Бихари Мала вместе со многими родичами и предводителями его клана. Раджа Бхагвант Дас, старший сын раджи, отсутствовал, так как на его попечение оставили семьи. Его Величество своим различающим взором прочел преданность и искренность в поведении раджи и его сородичей. И завоевал его сердце милостями,

и возвысил его положение. Раджа благодаря праведному образу мыслей и величественной судьбе счел, что ему надлежит оставить толпу землевладельцев и сделаться одним из знаменитых [слуг] Двора. Дабы достичь сей цели, он задумал редкостный союз: при помощи тех, кто наделен правом входа [к Акбару], представить слугам славного шатра свою старшую дочь, на челе коей сияли огни целомудрия и рассудительности. Поскольку великодушие есть основа Его Величества Шахиншаха, просьба того была принята, и Его Величество отправил его с Чагатай-ханом, дабы он мог [всё] устроить для этого союза, которому предстояло стать источником вечной славы сего рода, и быстро привез дочь.

Одним из укрепляющих верховную власть событий той поры, ставших примером умножающихся день за днем актов справедливости Шахиншаха и основой для умиротворения множества уstraшенных обитателей сей области, стало наказание ловчего, коему доверялась забота о гепардах (*читабан*). Вот краткое изложение этого [дела]: поскольку Шахиншах сделал охоту с *читой* одной из завес своей мирукрашающей красоты, выказал к этому сильную склонность и часто предавался [такому занятию], один из *читабанов* в своем невежестве возгордился и силой отнял у какого-то человека пару обуви и присвоил ее. Хозяин начал причитать, его вопли случайно достигли слуха Его Величества, и истина открылась. Исправляющий несправедливость, как только узнал о самочинстве, приказал схватить *читабана* и привести к нему. Было велено отрубить ему ноги, и это послужило предостережением мирянам и уроком мудрости дикарям равнин беспечности⁵. Сие стало известно повсюду, и после того никто не помышлял скрыться или стать бродягой. Мир и спокойствие воцарились в стране. Когда знамена подняли в Самбаре, Шараф-ад-дин Хусейн мирза удостоился счастья засвидетельствовать почтение и поднес приличествующие дары. Его Величество потребовал [выдачи] Джаганнатха, Радж Сингха и Кангара, которых мирза взял в заложники, чтобы раджа Бихари Мал полностью освободился от опасений. Мирза согласился выдать их, однако оттягивал время исполнения различными уловками. Его Величество, полагая, что эти оправдания истинны, ожидал прибытия заложников. В это время Адхам-хан нагнал их и присоединился к

157

лагерю. Оттуда процессия со всей возможной скоростью двинулась в Аджмир и вступила в сей счастливый город в благоприятный час. Была посещена славная гробница его святейшества Ходжа [Муин-ад-дина], и удача выпала [на долю] управителей того города. Махам Анага привезла женщин через Меват и обрела счастье, исполнив свою службу. Его Величество решил, что следует быстро двинуться в обратный путь. Шараф-ад-дин Хусейн мирза, коему доверили задачу взять Миртху, предложил в невежестве своем, чтобы Его Величество отправился туда на охоту, дабы он сумел исполнить сей труд. Убедившись, что этот план неисполним, [мирза] вообразил, что Его Величеству следует несколько дней оставаться с лагерем в Аджмире. Но, поскольку святое сердце склонялось вернуться в столицу, всех военачальников, которые держали *джагиры* неподалеку, — такие, как Тарсун Мухаммад-хан, Шах Будаг-хан, его сын Абд-ал-Матлаб, Харрам-хан, шейх Мухаммад Хусейн, и ряд других — назначили для оказания поддержки мирзе, и Его Величество направился в Агру. Был дан строжайший приказ доставить заложников, и, когда лагерь разбили в Самбхаре, мирза привез к Его Величеству Джаганнатха, Радж Сингха и Кангара. Раджа Бихари Мал благодаря прямоте характера превосходным образом исполнил все приготовления к свадьбе, привез свою счастливую дочь в стан и даровал ей место среди женщин гарема. Чтобы принять участие в свадебном пиршестве, царская процессия день оставалась в Самбхаре. Там же Шараф-ад-дин Хусейну дозволили отправиться, и Его Величество начал стремительный поход. Когда он проходил мимо Рантанбхура⁶, раджа Бихари Мал, все его дети и прочая родня возвысились, засвидетельствовав почтение. Ман Сингх⁷, сын раджи Бхагвант Даса, наследника раджи Бихари Мала, был также возвеличен благословенным лучом удачи взгляда Его Величества и стал постоянным слугой. Раджа Бихари Мал пожелал, чтобы Его Величество Шахиншах почтил его жилище посещением, дабы преумножение славы его семьи обрело завершение. Поскольку Его Величество был тверд в намерении достичь Агры и весьма спешил, исполнение этого желания отложили до другого времени. Раджу осыпали милостями и дали дозволение уехать. Раджа Бхагвант Сингх, Ман Сингх и некоторые их военачальники и сородичи привязали

себя к стремянам удачи и отправились в столицу. Длинный путь был проделан менее чем за три дня, и в день исфандармаз, 5 исфандармаза, Божественного месяца, что соответствовал пятнице, 8 джумада а-ахира [969 г.х. — 12 февраля 1562 г.], Его Величество в одиночестве (*манфарид*) въехал в столицу. Город удостоился небесного возвышения благодаря сиянию этого прибытия, и глаза очевидцев узрели красоту звезд благодаря его лучам. Лагерь двигался вслед за ним [Акбаром] переход за переходом, и все — великие и малые — изрекали поздравления и хвалу Господу за прибытие. *Хедив* Века воссел на *маснад* правления и разрешил трудности управления. Так как растущая день за днем удача придает блеск государству, каждый новый день приносит несравненное счастье. Обнародовали превосходные установления. Поскольку основы правления Владыки Века были добрыми, результатом стал возврат поры благодати. Каждое сословие достигло успеха, соразмерного его положению, и исполнились желания устремленных мирян.

Глава 40

*Начало 7-го Божественного года
с момента священного Восшествия
на престол [Его Величества Шахиншаха]
— года михр первого цикла*

Сей год — начало весенней поры¹ духовного царя — положил начало земной весне (*Раби*). Был задан пир радости духа и плоти. Великое Светило, сия лампа Вселенной, вошло с тысячами благ и счастьем в дом своего возвышения (знак Овна) по прошествии 3 часов 49 минут в среду, 5 раджаба 969 г.х. (11 марта 1562 г.). Сила произрастания пришла в движение, врата изобилия вновь распахнулись перед миром. Прибыла процессия Царя Роз (*Хасру-игул*) [Солнца] после его полного оборота, и он явил свое великопие на троне сада. Луговые и садовые птицы затянули напевы Барбада и Нагисы (Накисы)². Весенние тучи омыли и очистили новобранцев войска благоухающих растений.

Сердце цветка языком свежести
Возблагодарило Аллаха за весенний аромат.
В [деле] сотворения живых форм
Звезды стали красильщиками и вышивальщиками.
Ветки были подобны жемчужным ожерельям,
Бутоны — множеству ларцов с мускусом.

После щедрого прихода и благословенного воцарения солнца духовный и физический миры достигли особого процветания, а мир внешний гармонизировался с миром внутренним. Заря мудрости и проницательности обрела порядок, и начался год михр седьмой эры *илахи*.

159 Рука Божественной власти сорвала покров с лика удачи. Здрраво-

мыслящие и праведные труженики Мастерской Мироздания вознадеялись, что Высочайший Аллах наделит на долгие годы священную личность Шахиншаха процветанием внешним и внутренним и год за годом будет одаривать его изобилием всё возрастающей жизненной силы и удачи, дабы оградить мир от вражды и противостояния разных правителей и озарить [землю] справедливостью и правосудием единственного в своем роде [сына] горизонтов, достойного [звания властелина] вселенской империи. Да проявится истинное расположение звеньев в цепи человеческих и Божественных установлений, и да возвысится великая религия, заключающаяся в сплетении масс обитаемого мира в нить единения! Пусть преумножаются владения и увеличивается знание, пусть будет достигнуто согласие, а искренность станет везде обычным делом; пусть покрытые пылью [обитатели] равнин беззаботности, сокрытые по всему миру затмевающим покровом, ступят на поля распознавания, дабы одаренность вышла на открытый рынок, а стремящиеся к чистоте и истине получили в свои руки монету желаемого!

Одним из великих благодеяний Его Величества Шахиншаха, воссиявших в сей благословенный год, стала отмена рабства. Победоносные войска, вступившие на обширную территорию Индии, в своей жестокости пленяли жен, детей и других родственников индийцев, использовали их для своего удовольствия и продавали. Его Величество Шахиншах, из уважения и почитания Аллаха и вследствие величайшей дальновидности и благомыслия, издал указ, дабы ни один воин победоносной армии в любой части его владений не действовал подобным образом. И даже если ряд неистовых, невежественных мужей сделают собственное легкомыслие предметом гордости и окажут сопротивление, а затем будут повержены благодаря ежедневно преумножающемуся владычеству Царя [Царей], их семьи всё равно следует оградить от жестокости победоносных войск. Ни один солдат, высокий или низкий, не должен поработать их, но обязан отпустить домой, к родным и близким. Его Величество обратил внимание на это дело из возвышенных соображений, хотя пленение, уничтожение и избиение надменных и наказание непокорных являются частью борьбы за власть — это то, в чем сходятся и здравомыслящие законники, и стремящиеся к

новизне³, и всё же считать истязание женщин и невинных детей наказанием непокорных — значит нарушать каноны справедливости. Разве виноваты жены, что их мужья вступили на путь неповиновения, и в чем преступление детей, чьи отцы избрали дорогу сопротивления? Более того, жены и невинные дети этих людей — не орудия войны! Помимо таких разумных причин, имелась еще одна — множество алчных и темных людей⁴ в пустых устремлениях, или нечестивых помыслах, или просто из корысти нападали на селения и владения и грабили их; когда же их спрашивали об этом, они много говорили и вели себя пренебрежительно и безразлично. Но когда появился решающий указ, запрещающий подобные действия, ни одно племя более не подверглось притеснениям со стороны этих нечестивцев, замеченных [ранее] в учинении беспорядков. Поскольку намерения Шахиншаха были благими и справедливыми, счастливый результат не заставил себя ждать, так что дикие и непокорные жители Индии и бунтовщики украсили кольцом преданности ухо повиновения, став частью мировой державы. Дела религии привели в порядок, ибо суть ее в распространении справедливости, а дела мирские урегулировали, ибо их совершенное состояние связано с повиновением людей.

Величайшим событием стал захват царскими войсками крепости Миртха⁵. Хвала Аллаху! Всемогущий одарил восседающего на троне Халифата столь великими достоинствами, что их не вместит ни один разум и не воспримет ни одно понимание. Счастливцев, нашедший поддержку в истинном отношении (к Акбару), то есть в подлинном чистосердечии, может осуществить наилучшим образом всё, что затевает, и преуспевает с легкостью во всех начинаниях, что поддаются с трудом Властелину Мира. Разве вы не замечали, что [даже] когда показные и избранные, не вступившие в благословенную обитель преданности, берутся за какое-то дело, Всемогущий Аллах принимает во внимание их видимую связь с Его избранником и ниспосылает им удачу. Захват мирзой Шараф-ад-дин Хусейном крепости Миртха, произошедший в начале сего благословенного года, является тому доказательством. Вот подробности этого замечательного события. Уже поведано, что, когда Его Величество Шахиншах

возвращался из священного Аджира, он отправил Мухаммад Шараф-ад-дин Хусейна захватить эту крепость и завладеть прилегающей территорией. Несколько выдающихся военачальников были выделены ему в помощь. В то время Миртха принадлежала Рай Малдео, одному из самых могущественных раджей Индии. Он поручил крепость Джагмалу⁶, из числа своих ближайших людей, и оставил в помощь последнему и для охраны твердыни прославившегося доблестью раджпута Део Даса с отборным отрядом из 500 раджпутов. Когда [победоносные] знамена покинули благословенную область Аджир и отбросили славную тень на Агру, Мухаммад Шараф-ад-дин Хусейн, недавно удостоенный чести поцеловать [царский] порог и поддерживаемый вечной удачей Шахиншаха, вместе с другими военачальниками повел войско в указанном выше направлении и поставил перед собой задачу завоевать эти земли. Когда победоносное войско подошло к городу, еще покрытые пылью и потом стремительного пути воины облачились в доспехи усилий, поднимали знамена дерзания и без колебаний двинулись к подножию цитадели. Гарнизон содрогнулся от страха и не осмеливался покинуть ее. Тем временем четверо храбрых всадников из [царского] войска 161 проявили отвагу и пустили несколько стрел в крепостные ворота. Раджпуты вдруг засуетились под потоком стрел и вышли на стены. Укрывшись за зубчатым парапетом, они начали беспорядочно сбрасывать кирпичи и камни, пускать стрелы, стрелять из ружей, лить кипящую смолу. Два всадника обрели мученическую смерть, а двое вернулись с ранениями. Мухаммад Шараф-ад-дин Хусейн и другой военачальник посчитали, что мудрее двигаться медленно, и потому расположились в городе Миртха, расставив посты тут и там. Они подошли к захвату крепости обдуманно и взвешенно и осторожно окружили ее, возвели по всем правилам батареи и вырыли подкопы с разных сторон цитадели. Гарнизон оказывал им сопротивление, и каждый день шли жаркие бои. Время от времени им предоставлялся удобный случай, и они совершали вылазки и, проявив отвагу, отступали назад. Наконец подкоп под башней был наполнен порохом и подожжен. Башню разнесло на кусочки, как вату, которую прочесывают, и в стене образовалась брешь. Перед героями счастливого

войска открылся путь для битвы, и они хлынули внутрь [укрепления]. Раджпуты расставались с жизнью, оказывая яростное сопротивление. Завязалось жестокое сражение, и весь день был подобен оживленному рынку войны. Обе стороны проявили храбрость. Святые воины осушали кубки мученичества, обретая вечную жизнь, и множество врагов испили кровавой воды смерти и были одурманены чашей уничтожения. Когда упала завеса ночи, все вернулись к своей батарее, а враг принялся заделывать брешь [в стене]. Но никакое искусство непокорных не поможет восстановить укрепление, разрушенное силой Судьбы. Вскоре гарнизон оказался в трудном положении, и крепость стала их темницей. И хотя нашлись такие, что выходили и просили убежища или пытались бежать, Мухаммад Шараф-ад-дин Хусейн не позволил им это. После длительных хождений взад и вперед и переговоров военачальников было решено, что им следует уйти, оставив всё добро. Так как принятие петиций просителей — одно из правил завоевательных походов, герои победоносной армии отвели войска в соответствии с соглашением. На следующий день Джагмал выехал [из крепости], унося половину собственной жизни. Део Дас, по злему року и в силу помутнения разума, решил умереть и из упрямства поджег свое имущество⁷. Подобно змее, взвившейся и порожденной его внутренним огнем, он вышел за стены укрепления и дерзко появился перед [царским] войском с 400 или 500 всадниками. Раджпуты, такие, как Джагмал [Каччваха] и Лонкаран, воевавшие на стороне победоносного войска и имевшие старые счеты с гарнизоном, сказали Мухаммад Шараф-ад-дин Хусейну, что эти люди нарушили договор и сожгли свое имущество. По соглашению те обязались покинуть крепость, оставив всё добро. Так как договор с их стороны оказался нарушен, недальновидно позволять этим коварным и злобным негодьям уйти после того, как они уже побеждены. Мухаммад Шараф-ад-дин согласился с этим и выстроил войска. Сам расположился в центре. Шах Будаг-хан, его сын Абд-ал-Матлаб и Мухаммад Хусейн Шейх находились с левого фланга, а Джагмал, Лонкаран, Суджа и другие раджпуты — с правого. Они начали преследование Део Даса. Когда тот узнал о приближении победоносного войска, то, в порыве бесстрашия, повер-

нул поводья и ринулся в центр армии. Произошла великая битва, что несла на своем лице печать истории Рустама, или, скорее, это было сражение, затмившее сказания древних рукописей и предавшее последние забвению. Всё закончилось тем, что Део Дас упал с коня, был атакован и порублен на куски. Победоносные отряды вернулись назад с успехом и славой. Ходят слухи, что Део Дас, раненный в этой битве, спасся, и десять-двенадцать лет спустя видели человека в одеждах йога, называвшегося его именем. Некоторые его признали, но многие — нет. Он прожил еще немного и затем был убит во время какой-то авантюры. Короче говоря, оставшиеся раджпуты спаслись полумертвыми из этого сражения, а крепость Миртха с прилегающими территориями перешла в руки царских слуг, став частью владений [Шахиншаха].

Небесное око за время своего существования
никогда не видело и не увидит
Побед, подобных тем, что одержал Шах Джахан⁸.
Каждая победа, чей итог увековечен небесами, —
Начало, если разобраться, для других побед.

Глава 41

*Сражение при Паронкхе¹,
которым лично руководил
Его Величество Шахиншах*

163

Всемогущий налагает наказание на любого злодея в определенное время и по определенным причинам сообразно своей возвышенной мудрости. Мудрые познают эту тайну в некоторой мере и тем увеличивают собственную мудрость. Глупцы попадают в пустыню заблуждения и, когда их головы начинают кружиться от пустых фантазий, глупеют еще более. Это подобно действию мироозаряющего дня, который обеспечивает лучшее видение здоровым глазам. Во-первых, он позволяет узреть различные Божественные милости. Во-вторых, воспламеняет дух признательности и делает его более деятельным и более проникательным. У подобных же совам созданий с порочным зрением вызывает усиление слепоты и превращает их в низменных и помраченных. Ночь, сей порок дня, укрепляет зрение низких, подлых, подобных совам созданий и держит их под завесой несовершенного восприятия. Словом, обитателям селений в окрестностях города Сакит², что расположен примерно в тридцати косах от Агры, не сыщется равных в упрямстве и неблагодарности. В особенности жители восьми деревень той *парганы*, известной под именем Атхгарха³, были столь [бесстыдны] в своей наглости, разбое, убийствах, дерзости и строптивости, что око мира не видело подобных им. Ибо они слыли и головорезами⁴, и грабителями глухих селений, и жили [плодами] дерзости, которую невежественные именуют мужественностью. Чиновники того округа постоянно жаловались на их порочность. Наконец Шахиншах отправился к [одному] селению, намереваясь поохотиться. В это время *паргана* входила во владения

Ходжа Ибрахима Бадахши⁵. Один брахман по имени Хапа при содействии ловчих был принят и поведал о притеснениях, чинимых этими упрямыми, и рассказал, что те убили его невинного сына и захватили добро. Царь духовный и мирской, обративший охоту в средство расследования подобных дел, вознегодовал, услышав сетования пострадавшего, и объявил, что на следующее утро двинется туда и покарает злодеев. На рассвете он, сопровождаемый немногими людьми, отправился на охоту, а вперед послал отряд. Утром достиг селения. Шедшие впереди вернулись и доложили, что непокорные узнали о прибытии Шахиншаха и бежали. Взметнулось пламя царского правосудия, и было дано приказание, чтобы подвергающие опасности свои жизни [воины] начали их преследование, в каких бы теснинах строптивые ни укрылись; сам же он двинется вслед, полагаясь на Аллаха. Его Величество выступил, намереваясь выполнить всё [назначенное], и пустил свою лошадь галопом. В пути появился Каратака⁶, главный ловчий, и сообщил, что последовал за беглецами, убил одного, оказавшего сопротивление, связал другого и доставил его. Поскольку ему не было велено следовать дальше, он вернулся. Его Величество поскакал на своей лошади еще быстрее, и когда истекли полторы стражи дня, прибыл в следующее селение, называемое Паронкх. Разведчики донесли, что люди из другой деревни бежали и укрылись там. Когда Его Величество приблизился к поселению, вышел один из жителей, изъявил почтение и заверил, что бунтовщики туда не приходили. Его Величество в своем великодушии вновь послал кого-то, чтобы вывести сих заблудших на верный путь. Поскольку чаша жизни тех, кто отпил из бокала неповиновения, наполнилась, а колесо возмездия за их проступки вращалось столько лет, они укрепили свое селение и приготовились к буйству и бою. Согласно установленному правилу число конников и пеших, сопровождающих Его Величество на охоте, не должно превышать тысячу человек. В ту ночь, когда был дан приказ преследовать беглецов, герои и рискующие своими жизнями разошлись по всем направлениям. Почти двести человек сопровождали царское стремя, а еще за ними следовало двести слонов, которые догнали [царскую свиту]. Бунтовщиков же оказалось больше тысячи. Его Величество Шахиншах возвестил отважным, жертвующим собственными жизнями, что они должны одержать победу духовную

и земную. Разгорелся жаркий бой, но, поскольку враг был многочисленным, а верные, сопровождавшие царское стремя, обладали лишь малой толикой его доброй удачи, дело не двигалось. Внезапно его святой взор открыл, что некоторые воины из-за сильного ветра и пламени, возникшего в разных концах селения, укрылись под деревьями и высматривают безопасное место. Забурлила царская ярость. Хотя это дело заслуживало того, чтобы явить суровость к тем мужам, он в силу присущего ему великодушия закрыл глаза на их недостойное поведение и самолично двинулся в бой на слоне Дилсанкаре. Поскольку деревня впереди оказалась охвачена пламенем, и слону было трудно двигаться вперед, он направил его, подобного горе, с противоположной стороны селения.

Его Величество собственными устами рассказывал мне эту историю так: «Когда слон оказался на узких улочках деревни, я увидел, что на крыше появились желтые доспехи. Такие доспехи были у Дастамхана, и мне пришло в голову, что они принадлежат ему. Я заставил слона подойти к крыше. Вокруг дождем сыпались дротики, камни и стрелы. Божественная защита (сей панцирь Шахиншаха, неусыпно его оберегающий) обнаруживала себя всё более явно. Приблизившись вплотную, я увидел, что облаченный в броню — Мукбил-хан⁷, и он поднялся и борется с одним из строптивых, пытаясь сбросить его с крыши. Несколько мятежников кинулись помочь [товарищу] и прикончить Мукбил-хана». И тогда Его Величество Шахиншах двинул слона и одновременно велел своим бойцам подняться на крышу. Банда Али⁸ — *курбеги* Муним-хана и старший брат Султан Али Халдара — взбежал на крышу. Негодяи обратились в бегство. С противником быстро разделались. В этот момент передняя нога слона попала в яму для зерна и Джаджхар-хан *фаудждар*, сидевший на слоне позади Его Величества, упал на него. Его Величество Божественной мощью вывел слона из той канавы и попытался достичь дома, где укрепились мятежники. В это время [рядом] не было никого из свиты, за исключением раджи Бхагвант Даса и раджи Бадичанда⁹. Поскольку Его Величество страдал от жажды, раджа Бхагвант Дас предложил ему собственный сосуд [с питьем]¹⁰. Случилось так, что на той же улочке, по которой Его Величество

Шахиншах шел к победе, один индус вытащил меч и взмахнул им. Удар пришелся по железному кольцу, которое закреплено на бивнях слона ради [придания] силы и украшения. Клинок высек искры, и слон в бешенстве перегнул мечника и швырнул его себе под ногу. И тут мальчишка лет пятнадцати в смятении бросился с крыши на слона. Джаджхар-хан хотел убить его, однако Его Величество в своем милосердии не позволил это сделать. Приблизившись к дому, они увидели, что особые *фаудждары*¹¹ подошли и стоят, изумляясь исходу дела. Его Величество двинулся вперед и направил слона к воротам. Один раджпут пускал стрелы. Семь из них попали в щит Шахиншаха. [Позднее] он говорил, что пять [стрел] пробили щит и вышли из него на три и пять пальцев, а две застряли в щите, не пронзив его. Божественное покровительство стало еще одним щитом, охранявшим его. Алавал-хан *фаудждар* не узнал Его Величество и, превознося его, крикнул издали: «Кто ты, ибо я хочу похвалить тебя перед Его Величеством». Шахиншах открыл свой лик¹², и сей счастье рассыпался в благодарностях. В это мгновение Татар-хан¹³ воскликнул: «Мой царь, куда же ты направляешься, [ведь вокруг] дождь стрел». Джаджхар-хан упрекнул его, произнеся: «Разве сейчас время горланить и выкрикивать имена?» Наконец Его Величество Шахиншах обрушил стену и вступил в селение. Три или четыре слона присоединились к этому труду, и множество дерзких мятежников были убиты. Многие заперлись в [одном] доме. В соответствии с приказами крышу дома снесли, а внутрь забросили огонь. Дыхание этих злополучных обратилось в дым. Почти тысяча из них отправилась в обитель уничтожения пламенем Божественного гнева. Осталось менее одной стражи дня, когда сей благочестивый труд завершился. Раскрылись очи великого множества мятежников и смутьянов¹⁴.

Глава 42

*Назначение Абд-ал-лах-хану
Узбеку земель Мальвы*

Когда Всемогущий Творец желает, чтобы мироукрашающая красота одного из его избранников запечатлелась в умах человечества, Он вручает ему растущую день ото дня верховную власть и заботится в своем всеобъемлющем милосердии, чтобы большая часть человечества, не имеющая ни широких воззрений, ни дальновидных очей, оказалась бы на истинном пути, и ради этого Он сеет недовольство в пределах царских земель, а затем дает возможность погасить его продуманными мерами того избранника. В нужде своей род людской не приписывает такой исход пользе и обыкновению, а признаёт чудесную мудрость и дальновидность [правителя]. Новым примером сказанному выше стали утопление Пир Мухаммад-хана, возврат Баз Бахадура на [верную] тропу и повторная передача [во владение] области Мальвы. Вот повествование об этой счастливой (передаче).

В то время как Адхам-хан явился в Агру в согласии с повелением Шахиншаха, царские посланцы доставили сообщение, что Баз Бахадур прибыл в окрестности Аваса¹ и собирает войска. Пир Мухаммад-хан, дерзкий до безрассудства, но чья храбрость превосходила [его] разум, снарядил войско и двинулся туда. Баз Бахадур не принял всерьез Пир Мухаммада, выступил ему навстречу и дал бой. После недолгого сражения он был разбит, и в руках у победителей оказалась богатая добыча. Пир Мухаммад-хан направился дальше, намереваясь взять Биджагарх². Итимад-хан, слуга Баз Бахадура, тамошний управитель, приложил все старания, чтобы усилить крепость. Поскольку она и без того не имеет равных по высоте и мощи, осада затянулась на долгое время. Любящие подвиги герои, подобные Джаю Диване, Яр Али Билучу, Даиму Кокалташу, Маула-на Мухташаму, Мулк Мухаммаду и Мирза Афаку, свершали деяния до-

блести и штурмовали ворота. Однажды Мухаммад Мир Катиб предпринял мощную атаку и удостоился общей похвалы. Наконец как-то ранним утром Хусру Шах, предводитель слуг Пир Мухаммада, приставил штурмовые лестницы и взобрался на крепостные стены. Две сотни смельчаков последовали за ним на восходе. Так как мрак гибели над [осажденными] сгустился, то гарнизон, проявляя беспечность, спал. Утренний ветер победы задул, когда неприятель начал сражаться. Разгорелась схватка, и герои бились отважно. Когда враги были оттеснены, они запросили пощады и бросились врассыпную. В это время вперед выступил Итимад-хан с одним спутником, моля о пощаде и прося отвести его к Пир Мухаммад-хану. Стрела поразила его, и он отправился в небытие. Спутник Итимад-хана, увидев это, выхватил клинок и сражался, пока оставались силы, и мужественно принял смерть. Множество [воинов] стали жатвой меча. Не тронутые мечом получили пощаду и вынесли свои жизни из пучины [смерти]. Неисчислимая добыча попала в руки царских слуг. Пир Мухаммад-хан остановился там на несколько дней, чтобы привести в порядок крепость, а затем направился в Султанпур. После недолгого сражения тот был включен в царские владения. Оттуда он вернулся в Биджагарх. Здесь и узнал, что Баз Бахадур нашел приют у Миран Мубарик шаха, правителя Хандеша, а Миран объединил свои войска с войском Баз Бахадура. Пир Мухаммад-хан оставил в крепости огромный обоз армии, взял тысячу отважных воинов и двинулся скорым маршем, чтобы внезапно нагрянуть в Асир и Бурханпур и разбить разрозненные [отряды] врагов. Он пересек Нарбаду и прошел за ночь сорок косов. В двух косах от Асира стояла крепость, и там находились боевые слоны. Небольшой крепостью овладели быстро, а слоны стали частью добычи. [Между тем] Миран послал из Асира отряд, чтобы удержать ту крепость. Пир Мухаммад-хан, взяв ее, шел к Бурханпуру, что лежит в Хандеше и является резиденцией правителя, когда вдалеке за клубилась пыль неприятельского войска. Пир Мухаммад-хан отправил Хусру Шаха и Яр Али Билуча разделаться с противником. Вскорости они рассеяли врагов, умертвив многих, а затем вернулись. На следующее утро, достигнув Бурханпура, [воины] учинили там страшный грабеж. В руках каждого воина оказалась крупная добыча имуществом и деньгами. Но Миран оставался в крепости Асир, и Пир Мухаммад-хан счел разумным повернуть назад.

Тем временем пришли вести, что Баз Бахадур подошел с войском Хандеша, которое привел, чтобы напасть на Биджагарх. Явившись туда, он узнал, что Пир Мухаммад-хан стремительно выступил с небольшими силами на захват Асира и Бурханпура. И сильно встревожившись, двинулся в провинцию. Как раз в то время, когда воины, отягощенные добычей, возвращались, некоторые отделились, и тут пришли вести, что Баз Бахадур совсем близко. Пир Мухаммад-хан обратился за советом к опытным мужам. Большинство их согласилось, что время сейчас неподходящее для битвы, ибо они приложили великие усилия³ и одержали победу, и каждый оказался нагружен добычей. Следовало бы избежать сражения и пересечь Нарбаду. Они могли пополнить [запасы] в Хандии и набрать новых воинов, а затем взяться за дело. Поскольку участь его была предрешена, Пир Мухаммад-хан не внял искренним словам опытных мужей, а настроил свое сердце на битву. Друзья не поддерживали его и после недолгого сражения не устояли. Яр Али Билуч схватил поводья [лошади] Пир Мухаммад-хана и заставил покинуть поле боя, ибо оставаться дольше представлялось бессмысленно. Когда они подошли к берегу Нарбады, близился вечер. Хотя сподвижники заявили, что неприятель далеко, и им следует остановиться там, где они есть, [для Пир Мухаммада] пробил неминуемый час, посланцы смерти лишили его покоя и вынудили пустить лошадь вплавь через Нарбаду. Вожжи рассудительности выпали из его рук, и разумные речи верно мыслящих не удержались в ухе его разума. Верхом, как и был, в помрачении [ума] бросился он в волны Нарбады (*б'арба дар аб Нарбада*).

168 Случилось так, что несколько мулов проворно проплывали [мимо]⁴. Они оказались рядом с лошадью и пнули ее в бок. Лошадь Пир Мухаммада, так же как и его разум, рассталась со своей [земной] оболочкой. Он упал с лошади в воду, а спутники, бывшие совсем рядом, в своем бесчестии даже не попытались вытащить его из той пучины гибели. Он утонул и отправился в океан уничтожения — в качестве ли возмездия за притеснения, чинимые им на протяжении этого похода, или же за свое поведение в битве с Тардибек-ханом, или же за какое-то иное деяние, известное Ведающему тайны⁵. По начертанию небес столь верного, одаренного и отважного мужа постигла подобная судьба.

Когда судьба являет свое могущество,
Наисильнейший станет самым слабым.
Когда день тьмы свой лик откроет,
Два ока, взирающих на мир, увидят мрак.

Итак, невзирая на могущество и величие, он отступил от рассудительности и погрузил собственные стопы в водоворот гибели. Кийя-хан Канг, Шах Мухаммад Килати, Хабиб Али-хан и многие иные военачальники, владевшие землями в том краю, пали духом и отправились к мироохраняющему Двору. Каждый из них получил наказание, соразмерное их заслугам, а Баз Бахадур завладел Мальвой. Миропокоряющая удача Шахиншаха узрела, что будет правильным назначить крупного военачальника, который обладал бы превосходным разумом, а также полнотою отваги и неистощимой энергией вкупе с рассудительным спокойствием. Поэтому Абд-ал-лах-хана Узбека, одного из благородных [мужей], рискующих своими жизнями, недавно побывавшего в том краю и знакомого с его особенностями, избрали для покорения Мальвы. Был издан приказ, наделяющий его властью над жизнью и смертью⁶.

Ходжа Муин-ад-дин Ахмада Фаранхуди, известного среди визирей *диван-и-бийютата* прямодушием и дарованиями, возвели в достоинство хана и послали наблюдать за той областью и следить за положением *джагирдаров*, а также установить границы государственных земель. Немало людей послали с ним для этого важного дела. Было велено, чтобы, после того как воины очистят сии восхитительные земли от плевел и сора врагов, Абд-ал-лах-хан остался там и посвятил себя управлению страной, а Муин-хан подбодрил крестьян, землепашцев и прочих жителей высокого и низкого [звания] речами о великодушии Шахиншаха. Ему надлежало искоренить обычай покидать [земли], который распространился, возможно, из-за отходов и наступлений войск, и при содействии чиновников и прочих царских слуг, назначенных на сию службу, раздать земли, в согласии с законами вечной власти. Окончив сей труд, он должен был вернуться ко Двору. Во исполнение этого повеления Абд-ал-лах-хан, сопровождаемый большими военачальниками с достаточными силами, в начале сего года приступил к покорению

169 Мальвы. Когда Баз Бахадур узнал об этом походе, он утратил твердость и счел, что не способен оказать сопротивление. Прежде чем знамена армии удачи осенили миром и спокойствием те земли, он отказался от Мальвы и своего честолюбия и бежал в безопасное место.

Неудержимое наступление удачи Шахиншаха, величая мощь его армий и стремительность его походов — это не шумные лишь звуки, которых не убоялись бы великие государи или перед которыми они бы не ужаснулись. Что ж удивительного тогда в трепетании властителей, подобных Баз Бахадру. Меч не стал ударом молнии зла, а стрела не излила ливень бед, когда победоносное войско вступило в Мальву. Отряд отважных мужей ради предусмотрительности преследовал Баз Бахадра и умертвил многих его воинов. Сам же он поспешил в лесистые ущелья и проводил свои дни в скитаниях, на некоторое время обретя кров у раны Удай Сингха. Когда пошел слух о милосердии Шахиншаха, [Баз Бахадур] благодаря доброму совету, наконец, покинул обитель отчуждения, прибыл в мирную обитель величественного порога и был возвышен царскими милостями. Речь об этом пойдет в соответствующем месте. Одним словом, земли Мальвы вновь перешли под власть царских слуг. Абд-ал-лах-хан, повинуясь указам, направился в город Манду, что являлся столицей князей Мальвы, и воссел на подушку правления. Крупные и мелкие города и селения были распределены между военачальниками сообразно их положению. Царские слуги отбыли в Уджайн, Сарангпур и прочие владения и распахнули одежды отдохновения. Муин-хан, наведя в стране порядок и раздав территории, отправился ко Двору. И поспешил по столбовой дороге преданности, и удостоился счастья служения. Он обрел власть и славу.

Событием того времени было то, что Раджа Ганеш, заминдар Нандуна⁷ — части Пенджаба в гористом крае между Биасом и Сатледжем, имел безрассудство напасть на Джан Мухаммада Бахасуди⁸, *джагирдара* соседней *парганы* Бирка. Так как по сути он был дурным человеком, счастье успеха не выпало ему. Напротив, он лишился своей чести и достоинства в этом деле. Всё его добро разграбили, а жена, знаменитая своей красотой, очутилась в лапах грабителей. И следов ее найти не удалось, возможно, поскольку на ней были украшения и драгоценности, какие-то узкоглазые негодяи наложили руку на ее имущество и убили ее — словно

воистину⁹ несравненное Божество послало им это добро в воздаяние за поведение напавших. Когда вести об этом достигли военачальников Пенджаба, Хан Килан, Кутб-ад-дин, Мухаммад-хан и ряд других двинулись на него и соответствующим образом наказали. Он превратился в скитальца, но затем благодаря заступничеству раджи Тодар Мала явился ко Двору и был милостиво принят. Его путь завершился доброй службой.

Одним из происшествий стало прибытие посланника шаха Тахмаспа Сафави, правителя Персии. Издавна повелось, что могущественные владыки, дабы обрести удачу духовную и мирскую и достичь целей земных и небесных, стремятся заключить союз со счастливыми принцами, и если благодаря Богом предуготованной судьбе связь уже установлена, они стараются упрочить ее основы и завершить нить собственной судьбы сим прекрасным украшением. Так и благородный шах Тахмасп, справедливость коего осчастливила сердце Персии, будучи связан неразрывными узами, существовавшими с прежних времен между возвышенной семьей (Акбара) и [персидской] династией, происходящей от святости¹⁰, послал своего брата во втором колене Сайид бека, сына Масум бека¹¹, — который (то есть отец) исполнял службу первого министра (*вакила*) — выразить соболезнование в связи с неизбежным событием [то есть смертью] Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни и поздравить Шахиншаха со Вступлением на престол. Он также послал дары, а именно: горячих арабских скакунов и быстрых коней Ирака и Турции, тонкие одежды и невиданные диковины. Когда посол приблизился к столице, Его Величество повелел, чтобы несколько прославленных военачальников выехали приветствовать его и препроводить в достойное жилище. Он послал еще сорок лаков дамов, что равно семистам персидским туманам¹², вкупе с прочими предметами для его содержания. Спустя несколько дней, отдохнув от трудностей путешествия, тот получил аудиенцию и привилегию выполнения *корниша* и, облобызав ковер, был возвышен. Передав ему [Акбару] от шаха пожелания удачи, обеими руками почтения поднес и положил на край трона послание, от начала до конца испещренное уверениями любви и искренности. Он также достойно подал дары и положил их перед Его Величеством. Его Величество Шахиншах учтиво и любезно осведомился о здоровье шаха и осыпал посла бесчисленными милостями.

Глава 43

Копия письма¹
прославленного шаха

Приветствие, подобное милостям Великого Аллаха,
Приветствие, подобное достоинствам Пророка
Мухаммада,

Приветствие, сияющее светом правды,
Приветствие, благоухающее ароматом
розового масла постоянства.

Приветствие, подобное дождю, что капает на розу
И далее струится на листья гиацинта,
Печаль рассеивает, как из сада роза,
Преумножает радость, словно дружеские лица,
Чей аромат устойчив, словно райские сады,
Дающие покой душе и утешающие сердце.

171 Сей дар приветствия, что в силу глубокого чистосердечия возрождает узы наследственной любви и привязанности, и сие подношение в виде поздравлений и благословений, что вследствие своей совершенной истины и чистоты возгласили всему миру о наших отношениях и взаимной любви и нежности, предназначаются и посылаются из страны любви и искренности вместе с караванами радости и желаний возвышенному мужу, являющемуся оплотом верховной власти и славы, вместилищем наместничества и вершения правосудия, цветком сада владычества и успеха, светоносной лампой возвышенной династии Тимур-хана, жемчужиной ларца удачи и власти, царской жемчужиной дворца благородства и славы, свежим плодом сада славы и величия, прекрасным деревом сада желаний справедливых принцев, украшателем трона Султаната и царской власти, проявите-

лем бесконечных тайн Господа, Хаканом, дарующим и обретающим
желаемое, великим правителем прославленного рода.

Звезда счастливого Знака, свет благополучного Асцендента,
Восседающий на троне [царь], дарующий и обретающий
желаемое,
Несмотря на длинную череду правителей, никто не достиг того,
Чего достиг он в ранней юности.

Наделенный Господом чудесными качествами — славой Султаната, величием, честью, справедливостью, наместничеством, любовью, властью и возвышенностью, Абу-л Фатх Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар Падшах, возведенный Аллахом на наследственный трон верховной власти с честью и достоинством, непревзойденный приверженец Божьего Мира и искоренитель многобожников. Поистине мирные и дружественные отношения, что были между нами и Его Величеством, прощенным царем [Хумаюном], — да пребудет он по воле Всемогущего в высочайшем Раю! — установлены и закреплены, и примеры тому явлены человечеству. Ныне отзвуки победы и удачи, а также известия об успехе и славе сего исполнителя желаний и обладателя желаемого, дошедшие до нашего слуха благодаря вестникам из сей страны, служат источником радости для всех сердец. Вследствие нашего полного взаимопонимания и дружеских отношений мы всё больше желаем, чтобы оплот верховной власти и славы обрел все составные части радости и успеха, и мы искренне надеемся, что сияние его будет с каждым днем распространяться всё выше и выше и прольет свет на всё человечество. Да не укроется от зеркала его просветленного сердца, что в день, когда между нами и почившим государем было заключено соглашение о любви и дружбе, согласии и братстве, наше любящее сердце постоянно жаждало преумножения славы того великого принца, и мы приложили все наши силы, дабы возвысилось во всех отношениях его положение и звание. Соответственно всё это было явлено человечеству. Отбросив гордыню, как того требуют родственные чувства и царское достоинство, скажу, что мы сохранили в нашем сердце братскую любовь, установленную еще

между нами и почившим приютом братства [Хумаюном], и исполняли связанные с этим обязанности в меру наших способностей и имеющегося времени, сообразно тому принципу, что дела зависят от возможностей. Однако, согласно указу всемогущего Царя — да славится его власть, ибо замыслы смертных не могут быть подготовлены и осуществлены без Его Воли, а порядок Мировой Мастерской невозможен и немыслим без Его указов — вышеназванный прощенный государь [Хумаюн] переместил украшение вечности с узкой тропы бренного мира в обширные дворцы бессмертия, и таким образом желания и устремления остались под покровом тайны. Впоследствии, когда по милости Аллаха — да славится Его великое имя! — лампада очей представителей возвышенного рода, или, скорее, династии, а также души² почитателей и друзей сей великой семьи озарились светом, излучаемым квинтэссенцией царственности и верховной власти, а трон Султаната и успеха был облагорожен сиянием (*фарр*) высокого сына (Акбара), с того самого дня — и мы утверждаем сие именем Господа, и Он есть тому непререкаемый Свидетель — мы в нашей горячей, передаваемой по наследству любви испытывали самую искреннюю любовь к свету очей Халифата и твердо придерживались древних уз братства. Мы всегда вынашивали в сердце решение послать одного из наших военачальников в эти счастливые земли, дабы передал он наши сожаления о царе, облеченном всепрощением, а также наши поздравления и пожелания удачи благословенному и счастливому правителю в делах управления и верховной власти. По воле случая на нашем пути вставали одно за другим различные препятствия, которые и послужили причиной задержки в осуществлении нашего намерения. Когда препятствия были устранены, желание это еще более усилилось, и мы уже несколько дней занимались вопросом отправки посланника, когда к мирозащищающему двору прибыл благородный Шах Гази султан³, посланец обители справедливости и власти, Мастерской управления, славы великих военачальников и выдающихся правителей, светила правосудия, господства и удачи, преданного Байрам-хана. Он передал заверения хана в искренности и уважении и обновил от лица света очей Халифата, восседающего на царском троне, основы наследственной любви, и

высказал его чувства искренности и дружбы. Всё то время, что он оставался с нами, он удостоивался чести присутствовать на нескольких собраниях и был осыпан различными милостями. И мы из уважения к вашему величию наградили его возвышенным титулом *амира* и султана, а затем позволили ему уехать, одарив царскими милостями и подарками. Теперь же мы посылаем Сайид бека, наследника сайидов и правителей, сына Масум бека Сафави, вместилище достоинств *сайидов* и удачи, мастерскую приказов, опору власти и [множество высоких эпитетов], *мира* [главу] *дивана*, который благодаря своему происхождению⁴ был избран из числа наших великих военачальников и приближенных, чтобы передать наши соболезнования по поводу смерти царя и наши поздравления по случаю Восшествия на престол оплота власти — да укрепятся основы наследственной любви и дружбы, дабы не коснулась их впредь преобразующая длань времени, а страх разрыва и разлада не затронул сердца ни одного существа. Мы рассчитываем, что, пока источник достоинств *сайидов* пробудет у вас, вы одарите его расположением и проявите хоть чуточку благосклонности. Не задерживайте его долго, позвольте уехать и вернуться назад. Орошайте постоянно сады старой любви и привязанности дождем благоухающих слов и не забывайте впоследствии направлять послания и письма, сообщайте о событиях, состоянии дел и [всех новостях], как того требуют дружеские отношения.

173

О Аллах! Сделай так, чтобы сей питомец сада Судьбы,
Сияющий свет благословенного Знака
Наслаждался жизнью и властью,
Прочно восседая на троне счастья;
Пусть желания сердца его исполняются из цикла в цикл,
Пусть пребывает он на вершине успеха,
Пусть совпадают желания трона и судьбы,
Пусть преуспевает он в своей судьбе и на своем троне⁵.

Глава 44

*Наказание Адхам-хана
правосудием Шахиншаха*

Когда мироукрашающий Господь желает наделить величием избранного и возводит его в высокий сан государя, Он прежде всего дает ему прозорливый разум, дабы тот вечно был его искренним советчиком. Затем наделяет его непоколебимым терпением, дабы тот выдержал бремя стольких тягот мира и благодаря ему воздержался от того, чтобы выпустить [из рук] нить рассудительности, созерцая такие беды. Кроме того, вручает ему бесценный самоцвет справедливости, дабы тот сумел поместить и испытанного друга, и незнакомца на одни весы и понять дела Мастерской Творения (Мира), не отягчаясь личными расчетами, и создать источник наставлений в своей душе. Многие мудрецы, не приступавшие к испытанию знания, в момент действия робели из-за недостаточно широкого разума, и отпускали поводья осторожности, и потому терпели поражение на арене испытания. Когда знание и стойкость развиты в необходимой мере, черты справедливости проявятся в праведной натуре без тревоги или промедления. Благодарение Аллаху! Эти славные достоинства и прекрасные качества — врожденные и изначально присущие Его Величеству Шахиншаху — происходят из щедрой обители Божественной мудрости, не оскверненной видимым учением или убранством человеческих наставлений. Но тот [избранник], ведающий тайны Творца, остается в силу собственных целей и причин под покровом сокрытия и проводит свою жизнь в одеянии безвестности. И он не довольствуется тем множеством завес, но постоянно тклет другие, дабы проникательный наблюдатель не смог через них проникнуть. Однако Божественное начертание превыше всего, и когда Господь желает, чтобы человечество узнало о его подлинной красе, что пользы в завесе? Неизбежно должно быть открыто

его лицо, и его красота озарит мир, дабы те, кто далек от соседства удачи, могли достичь дворца преданности и получить главные места при дворе признания¹. То, что произошло в Агре, столице, — пример величия и глубины справедливости Его Величества Шахиншаха.

Вот рассказ об этой истории. Адхам-хан, младший сын вершины целомудрия Махам Анаги, не обладал ни рассудком, ни добрыми задатками. Опыяненный молодостью и благоденствием, он вечно завидовал Шамс-ад-дин Мухаммаду Атага-хану. Муним-хан Хан-ханан, также подверженный этому недугу, частенько делал темные намеки, которые большинству не были понятны, и подстрекал Адхам-хана к раздорам и интригам. Наконец в день исфандияр, 5 хурдада, Божественного месяца, что соответствовало субботе, 12 рамазана 969 г.х. (16 мая 1562 г.), когда равновесие ардибихшта еще не нарушилось, случилось из ряда вон выходящее событие, далекое от уравновешенности². В день придворного [совета] (*руз-и-диван*) Муним-хан, Атага-хан, Шихаб-ад-дин Ахмад-хан и прочие сановники сидели в царской зале и занимались общественными делами, когда с шумом вломился Адхам-хан со свитой, еще более буйной, чем он сам. Участники собрания поднялись, чтобы оказать ему честь, а Атага-хан привстал. Войдя, Адхам-хан тотчас положил руку на кинжал и направился к Атага-хану. Затем он сделал раздраженный знак своему слуге Хушаму Узбеку и прочим головорезам, которые пришли с ним, готовые к стычке, и произнес: «Почему ты сидишь неподвижно?» Подлец Хушам выгнул кинжал и нанес опасную рану в грудь [мужа], восседающего превыше всех на подушке удачи. Атага-хан, глубоко потрясенный, кинулся к двери залы. Мгновенно подступил Худа Барди и дважды ударил его мечом. И великий муж обрел мученичество во дворе (*сакн*)³ залы для аудиенций. Громкий крик поднялся во дворце из-за этого насилия, и ужас охватил всех. Сей обреченный [Адхам-хан], несмотря на совершённую дерзость, бесцеремонно проследовал в священный гарем — куда не может быть доступа порочным — с темными намерениями. Его Величество Шахиншах [тем временем] отправился на отдых в благостный дворец, но судьба его бодрствовала. С мечом в руке тот злосчастный поднялся из залы на террасу (*суффа*), что опоясывала дворец (*каср*) со всех четырех сторон и находилась на высоте в полтора человеческих роста. Он попытался

проникнуть внутрь, однако евнух Ниямат, стоявший около входа (*дар-бар*), немедленно захлопнул дверь и запер ее на засов. И хотя высокомерный, что спешил к своей смерти, грубо заговорил с Нияматом и потребовал отпереть дверь, тот не выполнил этого. Стоящие у порога не имели счастья покарать надменного и ярого за деяние в начале его бесчинств, когда он напал на Атага-хана. И что мне сказать об их бестолковости и трусливости в то время, когда, преисполнившись столь тщеславными мыслями, тот попытался проникнуть за занавесы судьбы! Почему они не пролили его кровь? Почему не смешали его с прахом бесчестья? Если для этого у них не хватило смелости, почему не подняли они всех по тревоге и не окружили его? И даже тогда разве могу я предположить, что среди находящихся во дворце не оказалось ни одного, кто был верен? Видно, за небрежностью этих людей тайлся замысел [Аллаха], а именно: запечатлеть отвагу и справедливость Его Величества Шахиншаха в умах великих и малых, прозорливых и недалеких!

Одним словом, Его Величество был разбужен ужасным шумом и позвал [слугу] для объяснения. Поскольку никто из женщин (*пардагиан*, букв. «скрытые завесой») не знал об этой истории, он высунул голову за ограждение дворца и спросил, в чем дело. Рафик Сахиб-и-чар мансаб⁴, один из старых слуг дворца, поведал о происшедшем. Когда Его Величество выслушал ужасный рассказ, он поразился и продолжил дальнейшие расспросы. Рафик указал на окровавленное тело и повторил сказанное. Когда Его Величество Шахиншах узрел труп, то пришел в благородное негодование. По Божественному вдохновению он вышел не через ту дверь, где, замышляя злодеяние, стоял безумный негодяй, а другим путем⁵. Когда же выходил, слуга гарема вложил ему в руки особую саблю⁶, не спрашивая об этом. Его Величество взял саблю и направился далее. Когда миновал одну сторону террасы и повернул на другую, то увидел подлеца, и с его святых губ слетели слова: «Сын глупца⁷, почему ты убил нашего Атагу?» Спесивый негодяй поспешил схватить руки Его Величества и произнес: «Разберись и не унижай намеренно! Расследования не было (*талаш*)»⁸. Какой упрек мне бросить тем, кто наблюдал за этим осужденным лжецом! Сколько упреков или презрения подобает для этого случая!

Наконец Его Величество Шахиншах отвел его руки со своего меча, и освободился от хватки порочного, и протянул руку, чтобы отобрать меч Адхам-хана. В тот самый момент этот изгой вечности убрал руку от Его Величества и потянулся к собственному мечу. Его Величество отбросил его руку и нанес ему в лицо такой удар кулаком, что сей злобный изверг опрокинулся и свалился наземь без чувств⁹. Фархат-хану¹⁰ и Санграм Хуснаку выпало счастье присутствовать [при этом]. Его Величество гневно обратился к ним: «Что вы стоите здесь и глазете? Свяжите безумца». Эти двое и другие исполнили приказ. Было дано справедливое распоряжение, чтобы малого, который преступил границы¹¹ своего положения, швырнули прямо с высоты террасы. Из уважения (к Адхаму), в то время как непочтительность оказалась бы в тысячу раз уместнее, эти недальновидные мужи не сбросили его вниз, как надлежало, и он еще дышал. Было велено снова принести его наверх, и на этот раз они приволокли его за волосы и, согласно приказанию, швырнули вниз так, что шея у него сломалась, а голова разбилась — сей запятнанный кровью распутник получил воздаяние за свои деяния. Кулак Божественного борца мира оставил такую отметину, что не знавшие о происшедшем решили, будто это след от палицы. Муним-хан Хан-ханан и Шихаб-ад-дин Ахмад-хан, находившиеся там, спаслись от гнева Его Величества и скрылись. Когда Юсуф Мухаммад-хан, старший сын Атага-хана, узнал об участии своего почитаемого отца, он вооружился и [вооружил] свой род и устроил засаду, поджидая Адхам-хана и Махам Анагу. Ему неизвестно было, что духовный и мирской Хедив уже свершил правосудие и не стал прислушиваться к мнению Махам Анаги, но в судной палате царского гнева наложил достойное наказание на убийцу, совершившего сие.

176

Когда истина о возвышенной справедливости Его Величества Шахиншаха — что выше людского понимания — запечатлелась в умах людей, они обрели мощную опору. Притеснители укрылись во мраке презрения, тогда как притесняемые ежедневно устраивали базар радости. Светильник знания поставили на пути невежественных, чтобы они признали духовное и мирское величие Владыки земли и ее обитателей и были направлены на путь преданности. Род Атаги еще поджидал Адхам-хана и других родичей Махам Анаги: полагали, что

слух о смерти Адхам-хана ложен, и ожидали [возможности] отомстить. Но, поскольку молва распространилась, через придворных передали просьбу — коль скоро явлено такое правосудие, показать труп черного сердцем негодяя, дабы умы их успокоились, а израненные чувства обрели целебную мазь. Его Величество внял прошению, и Шейх Мухаммад Газнави явился в качестве их представителя и увидел труп. Смятение верного рода улеглось, и они вознесли тысячи восхвалений и благодарностей. Человечество в одночасье освободилось от смут мятущихся и обрело покой в безопасности. Воистину, если ликование обитателей Небес, вызванное великим актом справедливости, представилось возможным прибавить к славословиям смертных, то [и тогда] оказалась бы уплачена малая толика признательности. Есть ли тогда у песчинок рода людского возможность отблагодарить за сие? Это стало суровой карой, при помощи которой видимый мир омолодился, и в то же время для всех уроком, благодаря которому сумрачные палаты сердец озарились светом искренности и преданности. Это явилось снадобьем прозрения для совершенно слепых, пред очами которых задернута завеса, и в то же время мазью для просветления очей тех, зрение которых затуманилось; стопой исканий для хромы в земле верности и одновременно источником рвения для медлительных в долине преданности; железной крепостью для войска, утратившего мужество, и в то же время бдительным стражем для семейства нетерпения!

Его Величество, исполнив такое деяние справедливости, удалился в гарем¹². Махам Анага, лежавшая дома больной, узнала, что Адхам-хан совершил столь ужасное насилие, а Шахиншах якобы заточил его. Материнская любовь заставила ее подняться и отправиться к Его Величеству, дабы, если возможно, содействовать освобождению сына. Повелитель, увидев ее, произнес: «Адхам-хан убил нашего Атагу, мы наложили на него воздаяние». Мудрая смиренно ответила: «Вы поступили правильно», однако не была уверена, что сын ее подвергся смертной казни. Затем Биби Наджиба бегим¹³, мать Дастам-хана, пришла из дома Адхам-хана и поведала Махам Анаге, что случилось. Та спросила, как они умертвили его, и в ответ услышала: «На лице есть след от удара палицей, более же мне ничего не известно». Но то была отметина от кулака Шахиншаха, оставленная с помощью силы, что вложил Аллах в начале происшествия.

Когда Махам Анага убедилась, что сын ее умерщвлен, то, благодаря своей мудрости, не утратила почтения к Его Величеству и не стала стенать или причитать, хотя душа ее была поражена тысячью смертельных ударов. Краска сошла с лица, но она изъявила желание увидеть тело. Шахиншах, принимая во внимание ее долгую службу, утешил [верную] словами соболезнования и несколько успокоил, однако не дозволил пойти туда, дабы не узрела своего сына в таком виде. В согласии с распоряжениями оба тела в тот же день отправили в Дели. Он обратился к сей женщине почтенного возраста с возвышенными предостережениями и проникающими в сердце увещеваниями и разрешил ей на следующий день отправиться в сыновний дом. Мудрая плакальщица удалилась, и излила свою скорбь, и подчинилась Божественному начертанию. Затем вернулась в свое жилище, и впала в тоску, и предалась стенаниям и плачу. Болезнь, которой она страдала, усилилась, и основы здоровья пошатнулись. Через сорок дней после этого происшествия в тире, Божественном месяце, что соответствовал шаввалу [969 г.х. — июню 1562 г.], она отправилась в священную обитель небытия. Любящее сердце Его Величества было глубоко тронуто судьбой сей вершины целомудрия, и он выразил великую печаль. Останки ее со всеми почестями также перевезли в Дели, и Шахиншах лично проводил их, сделав несколько шагов. Все государственные чиновники и великие из возвышенной семьи выказали свое почтение и горе. Согласно повелению над могилами Махам Анаги и Адхам-хана возвели высокое здание¹⁴. Такой же траур устроили и по Атага-хану. Сердца его братьев и детей были утешены, а раны всего рода исцелены. Его Величество уделил большое внимание воспитанию этих верных [людей] и содействию их успеху.

178

Коль ты по одному скорбишь,
Возможно, многим умереть придется.

На следующий день после беды, [постигшей] Хан Аазима и Адхам-хана, Его Величество узнал о бегстве Муним-хана и Шихаб-ад-дин Ахмад-хана. Он принял во внимание их безрассудство и недалекость и послал за ними Ашраф-хана со словами утешения, дабы тот успокоил их умы и привез их обратно ко Двору. Даром милости Шахиншаха сосуд их стыда превратился в росу на лице (*абру*) [ангелов].

Глава 45

Возвышение Итимад-хана¹ и передача ему управления царскими землями

С той поры как, в согласии с начертанием Божественной мудрости, случилась эта беда, Его Величество Шахиншах постигал дух века и сущность человечества и отдавал свое внимание делам государства. Таким образом, земля и ее обитатели вступили в новый период. Хотя ежедневный базар тех, кто выбился вперед благодаря чванливости, притих, однако искренние ищущие, по несправедливости великих сидящие в углу презрения, начали продвигаться благодаря изумительной проницательности Шахиншаха. Примером служит слава, которую снискал евнух Итимад-хан. Вот рассказ о его замечательном возвышении.

Чиновники в своем невежестве, слабоумии или бесчестности заботились об обогащении собственных домов и копили сокровища ради личных целей, пренебрегая сбором податей для Шахиншаха. Еще менее думали они о том, чтобы их увеличить. Его Величество, потому ли, что пребывал за завесой, или же потому, что не имел рядом осведомленного человека, ничего об этом не говорил и не предписывал на сей счет никаких правил. Хотя управляющие дворцом чиновники² были вынуждены сносить лишения и тяготы, Его Величество отложил решение их трудностей до следующего сезона и с открытым челом и бодрым умом созерцал зрелище путей судьбы. В то время когда на стекло чести великих мужей обрушился камень и появились некоторые рассудительные и полезные люди, Ходжа Пхул Малик³, евнух, своими дарованиями привлек милостивый взгляд Шахиншаха. Благодаря честности он во времена правления Салим-хана, сына Шер-хана Афганца, был удостоен титула Мухаммад-хана, а из-за этой истории (с Адхам-ханом) вошел в число царских слуг

и исполнил добрую службу. Он постиг праведный характер Шахиншаха и изложил надлежащим образом свои мысли о взимании и увеличении податей. Его Величество признал их ценность и поощрил его. Он пожаловал ему титул Итимад-хана и передал [в его ведение] все царские налоги, бывшие в руках растратчиков. Благодаря превосходному управлению тот осуществил всё, что было задумано Шахиншахом относительно сбора податей. Сей труд начался в середине этого года. Руки бессовестных грабителей укоротили, а черные сердцем ублажатели самих себя отошли [от дел] и убрали свои стопы под подол отставки. Пришли чистые сердцем и мыслящие о добрых делах, и налоги, которые являются основанием верховной власти, и фундаментом владычества, и источником военной мощи, поставили на основу, достойную власти, обреченной с вечностью. Сколь прекрасные правила и установления, каждое из которых могло стать сводом [законов] для процветания человечества, утверждались ежедневно Владыкой Века! Меньшую часть из множества — а именно те, которые священный разум разработал для [решения] финансовых вопросов — воплотил в жизнь Итимад-хан. Сколько там было изумительных предложений, которые не стали явью! Как следовало выполнять вначале наиболее важное из всех дел? Если бы (остальные) подобные исполнители приказаний постигли замыслы Шахиншаха и постарались осуществить их, то поверхность обитаемого мира вскоре оказалась бы под властью царских слуг. Однако в глазах таланта Шахиншаха мир — дело крайне презренное. Он не считает его достойным своего пристального внимания и неустанно обращает собственную душу к тому, чтоб угодить Аллаху. Если бы получающие его *фирманы* обладали тысячной долей его разума, то малозначительные дела, что поверхностным кажутся столь важными, решались бы без особого внимания [и усилий]. Видимо, такое положение дел (пренебрежение завоеванием всего мира) объясняется соображениями Господнего замысла.

Одним из происшествий стало бегство Муним-хана, взятие его под стражу и препровождение ко Двору. Природе человека присущи две странности. Первая — это страсть, не имеющая ни очей, ни различения. Вторая — дальновидный разум, который постигает дела. Большинство людей по бездумью попадают в плен ложных представлений и оставляют разум, сдерживающий верно мыслящих, и руководствуются своими страстями. И так одним небрежным

поступком человек причиняет себе [вред], который его враги не сумеют нанести сотней ухищрений. Нелепое поведение Муним-хана Хан-ханана являет тому пример. Невзирая на царскую благосклонность и достижение высокого положения, о чем говорило приглашение его из Кабула и награждение титулом Хан-ханана, обретение должности *вакила* и полноты власти, он не осознал сих милостей. Потеряв их из поля зрения, терзаемый одним лишь страхом, что его подозревают в разжигании пламени [ненависти] в деле Хан Аазима и Адхам-хана, не смог найти [силы] сохранить спокойствие. Поэтому в тот же день и бежал. Хотя его мотивом (когда он науцал Адхам-хана) стала безрассудная надежда, что после этого происшествия затягивание и ослабление дел возвышенной семьи, а также управление всеми делами политическими и финансовыми перейдет в его руки без участия кого-либо еще, однако сия мысль не обрела форму. Печаль охватила его, и он принял неразумное решение покинуть мироохраняющий Двор — отчизну для счастливых семи климатов — и отправиться в обитель удовольствия — Кабул, где правителем был его сын Гани-хан, и там предаваться уладам. Поэтому в мурдаде, Божественном месяце [июле — августе 1562 г.], покинул столицу, следуя путем вдоль предгорий. Мухаммад Касим *мир бахр* сопровождал его. Когда Его Величество узнал о том, не воспринял этого всерьез и сказал, что Муним-хан никуда не уехал и вскоре вернется. Хотя сплетники намекали или говорили открыто, что имущество [Муним-хана] следует конфисковать, он из великодушия отверг предложения клеветников. И изрек, что даже если Муним-хан и отправился в Кабул, то это — тоже наша земля, а он — слуга нашего Двора. Не измена, а страх вынудил его спастись бегством. Если он не явится, мы отошлем его имущество в Кабул. Никто не должен трогать его хозяйства. Судьба пожелала, чтобы после шестидневных скитаний по горам и пустыням беглецы достигли *парганы* Сарут⁴, что входила во владения Мир Мухаммада Мунши. Касим Али Систани, слуга Мир Мунши, был *шикдаром* той *парганы*. Он проведал, что двое царских военачальников следуют через [его земли] и кажутся встревоженными. С помощью нескольких селян преградил путь и задержал их, хотели они того или нет. Сайид Мухаммад Барха, благодаря своей доброй службе бывший одним из крупных военачальников и имевший владения неподалеку, узнал об

этом происшествии и привез Муним-хана к себе домой. Он увидел в том удобный случай, и обошелся с ним учтиво и уважительно, и с почтением лично препроводил его к Шахиншаху. Его Величество, вопреки ожиданиям презренных мирян и желаниям злонамеренных, от которых не свободен ни один век, встретил его с беспредельной милостью и даровал ему должность *вакила* и титул Хан-ханана. Его [Мунима] смятенная душа обрела умиротворение, а зачинщики раздоров убрались в угол. Род людской был успокоен вновь. И почему бы этому не случиться? На главу человека, о котором люди думали, что на него обрушится меч наказания, он возложил венец правления.

Среди прочих событий было прибытие к священному Двору Тан Сена⁵. Вот краткий рассказ об этом. Поскольку священная особа Его Величества Шахиншаха объемлет в себе [все] ступени, духовные и физические, и соединяет совершенства небесные и земные, то при обсуждении дел сведущий в каждой науке полагает, что Высочайшая особа уделила всё свое внимание исключительно его предмету и для этого потребовался весь его разум, а познания о прелестях музыки, которыми Его Величество обладает, равно как и о прочих науках, будь они о мелодиях Персии или различных напевах Индии — как теории, так и исполнения, — невозможно превзойти никогда. Поскольку слава Тан Сена, прославившегося в том веке среди *калавантов*⁶ Гвалиара, достигла царского слуха, и ему сообщили, что тот намеревается отправиться на покой и коротает дни в услужении у Рам Чанда⁷, раджи Панны⁸, Его Величество повелел включить его в число придворных музыкантов. Джалал-хан Курчи⁹, любимый слуга, был послан к радже с великодушным приказом привезти Тан Сена. Раджа принял царское послание, и признал за честь отправление гонца, и отрядил его назад с приличествующими дарами, [среди которых имелись] знаменитые слоны и прекрасные драгоценности, а еще он поднес Тан Сену достойные инструменты и сделал его родинкой на щеке своих даров. В тот же год Тан Сен засвидетельствовал свое почтение и получил возвышение. Его Величество Шахиншах был доволен и излил денежные дары в подол его надежд¹⁰. Шапка его чести оказалась вознесена над всеми другими. Благодаря его искренней сущности и приятному характеру, он удостоился долгой службы и общества Его Величества и достиг значительных успехов в исполнении и сочинении музыки.

Примечания

К ГЛАВЕ 1

- ¹ [Чеканка собственной монеты была одним из основных прав суверенного властителя. При этом чекан фиксировал номинал и служил подтверждением полновесности монеты, определяя ее обменный курс на рынке.]
- ² [Зонт на Востоке с древности являлся важной регалией царской власти. Подробнее см.: Аин 19. Высочайшие регалии: Абу-л Фазл Аллами. Аин-и-Акбари. Избранные главы // Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 323–325.]
- ³ [Соединение (лат. *coniunctio*) — в астрологии положение, при котором две планеты имеют одинаковую эклиптическую долготу, то есть соединяются в Зодиаке. Наибольшее значение придается соединениям Юпитера и Сатурна, называемым Великим Соединением.]
- ⁴ Имеется в виду следующее. Так как халиф был не только главой церкви, но и государства, то Акбар, будучи Халифом Века, имел право прочесть собственную коронационную проповедь. И однажды он сделал это, подражая Тимуру и Улугбеку.
- ⁵ *Чар рухн-и-аалам*. Согласно словарям *чар рухн* означает «четыре элемента». Но вряд ли здесь это имеется в виду. [*Чар рухн-и-алам* — букв. «четыре стороны света».]
- ⁶ *Кафф-ал-хазиб* — «Раскрашенная хной рука» — арабское название созвездия Кассиопеи.
- ⁷ *Фаркадайн* — две звезды около полюса. [*Фаркадайн* — «Телята» — в арабской астрономии общее название двух звезд Малой Медведицы.]
- ⁸ *Бадауни* (Мунтахаб-ат-таварих, II. 8) сообщает, что празднование коронации проходило в саду города Каланура и за садом ухаживали и в его время. [Строки Файзи и описание празднества Абу-л Фазлом — поэтическая гипербола, являющаяся данью традиции. Учитывая политическую сложность момента, вряд ли Байрам-хан мог устроить для Акбара пышную коронацию.]
- ⁹ Столбы ширмы (*сарапарда*) были украшены медными заклепками. [Подробности устройства царского стана при Акбаре, в том числе шатров и оград, см.: Аин 16. Лагерь во время поездок: Абу-л Фазл Аллами. Аин-и-Акбари. Избранные главы // Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 319–321.]
- ¹⁰ Голубой цвет небес не подходил, потому что символизировал траур. [Голубой и синий цвета на фарси обозначаются одним словом. Однако на мусульманском Востоке синие одежды — символ траура, поэтому Абу-л Фазл говорит, что синева небес — не для праздника.]
- ¹¹ Здесь игра слов: *бахт* [счастье] и *тахт* [трон]. В тексте на первом месте стоит *тахт*, но я [Г. Беверидж] принял прочтение рукописей Индийского ведомства.
- ¹² *Руйит*. Я полагаю, что имеется в виду начало месяца, определяемое новолунием. Но слово *руйит* обозначает также «мнение» или «соображение». Мутамид-хан вторит Абу-л Фазлу во второй части своего труда «Икбал-наме», называя 3 раби ас-сани днем Восшествия на престол. Так же считает «Гияс-ул-логат», издательство Невала Кишора, с. 324. Но пятница была вторым днем месяца, и большинство источников называют именно второй день временем Вступления на престол.

- 13 Имеются в виду ступени кафедры [*минбара*]. Видимо, проповедник спускался с кафедры перед тем, как прочесть вторую часть *хутбы*, посвященную титулам правителя. Об этом свидетельствует запись в издании Лакхнау.
- 14 Каланур был одним из монетных дворов Акбара, но впоследствии на нем чеканили только медные монеты. Аин-и-Акбари, I. 31 и 32.
- 15 См. изображение *каукабы* в «Аин-и-Акбари», иллюстрация IX. *Чауган* — клюшка для игры в поло, а также изогнутая палка или крюк, на котором висит шар — *каукаба*.
- 16 Возможно, имеется в виду Юпитер, так как его называют *Хатиб-и-фалк*. См. то же: Хафи-хан, I. 128, издание «Bibliotheca Indica». Смысл четверостишия не совсем ясен, но, очевидно, в нем Разум, представленный как нечто одушевленное, говорит, что, хотя он и обладает свитком с восхвалениями Акбара, невозможно найти достаточно высокую кафедру, чтобы огласить их.
- 17 [*Атр* (перс.) — аромат, благовоние. Отсюда *аттар* — парфюмер.]
- 18 Эти строки трудны для понимания, но в издании Лакхнау есть примечание, в котором объясняется их примерное значение. Выражение *афтаб-и-шарф* во второй строке может означать «славное солнце», как я и перевел, или «солнце на краю», т.е. в точке восхождения. *Шарф* [*шараф*] также имеет значение «кульминация», но вряд ли слово употреблено здесь в этом смысле. В третьей и четвертой строках, возможно, говорится, что счастье приковано к порогам Акбара, как если бы он был дверью, а оно — цепями. Цепь будто прикована к его ноге, а он надеется, что замок можно отпереть ключом.

К ГЛАВЕ 2

- 1 Слово *Арас* в Первом доме содержит ошибку. Это, должно быть, *Рас*, как указывается в списке опечаток. Слово [*Рас*] означает Голову Дракона или восходящую точку пересечения орбит.
- 2 См.: Абу-л Фазл Алами. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 283. Прим. 14 к гл. 3.
- 3 Я прочел *гариб* вместо слова *гари*, написанного в тексте. Этот угол также называют Седьмым.
- 4 Четверостишие принадлежит Файзи. См.: Аин-и-Акбари, I, пер. Г. Блохманна, с. 561; Аин-и-Акбари, II, пер. Г. Джарретта, с. 241.
- 5 *Хаваист*. Смысл этого выражения мне непонятен. В словаре Вуллеса слово *хаваи* означает «великолепие». Возможно, здесь оно используется в том же значении. [*Хаваист* — здесь производное от перс. *хава* — «воздух, ветер».]

К ГЛАВЕ 3

- 1 Гайд на с. 238 сообщает, что первый день месяца носит имя божества и каждые семь дней в названии [дня] встречается *даи*; как он полагает, это указывает на то, что месяцы делились подобно неделям. [В основу календаря *илахи* был положен зороастрийский календарь — солнечный, с астрономически фиксированным началом года. Отсчет велся от дня весеннего равноденствия, который определялся астрономами по моменту вступления Солнца в знак Овна. До введения григорианского календаря в 1582 г. начало года *илахи* — Навруз — соответствовало 10–11 марта (сейчас 21–22 марта). Подробнее о зороастрийском календаре см.: Лившиц В.А. Зороастрийский календарь // Бикерман Э. Хронология Древнего мира: Ближний Восток и античность. Пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского. М., 1975. С. 320–332.]
- 2 *Гош* или *Гуш*. [От зороастрийского *Геуш Урван* — «Душа быка».]

- ³ Как явствует из слов Мутамид-хана, приводимых в «Икбал-наме», 31-й день назывался *руз* [день], а 32-й — *шаб* [ночь]. Отрывок, приведенный в книге Каннингема «Об эпохах в Индии», на с. 83, как заимствованный из Абу-л Фазла, взят из перевода Гладуина и имеет добавления, сделанные последним. Так, его версия высказывания [о календаре] из «Аин-и-Акбари» звучит следующим образом: «Последние два называются *розе шаб* (день и ночь), и для различения их называют первым и вторым». Правильный перевод слов Абу-л Фазла можно найти у Г. Джарретта, «Аин-и-Акбари», II. 30. Рассказу Абу-л Фазла о Божественной эпохе и здесь, и в «Аин-и-Акбари» недостает точности. Так, он утверждает, что Акбар отменил «вставные дни», т.е. пять дополнительных дней, которые здесь называются *айям-и-мустарикат* — «украденные», или «тайные», дни (арабское слово *мустарикут* является переводом персидского *дуздида*, тогда как в «Аин-и-Акбари» они именуются *кабиса*), однако он не сообщает, какие месяцы имели 29, а какие 30, 31 или 32 дня. В «Гияс-ул-логат» есть интересные сведения об эрах, в том числе Фазли; там же приводится двуступище, где слова по *абджаду* указывают число коротких и длинных месяцев. Слова таковы: *ла* (31), *у ла* (31), *лаб* (32), *ла* (31), *у лала* (62), *шаш мах аст* [6 месяцев], *лал* (60), *кат* (29), *у кат* (29), *лаб* (60), *хоташ аст*. Первая строка дает число 187, следующая — 178, в сумме же — 365, и, если я правильно понимаю, только в одном месяце — 32 дня. Абу-л Фазл ничего не говорит о годе Фазли. Согласно «Гияс-ул-логат», издательство Невала Кишора, с. 321, год Фазли был введен или, скорее, изменен в 971 г.х.: в этом году начало мусульманского года (1 мухаррама 971 г.х., то есть 21 августа 1563 г.) почти совпало с осенним равноденствием [14 сентября 1563 г.] и началом сезона уборки урожая. Видимо, год Фазли равнялся году Самват, с той разницей, что он начинался осенью. Божественная эпоха Акбара опиралась на него, а также на бенгальский год.
- ⁴ В тексте *алавани*, однако я взял вариант *ал-даурани*, поскольку он приводится в «Икбал-наме». Рассказ о Фатх-ал-лахе, иногда величаемом Шахом, см.: Аин-и-Акбари, I, пер. Г. Блохманна, с. 34, сноски 1, а также у Бадауни в «Мунтахаб-ат-таварих», пер. У. Лоу, с. 326, и в «Дарбар-и-Акбари» Шамс-ал-Улема Мирза Хусейна Азада, с. 673.

К ГЛАВЕ 4

- ¹ Солнечный (годовой) цикл еще не завершился. В 992 г.х. день вступления Солнца в [знак] Овна, то есть персидский Новый год, практически совпал с днем смерти Хумаюна, ибо наступил 8 раби ал-аввала [10 (11) марта 1584 г.]. См.: Бадауни, II. 348, пер. У. Лоу. [Хумаюн скончался 13 или 14 раби ал-аввала 963 г.х. (26 января 1556 г.). Подробнее см.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. Гл. 62. С. 235–237, 309–311.]
- ² *Паттра* на санскрите. Обычным обозначением календаря в современном языке служит слово *панджика*. [Словом *панджи* календарь обозначается на санскрите, на хинди — *патра* (*паттра*). В современном хинди календарь называется *джантри*.]
- ³ В тексте *кул* и *патра* пишутся раздельно, но в издании Лакхнау и некоторых рукописях — слитно, получается *кулпатра*; редактор издания Лакхнау в комментарии предполагает, что это означает «пустые слова». В словаре дается именно это значение, и, возможно, игра слов здесь не случайна. Однако я склонен полагать, что *кул* стоит вместо *кал* — «время», а *калпатра* означает «календарь». Даже если присутствует игра слов, она не несет особой смысловой нагрузки. В «Аин-и-Акбари», II. 18, есть рассказ о делении года на три части, называемые *кал*.
- ⁴ *Кришнапакиша*, или темная половина лунного месяца. В «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл дает несколько иной вариант, утверждая (Аин-и-Акбари, II, Аин 1), что индусы ведут счет от новолуния; однако он добавляет, что некоторое их число (*джама*), означающее

толпу или же большинство, начинает месяц с *кришнапачча*. Начинать от полнолуния, пожалуй, было рациональнее, ибо точка отсчета лучше видима. Интересно, что Акбар думал об арабской или мусульманской традиции отсчитывать начало дня с вечера. [Деление лунного месяца на *шуклапакша* — «светлеющую» и *кришнапакша* — «темнеющую» половины месяца сохранилось и в современном индийском обществе и применяется в первую очередь при определении сроков религиозных праздников. Каждая половина делится на 15 *тирх*, и счет начинается с 1. В Северной Индии месяц начинается с полнолуния, а в некоторых областях Южной Индии — с новолуния.]

- 5 [Хиджра (от араб. «переселение») — означает переселение пророка Мухаммада и его приверженцев из Мекки в Медину, произошедшее в сентябре 622 г. При халифе Умаре I (634–644 гг.) год хиджры был объявлен годом начала мусульманского летосчисления. За точку отсчета приняли 1 мухаррама того года — 16 июня 622 г. В соответствии с древней арабской традицией устанавливался год из 12 лунных месяцев: нечетные — по 30 дней, четные — по 29 дней, всего 354 дня. Месяц начинается с новолуния.]
- 6 Это утверждение неверно, если только под эрой Яздигерда не подразумевается эра Дзамшида, которая, насколько известно, началась в 800 г. до н.э. (см.: Аин-и-Акбари, II, Аин 1), а под эрой Искандера — эра евреев и сирийцев. В «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл утверждает, что эра Искандари берет начало от этих народов. Не исключено, что Абу-л Фазл использовал *алуф* для обозначения множественного числа, потому что пишет о двух эрах, не указывая при этом, что каждой эре более тысячи лет.
- 7 См. статью профессора Кильгорна об эре Лакшмана Сена в «Индийских древностях». [Династия Сенов правила в Западной Бенгалии (столица Виджайяпура) с 1050 г. до 1220 г. Лакшман Сен находился на престоле с 1178/1179 г. по 1205 г.]
- 8 Абу-л Фазл разъясняет, что эра хиджры не годилась для крестьян, так как 31 лунный год равнялся 30 солнечным годам: при расчете налоги взимались по лунным годам, тогда как урожай зависел от солнечных лет. [Подробнее о налогообложении разных категорий земель см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 21; II. Аины 7–14.]
- 9 Намек на предание, что Викрамаджит был магом. В «Аин-и-Акбари», II. 470, Абу-л Фазл сообщает, что индусы и по сей день считают его воцарение началом эры и рассказывают о нем удивительные истории. «Истина, видимо, в том, что он был сведущ в чарах и колдовстве и так улавливал простаков в свои сети». [Календарем по эре Викрамадиты, или календарем Самват, и сегодня пользуются в Северной и Центральной Индии. Летосчисление по нему начинается с 57 г. до н.э. Он связан с именем Викрамадиты — национального героя и идеального правителя, о котором существует множество легенд. Солнечный год — *саур варш* — начинается в марте и состоит из двенадцати месяцев, в сумме составляющих 365 дней.]
- 10 См. примечание Бадауни, приведенное Г. Блохманном, в «Аин-и-Акбари», I, с. 195. Он говорит, что было введено 14 празднеств. В списке Абу-л Фазла — 13 или же 15, если посчитать отдельно три праздника в месяце дай. Не исключено, что у Бадауни получилось 14 вместо 15 потому, что он посчитал 19 фарвардина частью новогоднего праздника. См.: Мунтахаб-ат-таварих, пер. У. Лоу, с. 319, где 19 [фарвардина] названо последним днем праздника Нового года. В указаниях относительно *котвалов*, Аин-и-Акбари, II, с. 43, [Аин 4], есть распоряжения о проведении празднеств [в соответствии с календарем] *илахи* и о том, чтобы индийские календари начинались с *шуклапачча*.

К ГЛАВЕ 5

- 1 Написано *макаррарбуд*, но я не думаю, что Абу-л Фазл подразумевает назначение кого-то [на должность]. Мирза Сулейман считал себя независимым правителем и действительно им

- являлся. Однако Абу-л Фазл называет его вассалом Акбара, включая с сыном в число первых лиц государства. [Мирза Сулейман, как и Акбар, потомок Тимура, был властителем Бадахшана с 948 г.х. (1541 г.). Конец своей бурной жизни он провел при Дворе Акбара в качестве одного из знатных подданных. В 992 г.х. (1584 г.) Акбар удостоил его звания командира шести тысяч. Видимо, поэтому Абу-л Фазл говорит о нем как вассале Хумаюна и Акбара. Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 5 и 6.]
- ² [Подробнее о Тардибек-хане см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 12. Он был убит по приказу Байрам-хана в конце 963 г.х. (в ноябре 1556 г.).]
- ³ *Басир-и-вакт*. Вариант *басир-и-диккат-и-ан* — «тонкий смысл» — кажется более предпочтительным.
- ⁴ У Г. Бевериджа: «Exoteric and esoteric king». [Здесь обыгрываются такие понятия мусульманской философии, как *захир* — явное, внешнее и *батин* — скрытое, внутреннее.]
- ⁵ После заявления Абу-л Фазла в первом томе о том, что смерть Хумаюна явилась в действительности благом, поскольку дала возможность развитию Акбара [как правителя], довольно нелепо здесь звучит фраза, что Акбар некоторое время ничего не делал, препоручив всё Байрам-хану. Разумеется, ребенок на четырнадцатом году жизни не мог поступить иначе, к тому же Акбар, видимо, был невежествен. Он не научился читать и писать, и его сын Джахангир в «Воспоминаниях» [Джахангир-наме, 12 а], изданных Прайсом, сообщает, что в юности Акбар основное внимание уделял радостям пиршественного стола. У Хафи-хана, I. 131, и далее (издание «Bibliotheca Indica») приводится ряд интересных сведений о страсти Акбара к развлечениям в юности и его покорности воле Байрама.

К ГЛАВЕ 6

- ¹ [*Фар* (*фарр*) (перс.) — блеск, великолепие, пышность. От древнеперсидского *фарн* — в иранской мифологии Божественный свет, окружающий тело человека, осененного Божьей благодатью, или излучаемый его лицом.]
- ² *Бадрузгар*, то есть «злодей века». Однако Абу-л Фазл ничего не сообщает о последних событиях в карьере Абу-л-маали, поэтому я склонен принять один из рукописных вариантов и выбрать *бадрузгат*, что относится уже ко времени правления Хумаюна.
- ³ Скорее всего, этот интересный оборот означает, что, вместо того чтобы приспособиться к новой ситуации, он продолжал жить, как во времена Хумаюна.
- ⁴ Обычай мыть руки как до, так и после еды распространен по сей день. [Гостям для омовения рук слугами подавались розовая вода и специальный сосуд для ее стока. На правилах поведения за столом обязательно останавливалась дидактическая литература, подчеркивая неукоснительность их соблюдения. См.: Кабус-наме. Пер. Е.Э. Бертельса // Энциклопедия персидско-таджикской прозы. Душанбе: Ирфон, 1983. С. 24–30.]
- ⁵ [О Тулак-хане Кучине подробнее смотри комментарии Г. Блохманна: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 158.]
- ⁶ Об аресте Абу-л-маали более пространно повествует «Дарбар-и-Акбари», 744, где в качестве источника указывается повествование Мутамид-хана во втором томе «Икбал-наме». Тот сообщает, что, по словам Азиза Коки, Байрам-хану удалось заманить Абу-л-маали лишь выдумкой, будто Акбар готов вернуть любимого слугу. Имя Шах Абу-л-маали не значится в списке, приводимом в «Аин-и-Акбари», так как он окончил свои дни мятежником. Соответственно Блохманн не приводит его биографию. Однако о нем много написано у Бадауни. В альбоме, хранящемся в библиотеке Бодлея, № 172, 1091, есть любопытная иллюстрация художника Акбара Абд-ас-Самада, где изображено взятие под стражу Абу-л-маали. Тулак имеет облик гиганта, а Абу-л-маали — юнца с глупой улыбкой.

- ⁷ В тексте *калказ*. *Асас* можно считать синонимом слова *котвал*.
- ⁸ Этот Мирза Шах и есть тот Шах Мирза, который в «Аин-и-Акбари», I. Кн. 2, Аин 30, № 180, назван внуком Мухаммад Султана. Его дядя также звался Шах Мирзой и погиб в Афганистане от руки Шах Мухаммада, см.: Акбар-наме, I. 285. Сиди Али [Реис] говорит о нем как правителе Лахора.
- ⁹ Мир Хашим — человек, которого под именем Кахмард бека упоминает Сиди Али [Реис]. Из-за ошибки автора или переводчика название *джагира* передано как его личное имя.
- ¹⁰ [Перед походом в Индию Хумаюн отправил всех женщин своей семьи в Кабул, поручив заботу о них и управление Кабулом Муним-хану. См.: Акбар-наме. Кн. 2. С. 207. Хумаюн вступил в Дели 24 июля 1555 г., но скоропостижно скончался 26 января 1556 г. За этот срок женщин просто не успели переправить из Кабула в Дели.]
- ¹¹ Видимо, с этой целью Сиди Али [Реис] и отправился в Кабул. На дорожные расходы он в качестве платы за [составление] хронограммы получил от Акбара *лакх*, но, очевидно, не наличными, а в форме документа, повелевающего выплачивать ему эту сумму в тех областях, через которые будет лежать его путь. [Турецкий адмирал Сиди Али Реис в «Мират-ул-мамалик» пишет лишь о том, что Акбаром был подтвержден *фирман*, ранее данный ему Хумаюном, позволявший беспрепятственный проезд и гарантировавший обеспечение транспортом и продовольствием во время пути в государство Шейбанидов.]
- ¹² Это никак не связано с названием Сиваликских гор. В «Аин-и-Акбари», II. 30, 31, встречается слово Химачал. Горы, известные ныне под именем Сивалик, не покрыты снегом, тогда как из текстов Абу-л Фазла и «Бабур-наме», с. 323, явствует, что так назывался высокий северный хребет. [В «Бабур-наме» упоминаются горы Савалак-Парбат, тянущиеся от Кабула, где они называются Хиндукуш, на восток (272 б, 273 а).]

К ГЛАВЕ 7

- ¹ Восшествие на престол состоялось в пятницу, 3 раби ас-сани, что подтверждается сообщением, что день Нового года, или 28 раби ас-сани, наступил через двадцать пять дней после Восшествия на престол. Если третье число приходилось на пятницу, то двадцать восьмое, следовательно, являлось вторником, а не средой, как указано в тексте. В «Табакат-и-Акбари» (Эллиот, V. 247) датой начала Божественной эры и Нового года указан понедельник, 27 раби ал-ахира (10 марта 1556 г.). Однако на странице 241 дата Вступления на престол — это 2 раби ас-сани, и если это пятница, то вторником являлось двадцать седьмое число. [В 1556 г. день весеннего равноденствия пришелся на среду, 11 марта. 3 раби ас-сани 963 г.х. действительно было пятницей. Поскольку 1556 г. — високосный, то противоречия нет.]
- ² Праздник Нового года. Вероятно, имеется в виду, что всякий, кто имел счастье быть знакомым с этим праздником, т.е. тот, кто вырос в Персии, знает, насколько он яркий. [Навруз, символизировавший возрождение мира, — несомненно, один из самых важных праздников домусульманского ираноязычного мира, сохранившийся и после принятия ислама. Ему предшествует подготовка, связанная с очищением домов — уборкой, а также людей — перепрыгиванием через костер, желательно 7 раз. Продолжает сегодня отмечаться во многих странах.]
- ³ *Бастан намаха*. Это название некой древней книги по истории Персии, использованной Фирдоуси, но вполне возможно, что Абу-л Фазл не имеет в виду конкретную книгу, а просто говорит о празднованиях Нового года, вошедших в Персии в обычай со времен Джамшида. [«Бастан-наме» — «Книга о старине» — одно из прежних

- названий поэмы Фирдоуси «Шах-наме». См.: И.С. Брагинский. Персидско-таджикская литература (IX–X вв.). М., 1984. С. 262.]
- 4 *Забан-и-фули*. Я полагаю, что это выражение использовано в отношении провидца, чьи предсказания или проклятия обязательно сбываются. [*Забан-и-фули* (перс.) — букв. «язык предзнаменований».]
 - 5 Год по эре Викрамадитьи начинается со дня весеннего равноденствия, по хиджре — с 1 мухаррама. [Подробнее о летосчислении по хиджре и эре Викрамадитьи см. примечания 5 и 9 к главе 4.]
 - 6 [Видимо, Абу-л Фазл хочет подчеркнуть, что Восшествие Акбара на престол и явилось знаком наступления Божественной эры, а отсчет от дня весеннего равноденствия принят для большего удобства.]
 - 7 Абу-л Фазл не разъясняет, что это было, но из его слов понятно: речь о внутренних сборах и налогах на профессии и ремесла. *Джизья*, или налог на неверных, просуществовал девять лет царствования, если только отмена [этого налога] в самом деле произошла так рано, так как Бадауни (II. 276) рассказывает об отмене налогов *тамга* и *джизья* в 987 г.х., т.е. на двадцать четвертый год [правления Акбара]. Определение налога *тамга* есть в «Аин-и-Акбари» (II. 57, пер. Г. Джарретта), где объясняется: всё, что взимается с людей помимо местных сборов, называется *тамга*. «В каждом царстве в дополнение к земельному налогу правительство облагало каждого отдельного человека каким-либо особым налогом, называемым *тамга*» (перевод Гладуина). Акбар отменял не все эти разнородные налоги. Он ввел налог на женитьбу (Аин-и-Акбари, I. 278) и на лошадей (Там же. 215). Список упраздненных налогов приводится во II томе «Аин-и-Акбари».
 - 8 [Мир Абд-ал-Латиф был родом из Казвина. Он отправился из Ирана в Индию на службу к Хумаюну, но прибыл уже после Восшествия на престол Акбара. Умер в Сикри в 981 г.х. (1573 г.). Абу-л Фазл упоминает его в списке придворных врачей под № 109. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30.]
 - 9 [Подробнее о нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 161.]
 - 10 В тексте стоит слово *Дхамри*, однако это, скорее, Дахмири, упоминаемое в «Аин-и-Акбари» (I. 543 и II. 348). Это место в Кангре и известно ныне как Нурпур, факт, который упоминается в «Халасат-ат-таварих». См. также работу Каннинггема «Древняя география Индии», страница 143. Название Нурпур произошло от имени Нур Джахан, жены Джахангира. Местное произнесение — Дахмери. Его также называли Патания и Патанкот.
 - 11 Рам Чанд в «Табакат-и-Акбари» (Эллиот, V. 248). [Рам Чанд Багхела. О нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 248.]
 - 12 [Подробнее комментарий Г. Блохманна о Бихари Мале Каччваха см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 23.]
 - 13 [Имеются в виду как правители-индусы, так и правители-мусульмане.]
 - 14 [Подробнее о Маджнун-хане Какшале см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 50.]
 - 15 «Дарбар-и-Акбари», 777, и «Маасир-ал-умара», III. 232. Гадаи умер в 977 г.х. (1569 г.), и слова [хронограммы] *мурда-и-кок-кабир* («большая туша свиньи») указывают на эту дату (Бадауни, II. 119). Его отец был поэтом, а также автором широко известной книги с биографиями святых. См. рассказ о шейхе Гадаи у Бадауни (пер. У. Лоу, 22). У него имелся брат по имени Абд-ал-Хай (Бадауни, пер. Дж. Ренкинга, 526). [Шейх Гадаи — сын шейха Джамала Камбу. По рекомендации Байрам-хана он назначен *садром* и занимал эту должность до 968 г.х. (1561 г.).]

- ¹⁶ *Беваста*. Возможно, имеется в виду, что он являлся старшим сыном. См.: Аин-и-Акбари, I. 322. [Подробнее о Ходжа Ахраре и его потомках см.: Э.Э. Каримов. Хаджа Ахрар // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т. I. М., 1998. С. 99–101.]
- ¹⁷ [Таким образом, по материнской линии он был в родственных связях с Тимуридами, к которым относились и потомки Бабура, в том числе Акбар. Это и давало ему право на титул *мирза*.]
- ¹⁸ Шараф-ад-дин женился на сестре Акбара, Бахши Бану, в 968 г.х. [1561 г.]. Впоследствии он поднял мятеж и в конце концов был отравлен другим мятежником.
- ¹⁹ [Подробнее о Камал-хане Гакхаре см. комментарий Г. Блохманна: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 171. Мубарак-хан, сын Камал-хана Гакхара.]

К ГЛАВЕ 8

- ¹ Повествование об осаде Кабула, видимо, взято главным образом у Баязида (81 и далее). В это время он находился в Кабуле и, принимая непосредственное участие в обороне крепости, был ранен стрелой. См. журнал Азиатского общества Бенгалии за 1896 г., ч. I, с. 296. Баязид описывает приготовления, сделанные для того, чтобы имя Сулеймана упомянули во время пятничной молитвы. Он сообщает (85 б), что имам Сулеймана должен был прочесть молитвы в медресе Мулла Абд-ал-Халик. Затем описывает, как читались обычные молитвы во имя Акбара при запертых дверях, а имама Сулеймана пустили внутрь лишь после того, как они завершились (86 б).
- ² В «Аин-и-Акбари», I, она названа Хуррам бегим. В «Акбар-наме», III. 149, ее отцом называется Султан Ваис из Кулаба. В III томе ей уделяется значительное внимание. См. о ней также у Баязида и Гульбадан. Баязид повествует о ее приезде в Кабул после ссоры с мужем и о том, что она собиралась отправиться в Индию, но Муним уговорил ее вернуться.
- ³ См.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 100–102.
- ⁴ Возможно, означает, что они сомневались, действительно ли он брат Харам бегим, так как из «Акбар-наме», III. 149–150, явствует, что они заставили Ибрахима поверить в преемственную связь между ними двумя.
- ⁵ У Баязида он назван Кази Низам. [О Кази-хане Бадахши см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 144.]
- ⁶ Мирза Сулейман потерял сына во время похода на Балх; в конце концов ему пришлось бежать из Бадахшана и искать приют у Акбара. Об этом рассказано в III томе «Акбар-наме» (148 и далее).

К ГЛАВЕ 9

- ¹ [Подробный рассказ Абу-л Фазла о Хему см.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. Гл. 57. С. 203–206.]
- ² [Речь идет об Ибрахим-хане Суре, который был зятем Салим-хана Сура, сына Шершаха. После смерти Салим-хана в 1553 г. Суры начали между собой борьбу за власть над Индией.]
- ³ [О Мубариз-хане см.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. Гл. 57. С. 203.]
- ⁴ Возможно, это Рахап в «Бабур-наме» [Рахаб — Бабур-наме, 273 а].
- ⁵ [Происходил] из Джалауна, что находится в округе Джханси.

- ⁶ *Басатараи*. Видимо, означает лишь то, что он был главнокомандующим.
- ⁷ [Ходжа Султан Али Турбати. Позднее он имел чин командира трех с половиной тысяч. Подробнее о нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 56.]
- ⁸ Видимо, этот титул он получил позднее. [Титул *Аишаф-хана* Мухаммад Асгар Мир Мунши получил на шестом году правления Акбара. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 74.]
- ⁹ Рукописи здесь расходятся. Среди прочих различий текста вместо *хама кас* мы имеем *хам кас*. Возможно, правильное написание имеют рукописи Индийского ведомства, где дважды встречается *хам*, что означает: спутников было немного, и они не отличались храбростью.
- ¹⁰ Мутамид-хан утверждает, будто достойные доверия люди передавали ему, что на Пир Мухаммаде лежала значительная доля вины за поражение Тардибека.
- ¹¹ *Муамла-и-свадагара*на ас дас дихад — «Оставляет свое ремесло».
- ¹² [Тардибек отказал Хумаюну в помощи, когда тот попросил лошадей во время бегства из Индии под ударами Шер-шаха Сура в 1543 г. Подробнее см.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме, Кн. 2. Самара: Агни, 2005. Гл. 57. С. 23–25.]
- ¹³ Он взял в жены Гульбадан бегим, единокровную сестру Хумаюна. Я полагаю, речь идет о Хизр Ходжа Султани, сыне Айман-хана из «Тарих-и-рашиди». В «Табакат-и-Акбари» и у Хафи-хана сказано, что его род происходил из Кашгара. [Абу-л Фазл не включил его в список сановников. О нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 48, примечание Д. Филлотта.]
- ¹⁴ [Лагерь, вероятно, оставался в Джаландхаре.]
- ¹⁵ [Их сложные отношения, сложившиеся в борьбе за власть и влияние на Акбара, усугублялись тем, что Тардибек-хан был суннитом, а Байрам-хан — шиитом.]
- ¹⁶ *Тик-кан* в «Тюркском словаре» Шоу означает «братья и сестры». Согласно Мутамид-хану, Байрам-хан и Тардибек называли друг друга *тукан*, т.е. «брат». Бадауни сообщает, что Байрам именвал Тардибека *тукан* в значении «старший брат».
- ¹⁷ Бадауни пишет, что Байрам вышел в пору вечерней молитвы под предлогом необходимости совершить *тахарат* (омовение перед молитвой). [*Тахара* — «очищение» — одно из предписаний ислама, комплекс действий, выводящих человека из состояния «нечистоты» (*джанаба*). Различают очищение внешнее и внутреннее. Внешнее очищение включает малое омовение (*вуду*), совершаемое перед молитвой, и полное омовение (*гусл*), совершаемое перед важными делами и после осквернения.]
- ¹⁸ Фиришта сообщает, что из достойных доверия источников он узнал, что казнь Тардибека была необходима, поскольку иначе могла повториться катастрофа, подобная той, когда Шер-хан низложил Хумаюна. [Речь идет о том периоде, когда Хумаюну пришлось уходить из Индии под ударами войск Шер-шаха. Тогда Тардибек-хан и некоторые вельможи отказали ему в финансовой помощи, фактически предав его. См.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 253.]
- ¹⁹ «Аин-и-Акбари», I, с. 533, и «Табакат-и-Акбари», издание Лакхнау, с. 387. Он славился своим знанием музыки. [Ханджар бек Чагатай не указан Абу-л Фазлом в «Аин-и-Акбари». В «Табакат-и-Акбари» он упомянут под № 137.]

К ГЛАВЕ 10

- ¹ Существует несколько прочтений, и одно из них — Кахарунда, но я не в силах идентифицировать их. Фиришта называет это местечко Наушахра, что, вероятно, является Навашахром из «Indian Gazetteer», X, 254. Видимо, названное место идентично с [горо-

дом] Кахарманда у Бадауни, II. 15, который, по его словам, ныне является знаменитым Сераем; не исключено, что место, о котором говорится в обоих эпизодах, есть Кхаркхуда, упоминаемая в «Аин-и-Акбари», II. 104 и 287, и «Акбар-наме», I. 368, 520. Ранее оно относилось к *саркару* Дели, а теперь находится в области Рохтак. Однако если Акбар прошел из Джаландхара в Панипат через Карнал, любой город в Рохтаке был слишком удален [от его пути]. В «Хуласат-таварих» название звучит как Серай Кхарунда.

- 2 Эти военные термины — тюркского происхождения, и не все встречаются в наших словарях. Однако *тарх* — это арабское слово и означает «резерв». Эрскин приводит его в написании *тарак*. *Альтамиш* означает шестьдесят: так называется отряд между авангардом и основными силами. См. Бадауни, II. 197, примечание. [Порядок построения войск перед сражением подробно описан Бабуром. См.: Бабур-наме, 209 б. *Укчи* (тюрк.) — стрелковый.]
- 3 *Талаал*. Имеется в виду передовой отряд, описанный в начале главы: он был хорошим прикрытием, но вера в Бога — лучшим. Вообще отрывок довольно темен, и я не уверен, что понял его правильно.
- 4 *Аашикан*. В одной рукописи стоит *муталакан* — зависимые.
- 5 [Здесь Абу-л Фазл вводит философское понятие Первопричины как изначального Господнего замысла, лежащего в основе всего сущего, объясняя этим в том числе и поведение Акбара во многих ситуациях.]
- 6 Отрывок довольно путаный.
- 7 Имеется в виду, что как Муним-хану, отдаленному [родственнику], была оказана помощь, так и Сулейман, близкий родственник, получил свое наказание.
- 8 Абу-л Фазл являлся очевидцем этого голода, ведь в то время ему шел пятый год и он жил в Агре. См. «Аин-и-Акбари», II. 424, и III. 425, где он приводит некоторые подробности. О голоде также говорит и Бадауни: по его словам, он видел собственными глазами, как люди пожирали друг друга. Он приводит хронограмму *Хашим Язд*, т.е. «Гнев Божий». Она дает 962 — т.е. 962 г.х. [1555 г.], и Абу-л Фазл сообщает, что голод длился два года, главным образом в 962 и 963 г.х. [1555–1556 гг.]. См. «*Asiatic Quarterly Review*» за январь 1901 г., с. 29, 30, а также за июль 1901 г., с. 193.

К ГЛАВЕ 11

- 1 Абу-л Фазл подразумевает, что битва с Хему в действительности была праздником — благодаря одержанной победе.
- 2 Расположен к северу от Дели, ныне железнодорожная станция.
- 3 Видимо, это тот Саманджи-хан, что был сыном Чалма бека. [О Саманджи-хане см.: Аин-и-Акбари, I, Аин 30, № 100. Не путать с Саманджи-ханом Кургуджи.]
- 4 Одно афганское племя. [*Какар* — одно из пуштунских племен, проживающих и поныне в провинции Кандагар в Афганистане и в провинции Белуджистан в Пакистане, южнее реки Гумал, наряду с *шерани* и *устарана*.]
- 5 Аин-и-Акбари, I. Таблица XIV [Оружие и броня. № 57].
- 6 В тексте — Бхунвар. Возможно, от санскритского *бханвар*, что означает «водоворот».
- 7 Ангел, разгоняющий облака, называемый также Бадран, см.: Хайд «*De religione Persarum*», с. 179. *Найсан* соответствует апрелю, это сезон весенних дождей. *Рад* означает также «гроза».
- 8 *Биджада* — камень, похожий на рубин и сходный с янтарем своими качествами.
- 9 [О Мухаммад Касим-хане из Нишапура см.: Аин-и-Акбари, I, Аин 30, № 40.]

- 10 *Кандалан шуда*. В примечании к тексту сказано, что слово *кандалан* не встречается в словарях, но, вероятно, означает «пеший», и автор «Сиванах-Акбари» использует его именно в этом смысле. На тюркском слово значит «палатка». В сноске на полях рукописной копии «Икбал-наме» говорится, что слово имеет значение «спешиваться с лошади» и «держаться твердо». У Баязида, 135 б, можно найти разъяснение. При описании битвы между афганцами в Бихаре говорится, что талаби отступили перед Юсуф Мирзой султаном, а Джан Мухаммад Бахсуди с другими устроил в зарослях засаду. Талаби попытались завязать открытый бой с афганцами, но были оттеснены превосходящими силами противника. После чего Джан Мухаммад и другие *аз кунди-лан барамид*, это, насколько я понимаю, означает, что они совершили глубокий обход и ударили по афганцам с фланга.
- 11 По словам Мутамид-хана, лучники истыкали ноги слонов стрелами, словно осиное гнездо.
- 12 *Аз кашатах пуштах*. Это согласуется с Бадауни (пер. У. Лоу, с. 10), где сказано, что из голов убитых сложили минарет.
- 13 В «Воспоминаниях» Баязида есть рассказ о доставке головы в Кабул.
- 14 В издании Лакхнау и некоторых рукописях с этого места начинается новая глава.
- 15 [Мир Сайид Али из Табриза. Учился рисованию у своего отца. По приглашению Хумаюна прибыл в Индию незадолго до его смерти. По указанию Акбара с 1562 по 1577 г. вместе с Абд-ас-Самадом иллюстрировал «Хамза-наме» (или «Дастан-и Амир-и Хамза» — «История Амира Хамзы»). Также был известен как поэт под именем Джудай. Умер в 1580 г.]
- 16 *Ахшиджиян*. Движимый четырьмя противоположностями, т.е. четырьмя элементами; используется здесь по отношению к обычным смертным, в ком эти составляющие не дополняют друг друга во взаимодействии, а противоречат друг другу.
- 17 *Ка бадмаст на-шавад*, двойное отрицание, однако, возможно, верным прочтением будет *нашир*, т.е. «излучающий», «распространяющий».
- 18 «Зафар-наме» (Bibliotheca Indica, II. С. 118).
- 19 Это софизм. Хему обладал абсолютной властью и распоряжался всеми слонами и т.д., принадлежавшими Адали.
- 20 [*Маст* — букв. «безумный, взбешенный». Так в Индии называется возбужденное состояние слона-самца во время течки у слоних. Тогда управление слонами особенно затруднено.]
- 21 *Нихал хохим кард* — «Мы будем растить тебя». Возможно, намек на заключенные впоследствии перекрестные браки.
- 22 [О Абд-ал-лах-хане Узбеке см.: Аин-и-Акбари, I, Аин 30, № 14.]
- 23 [О Кийя-хане Ганге (Гунге) см.: Аин-и-Акбари, I, Аин 30, № 33. Его сын Тарди-хан был впоследствии командиром пяти сотен.]
- 24 [Имеется в виду Шер-шах Сур.]
- 25 На юге Алвара. Мачари описывается в «Indian Gazetteer». Из «Rajputana Gazetteer» выяснилось, что это два разных места. В части III, с. 286, сказано: «Мачери и Деоти, расположенные близ озера, в эпоху Акбара, видимо, являлись главными городами области». В «Аин-и-Акбари» эти два названия приводятся как Деоти Саджари (прим. Филлотта).
- 26 У Бадауни приводятся некоторые подробности этого похода и говорится, что жена Хему переехала в Баджвара.
- 27 Удай Сингх, рожденный после смерти своего отца Рана Санга и упоминаемый в книге «Раджастхан» Тода. Из «Мират Сикандари», Бомбейская литография, с. 397, мы

узнаём, что Хаджи-хан с 5 000 всадников и 150 слонами направлялся к Гуджарату, когда раджа Читура с 40 000 кавалерии преградил ему путь. Он потребовал от Хаджи-хана 40 манов золота, лучшего слона Хату, а также танцовщицу Ранг Раи (*патра*), самую прекрасную из его женщин. Поскольку Хаджи-хан передвигался с семьей, он соглашался отдать золото и слона, но, услышав имя любимой женщины из своего гарема, пришел в ярость и решил скорее умереть, чем подчиниться. В сражении победа осталась за ним, и он направился в Паттан. Там и находился, когда убили Байрам-хана.

- 28 [О сражении Бабура с Рана Сангой (Санграм Сингхом) см.: Бабур-наме, 317 а — 325 а.]
- 29 Наиболее полное описание сражения Хаджи-хана с раджой приводится в книге Дорна «История Афганистана», аннотация к первой части, с. 108 и далее. Женщина там названа Раи Калапатар («танцовщица»).
- 30 [Мавлана Абд-ал-лах Султанпури упоминается Абу-л Фазлом в списке ученых людей времени под № 104. Был автором нескольких книг. Умер в 1582 г. в Гуджарате после возвращения из Мекки.]
- 31 Видимо, имеется в виду история, когда Махдум-ал-мулк зарыл сокровища, объявив, что то были трупы. В «Икбал-наме», в конце рассказа о втором годе [царствования Акбара], Мутамид-хан сообщает, что впоследствии Байрам-хан послал к Махдум-ал-муллу Хаджи Мухаммад-хана с извинениями и пожаловал ему *джагир* с доходом 10 000 рупий. Полную биографию Махдум-ал-мулка см. в «Дарбар-и-Акбари», с. 311.
- 32 Возможно, это *паргана* Джамари или Чамари, упоминаемая в «Аин-и-Акбари», II, с. 318, а также у Бадауни, пер. У. Лоу, с. 10. В «Табакат-и-Акбари», с. 393, сказано, что Чамиари является владением Ходжа Абд-аш-Шахида, внука Ходжа Ахрара.

К ГЛАВЕ 12

- 1 Хафиз. Изд. Брокгауза, с. 205, стих 282, строфа 7. [Намек на известную легенду о том, как Искандер Зулькарнаин (Александр Македонский) искал живую воду, дарующую бессмертие, в стране Мрака, но не обрел ее, несмотря на власть и богатство. Ее нашел и испил пророк Хизр.]
- 2 «Маасир-и-рахими», рукопись Азиатского общества Бенгалии, с. 304 б, приводит хронограмму, составленную мауланой Фарид-ад-дином из Дели: *Дар-и-дариййи саадат* (жемчужина благословенного океана), дающую 964 г.х.
- 3 [Абд-ар-Рахим после смерти отца находился под личным покровительством Акбара и достиг высокого положения при его Дворе. Подробнее о нем см. комментарии Г. Блохманна к Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 29.]
- 4 Находится в *саркаре* Бет Джаландхар Дуаб. «Имеет каменную крепость». Аин-и-Акбари, II. С. 316.

К ГЛАВЕ 13

- 1 Здесь явно ошибка Абу-л Фазла или его переписчиков. Год *илахи*, являясь солнечным, должен быть длиннее лунного года, так что первый и второй годы эры никак не могли начаться в один и тот же день того же самого месяца года хиджры. В «Табакат-и-Акбари» (Эллиот, V. 254) началом второго года является 9 джумада ал-аввал, и у Мутамид-хана, который обычно заимствует [данные у] Абу-л Фазла, в «Икбал-наме» также начало этого года приходится на джумада ал-аввал. [27 раби ас-сани 964 г.х. соответствует 28 февраля 1557 г. Следовательно, Навруз наступил 9 джумада ал-аввал — 11 марта 1557 г.]

- ² Это тот же Мангарх, что упоминается Бадауни (Дж. Ренкинг, с. 527) и описывается там как место, расположенное в пяти или шести *косах* от Бина (Бана). Манкот упоминается в «Аин-и-Акбари» (II. 321) как [город] в Речнау Дуаб.
- ³ Согласно «Тарихи-и-Дауди» (Эллиот, IV. 494) [крепостей было] пять. У каждой имелось свое название. Но в «Аин-и-Акбари» (II. 321) Абу-л Фазл говорит о четырех крепостях, как и здесь.
- ⁴ «Икбал-наме» несколько проясняет это утверждение, сообщая, что, в каких бы припасах ни возникала необходимость, их быстро доставляли.
- ⁵ *Тилв-и-ахкам*: *тилв* — это термин, применяемый в отношении верблюжонка или детеныша иного животного, следующего за матерью.
- ⁶ *Каман-и бар пештак-и-истикбар нихада* — идиоматическое выражение, которое есть в «Бахар-и-аджам». *Каман* также означает «лук», но здесь это слово, вероятно, означает «арка», т.е. «поместить свод над аркой». [*Пештак* — в мусульманской архитектуре портал, оформляющий главный вход. Обычно в виде прямоугольной плоскости, возвышающейся над зданием и несколько выступающей вперед, с вырезанной в ней глубокой аркой. Плоскость, обрамляющая арку, украшалась по периметру орнаментом или надписями — цитатами из Корана, памятными надписями и т.д. Пространство между надписями и аркой зачастую богато орнаментировалось. Например, медресе на Регистане в Самарканде, мавзолей Хумаюна в Дели и др.]
- ⁷ См. биографию в «Маасир-ал-умара» (II. 542). Я считаю это явным свидетельством того, что Адхам-хан был на несколько лет старше Акбара. Он вряд ли справился бы с воинами [противника], если бы ему не исполнилось уже по крайней мере 18 лет. [Адхам-хан имел чин *панджхазара* (командира пяти тысяч). В «Аин-и-Акбари» (I. Кн. 2, Аин 30) Абу-л Фазл поместил его под № 19.]
- ⁸ Это, вероятно, Шах Салу или Шапур, упомянутый Бадауни (Дж. Ренкинг, 619), и если это так, то его дочь была в гареме Хумаюна.
- ⁹ Вариант написания — Фарах Хусейн, в коем виде он и встречается в «Икбал-наме» Мутамид-хана. [Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 127].
- ¹⁰ *Дилха-баи*. Я не знаю этих слов; рукопись Британского музея, доп. № 26, 203, содержит слова *дилха пай дада буданд* — «их сердца были подавлены»; эта фраза означает «впасть в отчаяние», и думаю, что это наиболее вероятное ее прочтение. Однако фраза *дар баи дада* встречается в «Аин-и-Акбари» (текст фарси, II. 153, и пер. Г. Джарретта, III. 271, прим. 4). Отрывок там искажен, и потому смысл его неясен. Я подозреваю, что имеется в виду честный победитель, а не тот, кто использует зазубренные кости. Победитель, кто бы им ни стал, платит 10 % царю, а проигравший — 5 %; в таком случае *дар баи дад* означает, видимо, проигравшего. Слово *баи*, очевидно, индийское и происходит от санскритского *бахиа* или *вахиа* — «быть изгнанным». Это *баи* в рукописях Индийского ведомства, 235, 236.

К ГЛАВЕ 14

- ¹ *Назр* означает одновременно «обеты» и «подарки»; возможно, это намек на желание Мириам-макани представить Акбару его сестер.
- ² [Здесь аллюзия к астрологическому понятию «благословенное соединение» — *саад-и-Акбар*, т.е. соединение Юпитера и Венеры, символизируемое встречей Акбара и его матери.]
- ³ В тексте *Нухани*, однако я выбрал иной вариант. См.: Аин-и-Акбари, II. 403.
- ⁴ [Мубариз-хан был сыном младшего брата Шер-шаха Сура. После смерти Салим-хана Сура умертвил наследника и попытался узурпировать власть. Подробнее см.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. Гл. 57. С. 203–206.]

- ⁵ *Ил гарданиданд*. Это тюркское слово, означающее «послушный».
- ⁶ Бадауни описывает подробности этой победы. Пер. У. Лоу, с. 18.
- ⁷ Так написано в «Аин-и-Акбари», I [Кн. 2, Аин 30, комментарии Г. Блохманна к № 33. Кийя-хан Ганг]. В тексте же — Бахабал. Фиришта называет его Сухайл. См.: Эллиот, V. С. 167 и примечание.
- ⁸ Крепость взяли не ранее 966 г.х. (осень 1558 г.). См.: Акбар-наме, глава XIX.

К ГЛАВЕ 15

- ¹ Называемой также стеной Гога и Магога. [Коранические *йаджудж* и *маджудж*, дикие народы, живущие, согласно преданию, далеко на востоке и распространяющие нечестие. По мусульманской традиции, Искандер Зулькарнайн (Александр Македонский) построил огромную неприступную стену между двумя горами, которая преградила путь *йаджуджам* и *маджуджам* и защитила от них остальной мир. Этот мотив использован в поэмах Фирдоуси, Низами и др.]
- ² Также звался Хизр-хан. См.: Эллиот, V. 66. Битва произошла близ Чунара. И Фиришта, и Низам-ад-дин называют его Хизр-ханом. У Низам-ад-дина есть отдельная глава об Адали. Там сообщается, что Адали убил Мухаммад-хана Гаури (отца Хизра) близ Чаркатты (Чаппаргатта), в 15 *косах* от Калпи.
- ³ *Аз руи даулатхохи*. Полагаю, здесь не обошлось без иронии. Однако выражение *машар илаихи* — «вышеупомянутый» может относиться к Атка-хану, а не к Насир-ал-мулку.
- ⁴ В тексте — Танур. Гази-хан позднее поднял мятеж. [Упоминается в «Аин-и-Акбари», I. Кн. 2, в комментариях к № 49. Асаф-хан Абд-ал-Маджид.] У Бадауни (пер. У. Лоу, с. 11) он назван Сур.
- ⁵ [Билуч — белуджи (самоназвание — балуч), народ, проживающий на юге Пакистана, в провинциях Белуджистан и Синд. До настоящего времени частично сохраняет кочевой образ жизни.]
- ⁶ Эта фраза объясняется в «Икбал-наме», где сообщается, что Байрам забрал слонов под предлогом, что поручит их людям, которые сумеют выдрессировать их для Акбара, и отдаст их, как только они потребуются для войны или езды.
- ⁷ [О Султан Адаме Гхаккаре подробнее см.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 208–209. Прим. 5 к гл. 30.]
- ⁸ Возможно, этот Таймур-хан Джалаир упоминается далее. Бадауни (пер. У. Лоу, с. 13) упоминает о Махдум-ал-мулке как посреднике. Не исключено, что Абу-л Фазл опускает его имя вследствие разногласия. [Абу-л Фазл не включил его в свой список вельмож — Аин 30 (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2).]
- ⁹ Это Ману или Патанкот в Гурдаспуре, Пенджаб. См. повествование о радже Басу в «Маасир-ал-умара», II. 158, а также в «Аин-и-Акбари», II. 319. Местечко лежит недалеко от Кангры.
- ¹⁰ Это Хусейн-хан Тукрийя. См. «Calcutta review» за январь 1894 г. [Хусейн-хан Тукрийя был не только племянником, но и зятем Махди Касим-хана. Он покровительствовал Бадауни. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 53.]
- ¹¹ [О Махди Касим-хане см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 36.]
- ¹² [Брак был очень почетен, поскольку Салима Султан бегим являлась внучкой Бабура и двоюродной сестрой Акбара. В 968 г.х. (1561 г.), после смерти Байрам-хана, Акбар женился на ней.]

- 13 В примечании к тексту сказано, что в большинстве рукописей перед именем Махам Анаги стоит Бика или Бега. Не вызывает сомнения, что это слово следует добавить.
- 14 Баязид, 250 б, утверждает, что Нур-ад-дин являлся внуком Султан Хусейна Байкра [Байкара]. [Здесь, видимо, более важно то, что Нур-ад-дин был потомком Ходжа Баха-ад-дина Накшбанда (1318—1389 гг.), основателя духовного братства Накшбандийа, выделившегося из братства Ходжаган. Спустя некоторое время после его смерти в братстве складываются отдельные ветви, в том числе в Чаганиане община первого халифы Накшбанда и его зятя Ала-ад-дина Аттара (умер в 1420 г.), под началом его сына и второго зятя Накшбанда Хасана Аттара (умер в 1423 г.). Она получила название Алаийа. Поэтому заключенные браки были очень почетны.]
- 15 *Шукр*. Я полагаю, это относится к Паше, а не к Али Шукру, хотя слово *джадд* обычно мужского рода. Она приходилась матерью двоюродной бабушке Байрама, т.е. являлась сестрой Пир Али, прадеда Байрама. Это Паша-бегим из «Бабур-наме» [27 а, 28 а, 68 б]. Она была дочерью Али Шукра из [клана] Черной овцы [Кара Куйлук Бахарлу — Бабур-наме, 28 а]. Ее первым мужем стал Мухаммади мирза, сын Джахан Шаха, вторым — Султан Махмуд мирза, один из дядей Бабура со стороны отца. От него она родила сына и трех дочерей. Бабур сообщает о судьбе одной дочери; однако, что любопытно, ничего не говорит о двух других, а сразу переходит к подробному повествованию о пяти следующих дочерях его дяди, рожденных от другой жены (Папа Агаче). Возможно ли, чтобы Бабур женился на них обеих и ничего не упоминал о них, следуя своей обычной сдержанности в отношении собственных жен? Не вызывает сомнения, что он точно женился на одной из двух, а именно на Салихе Султан: об этом говорит «Маасир-ирахими», рукопись A.S.B., 281. Это, я полагаю, та самая женщина, что носит имя Дилдар бегим в «Бабур-наме» [«Хумаюн-наме»] — ибо, согласно названной рукописи, она приходилась матерью Гульранг. Там же сказано, что Гульранг вышла за Нур Мухаммада и стала матерью Салимы Султан, жены Байрама. Прочие источники называют Салиму дочерью Гульрух или Гульбарг. Блохманн предполагает, что Гульранг, Гульрух и Гульбарг были именами одной и той же женщины. Следует признать, что до сих пор не вполне ясно, кто родители Салимы, также неясна судьба Гульранг или Гульбарг. [В этой главе] Абу-л Фазл сообщает, что Бабур отдал свою дочь Гульбарг за Нур-ад-дин Мухаммада, который был *накибанди*, и она стала матерью Салимы. В другом месте, в I томе [см.: Абу-л Фазл. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 216], он говорит, что Нур-ад-дин мирза был женат на Гульранг бегим и являлся отцом Салимы. Эти два утверждения не противоречат друг другу, т.к. не сказано, что Гульранг приходилась Салиме матерью, и потому возможно, что у Бабура было две дочери, одна по имени Гульбарг или Гульрух, а другая Гульранг, и Нур-ад-дин женился на них обеих по очереди. Однако против этого говорит то обстоятельство, что Гульбадан не упоминает о дочери своего отца, которая носила бы имя Гульрух или Гульбарг. Следующая трудность: Абу-л Фазл сообщает, что Бабур выдал дочь за Нур-ад-дина, а Гульбадан утверждает, что он выдал Гульранг за Ишан Таймура. Незадолго до смерти Бабура мы находим Таймура в полном здравии в Синде, на службе у Хумаюна. Тогда получается, что либо брак с Ишаном так и не был заключен, либо Абу-л Фазл ошибается, утверждая, что Нур-ад-дин женился на Гульбарг еще при жизни Бабура, или же Гульранг и Гульбарг — разные лица. Если бы мы знали, когда родилась Салима, дело бы несколько прояснилось. Однако Джахангир говорит, что она умерла в 1021 г.х. [1612 г.] в возрасте 60 лет. Если это действительно так, то ей могло быть лишь 4 или 5 лет, когда Байрам женился на ней, и лишь два или три года, когда Хумаюн пообещал ее ему. Это очень сомнительно, и я, несмотря на рукопись, подозреваю, что Джахангиру следовало написать 80, а не 60. Кроме того, не исключено, что существовало два Нур-ад-дина, и тот, кто отдал дочь Байраму, — Шейх Нур-ад-дин, упомянутый в «Хабиб-ас-сияр», Бомбейская лито-

графия, II. 347, бывший братом Шейх Зайна и умерший на службе у Бабура в 928 г.х. [1522 г.]. В целом я склоняюсь к мнению, что у Бабура родилась одна дочь по имени Гульбарг или Гульрух и другая — по имени Гульранг, а Нур-ад-дин был женат на Гульбарг, ставшей матерью Салимы; возможно, после ее смерти он выдал замуж ее единокровную сестру Гульранг. Интересно отметить, что, хотя Гульбадан бегим не упоминает среди дочерей своего отца никого по имени Гульрух или Гульбарг, она говорит о Гулазар, дочери Гульрух, родной сестры Камрана и Аскари. Однако умалчивает о дальнейшей судьбе Гулазар, а поскольку имя означает то же, что и Гульрух, возможно, что эта женщина — та самая, которую Бабур отдал за Нур-ад-дина. Но против этого говорит то, что почти достоверно известно происхождение Салимы от Паша бегим, бывшей также прабабкой Байрама, ибо, по всей вероятности, этот общий предок являлся одной из причин брака. Но Салима не могла происходить от Паши, если ее матерью была Гулазар.

Как уже сказано, Нур-ад-дин принадлежал к ордену Накшбандийа. В «Хазина-ал-асфийа», I. 562, приводится биография его прапрадеда Ходжа Хасана Аттара. Там сказано, что Ходжа Хасан умер в 826 г.х. [1423 г.] и похоронен в Чаганиане (Хисар Шадман?). См. также «Сафина-ал-аулийя», 80, примечание об отце Ходжа Хасана Аттара — Ала-ад-дине Аттаре. Ходжа Хасан Аттар был зятем Ходжа Бузурга, то есть Ходжа Баха-ад-дина. Замечание Абу-л Фазла о подражании Хумаюна кажется неуместным. Хумаюн, вероятно, отдал Салиму за Байрама потому, что те являлись родственниками через Али Шукра, а не из-за браков, устроенных Султан Махмудом и Бабуром. Из «Маасир-и-рахими» также явствует, что Нагина Ханум, мать Байрама, происходила из рода ходжей Накшбанди.

Видимо, связи рода Накшбанди и царствующего Дома всеми признавались: ведь Мухаммад Хаким мирза отдал за Ходжа Накшбанди свою сестру, дочь Хумаюна Фахр-ан-нису, после смерти ее первого мужа Абу-л-маали.

К ГЛАВЕ 16

- ¹ [Здесь Г. Бевериджем использовано слово «космос» в противоположность «хаосу», по древнеиранским представлениям наступающему в конце каждого солнечного года. Навруз, отмечаемый в день весеннего равноденствия, символизирует восстановление порядка в природе.]
- ² В ряде рукописей стоит слово *сохта* вместо *сахта*, что предпочтительней. Таким образом, смысл заключается в том, что воздух наполнился ароматом горящего алоэ. Кимар — это мыс Коморин или какое-то место в Индии, где растет алоэ.
- ³ *Харвар* — букв. «груз ишака». [Распространенная на Востоке мера веса, равная грузу, поднимаемому ослом. Различна в разных местностях и равна 150–300 кг.]
- ⁴ То есть она придала оттенок печали, дабы защитить от злого глаза.
- ⁵ Он приходился родственником Тардибеку и был поэтом. Присоединился к мятежу Али Кули Хан Замана и по этой причине, вероятно, упоминается в «Аин-и-Акбари». Бадауни приводит длинный отрывок из его poem (III. 223), а также высоко оценивает его музыкальный талант. Он тот самый Ханджари Турк, о смерти которого сообщает в 999 г.х. (1591 г.) Бадауни (пер. У. Лоу, 387).
- ⁶ [Речь идет о Шах Кули Махраме Бахарлу. Подробнее о нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 45.]
- ⁷ Крепость в Джодхпуре. Упоминается: Аин-и-Акбари, II. 276; I. 389.
[Современный Джайтаран, город в дистрикте Пали, штат Раджастан, Индия. Расположен в 40 км к востоку от Джодхпура.]

К ГЛАВЕ 17

- ¹ См. у Бадауни (пер. У. Лоу, 13) полный рассказ и описание судьбы Шахама.
- ² Упоминается Сиди Али [Рейсом], 50, и описывается как прекрасный молодой человек. Он также присоединился к Хан Заману, был затем схвачен и казнен.
- ³ В «Раузат-ат-Тахирин» Тахир Мухаммада сказано, что Хан Заман отдал Шахам беку почетное платье, которое Акбар прислал ему самому.
- ⁴ Есть вариант Бидаки, и в этой форме слово приведено у Мутаид-хана.
- ⁵ В этой жестокой шутке нет особого смысла, и Бадауни справедливо характеризует ее как пример жестокосердия Пир Мухаммада. Возможно, она показывает контраст между огромной башней и маленьким человеком (*мардак*), лежащим у ее основания и разбившимся на мелкие части (*хурдгаш* у Бадауни).
- ⁶ [Мусахиб бек вместе с некоторыми другими военачальниками Хумаюна подстрекал к мятежу мирзу Камрана и сообщал ему сведения о состоянии войск Хумаюна. См.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме, Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 150–152.]
- ⁷ *Кадмгах*. Полагаю, это означает лишь его жилище, букв. «место его стопы», однако слово значит и «личный». Также возможно, что имеется в виду место в Дели, где находится отпечаток стопы Пророка. Подобный Кадм Шариф описан в «Асар Санадид» Сайид Ахмада, с. 92. Построен во время [правления] Фируз шаха, в 709 г.х. (1310 г.); находился напротив Пурана Килы.
- ⁸ В издании Лакхнау сказано, что их [листы] поместили в мяч и затем открыли. У Мутаид-хана говорится, что их положили под *такийахнамад* и исполнили то, что было вложено в мяч, выгащенный первым. [Такийанамад (перс.) — войлок, войлочный ковер, кошма.]
- ⁹ Имя «Падшах Кули» было принято Джалал-ад-дином, чтобы показать его абсолютную преданность Хумаюну. [Подробнее о Ходжа Джалал-ад-дин Махмуде Буджукке см.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. Прим. 2 к гл. 33; Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 65.]

К ГЛАВЕ 18

- ¹ [В I томе «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл посвятил слонам 8 Аинов — с 41-го по 48-й, где дал подробные описания, начиная от устройства слоновников и заканчивая питанием слонов разных разрядов.]
- ² Абу-л Фазл имеет в виду, что Аллах сделал власть Акбара над слонами средством продемонстрировать невеждам истинное могущество царя и тем удержать их от злоупотребления его беззаботностью и разрушить их вероломство.
- ³ Это ирония: утки теперь увидели, что в гадком утенке что-то есть.
- ⁴ [*Маст* — «полнокровный, безумный, взбешенный» — название первого из семи разрядов слонов по классификации Акбара. Для них было определено максимальное количество слуг при наивысшей зарплате в этой отрасли хозяйства, а также лучшее, чем у других слонов, питание. Слоны этой категории были наиболее сильными, упорными, легковозбудимыми и потому считались наилучшими в бою. При этом обратной стороной их возбудимости была сложность в управлении, поскольку, войдя в состояние *маст*, они часто отказывались подчиняться погонщикам. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1, Аин 42. Классификация императорских слонов; Аин 44. Слуги в слоновнике.]
- ⁵ [Лев Аллаха — Асад-Аллах — один из эпитетов Али бин Абу Талиба (умер 21 января 661 г.), двоюродного брата пророка Мухаммада и его ближайшего сподвижника, четвертого праведного халифа. В исламской традиции Али почитается как образец набожности, отваги и благородства.]

- ⁶ [Бхои — служитель в слоновнике, который должен сидеть на слоне сзади и помогать во время сражения, заставляя животное двигаться быстрее. Как подчеркивает Абу-л Фазл, «он часто выполняет обязанности *махавата* — погонщика, который сидит на шее животного и управляет его движениями. Он должен быть знаком с его хорошими и плохими качествами и тем способствовать выявлению его полезных качеств». См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1, Аин 44. Слуги в слоновнике.]
- ⁷ [Вот как слово *калава* разъясняет сам Абу-л Фазл: «*Калава* состоит из нескольких скрученных веревок длиной примерно в полтора *газа*. Они уложены одна рядом с другой, но не переплетаются между собой, толщина их примерно 8 пальцев. Сквозь оба конца продвигается кольцо и закрепляется там, где глотка у слона. Погонщик ставит свои ноги на нее и сидит устойчиво. Иногда она делается из шелка или кожи. Другие прикрепляют к *калаве* маленькие острые железные выступы, которые не позволяют буйному слону сбросить седока, когда он трясет головой». См.: Аин-и Акбари, I. Кн. 1, Аин 45. Упряжь для слонов.]
- ⁸ Слово *фил* (перс.) — слон; раньше обозначало в шахматах ладью, теперь же означает слона.
- ⁹ [Ходжа (перс.) — хозяин, господин — почетное прозвище и обращение, имеющее различное значение в зависимости от региона. В Центральной Азии *ходжами* называли людей, которые вели происхождение от четырех праведных халифов — Абу Бакра, Умара, Усмана и Али. Также добавлялось к имени членами суфийского братства Ходжаган. Здесь вероятнее обозначение членов суфийского братства Накшбандийа, которое выделилось из Ходжаган, и поэтому члены его сохранили право на приставку Ходжа к имени, например Ходжа Ахрар, Ходжа Дост Хованд и др.]
- ¹⁰ Аин-и-Акбари, II. 320. См. «Табакат-и-Акбари», с. 393, где Чамиари, расположенный неподалеку, назван наделом Ходжи.
- ¹¹ Город в Кашмире, однако он был под властью раджпутского рода, владения которого простирались до Сиалкота. Талунди же находился неподалеку от Джамму, об этом см.: Аин-и-Акбари, II. 320 и примечание.

К ГЛАВЕ 19

- ¹ [Мийана — афганское племя, пришедшее на территорию Индии во времена Делийского султаната. Занимало отдельные территории современного штата Раджастан, Индия.]
- ² Сарандж. [Варианты — Сарондж, Сирондж. Упомянут Абу-л Фазлом среди городов, где располагались монетные дворы, чеканившие медные монеты. Аин-и-Акбари, I. Кн. 1, Аин 10.]
- ³ Аин-и-Акбари, II. 202. Находился в *саркаре* Чандери. [В комментариях к «Аин-и-Акбари» Г. Блохманн различает, кроме Фатехпур Сикри, еще два Фатхпура: деревню в 10–12 милях юго-восточнее Кары и Фатхпур Хансва (Хусва).]
- ⁴ Аин-и-Акбари, II. 167–168; то же в I. С. 390, 320. Кара, как мне представляется, должен писаться Карра. В некоторых рукописях Фатехпур Хансва описан как один город.
- ⁵ [Бхадаурия (от Бхадавар) — важный раджпутский клан, который Дж. Тод относил к *куле* Чаухан. Основанный в 790 г. раджей Чандрапалом Девом, клан назван по имени его сына раджи Бхадо Рао, который построил столицу Бхадауру. После того как раджа Шалиа Дев (1194–1208 гг.) умер в сражении с Кутб-уд-дином Айбаком, первым султаном Дели, его внук Райджу Раута (1230–1262 гг.) восстановил правление рода в Хатканте. Главные крепости его располагались вблизи Гвалиора.]
- ⁶ Как отмечено в комментариях Г. Блохманна к «Аин-и-Акбари», I. 409, в «Маасир-и-рахими», II. 535, указывается, что эта версия отлична от версии Алам-араи.

К ГЛАВЕ 20

- ¹ В «Табакат-и-Акбари» значится пятница.
- ² Это игра слов. Абу-л Фазл обыгрывает двойное значение слова Акбар [в значении «великий» и имени]: отсюда великий свет и свет Акбара.
- ³ *Джалва*, хотя, скорее всего, это должно быть *джалви*, что означает «поступь» и употребляется по отношению к куропатке, которая известна изяществом движений.
- ⁴ [Здесь аллюзия к свойствам, характеризующим 4 основные стихии, противоположные по характеристикам.]
- ⁵ *Аксун* — черный атлас, который носили принцы. [Аксамит — шелковая ткань высшего качества различных цветов. Упоминается в «Слове о полку Игореве» (XII в.) и грамотах XV в. Привозились из Византии. Позднее, с XVII в. аксамитом стали называть парчовые ткани.]
- ⁶ *Муסיкар* — это имя мифической (?) птицы с пористым клювом. См. те же гиперболы в т. I. [Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 26.]
- ⁷ Согласно изданию Лакхнау, нарцисс обычно сравнивают с полузакрытым глазом, а в данном случае чудо позволяет ему полностью раскрыться.
- ⁸ Слово *шигуфа*, вероятно, служит для обозначения любого белого цветка.
- ⁹ В списке цветов, приводимом в «Аин-и-Акбари», гиацинт (*самбал*) описан как цветок темно-красного цвета.
- ¹⁰ Имеется в виду форма цветка.
- ¹¹ [Ризван (Резван) — в мусульманской мифологии привратник рая.]
- ¹² Лепестки лилии сравниваются с языками.
- ¹³ Это Ибрахим Сур. Победы Али Кули-хана описаны Бадауни (пер. У. Лоу, 18). Он был казнен в 975 г.х. (1567 г.).
- ¹⁴ *Беджанг*, но, скорее всего, это *ба джанг*, см.: Эллиот (V. 259) и Бадауни (пер. У. Лоу, 18). У Бадауни афганец Султан Бахадур представлен как враг.
- ¹⁵ *Паргана* в районе Файзабада, в области Ауд.
- ¹⁶ [Таваиф — это явление в мусульманском мире можно сравнить скорее с греческими гетерами, чем с проститутками в европейском понимании. Образованность, умение слагать стихи, петь, играть на музыкальных инструментах считались обязательными для них. В то же время шариат строго порицал подобный род занятий и считал женитьбу на таваиф допустимой лишь для бедняков, которые не могут уплатить выкупа и взять жену из порядочной семьи.]
- ¹⁷ [После замужества таваиф обретала статус порядочной женщины, и отдать ее другому считалось преступлением. Хотя если официальная формула развода прозвучала, женщина считалась незамужней и могла выходить замуж, но не ранее чем через три месяца. Очевидно, в описываемом случае эта процедура, как и процедура бракосочетания, не была соблюдена.]
- ¹⁸ *Фарохи дад*. За этим следует фраза *бахами кадр*, что означает, я думаю, «за ту же цену» и является метафорой. А слова «правильный поступок» относятся к убийству Шахама.
- ¹⁹ *Каиф маиттифак азубавхаир амид*.
- ²⁰ История о Шахам беке и Арам Джан подробно изложена Бадауни (пер. У. Лоу, 13), однако приведенная им хронограмма содержит неверную дату. Правильной датой будет 966 г.х.
- ²¹ Он упомянут в «Акбар-наме» как Баки Мухаммад. [См. Акбар-наме, I, с. 146. В список вельмож в «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл его не включил.]

- ²² В тексте Баклати, но вариант Баклан абсолютно верен. Это район к юго-востоку от Балха и к югу от Кундуза. [Совр. Баглан — город на реке Кундуз, центр одноименной провинции Афганистана.]

К ГЛАВЕ 21

- ¹ [Крепость] в Гуджарате; Фатх-хан находился на службе у правителя Гуджарата.
- ² [Развалины крепости, построенной в X в., расположены в 13 км к северу от г. Саваи Мадхопур, на территории Национального парка Ранхамбор.]
- ³ У Бадауни (пер. У. Лоу, с. 25) эта история излагается по-другому, и там он назван Джаджхар Санграм. Низам-ад-дин именует его Хаджи. Эллиот, V. С. 260.
- ⁴ Гуджаратские быки были и остаются знаменитыми по сей день. [В «Аин-и-Акбари», I. Кн. 1, Абу-л Фазл писал: «Хотя каждая область империи производит рогатый скот различных видов, гуджаратский считается наилучшим. Иногда пара коров продается за 100 *мухуров*. Они могут пройти 80 *косов* (120 миль) за 24 часа и превзойти даже быстрых лошадей». См.: Аин 66. *Гав-хана* (или Коровники).]
- ⁵ Видимо, разговор происходил после возвращения шейха из Агры, где Байрам-хан встретил его холодно.
- ⁶ *Чизе бабахан ан надада*, букв. «ничего не дал в качестве платы», однако я полагаю, фраза означает, что Акбар проигнорировал претензии шейха. Вопреки трактовке в издании Лакхнау, не думаю, что это значит, будто Акбар ничего не дал взамен быков.
- ⁷ Короткие рукава являются признаком аскетизма.
- ⁸ [Шейх Бахлул упомянут шестнадцатым в I томе «Акбар-наме» среди военачальников, сопровождавших Хумаюна в изгнание. См.: Акбар-наме, I. Кн. 2. С. 66.]
- ⁹ [Божественные имена, или «прекрасные имена Аллаха» — *ал-асма ал-хусна* — 99 упомянутых в Коране имен Аллаха, которые описывают его качества. Написанные на чем-либо, часто использовались в мусульманской магии в качестве оберега.]
- ¹⁰ О Мухаммаде Гаусе много рассказывается у Бадауни (пер. У. Лоу, с. 28) и в «Акбар-наме», III. 4, «Bibliotheca Indica». Как указывает автор «Дарбар-и-Акбари», длинный рассказ о беседе между Акбаром и шейхом содержится также в «Икбал-наме». Согласно ему Мухаммад Гаус является автором «Джавахиру-хамсах». Трактат шейха, показанный Гадаи Байраму, описан у Бадауни (пер. У. Лоу, с. 28). Великолепная гробница шейха в Гвалиоре пользуется широкой известностью. [Умер в 970 г.х. (1563 г.) в Агре, но захоронен в Гвалиоре.]
- ¹¹ Сири, ныне Шахпур, расположен в Старом Дели и был основан Ала-ад-дином [Хильджи]. Однако в тексте, без сомнения, ошибка. Сири едва ли являлся городом, а Дели расположен вдали от путей из Агры на Мальву. Верным будет, скорее, вариант Сеопури — это город в Гвалиоре. Либо же это может быть Сеорха в Банделькханде. В некоторых рукописях стоит Сипри.

К ГЛАВЕ 22

- ¹ *Урфи*. Я не совсем уверен, что подразумевается под этим словом. Однако, возможно, Абу-л Фазл имеет в виду, что этот день называется понедельником в просторечии. [В мусульманской традиции начало дня отсчитывается от захода солнца, а не от полуночи, как в европейской. К тому же 13 джумада ал-ахира 967 г.х. действительно был понедельник, но не 12, а 11 марта 1560 г.]
- ² *Сир-и-залфра хам зада*. Это может также обозначать «удостоил косым или мрачным взглядом или жестом». Но я считаю, что здесь фраза употребляется в буквальном

значении «закрутить» и связана по смыслу с завязыванием узла, о котором говорится в следующей строке.

- 3 [Франколин — турач, птица семейства фазановых. Длина тела около 35 см. Обитает на территории от острова Кипр и Малой Азии до северо-восточной части Индостана (в том числе в восточной части Закавказья и на юго-западе Туркмении).]

К ГЛАВЕ 23

- 1 Он был женат на сестре Байрам-хана. [Вали бек Зулкадр несколько раз упоминается Абу-л Фазлом в I томе «Акбар-наме». Так, он подарил Акбару первого его охотничьего гепарда (*читу*), пробудив интерес к охоте. См.: Акбар-наме, I. Кн. 2. С. 217.]
- 2 [Самум (араб.) — название сухого горячего ветра, неожиданно налетающего в пустынях Аравийского полуострова и Африки и часто сопровождающегося песчаными бурями.]
- 3 В «Падшах-наме» (издание «Bibliotheca Indica», ред. I, 347) содержится рассказ о его племяннике Хакиме садре. Там же мы узнаём, что Хаким Замбил, или Замбил бек, прибыл из Вилаята (Персии) в самом начале правления Акбара и являлся потомком Харитха, друга Мухаммада. [В списке вельмож Двора Абу-л Фазл называет Хакима Занбила братом Мирза Мухаммад Табиба из Сабзавара (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 150) и включает его также в число врачей Двора.]
- 4 [Сын Камрана мирзы Абу-л Касим (или Ибрахим) упомянут в «Акбар-наме» ранее, в рассказе о детстве Акбара. См.: Акбар-наме, I. Кн. 2. С. 70–71.]
- 5 Ранее относился к району Агры, а ныне к Эте. [Джалесар сегодня — небольшой город в дистрикте Эта штата Уттар Прадеш, Индия.]
- 6 Сикандра Рао в Алигархе. Вероятно, Акбар рассказал Абу-л Фазлу именно об этой экспедиции. [Сикандра Рао расположен в дистрикте Хатра штата Уттар Прадеш, Индия.]
- 7 Ранее относился к Алигарху, а ныне к Буландшахру, в 30 милях к северу от Алигарха. [Современное название — Кхурджа, дистрикт Буландшахр штата Уттар Прадеш, Индия.]
- 8 В районе Шахпур в Пенджабе. Городок расположен на левом берегу реки Джелам. [Современный Пакистан.]
- 9 Будучи старшим братом Шамс-ад-дина, он был известен как поэт и человек действия. Бадауни, III. 287. Умер в 983 г.х. (1575–1576 гг.), «Тарих-и-Акбари», 381. [Хан-и Калан Мир Мухаммад включен Абу-л Фазлом в список вельмож Двора под № 16 (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30).]
- 10 [Тумантог — вид знамени, третий по значению. Даровался как знак высокого ранга только особо приближенным вельможам, занимавшим высшие должности в государстве. Подробнее см.: Аин-и-Акбари. Аин 19. Высочайшие регалии // Акбар-наме, I. Кн. 2. С. 323–325.]

К ГЛАВЕ 24

- 1 То есть он подумал о возведении на престол этого принца, сына Камрана и двоюродного брата Акбара.
- 2 [Дурбаш — возглас, означающий «удались», «отступи», который выкрикивали бежавшие перед царственной процессией особые слуги — *джарчи*.]
- 3 [Здесь обычная игра слов, основанная на их созвучии при разном написании.]
- 4 Абд-ар-Рахман, сын Искандара (Сикандара). Танур — это, возможно, Танвар, что означает «тучный» и «дородный».

- 5 Имеются в виду шейх Гадаи, Вали бек [Зулкадр] и другие.
- 6 Необязательно в Мекку. Байрам приготовил чрезвычайно дорогое знамя для Мешхеда. См. Бадауни (пер. У. Лоу, 35).
- 7 *Арияти* — заимствованное или придуманное слово, означающее «искусственные волосы».
- 8 Баязид (75 а) называет Кийя бека Джуана, который и являлся этим Кийя-ханом, родственником Махам Анаги. Бек — это тюркский титул, так что это и другие свидетельства указывают на то, что Махам Анага происходила из тюрков. Ее часто называли Беги. Шихаб-ад-дин, иранец из Нишапура, также был родственником Махам Анаги, но лишь через брак. Бахадур — узбек, а узбеки относятся к тюркам.

К ГЛАВЕ 25

- 1 Расположен в районе Рохтака. [Дхаджхар — город в дистрикте Рохтак штата Харьяна, Индия.]
- 2 Низам-ад-дин («Табакат-и-Акбари», 623) в своей главе о Кашмире рассказывает, что Абу-л-маали с цепями на лодыжках был вынесен на плечах Юсуфом. Фиришта добавляет, что он уладил дела с Камалом Гхаккаром и решил в подражание Хайдару мирзе завоевать Кашмир. Поход состоялся в 965 г.х. (1558 г.)
- 3 Древний Раджапури. [Раджаури — центр дистрикта Раджаури штата Джамму и Кашмир, Индия.]
- 4 Как Низам-ад-дин, так и Фиришта сообщают подробности об этом князе в своих исторических трудах о Кашмире. Они описывают поход Абу-л-маали. См.: «Табакат-и-Акбари» (623) или Фиришта (361).
- 5 Он был *вакилом* Хайдар мирзы. Смотри «Тарих-и-рашиди». [Ходжа Хаджи был доверенным лицом мирзы Мухаммад Хайдара Дуглата, автора «Тарих-и-рашиди». Тем не менее традиция называет Ходжа Хаджи в числе виновников гибели мирзы в Кашмире в 1551 г.]
- 6 [Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат в рассказе о Кашмире упоминает нескольких маликов из рода Чак (Джак): Каджи Чак, Боки Чак, Йак Чак (Рики Чак). См.: Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и-рашиди. Ташкент: Фан, 1996. С. 550.]
- 7 Эти имена сомнительны. [В «Тарих-и-рашиди» (с. 550) упомянут Лаухар (Лохар) Макри. Возможно, речь идет о нем.]
- 8 Возможно, Хаварпара (Джарретт, II. 359, 369). Доктор Штайн любезно сообщил мне, что Хавара — это небольшая дорога под Барамулой на левом берегу Джелама, а Паттан — это Патан. [Другое написание — Кхавара.]
- 9 Я не знаю значения этого слова.
- 10 Низам-ад-дин называет этого героя *моголом*. Он пишет, что тот отдал своего коня Абу-л-маали. Он и Фиришта отмечают интересный факт, что Гази-хан после своей победы умертвил всех захваченных *моголов*, за исключением Хафиза Хабши, чтеца Хумаюна, пощадив последнего за его ораторское искусство.
- 11 Низам-ад-дин и Бадауни говорят, что Абу-л-маали хотел обнять (или приветствовать) Акбара не спешиваясь. Это более правдоподобно, чем то, что он собирался сделать *корниш* [особый поклон], о котором сообщает Абу-л Фазл. Маловероятно, что он смог бы сделать это верхом. Выехать навстречу Акбару на лошади уже было большой бесцеремонностью. В главе 45 тома I «Акбар-наме» Абу-л Фазл рассказывает, что Хиндал был удостоен большой чести приближаться к Хумаюну не спешиваясь [См.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 129].

К ГЛАВЕ 26

- ¹ [Речь идет о месяце ардибихишт — с 11 апреля по 12 мая.]
- ² [Судьба сыновей Вали бека Зулкадра показательна. Она свидетельствует, что Акбар никогда не переносил грехи отцов на их детей. И сыновья Вали бека, поддержавшего мятеж Байрам-хана, занимали впоследствии высокие посты: Хусейн Кули — командира пяти тысяч, Исмаил Кули — командира трех с половиной тысяч. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 24, 46.]

К ГЛАВЕ 27

- ¹ Хафи-хан (I. 146) сообщает, что он был родственником Хан Замана. [Дервиш (Дарвеш) Мухаммад Узбек. Впоследствии прощен Акбаром и даже получил чин командира двух с половиной тысяч. Умер в 1001 г.х. (1593 г.). См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 81.]

К ГЛАВЕ 28

- ¹ [Шейх Гадаи, шиит, назначенный по рекомендации Байрам-хана, исполнял обязанности *садра* до 968 г.х. (1561 г.). Его деятельность Бадауни характеризует так: «Шейх Гадаи упразднил земли *мадад-и-маш*, и отменил права наследования *ханзада* (афганцев), и отдавал *суйургал* любому, кто согласен унижаться, но не иначе». Бадауни, пер. У. Лоу, 29.] У него был и брат Абдул, умерший в 959 г.х. [1551 г.]
- ² О *садрах* см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 19, примечания Г. Блохманна. О печатях см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 12. [Должность и титул *садра*, особенно до Моголов, были очень высоки. Именно *садр*, или, как его именовали, *садр-и джахан*, своим эдиктом узаконивал *джулус*, или восшествие на престол, нового царя. Во времена правления Акбара, особенно в первые годы, он также являлся четвертым по важности чиновником империи. Их власть была огромна. Они считались высшими правоохранителями, распоряжались всеми землями без ведома монарха, подаренными (*вакф*) духовенству и светским властным органам, и обладали почти неограниченным правом над этими землями. Они были также верховными духовными законодателями и могли выносить приговоры, наказывая за «ересь». Но Акбар впоследствии полностью подорвал власть *садра*, ограничив их компетенцию только вопросами веры и провозгласив себя высшим авторитетом во всем.]
- ³ [*Таслим* — приветствие, в исламе — произнесение обязательных слов: «Мир тебе, о Пророк, милость Аллаха и Его благословение. Мир нам и праведным рабам Аллаха. Мир вам, милость Аллаха и Его благодать», завершающих молитву. В данном случае имеется в виду произнесение приветствия в адрес правителя.]
- ⁴ Отец Гадаи был поэтом и имел высокую должность в Дели, но все из [рода] Камба [Камбу] являлись по происхождению индусами, и поэтому *сайиды* смотрели на них свысока. Кроме того, Гадаи был шиит.
- ⁵ См. выше об Абу-л-маали. В издании Лакхнау отмечено, что этой чести был удостоен Байрам, однако, видимо, шейх Гадаи получил столь высокую должность, что имел теперь право приветствовать [Акбара], сидя на коне или в паланкине. [В тексте «Акбар-наме» и у Бадауни нет указаний на то, что должность *садра* давала такие привилегии. Поэтому очевидно, что подобное поведение шейха Гадаи являлось дерзостью.]
- ⁶ [Ходжа Тахир Мухаммад, он же Татар-хан из Хорасана. Умер в 986 г.х. (1578 г.). Включен Абу-л Фазлом в список вельмож под № 111. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30.]
- ⁷ Ланг — это, видимо, племя. Несколько раз встречается в списке Баязида.

- ⁸ *Дамад*. Хороший пример того, что это слово в персидском необязательно означает «зять». Вали бек был женат на сестре Байрама.
- ⁹ Я думаю, это не тот Мирза Кули, который упоминается в «Аин-и-Акбари», I. 385. [На указанной Бевериджем странице упомянуты Мирза Кули и Мирза Кули Джалаир. Непонятно, кого из них он имеет в виду. См.: Акбар-наме, I. Кн. 2. С. 101.]
- ¹⁰ Сравни с «Бабур-наме» [29 а], где о Хусрау шахе сказано, что у него не хватит духа напасть и на цыпленка. Видимо, это тот самый военачальник, который позже так прославился под именем Хан Джахана, см. «Аин-и-Акбари», I. 329. Презрительное выражение в его адрес относится к его ранней молодости. Его возраст составлял не более 18 лет, когда Байрам выдвинул его, поскольку Баязид (71 а) сообщает, что в конце 960 г.х. [1554 г.] ему было между 10 и 11 годами.
- ¹¹ Этот стих Абу-л Макарам процитировал Шейбани в знак сожаления о собственной глупости. См.: Хабиб-ус-сийар «Бабур-наме», пер. Эрсина, с. 125, и Вамбери А. «История Бухары», где замечание приписывается Ходжа Яхье из-за ошибочного предположения, что он и был Абу-л Макарам. [В тексте «Бабур-наме» в переводе М.А. Салье подобного стиха нет.]
- ¹² [О Карача-хане и происхождении прозвища Кара Бахт см.: Акбар-наме, I. Кн. 2. С. 124–126.]
- ¹³ В Сирхинде. Согласно «Лабб-ат-таварих» ныне она носит имя Битхандах, в «Аин-и-Акбари», II. 295 — Бхатандах. Однако в *саркаре* Сирхинд это место расположено гораздо южнее и теперь, мне кажется, находится в районе Сирса в Пенджабе. [Город Табархинд получил название Бхатинда после завоевания Пенджаба Гуридами. Сейчас носит название Батхинда, центр одноименного дистрикта штата Пенджаб, Индия.]
- ¹⁴ Приемный сын Байрама. Возможно, свое имя Дивана он получил из-за поднятого впоследствии мятежа. Рассказ о нем и его смерти см. в «Акбар-наме», II. 263. [Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 4. Самара: Агни, 2009. С. 99.] Там Абу-л Фазл сообщает, что Акбар с отвращением отнесся к совершённом им предательству Байрама. [Шер Мухаммад Дивана вначале служил у Ходжа Муаззама, брата матери Акбара. Захватив имущество, оставленное ему Байрам-ханом на хранение, он отправился ко Двору Акбара и привез туда семью Байрам-хана в знак собственной лояльности. Но это не помогло ему достичь высокого положения. Шер Мухаммад Дивана даже не включен Абу-л Фазлом в список вельмож Двора.]
- ¹⁵ У Фиришты — Бхатинда.
- ¹⁶ Согласно Фириште он находился в Дипалпуре. В «Воспоминаниях» Баязида (99 а) мы находим, что Музаффар Али содержался под стражей в доме Дарвеш Мухаммада в Дели и был освобожден Акбаром по заступничеству Афзал-хана (Ходжа Султан Али) и Муним-хана. См. журнал Азиатского общества Бенгалии за 1898 год. Музаффар там назван *диваном* Байрама.
- ¹⁷ В «Аин-и-Акбари» (II. 295) о Тарахе сказано: «Имеет выложенную из кирпича крепость».

К ГЛАВЕ 29

- ¹ «Маасир-и-рахими», I. 77. В моей рукописи «Акбар-наме» есть краткий рассказ об Асаф-хане, вставленный в качестве отрывка текста. Там сказано, что он воспитывался в Герате, в Кандагаре служил у мирзы Аскари, после чего поступил на службу к Хумаюну. Низам-ад-дин и Бадауни утверждают, что Асафу был отдан на попечение Хусейн Кули, однако во всех рукописях и в самом тексте «Акбар-наме» стоит Адхам-хан. [Подробнее о Ходжа Абд-ал-Маджиде см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 49.]

- ² Отсутствует в списке махалов Бет Джаландхара, приводимом в «Аин-и-Акбари», II. 316 (пер. Г. Джарретта); в моей рукописи «Аин-и-Акбари» стоит Дакха, или Дикха. В «Хуласат Таварих» написано Дардак, что является *парганой* в Бет Джаландхаре. [Дикдар-Дардак в списках современных населенных пунктов Пенджаба отсутствует.]
- ³ Не отмечен. У Бадауни — Филаур, известное местечко к юго-востоку от Джаландхара. Блохманн утверждает, что верным названием будет Гуначур, и лежит это местечко к юго-востоку от Джаландхара. [Гуначур — деревня в дистрикте Навашахр штата Пенджаб, Индия. Филаур — центр одноименного дистрикта в том же штате.]
- ⁴ В тексте, видимо, ошибка. Возможно, правильным прочтением будет Сабз Малих. Имя «Сабз» представляется вполне возможным и дважды встречается в «Акбар-наме» (III. 154). Слово «Талх» в тексте может быть ошибочно употреблено вместо «Тулакар».
- ⁵ Это соответствует 1 зу-ль-хиджжа, но, видимо, Абу-л Фазл не был уверен в дате.
- ⁶ *Тахт-раван*, походный паланкин; видимо, означает, что это был верховой слон Байрама. В «Дарбар-и-Акбари», с. 187, сказано, что Байрам ехал верхом на [этом] слоне, хотя может подразумеваться и слон, идущий сразу вслед за тем. Слон, возможно, звался *Тахт-раван*, а Байрам находился позади линии слонов.
- ⁷ *Шалипайя*. *Шали* — осенний рис белого цвета, произрастающий в глубокой воде. То же, что *аман* в Бенгалии. В «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл называет его *шали маш кин*, так как Абу-л Фазл (I. 299) говорит, что рис очень бел (*бас сафед*) и ароматен. В «Аин-и-Акбари» (I. 389; II. 122) используется слово *шали* для описания бенгальского сорта риса, растущего так же быстро, как поднимается вода.
- ⁸ *Джамджам*. В «Икбал-наме» сказано, что ноги слонов увязают в засасывающей трясине (*джамджам убар*).
- ⁹ Это Хусейн-хан Тукрийя, друг Бадауни. См. Бадауни (пер. У. Лоу, с. 35): там сказано, что его рана была нанесена мечом. Он ослеп лишь на время.
- ¹⁰ *Табият* и *фитрат*. В «Аин-и-Акбари», III. 403, в примечании говорится: «Разница между [этими понятиями] заключается в том, что первое означает сущностную природу отдельного человека, последнее же — накладывающиеся поверх второстепенные свойства характера, более подвластные его контролю». Я полагаю, что автор имеет в виду здесь различие своих чувств и рассудка. Рассудок говорит ему, что он вполне искренен и непредвзят в отношении милостей Акбара, но чувства предостерегают, что ему лучше подавить свои сантименты из-за опасности быть заподозренным в низкопоклонстве. [*Табият* — букв. «природа»; «качества, данные человеку от природы»: сложение, цвет волос и глаз, характер и т.д. *Фитрат* — в коранической традиции особые, изначально заложенные Аллахом в человеке качества, для реализации которых не требуется приобретения знаний.]
- ¹¹ В «Табакат-и-Акбари» и у Бадауни сказано, что Муним-хан присоединился к царю в Лудхиане.
- ¹² *Хвеш*. Слово часто означает «зять». Здесь означает «сын сестры».
- ¹³ В тексте *Барр*, однако верен вариант *Бахр*. [Касим-хан носил титул *мир барр-у-бахр*, занимая, таким образом, две высокие должности — Главного управителя царских лесов и Верховного интенданта состояния гаваней и адмирала.]
- ¹⁴ *Марис* означает «больной». Возможно, это Падшах Ходжа, «Аин-и-Акбари», I. 459. [Вряд ли речь идет о Падшах Ходже, которого Акбар за храбрость называл Шер Ходжой. Он происходил из рода сайидов Этавы. Служил при Акбаре, затем при Джахангире и Шах Джахане. Умер в 1037 г.х. (1628 г.).]

- 15 Он был садром во времена Хумаюна. [Абд-ал-Баки не только занимал при Хумаюне должность садра, но и пользовался его доверием во многих сложных делах. Подробнее см.: Акбар-наме, I. Кн. 2. С. 133, 161 и др.]
- 16 Он дважды упоминался в I томе, первоначально был слугой Камрана. [Сложно сказать, кого имеет в виду Абу-л Фазл: Паянда Мухаммада Вайси или Паянда Мухаммад-хана Могола.]
- 17 Он был сыном Карачи-хана.
- 18 Слово арабского происхождения и означает какой-либо ценный наряд. Форма *даку* отсутствует в наших персидских словарях, однако приводится у Зенкера, переводящего ее как «меховая накидка». [*Даку* — отделанная мехом верхняя одежда, служившая знаком особого отличия.]
- 19 *Фаттах*. Очевидно, это победное одеяние. [От *фаттах* — победитель, парадное одеяние, которое даровалось военачальникам в честь победы.]
- 20 Возможно, означает, что друзья подозревали его в сумасшествии.
- 21 Имеется в виду сокрытие недостойного поведения Бахадура.

К ГЛАВЕ 31

- 1 У Низам-ад-дина — Гобинд Чанд. «Хуласат Таварих» называет Гонеса, заминдара Данапура, жившего в Талаваре. См. также «Акбар-наме», II. 169, где его называют заминдаром Нандуна. Баязид (94 б) сообщает, что верховный раджа гор (Сивалика) носил имя Тахт Мал.
- 2 [Талвара — город в дистрикте Гурдаспур штата Пенджаб. Местное название — Рампур Талвара.]
- 3 «Аин-и-Акбари», II (пер. Г. Джарретта, 316).
- 4 Имеется в виду практика *джохара* (*джаухара*). [*Джаухар* — обычай, существовавший у раджпутов. Если падение обороняемой раджпутской крепости было неминуемо, то в специально подготовленных помещениях совершалось массовое самоожжение женщин и детей, в то время как все мужчины выходили на последний бой.]
- 5 Из Баязида (96 б) явствует, что этот Бабаи Замбур был старшим братом Шах Кули [Махрама Бахарлу].
- 6 Возможно, это относится лично к Байраму. Баязид, бывший в свите Муним-хана, подробно описывает, как сдался Байрам (см. 94 а и далее). Он упоминает и о смерти Султан Хусейна Джалаира, которая произвела такое впечатление на Байрама. Баязид (95 б) называет его Султан Хусейн бек и утверждает, что тот был сыном Султан Баязида, *курчибеги* Хумаюна. И добавляет, что Акбар очень любил его, и среди Чагатаев ему не имело равных по храбрости и красоте. Он погиб в горах Сивалика во время вылазки, устроенной индусами из крепости, занятой Байрамом. Вокруг простирались бамбуковые джунгли, а поскольку у Султан Хусейна не было подкрепления, его убили. На следующий день Байрам послал письмо Муним-хану, из которого следует, что убитый прозывался также Ниямат Лаг. Баязид приводит содержание письма: в нем Байрам с сожалением упоминает о смерти Султан Хусейна. Он пишет: «Разве могу я радоваться этой ненужной стычке, если, к скорби моей, вчера погиб такой муж, как Султан Хусейн. Если Его Величество и знать желают ложки моей крови, я готов отдать ее (*сиджл кардам*)».
- 7 Выражение, взятое из игры в шахматы или в кости. В «Икбал-наме» встречается в рассказе, когда раба Фулада подговаривают убить Акбара.
- 8 *Кумак-нависанд*. [Букв. «дополнительно написан».]

- ⁹ [Махам — небольшая деревня в дистрикте Рохтак штата Харьяна, Индия.]
- ¹⁰ *Кахна суваран*. Видимо, означает, что они знали, что такое война, и потому были осторожны.
- ¹¹ *Валида*. Проситель далее говорит, что считает Махам Анагу своей матерью, и потому я не сомневаюсь, что имеется в виду она, а не Мириам-макани. Автор «Дарбар-и-Акбари» привел письмо (на с. 750) и [также] считает, что речь идет о ней.
- ¹² В «Маасир-и-рахими» это отнесено к Юсуфу, однако сие невозможно, если Юсуф являлся старшим сыном, поскольку его младший брат Азиз родился в 949 г.х. [1542 г.] и, следовательно, был тогда 17 или 18 лет от роду. Видимо, двенадцатилетний сын — какой-то младший ребенок [Атка-хана], если только это не является устойчивым выражением для обозначения сына вообще.
- ¹³ Означает, что кое-кто из слуг Акбара действительно шпионил для Байрама.
- ¹⁴ Мне кажется, что названия «хан» и «султан» неверны. В рукописях имеются расхождения.
- ¹⁵ *Тан нанамуданд*. То есть они не указали ему, где находятся его наделы земли, к какой области или владению они относятся. См. далее, где проситель жалуется, что только для 40 лакхов из пожалованных ему [доходов] определено местоположение [земель].

К ГЛАВЕ 32

- ¹ Написание приводится в «Аин-и-Акбари» [I. Кн. 2, Аин 27. Охота]. Видимо, это искажение санскритского [слова] *удар*.
- ² *Килада*, букв. «ожерелье» или «ошейник», однако, как и *синджир*, используется для обозначения некоторого числа слонов или леопардов.
- ³ Из «Икбал-наме» мы узнаём, что его имя — Ваккас султан, и Сулейман обходился с ним дружелюбно и отдал в жены свою дочь. Аббас султан также был сбежавшим мужем Гульчехры, дочери Бабура, но этот [Ваккас] едва ли мог быть ее сыном. Из «Маасир-ал-умара», I. 436, явствует, что Аббас являлся единокровным братом Джанибека и сыном Яр Мухаммад-хана [Шейбанида].
- ⁴ [Пир Мухаммад-хан Шейбанид, сын Джанибек султана, султан Балха (1546–1566 гг.), султан Бухары (1550–1551 гг.), хан Мавераннахра (1556–1561 гг.).]
- ⁵ [*Аймаки* (чар-аймаки) — общее название группы племен смешанного иранского и тюркско-монгольского происхождения. Включают племена: *аймак*, *джамшид*, *фирузкухи*, *теймури*, *таймени*. Проживают в основном на территории современного Афганистана, частично — Ирана. Говорят на *аймаки* — диалекте фарси.]
- ⁶ *Бала руйя-и-у*. Я полагаю, это должно означать «горный край». Выражение снова используется на следующей странице текста и противопоставляется там *пайян руйя*. В «Фарханге» Рашиди, однако, сказано, что Бала — это название, данное индусами части Ирана и Хорасана. Видимо, мирзы предприняли очень опасный и долгий поход, оставили свою страну и рассчитывали, что опорные пункты будут находиться далеко позади. Южная часть Балха гористая, и они шли вдоль подножия гор, оставив Балх справа, собираясь подойти к Хорасану с запада. Видимо, они пошли этим путем, чтобы обмануть Пир Мухаммад-хана [Шейбанида], ибо, когда они отправили посла, их целью было выиграть время — как и у него. Балх, они полагали, можно взять позже, возвращаясь из Хорасана и получив подмогу *аймаков*, которые предположительно враждовали с узбеками и склонялись к объединению с теми *аймаками*, что входили в войско мирз. Слова *ба-сахви канин захир*, которые я перевел как «очевидно, позабыв о прямоте», двусмысленны. Возможно, они означают лишь «очевидное заблуждение». Здесь отчасти может помочь «Икбал-наме», где эта фраза звучит как «вероломное намерение».

- 7 На карте правительства это место отмечено как Санг Чарак. Он находится к юго-юго-западу от Балха. До этого момента изложение ясно, но я не понимаю следующее предложение, где говорится, что они миновали Чашма-и-Газаран, т.е. «источник стирающих», ибо тот находится к западу-северо-западу от Санг Чарака и отмечен на карте чуть восточнее Сар-и-пула. Мне кажется, здесь ошибка в тексте или со стороны автора, ибо из дальнейшего явствует: мирзы не достигли Чашма-и-Газарана, когда узнали, что узбеки пришли (из Балха) в те земли и преградили им путь в Хорасан. Сулейман попытался пробиться через укрепления узбеков, однако потерпел неудачу, свернул и в конце концов направился обратно в Бадахшан. Ибрахим последовал за ним, однако оказался менее удачливым и попал в руки врагов. Видимо, Харам бегим, властная жена Сулеймана, была зла на него за то, что, как она полагала, он покинул [в беде] ее сына, так как много лет спустя она упоминала об этом в беседе со своим внуком Шахрухом. См.: Акбар-наме, III. 151.
- 8 *Мухиммсази гуна карда*. Этого я не понимаю и [потому] принял вариант нескольких рукописей, где стоит *кота карда*, *кота кардан*, что означает «заканчивать дело», «сокращать его»; возможно, сюда вложен иронический смысл. Злополучный посол думал, что обделал или устроил прекрасное дело. Возможно, однако, *гуна карда* может быть использовано как *баз гуна карда*, т.е. «расстроив прекрасное дело», и выражение следует отнести к Пир Мухаммаду. *Гуна* также может значить «как полагается», и тогда фраза переводится «устроив, как полагается, прекрасное дело».
- 9 В «Икбал-наме» — Хусрау султан.
- 10 Я не нашел этого места. Это могут быть Зиарат Хазрат Имам или же Мазари-Шариф.
- 11 Из-за этого фрагмента я решил, что в предыдущем пассаже, где сказано, что мирзы миновали Чашма-и-Газаран, ошибка. Возможно, однако, что Абу-л Фазл использует это выражение для всей реки, а не для определенной ее точки.
- 12 *Ки марпич уфтада аст*. Возможно, означает, что река текла между крутых берегов или образовывала излучину, что делало возможным [строительство] укрепления на ее [берегу].
- 13 Возможно, под этим подразумеваются траншеи, выкопанные узбеками.
- 14 Вероятно, он был в войске Сулеймана и, видимо, остался позади, чтобы указывать путь.
- 15 В «Икбал-наме» сказано, что, если опустить *ко*, мы получим также дату дня рождения Ибрахима, поскольку ему было 26, когда его убили, а *ко* равно 26. Ибрахим родился в 941 г.х. [1534–1535 гг.]. Текст «Хафт Иклим» согласуется с мирзой Сулейманом: обе хронограммы, одна за 941 г.х., а другая за 967 г.х., появляются в элегии, составленной любимым человеком — *азизи*.
- 16 Имеется в виду, я полагаю, черное пятно в глубине некоторых тюльпанов или же просто их различные сорта.
- 17 Сулейман, видимо, пересек Амударью и сделал огромный крюк, поскольку Вахш лежит к северу от Файзабада.
- 18 [Синия одежда в Центральной Азии — знак траура. Обычно снимается по истечении сорока дней после похорон, реже — года. Но Харам бегим носила траур по сыну до конца своих дней.]
- 19 [Имеется в виду знаменитый перстень, который, согласно мифологической традиции, позволял Сулейману (библ. Соломон) повелевать духами, обычно враждебными человеку.]
- 20 Автор «Икбал-наме» утверждает, что он [Ходжа Абд-аш-Шахид] родился при жизни своего деда и за два с половиной года до смерти последнего. Поэтому дата его

- рождения — в 1487 или 1488 г. (Ходжа Ахрар умер в 1490 г.), и ему было уже за семьдесят, когда он прибыл в Индию.
- 21 Умер в Кабуле в 970 г.х. [1563 г.], и Бадауни сообщает, что он вернулся из Индии не оцененным [по достоинству]. [Маулана Саид из Туркестана включен Абу-л Фазлом в список учений людей века. Он отнесен к третьему классу — к тем, кто известен как философ или теолог.]
- 22 У Бадауни и в некоторых других рукописях «Акбар-наме» написано иначе.
- 23 Перед тем она была замужем за мирзой Ибрахимом, смерть которого произошла годом раньше.
- 24 Слово *барадар* здесь используется в широком смысле. Он в действительности являлся двоюродным братом мирзы Хайдара. Из случайного замечания Гульбадан бегим о том, что Гульчехра находилась в доме Кара-хана, когда скончался ее брат Хиндал, кажется вероятным, что Гульчехра была замужем за Кара Бахадуром. Это может отчасти объяснить его назначение командующим. [Мирза Хайдар Дуглат погиб во время похода в Кашмир. Так что здесь речь может идти о формальной передаче наследственного владения.]
- 25 Подобный рассказ приводится Низам-ад-дином в его повествовании о Кашмире, и он сообщает подробности о правлении Гази-хана.
- 26 В «Табакат-и-Акбари» (620) он назван сыном Саху. На с. 624 Лохар назван Део Хари.
- 27 В «Табакат-и-Акбари» сказано, что сам он оставался в Наурузкоте, а пехотинцев послал вперед.
- 28 Есть вариант «Датара», а в некоторых рукописях стоит «Данра», так что это может быть Данаор, отмеченный на карте к северо-востоку от Раджапуры.
- 29 Однако это поражение оказалось очень серьезным. В «Табакат-и-Акбари» сказано, что у Кара Бахадра было крупное войско и девять слонов и погибли 500 моголов. В «Табакат-и-Акбари» приводятся подробности правления Гази-хана.
- 30 [В «Аин-и-Акбари», т. II, в составе *субы* Гуджарат описан *саркар* Паттан. Главным городом его назван Сирохи, но в списке *махалов* указан и Паттан с двумя его крепостями.]
- 31 От имени правителя Гуджарата.
- 32 Вероятно, жена Ислам шаха присоединилась к Байраму в Паттане, и он остановился там отчасти из-за нее. Паттан был полон афганцев, и жена Ислам шаха, возможно, приехала туда с Хаджи-ханом Алвари. Вероятно, ему и Муса-хану пришлось не по душе брачные планы, ибо если они и не содействовали убийству Байрама, то и не предприняли никаких шагов для защиты его и его семьи. У Бадауни (пер. У. Лоу, 40) сказано, что Хаджи-хан находился в Паттане, когда Байрам прибыл туда. Он утверждает, что Хаджи-хан и Муса относились к Байраму с большим почтением и вежливостью, но эти чувства могли затем перемениться, и, очевидно, афганский правитель очень небрежно отнесся к обеспечению безопасности семьи Байрама.
- 33 Известный как *Сахаснак*, или *Сахасланг*. Слово в действительности — *Сахасралинга*, т.е. «тысяча храмов лингама». Озеро было выкопано *сиддха* раджей Джай Сингхом, который принадлежал к династии Соланки или Чалукья и правил с 1094 по 1143 гг. В «Bombay Gazetteer», I, ч. I, 179, говорится: «Остатки озера Сахасралинга в Анахилапуре свидетельствуют, что это было творение удивительных размеров и красоты, что вполне оправдывало его название *Махасарах*, или «великое озеро».
- 34 *Нишиман* — беседка или гнездо. У Спенсера: «Это была великолепная лужайка с

плодородной землей посреди обширного водного пространства, устроенная подобно маленькому гнездышку». Бенгальцы называют такие места *джаллунги*. Видимо, в английском нет слова, точно соответствующего этому, хотя словосочетание «беседка на воде» может дать общее представление.

- 35 [Распространенное в исламе представление о том, что утренняя молитва всегда будет услышана Аллахом, и то, о чем просится в ней, исполнится.]
- 36 В «Маасир-и-рахими» (I. 380) это разъясняется так: сайид узнал об обычае Байрама бриться и омываться каждую среду в надежде на мученичество. Среда — счастливый день, и обычай Байрама может быть связан с этим, а также может указывать на *Ахир-Чаршамба*, мусульманский праздник, которым отмечается последний раз (это последняя среда месяца сафара), когда Мухаммад омылся. [Здесь важно напомнить, что Байрам-хан был шиитом, а шиизм придает особое значение мученичеству.]
- 37 Первая сура Корана. Фраза «произнести Фатиху» используется фигурально в смысле «приступить к какому-либо делу». [В исламе придается важное значение произнесению этой суры, поскольку считается, что в ней в сжатой форме содержится вся сущность Корана.]
- 38 В «Икбал-наме» сказано, что он был учеником Низам-ад-дина Авлия. Хаджи Аариф Кандагари присутствовал при убийстве и в своей истории говорит, что он совершал паломничество.
- 39 Фиришта сообщает, что убийство произошло утром, но у Бадауни сказано, что был час вечерней молитвы. Это больше похоже на истину. Байрам, очевидно, провел день в *нишимане*, или на острове.
- 40 [Абу-л Фазл упоминает Нур-ал-лах Касима Арслана из Мешхеда в числе каллиграфов и среди поэтов. Аин-и-Акбари, I. Кн. 1, Аин 34. Он приводит несколько строк из его стихов.]
- 41 *Кар тамат* имеет также значение «был убит», букв. «его дела были улажены». Бадауни, II. 45, приводит иную версию.
- 42 Кажется, вначале останки были перевезены в Дели, а затем их доставили в Мешхед в 985 г.х. (1577 г.). Хотелось бы узнать, можно ли в наше время найти его гробницу. Замечу, что лучшая известная мне биография Байрам-хана приводится в «Дарбар-и-Акбари» (157–196).
- 43 Город в Джодхпуре.
- 44 [В «Аин-и-Акбари» Ядгар Хусейн не упоминается.]
- 45 Возможно, об этой женитьбе говорится у Бадауни (пер. У. Лоу, с. 59): здесь сказано, что брак начался как *мута*, или временная женитьба. Предрассудки Бадауни заставили его признать эту связь внебрачной (см. его взгляды на подобные браки, пер. У. Лоу, 212), однако он не называет это прелюбодеянием, как это сделал переводчик. Свадьба Баки-хана стала причиной той постыдной истории, когда Акбар забрал себе жену Абд-ал-Васи. В то время Акбар был молодым человеком 18 или 19 лет. Возможно, Фатима, упомянутая у Бадауни, являлась матерью жены Ходжа Муаззама. Шейх Буда упомянут у Бадауни как свекор Фатимы. Там сказано, что он был *табибом* и жил в Бихаре. Д-р Ренкинг перевел слово *табиб* как «врач», что является его прямым значением. Однако оно также означает «судья», или «критик», или «врачеватель ума», и, возможно, здесь это и имеется в виду. Если нет, то это, возможно, лишь родовое имя. Заглавие написанной им книги «Иршад-Кази» свидетельствует, что он был юристом. Шейх Буды имел сына по имени Шейх Пир. Выражение *банат-ал-кибр*, переведенное У. Лоу как «дочери благородных», может означать «дочери святых или великих шейхов». Поэтому говорится, что *пиры* в Дели

предупреждали Акбара не совершать таких действий, в результате которых на него будут покушаться. Абд-ал-Васи, жену которого взял Акбар, был, очевидно, сыном Шейх Буди.

- 46 Видимо, означает, что гнойники оставались под кожей. Когда они прорвались, последовало облегчение. Скорее всего, речь идет о ветрянке.

К ГЛАВЕ 33

- 1 [Здесь обыгрывается представление о двух видах познания: *алама* — познание путем рассуждения, «познание разумом», и *арафа* — интуитивное познание, «познание сердцем».]
- 2 *Мубади*. Но это, должно быть, ошибка, так как пятый год *илахи* закончился в марте 1561 г., а 968 г.х. начался в сентябре 1560 г. [22 сентября], и в следующей главе говорится, что шестой год *илахи* начался 24 числа шестого месяца 968 г.х. [24 джумада ал-ахира — 11 марта 1561 г.]. Фиришта, рассказывая о Мальве, сообщает, что поход был совершен в конце 968 г.х. Возможно, вместо *мубади* нужно читать *масави* — «соответствующий».
- 3 В нескольких рукописях и «Икбал-наме» стоит *кафгир*.
- 4 *Рахру* [букв. «путник»]. Часто употреблялся в религиозном смысле — «паломник».

К ГЛАВЕ 34

- 1 Это может объяснить текст, с. 3. Абу-л Фазл отсчитывает дни от полуночи. [Судя по тексту, в данном случае Абу-л Фазл устанавливает наступление нового дня от рассвета.]
- 2 [Возможно, здесь аллюзия с суфийским мистиком Фарид-ад-дином Аттаром (1142?—1220 гг.), автором поэмы «Беседа птиц», который получил прозвище Аттар (аптекарь, парфюмер, химик) по аптечной лавке отца.]
- 3 В издании Лакхнау есть полезное примечание по этому поводу. Ночной ветер представлен как несущий дуновение утра, а облака описываются как странники из горной страны, напоминающие слонов.
- 4 [Вслед за Гиппократом и Галеном мусульманская медицина, в том числе и Ибн Сина, считала, что основная причина всех заболеваний — в нарушении равновесия между основными жидкостями человеческого организма — желтой желчью, черной желчью, слизью и кровью. Главной целью лечения было восстановление утраченного равновесия. Вино, употребляемое умеренно, служило для улучшения пищеварения, лечения заболеваний печени и др. См., например, «Рассказ о Таваддуд» в «Тысяче и одной ночи» (ночи 449–452).]
- 5 [Музыка, не имевшая особого значения в ортодоксальном исламе, играла значительную роль в ритуальных практиках суфийских братств. Радение под музыку (*сама*) способствовало созданию мистического настроения и достижению трансa. Оно стало компонентом ритуальной практики многих братств.]
- 6 Абу-л Фазл описывает Баз Бахадура как непревзойденного певца. В «Икбал-наме» говорится то же самое, а также сообщается, что у него в услужении было 400 музыкантов. [В «Аин-и-Акбари» (I. Кн. 2, Аин 30) Баз Бахадур упомянут дважды: в числе вельмож Двора под № 120 и среди выдающихся музыкантов.]
- 7 Абу-л Фазл пытается обыграть двойное значение этого слова, которое означает и «форма», и «материя». [О понятии *калб* в исламе см.: А. Кныш. Калб // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 191.]
- 8 «Икбал-наме» его называет *тагаем* Баз Бахадура, то есть дядей со стороны матери.
- 9 [Банджара — кочевое племя в Раджастанe, родственное европейским цыганам. Существует и как отдельная каста торговцев (в отличие от близких им *гадолия лохар* — кузнецов). Сейчас насчитывает около 300 000 человек.]

- 10 *Джари ра гирифта*. Это явно означает «взятие расщелины в земле». В «Икбал-наме» перед *гирифта* стоит слово *дарпеш*.
- 11 *Ан таус нимбисмил*. В «Икбал-наме» сообщается, что сначала она по собственной просьбе была доставлена в дом ее духовного наставника шейха Умара.
- 12 Абу-л Фазл иронично называет это *нагма*, то есть нежная музыкальная мелодия.
- 13 История Рупмати более подробно излагается Фириштой, когда он рассказывает о правилах Мальвы, в издании Лакхнау, 274, в части 5. Г. Блохманн в комментарии о Баз Бахадуре (№ 120) в «Аин-и-Акбари» говорит, что Баз Бахадур и Рупмати похоронены в одной гробнице посередине водоема в Уджжайне. Но это выглядит сомнительным.
- 14 Бадауни присутствовал при победе и описал жестокости Пир Мухаммада. Он, видимо, сопровождал своего друга (У. Лоу, 42).
- 15 [В рукописи «Акбар-наме», хранящейся в Музее Виктории и Альберта (Лондон), есть миниатюра с изображением танцовщиц из Манду.]
- 16 Эта набережная описывается в «Джаунпур-наме» (изд. 1899, 7 б). Она располагалась на северо-востоке города, и заложил ее шейх Бахлул, близкий друг Хумаюна, которого предал смерти Хиндал.

К ГЛАВЕ 35

- 1 Пословица, обозначающая обманщиков.
- 2 *Алахамн фалахамн*. Арабское выражение, означающее, что, когда предстоит несколько дел большой важности, нам сперва следует приняться за наиболее важное из всех.
- 3 [Т.е. чиновников, следивших за внутренней безопасностью в государстве.]
- 4 В Раджпутане, княжество Джалавар. [Гаграун — город и развалины крепости близ Джалавара, штат Раджастхан, Индия.]
- 5 *Каса-и-сир*. «Чаша головы», т.е. череп.
- 6 [*Гарем* от араб. *харам* — то, что запрещено. Термин этот применяют обычно как для обозначения части дома, отведенной для женщин, так и для названия женщин, которые там живут. Запрет заглядывать без разрешения в чей-либо дом считается в исламе одним из важных и относится к *харам зулми* — преступлениям, которые Аллах простит только в том случае, если простит пострадавший.]
- 7 [*Занана* (перс.) — женщины. Обозначение как женской половины дома, так и всех женщин, проживающих в нем.]
- 8 [Нарвар — во времена Акбара центр *саркара* Нарвар. Сейчас небольшой город в дистрикте Шивпури штата Мадхья Прадеш, Индия.]
- 9 Вариант *бабари*, «лев», поддерживается некоторыми рукописями и, пожалуй, верен, т.к. *бабар* описывается как зверь, сражающийся с леопардом.
- 10 *Паланг-и-гардун*. Возможно, Абу-л Фазл имеет в виду созвездие Льва, или же Рыси. [Созвездие Льва в мусульманской астрономии — аль-Асад.]
- 11 [Здесь обыгрывается одно из прозвищ Али: Асад-ал-лах — Лев Аллаха.]
- 12 Букв. «с железной шерстью», однако издание Лакхнау верно трактует это выражение как относящееся к когтям.
- 13 Здесь вновь в некоторых рукописях стоит слово «*бабар*».
- 14 Марш Акбара в Сарангпур оказывается не таким быстрым, когда мы узнаём, что Махам Анага и прочие женщины отставали от него всего на день. Его остановка в Гаграуне, видимо, дала им возможность нагнать его.

К ГЛАВЕ 36

- ¹ [Здесь — институт наместничества — *халифа*. Халиф как глава мусульманской общины, замещающий посланника Аллаха, призван заботиться о соблюдении установлений Корана.]
- ² [*Вакил* (араб.) — уполномоченный, заместитель. Лицо, которому передавалось исполнение части обязанностей правителя во время его болезни, отсутствия в данном месте или представительских обязанностей его малолетних сыновей до достижения ими совершеннолетия.]
- ³ [Вал Александра — миф.: сооруженная им стена непреодолима для *йаджуджей* и *маджуджей*.]
- ⁴ Он был сыном сестры Махмуда. [Хазрат Гази Салар Масуд (Масуд) погиб в 1034—1035 гг. во время похода в Индию Абу Саид Масуда Газневи. Однако в «Истории Масуда» Абу-л Фазла Бейхаки о нем нет упоминания.]
- ⁵ [Масуд Газневид (1031—1041 гг.) после смерти отца неоднократно совершал походы в Индию, в основном в Пенджаб, чтобы поддерживать там свою власть. Это была попытка установления мусульманского правления над частью Индии, в отличие от просто грабительских походов, которые совершал его отец, Махмуд Газневи (998—1030 гг.).]
- ⁶ Празднество проводится до сих пор. [Бахраич — небольшой город в штате Уттар Прадеш, расположенный на берегу реки Сарью, впадающей в Гхагхру, в 125 км к северо-востоку от Лакхнау. *Даргах* (гробница) Гази Сайид Салар Масуда, построенный Фируз шахом Туглаком (1351—1388 гг.), почитается как мусульманами, так и индусами и ежегодно становится центром большого праздника. Считается, что во время него исцеляются 7 слепцов, 7 прокаженных и 7 бесплодных женщин.]
- ⁷ *Ахийи чанд шаб микананд*. Вариант *ахийя* не указан в наших персидских словарях. Вероятно, город, о котором идет речь, это Агра, а не Бахраич.
- ⁸ *Абур ба анджа иттифак уфтад*. Видимо, сбор происходил на другом берегу Джамны, и Акбар пересек реку, чтобы попасть туда. Паломники, направляющиеся из Агры в Бахраич, конечно, начали бы с пересечения Джамны. Ярмарка в Бахраиче устраивается в первое воскресенье месяца джаистха [джетх], так что приключение Акбара, скорее всего, случилось в мае.

К ГЛАВЕ 37

- ¹ [Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди был одним из соратников Хумаюна. Во время долгой службы Акбару построил в Агре мечеть Джамии Масджид. О нем см.: Аин-и Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 128.]
- ² [*Пешкаш* — подношения в виде подарков как знак признания зависимости от правителя, своеобразная дань. Позднее — обязательные подношения к праздникам, которые делались чиновникам разных рангов.]
- ³ Буквально это звучит так: «Понятно, каковы будут плоды, собранные при вырывании этого древа». Возможно, верна интерпретация в издании Лакхнау: Акбар желал сравнить цветы, которые расцветут снова, с человеческим деревом, которое никогда больше не принесет плодов.
- ⁴ [Сезон дождей — *варша* — продолжается в Индии с июля по сентябрь. В этот период в описываемом регионе обычно выпадает от 500 до 1 000 мм осадков, что делало дороги непроходимыми и сильно затрудняло снабжение войск провиантом.]
- ⁵ Видимо, означает, что местные чиновники получили возможность увидеть Акбара, и так им была открыта вершина служения, *сир-и-хидматгузари*.

- 6 Наверное, имеется в виду, что Шамс-ад-дин исполнил обязанность совершить паломничество, представ перед Акбаром.
- 7 В «Икбал-наме» сказано, что он носил титул Фатах-хан Маснад Али. [О Фатту-хане, позднее получившем титул Маснад Али, см. комментарий Г. Блохманна к Рахмат-хану, сыну Фатту: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 306.]
- 8 Это шейх Мухаммад Гаус из Гвалиора, и именно так он назван в «Икбал-наме». Тогда ему было около 80 лет, и он скончался в следующем году. См. Бадауни, а также очень хорошее и обстоятельное описание в «Дарбар-и-Акбари», 775.
- 9 Так звали слона Хему.
- 10 То есть когда слоны прошли по мосту, те, кто бросился в воду, взобрались на него и так пересекли [реку]. В рукописи Кларка из Музея Виктории и Альберта (Лондон) есть прекрасное изображение Акбара на слоне Хавай.
- 11 *Сурма-и-джавахир*. Смесь с жемчужной крошкой.
- 12 [Имеется в виду *масарруф* — в суфизме духовный захват шейхом сердца ученика — *мурида*. Подробнее об этом см.: А.А. Хисматулин. Суфизм. СПб., 1999. С. 173–184.]
- 13 [Акбар уделял большое внимание образованию, прежде всего светскому. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 25. Правила образования.]
- 14 [Гробница Ходжа Муин-ад-дина Чишти в Аджмире и сегодня остается важнейшим местом паломничества мусульман в Индии.]

К ГЛАВЕ 38

- 1 Изложение Абу-л Фазла следует сравнить с «Сафина-ал-аулийя» Дара Шикоха, жизнеописанием святого, составленным его сестрой Джаханарой бегим (Британский музей, рукопись № 250), с подробной биографией в конце повествования Фиришты «Хазина-ал-асфийя» и «Историей афганцев» Дорна, ч. II, кн. 3, с. 2, а также с рассказом Абу-л Фазла в «Аин-и-Акбари», III. «О святых Индии». [Ходжа Муин-ад-дин родился в 537 г.х. (1142 г.) в деревне Сиджз в провинции Сиджистан. Умер 18 марта 1236 г. в Аджмере.]
- 2 [Гияс-ад-дин Хасан был потомком обоих внуков пророка Мухаммада — Хасана и Хусейна. Отсюда у членов этого рода почетная приставка к имени — Ходжа.]
- 3 [Иначе — Ибрахим Кахандази.]
- 4 В тексте сказано, что между святым и Маудудом было два колена, т.е. он являлся его родственником в третьем колене, и восемь — между ним и Ибрахим Адхамом. Фиришта утверждает, что Осман [Харуни], наставник Муин-ад-дина, стал учеником Хаджи Шарифа, бывшего, в свою очередь, учеником Ходжа Маудуда. Однако, видимо, не совсем верно, что святого причисляют к родственникам Ибрахим Адхама в девятом колене. Последний умер примерно за 365 лет до рождения Муин-ад-дина, и, согласно Фириште, за это время прошла жизнь 11 святых. [Ходжа Маудуд жил в начале IX в. и являлся одним из первых *халифа* ордена Чиштийя.]
- 5 [Ибрахим ибн Адхам — суфий, прославившийся благочестием и суровой аскезой. Родился в Балхе в богатой семье (по некоторым сведениям, царской). Еще в молодости, разочаровавшись в реалиях мира, становится отшельником и до конца жизни постоянно находится в пути. Среди ученых своего времени был известен красноречием. Зарабатывал на жизнь во время сбора урожая и охраняя чужие сады. Умер в 161 г.х. (около 778 г.). Основатель братства адхамитов в Дамаске.]
- 6 Он взял Дели в 1193 г. [Шихаб-ад-дин (Муиз-ад-дин Мухаммад) Гурид (1173–1205 гг.) вторгся в долину Ганга в 1192 г., захватив Аджмер и Дели, который подвергся страшному разграблению.]

- ⁷ [Кутб-ад-дин Бахтияр Каки, сын Камал-ад-дин Мусы, был родом из г. Оша (Ферганская долина, Узбекистан). Он умер в Дели в 1235 г.]
- ⁸ Здесь ошибка, хотя во всех рукописях, кажется, стоит 522 г.х. Муин-ад-дин родился не ранее 537 г.х. (1142 г.), как сам Абу-л Фазл сообщает в «Аин-и-Акбари», а Кутб-ад-дин родился не ранее 585 г.х. [1190 г.]. В «Аин-и-Акбари» сказано, что Кутб-ад-дин стал учеником в возрасте 18 лет, что дает 603 г.х. [1208 г.]. Согласно изложению Дорна он становится учеником в 25 лет. Фиришта сообщает, что инициация прошла в Исфахане, хотя некоторые утверждают, что это случилось в Оше, и Кутб-ад-дину было тогда 20 лет. В «Хазина-ал-асфийя», со ссылкой на Фарида Ганджшакара, также сказано, что инициация состоялась в Исфахане (I. 258). Далее в рассказе о Кутб-ад-дине сообщается, что ему исполнилось 17 лет. Возможно, Абу-л Фазл написал 522 вместо 602 по ошибке, или его переписчики не поняли его. В «Саир-ал-иктаб», издательство Невала Кишора, с. 144, говорится, что инициация произошла в мечети Абу Лайса в Багдаде.
- ⁹ Абу Лайс Чанди (Канди).
- ¹⁰ [Фарид-ад-дин Шакаргандж (или Гандж-и Шакар) — один из почитаемых мусульманских святых Индии. Родился в деревне близ Мульта. Долгое время жил в Джханси. Умер в Пак Паттане (Пенджаб) в 1269 г.]
- ¹¹ [Низам-ад-дин Аулия (Авлия) (1236—1325 гг.), один из самых почитаемых мусульманских святых Индии. Был учеником Фарида Шакарганджа, который послал его проповедовать в Дели. Умер в Дели, где и сегодня почитается его гробница.]
- ¹² [Амир Хусру — прославленный индо-персидский поэт Хосров Дехлеви (1253—1325 гг.), автор нескольких поэмы и исторических трудов.]
- ¹³ Муин-ад-дин считается первым святым Индии. Акбар принес в дар его гробнице огромный горшок, который, говорят, по-прежнему используется. Повествование о святом у Дара Шикоха представляет интерес, поскольку там он говорит о собственном рождении в Аджмире и выражает пламенную надежду, — которой, увы, не дано осуществиться, — что его предстоящий жизненный путь будет удачен. Его сестра Джаханара оканчивает его [святого] биографию рассказом о посещении гробницы ею и ее отцом.

К ГЛАВЕ 39

- ¹ Мне не удалось найти это место. Возможно, это Караули или Кароли у Тифенталера, I. 172.
- ² [Ол (хинди) — заложник, залог.] Возможно, имеется в виду, что раджу не обложили данью, но за головы его близких была установлена цена.
- ³ Дауса в «Indian Gazetteer of Rajputana», II. 156. Некогда была столицей штата. [Дауса — центр одноименного дистрикта штата Раджастхан, Индия. Расположен к западу от Джайпура.]
- ⁴ Город в Джайпуре, в семи милях к юго-западу от столицы. [Санганир расположен в 13 км от Джайпура. Сейчас — международный аэропорт Раджастхана.]
- ⁵ Эта фраза относится к кочевому населению страны. [Имеются в виду не кочевые племена, а бродяги, которых было много в результате разорения селений.]
- ⁶ В издании Лакхнау — Ратунпар, в «Аин-и-Акбари», I. 329, написано «Ратун», однако Рантанбхур, вероятно, правильно, так как находится в Джайпуре.
- ⁷ [Ман Сингх Каччваха в дальнейшем играл значительную роль при Дворе Акбара.]

К ГЛАВЕ 40

- ¹ 5 раджаба было днем рождения Акбара. [То есть праздник Нового года приобретал особое, символическое значение: возрождение всего живого связывалось непосредственно с новым годовым кругом жизни царя.]
- ² Два музыканта Хосрова Парвиза. [Барбад (588—638 гг.) — музыкант и певец при дворе сасанидского царя Хосрова Парвиза (591—628 гг.). Ему приписывалось авторство многих знаменитых мелодий. Накиса, согласно преданию, отраженному в поэмах Низами и других, — знатный вельможа и известный музыкант при дворе Хосрова Парвиза.]
- ³ В тексте *науаин*, но должно быть *навам* — мн. ч. от *намус*.
- ⁴ Абу-л-Фазл, возможно, имел в виду походы, подобные тем, что совершал Хусейн Тукрийя, которые великолепно описаны его другом Бадауни.
- ⁵ Миртра. [Возможно, город Мерта в дистрикте Нагаур штата Раджастан, Индия.]
- ⁶ Низам-ад-дин называет его Джаймалом.
- ⁷ [То есть совершил *джаухар*.]
- ⁸ [Шах Джахан — букв. «властитель мира».]

К ГЛАВЕ 41

- ¹ На Исане, в округе Маинпури, в 9 *косах* от Сакита. [Сейчас Паронкх — город в дистрикте Маинпури штата Уттар Прадеш, Индия.]
- ² В округе Эта к юго-востоку от Агры. Раньше находился в *саркаре* Канаудж, см.: Аин-и-Акбари, II (пер. Г. Джарретта, 183). Был известен местными разбойниками вплоть до недавнего времени. [Сейчас Сакит — город в дистрикте Эта штата Уттар Прадеш, Индия.]
- ³ В «Аин-и-Акбари», I (пер. Г. Блохманна, примечание на с. 324), назван Атхгах. В его указателе пишется Атхгарх. В тексте — Атхканих. В большинстве рукописей стоит Кира, и так же в «Икбал-наме», однако по крайней мере в одной рукописи написано Атхкхира, а поскольку *кхира* на хинди означает «деревушка», это, видимо, и есть верное прочтение. «Развалины крепости Парукх посреди *кхеры* (то есть горы) видны до сих пор». [Сейчас населенного пункта с таким названием нет.]
- ⁴ Видимо, Абу-л Фазл играет на двойном значении слова *калб*, которое означает «обратный порядок» и «ухудшать», а также «глухое, удаленное местечко».
- ⁵ В «Записках» Азиатского общества Бенгалии, за 1874 год, с. 106, приводится надпись, высеченная им на мечети, которую он построил в Саките в апреле 1563 г. [Ходжа Ибрахим-и Бадахши упомянут в «Аин-и-Акбари», I. Кн. 2, Аин 30, под № 131. Но он не упоминается в списках вельмож в других источниках этого периода.]
- ⁶ Каратак значится в списке Баязида (77 а) как раб Ибрахима. [Каратак в «Аин-и-Акбари», I. Кн. 2, Аин 30, не упомянут, но под № 345 среди командиров двух сотен Абу-л Фазл поместил Кара Бахра, сына Каратака.]
- ⁷ Баязид называет его Макбул-хан и говорит, что он был *чела* Акбара. См.: «Воспоминания», 143 а. См. отсылку к нему у Бадауни, пер. У. Лоу, 122. [В «Аин-и-Акбари» Мукбил-хан не упоминается.]
- ⁸ [Не следует путать с Банда Али Майдани.]
- ⁹ Он был раджой Нагаркота. [Написание его имени в рукописях имеет варианты: Будичанд, Будхичанд.]

- 10 [По кастовым принципам считалось осквернением разделить пищу или воду с человеком низшей касты или мусульманином. Этот жест Бхагвант Даса символизировал признание им Акбара членом своей (или равной) касты.]
- 11 Присматривающие за слонами. [Подробнее о *фаудждарах* и их обязанностях см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1, Аин 44. Служители слоновника; Аин-и-Акбари, II. Аин 2. Фаудждары.]
- 12 *Руихудра аз никаб бараварда* Блохманн переводит: «поднял забрало» и добавляет: «учтиво поблагодарил Алавала за его добрые намерения».
- 13 Он был уроженцем Хорасана, а его настоящее имя было Ходжа Тахир Мухаммад. [Он упомянут в «Аин-и-Акбари», I. Кн. 2, Аин 30, под № 111.]
- 14 Местная традиция по-иному объясняет причину нападения, но, очевидно, неверно, поскольку Фатхпур Сикри тогда еще не построили. Однако возможно, что предание неверно только относительно места, где были украдены драгоценности короны.

К ГЛАВЕ 42

- 1 Я не нашел это место — если только это не тот Аван, который, согласно «Аин-и-Акбари», находился в *саркаре* Биджагарх. [Сейчас — замок Аван, расположенный в г. Тонк, в 150 км к югу от Джайпура.]
- 2 Ныне в руинах. [Биджагарх расположен в дистрикте Балагхат штата Мадхья Прадеш, Индия.]
- 3 *Катра-и-асим харда аим*. Букв. «мы произвели большие капли», то есть много пролили.
- 4 *Б'асп-и-ао-пахлу зад*. *Пахлу задан* фигурально означает «бороться с чем-либо»; возможно, другого смысла здесь нет. В тексте — *астар*, «мул», однако во многих рукописях приводится вариант *уштар* — «верблюды».
- 5 Едва ли можно ожидать от Абу-л Фазла предположения, что смерть Пир Мухаммада последовала в результате заговора против Байрама. Однако автор «Дарбар-и-Акбари» отмечает, что все противники Байрама — Шамс-ад-дин, Махам Анага, Адхам-хан и Пир Мухаммад погибли в течение года после падения Байрама. В «Раузат-ат-Тахирин» сказано, что настоящее имя Пир Мухаммада — Маулана Джалал-ад-дин, и он был шейхзада из Ширвана и прибыл в Кандагар в 957 г.х. [1550 г.]. [Подробнее о Пир Мухаммад-хане см. комментарий Г. Блохманна к № 20: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30.]
- 6 Я полагаю, именно таково значение фразы *амур-и-сиасат у дар у гир*.
- 7 «Аин-и-Акбари», II (пер. Г. Джарретта, 317). [См. также примечание 1 к главе 31.]
- 8 Этот военачальник принимал участие в войне, которая велась в Бенгалии против афганцев, и несколько раз упоминается Баязидом. Бехасуд — деревушка в Афганистане. [Бехсуд — деревня в провинции Нангархар, Афганистан.]
- 9 *У хамана*. Думаю, Абу-л Фазл писал с иронией, предполагая, какие оправдания убийцы могли придумать для самих себя. *Айинда* значит «гость», однако здесь может означать «захватчик».
- 10 [Сефевиды вели свое происхождение от Сафи-ад-дин Шейх Исаака (1252–1334 гг.), основателя суфийского братства Сефевийе. Отличительной деталью одежды членов братства являлся колпак с полосой красного цвета, откуда пошло название *кызылбаши*.]
- 11 Джаухар (пер. Ч. Стюарта, с. 75) сообщает, что Хумаюн был обручен в Персии с дочерью Масум бека, племянницей Тахмаспа. Если это сестра того посла, то она приходилась двоюродной сестрой шаху Тахмаспу.
- 12 [Туман — золотая монета в Сефевидском Иране. *Дам* — медная монета, равная $\frac{1}{40}$ рупии, введенная в оборот Акбаром взамен *пайсы*. Делилась на 25 долей — *джеталов*.

Из находившихся в употреблении золотых монет, чеканившихся при Акбаре, самая дорогая имела стоимость 400 *дамов*.]

К ГЛАВЕ 43

- 1 Это письмо отсутствует в издании Лакхнау и большинстве рукописей. Оно, без сомнения, подлинное, но я сомневаюсь, что Абу-л Фазл сам вставил его в свою книгу. Если бы он это сделал, то наверняка предварил бы его словами типа: «Вот точная копия» и т.д., как он это делает в остальных случаях, когда приводит копии писем, что мы можем увидеть в большинстве рукописей. Бадауни ссылается на него [это письмо] и сообщает, что он далее приведет копию письма, чего он так и не сделал. См. два сборника писем в фонде рукописей Британского музея: Add. 7688, с. 115 b, 116 a и Or. 3482, с. 109 a. Я сравнил две другие копии с этой и обнаружил в тексте некоторые несоответствия в словах. Письмо написано в чрезвычайно высокопарном стиле и с трудом поддается переводу. Единственные интересные места в нем — это моменты, указывающие на дружелюбие со стороны Тахмаспа, а также упоминание о Байраме, о чьем позоре и смерти Тахмасп либо не знал, либо решил их игнорировать. В примечании к тексту говорится, что в этих рукописях во второй строке стихотворения стоит *ал-Муийд* — «Помощник» — вместо имени Мухаммада. В рукопись Британского музея Add. 7688 внесены строки 7 и 8, гласящие: «Поражение печалью подобно лицу друзей» и «Премножение радости подобно садовым розам».
- 2 Я думаю, здесь имело место неправильное прочтение. В двух экземплярах сборников писем нет слова *бахиммат*, а в рукописи Add. 7688 стоят слова «он (Акбар) был светом очей служителей и почитателей этой династии, а также всех ее доброжелателей и друзей».
- 3 Вероятно, Шах Гази-хан в «Аин-и-Акбари». [Шах Гази-хан, сайид из Табриза. Упомянут Абу-л Фазлом в «Аин-и-Акбари» среди командиров тысячи под № 155.]
- 4 В других копиях — *ба хисаб у насаб* — благодаря своим способностям и роду.
- 5 Этого стихотворения нет в рукописи Add. 7688, и оно, скорее всего, не является частью письма.

К ГЛАВЕ 44

- 1 Абу-л Фазл подразумевает: благодаря тому, что Алах открыл величие Акбара, обитающие вдали люди получили возможность прославиться верностью — *кабул*, что я передал как «признание», но возможен перевод и как «притяжение».
- 2 [В «Табакат-и-Акбари» называется 12 рамазана 970 г.х. (Эллиот, V. 277). Но исходя из последующих глав «Акбар-наме» более верной должна быть дата, указанная Абу-л Фазлом.]
- 3 В «Тарих-и-Алфи» (607 b) сообщается, что Шамс-ад-дин успел добежать до кучи глины (*ахак*), собранной для строительства, и упал. Акбар заметил лежащее на глине тело, что и помогло его обнаружить. [В «Табакат-и-Акбари» этот эпизод описан очень кратко.]
- 4 Рафик — это, видимо, слуга, упоминаемый Джаухаром (110), в присутствии которого Акбар, тогда мальчик тринадцати лет, согласился раздеться и искупаться. Из Баязида (75 a) явствует, что Рафик был рожденным в доме слугой двоюродной бабки Акбара Ханзады бегим. Выражение *сахиб чар мансаб* — «занимающий четыре должности» — может означать, что он служил четырем поколениям.
- 5 Баязид (105 a) говорит, что Акбар обернул свой *лунги* вокруг бедер и вышел. Он увидел тело и спросил, кто это (должно быть, тогда уже было темно), и Рафик сообщил ему. [Лунги — кусок ткани, обматываемый мужчинами вокруг бедер и закрепляемый на

- талии, разновидность *дхоти*. В Музее Виктории и Альберта (Лондон) хранится рукопись «Акбар-наме», где на миниатюре изображен легко одетый Акбар, стоящий на террасе, и поверженный Адхам-хан.]
- 6 Было тридцать *шамшер хаса*, и один ежедневно посылался в гарем, а прежний возвращался. [*Шамшер хаса*, или личные мечи, являлись одним из разрядов личного холодного оружия правителя. Судя по названию, это были сабли, то есть они имели изогнутый клинок, в отличие от меча *кхада*.]
- 7 *Бача-и-лада*. *Лада* означает также «шлюха», и Блохманн именно так это и перевел. См. также Эллиот, VI. 26, где переведен весь отрывок. В примечании к моей рукописи «Икбал-наме» делается предположение, что *лада* — прозвище отца Адхама. Баязид говорит, что Акбар назвал Адхама *канду*, то есть «наложник». [*Лада* (фарси) — устаревшее слово, имеющее несколько значений: 1) дурак, глупец; 2) сука. Но маловероятно, чтобы Акбар имел в виду второе, так как это было бы оскорбительно по отношению к его кормилице.]
- 8 Это сложный пассаж. Некоторую помощь оказывает пометка на полях, сделанная автором «Икбал-наме». Там Адхам просит Акбара расследовать, кто был тот человек, который в действительности убил Шамс-ад-дина. Следует помнить, что не Адхам ударил его. Возможно, он хотел использовать это [в качестве смягчающего обстоятельства], и интересно, что нигде не сообщается о судьбе истинных убийц — Хушама Узбека и Худа Барди. Затем автор «Икбал-наме» говорит то же, что и Абу-л Фазл, о трусости очевидцев, которые позволили Адхаму приблизиться к Акбару и принести ему ложные извинения. Слова «расследования почти не было» — *андаки талаши шуд* — сильно затрудняют понимание. Я принял их за часть речи Адхама. Возможно, *талаши* — монгольское слово, и всё выражение означает: «Произошла небольшая стычка (или ссора)». [*Талаши* (фарси) — хлопоты, суета, беспокойство. То есть приведенная фраза означает: «Незачем беспокоиться».]
- 9 В «Икбал-наме» сказано: «он перевернулся, словно голубь».
- 10 У Баязида он назван Михтар Сакаи и сказано, что Хумаюн дал ему титул Фархат-хана. [Михтар Сакаи, он же Фархат-хан, являлся рабом Хумаюна. Позже, в благодарность за спасение, Хумаюн назначил его *шикдаром* (сборщиком податей) Лахора. При Акбаре Фархат-хан получил *джагир* (земельное владение) в Аре. Фархат-хан и его сын Фарханг-хан в 1577 г. выступили против восставшего Гаджпати, но были разбиты. Он упомянут и ранее, в главах I тома, посвященных жизни Хумаюна. См.: Акбар-наме. Кн. 2. С. 153–154, 211 и др.]
- 11 Видимо, Акбар намеревался сбросить Адхам-хана с террасы, чтобы таким образом соблюсти мусульманский принцип воздаяния. Адхам ступил туда, где не имел никаких прав находиться, и потому в наказание его следовало выпшвырнуть назад. Аурангзеб наложил такое же наказание на любовника своей дочери. В «Тарих-и-Алфи» сообщается, что терраса, или веранда (*айван*), имела более 10 метров высотой. [Адхам, схватив за руки Акбара, преступил все правила приличия и заслуживал наказания. Но, кроме того, он без приглашения вошел на территорию дворца, относившуюся к гарему, что является одним из серьезных нарушений законов шариата.]
- 12 Баязид утверждает, что Акбар отправился к ее дому и рассказал ей обо всем.
- 13 Есть вариант Тахт бегим, и Баязид сообщает, что Тухта, или Беги, — это имя матери Дастам-хана. Вероятно, слово в действительности — Тохта. Из слов Тохты явствует, что в это время труп был унесен в дом Адхам-хана.
- 14 Это здание в Дели известно как Бхул-бхульян, его описание и зарисовка есть в «Асар-и-санаид» Сайид Ахмада; ныне используется в качестве *дака*, то есть летнего домика. У Сайид Ахмада есть также рассказ о гробнице Шамс-ад-дина в Дели и ее зарисовка. [Район Бхул-бхульян и сегодня существует в Старом Дели.]

К ГЛАВЕ 45

- ¹ Бадауни, I. 63. Также «Маасир-и-рахими», I. 88. [Под именем Ходжасара Итимад-хан его упоминает Абу-л Фазл в «Аин-и-Акбари», I. Кн. 1, Аин 2. Царская сокровищница. В список вельмож он включен под № 119. *Итимад* (фарси) — доверие.]
- ² Баязид, 102 а, повествует, как однажды, когда сановники собрались в зале для аудиенций, чтобы почтить Махам Анагу, Акбару срочно понадобилось 18 рупий. Он отправил за деньгами евнуха. Ходжа Джахан оказался не в силах добыть денег, и Махам решила проблему, послав Тахта Беги к своим прислужницам-тюрчанкам взять необходимую сумму.
- ³ [В то время он был главой дворцовых евнухов.]
- ⁴ В *саркаре* Сахаранпур. «Тарих-и-Алфи» (680 а) сообщает, что Муним покинул Агру и, когда пересек Джамну, разрушил мост за собой.
- ⁵ [Тан Сен (Тансен, 1506—1589 гг.) — знаменитый индийский певец и музыкант, автор многих мелодий. По преданию Тансен своим пением мог зажигать огонь. Абу-л Фазл в «Аин-и-Акбари» называет его первым в списке царских музыкантов.]
- ⁶ Слово, означающее на хинди «из благородной семьи», но применяемое специально в отношении музыкантов. [*Калавант* (хинди) — сольный певец и музыкант, исполняющий произведения в старинном жанре *дхрупад*. Отличается от аккомпанирующих музыкантов — *мираси*.]
- ⁷ [Речь идет о радже Рам Чанде Багхела (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 89), который был раджей Бхатха (или Бхаттаха, согласно «Маасир-и-рахими»). В число его земель входили также Панна и крепость Калинджар (после взятия его Ислам-шахом Суром).]
- ⁸ Это место в Бунделькханде, в Центральной Индии. [Панна — город и одноименный дистрикт штата Мадхья Прадеш, Индия.]
- ⁹ [Джалал-ад-дин Курчи упоминается Абу-л Фазлом среди командиров пяти сотен под № 213. Именно он представил ко Двору Бадауни, ставшего крупным историком и переводчиком.]
- ¹⁰ В «Икбал-наме» говорится, что вначале Акбар дал Тан Сену на первом собрании *крор дамов*, что равно двум *лакхам* рупий, или 6 000 персидских *туманов*. Прибавляется, что несколько тысяч его произведений сохранилось до сей поры, и многие из них названы в честь Акбара.

Чтобы помочь в определении цитированного источника, мы приводим библиографию наиболее часто встречающихся.

Аин-и-Акбари — Abu-l-Fazl Allami. The Ain-i Akbari. Vol. I. Trans. by H.F. Blochmann. Calcutta, 1868; Vol. II–III. Trans. by H.S. Jarrett. Calcutta, 1891–1894 (последнее переиздание: Delhi, 2001).

Бабур-наме — Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М.А. Салье. Прим. М.А. Салье и Д.Г. Вороновского. Ташкент: Фан, 1958.

Бадауни — Badaoni. Muntakhab at-tawarikh. Vol. I. Trans. by G. Ranking. Calcutta, 1898; Vol. II. Trans. by W.H. Lowe. Calcutta, 1884; Vol. III. Trans. by T.W. Haig. Calcutta, 1927.

Баязид — Баязид Султан Байат. Тарих-и Хумаюн. Рукопись № 216 Библиотеки Индийского департамента. Лондон. (Не опубликована.)

Вамбери А. — Вамбери А.(Г.) История Бухары, или Трансоксиани, с древнейших времен до настоящего. Пер. А.И. Павловского. Т. I–II. СПб., 1873.

Голдсמיד Ф. — Goldsmid, Sir F. Eastern Persia. Vol. I. 1876.

Гульбадан бегим — Gul-Badan Begam. The History of Humayun (Humayun-nama). Ed. and trans. by A.S. Beveridge. London, 1902

Джахангир-наме — Jahangir, Nuruddin Muhammad. The Tuzuk-i-Jahangiri, or Memoirs of Jahangir. Vol. I–II. Trans. by A. Rogers. Ed. by H. Beveridge. London, 1909–1914.

Джаухар — Jouhar. Tezkerehal-vakiat or Private Memoirs of the Mogul Emperor Humayoon. Trans. by Ch. Stewart. London, 1832.

Зафар-наме — Maulana Sharafuddin Ali of Yazd. The Zafarnamah. Ed. by Maulawi Muhammad Iahdad. Vol. I–IV. Calcutta, 1887–1888.

Маасир-ал-умара — Shahnawaz Khan Awrangabadi and Abdul-Hayy. Maathir-ul-umara, Being Biographies of Muhammadan and Hindu Officers of the Timurid Sovereigns of India from 1500 to about 1780. Vol. I–III. Trans. by H. Beveridge and B. Prasad. Calcutta, 1911–1944.

Маасир-и-рахими — Абд ал-Баки Нахавенди. Маасир-и Рахими. Т. I–III. Калькутта, 1864–1869 (на фарси).

Мохан Лал — Mohan Lal. Journal of Tour through the Panjab, Afghanistan, Turkestan, Khorasan and Part of Persia. Calcutta, 1834.

Низам-ад-дин — Низам-ад-дин Ахмад. Табакат-и Акбари. Т. I–III. Калькутта, 1913–1936 (на фарси); перевод на англ.: Nizamud-din Ahmad. Tabaqat-i Akbari. Trans. by S.K. De. Vol. I–III. Calcutta, 1932–1936.

Риё Ч. — Rieu, Ch. Catalogue of Persian Manuscripts in the British Museum. Vol. I. London, 1879.

Табакат-и-насири — Maulana Minhajuddin Abu-Umar-i-Uzman. Tabaqat-i-Nasiri: A General History of Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan, from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.), and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. Trans. by H.G. Raverty. [Раверти Г.] Vol. I–II. London, 1881; Calcutta, 1897.

Тарих-и-рашиди — Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i-Rashidi. Ed., comm., notes and map by N. Elias. [Элиас Н.] Trans. by E. Denison Ross. London, 1895. (перевод на рус. яз.: Мир-за Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. Прим. и указ. Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. Ташкент, 1996)

Тарих-и-Фирузшахи — Барани Зийа-уд-дин. Тарих-и Фирузшахи. Калькутта, 1861/1862 (на фарси)

Фиришта — Абу-л Касим Фиришта Хинду-шах Астрабади. Гулшан-и Ибрахими (Тарих-и Фиришта). Канпур, 1874 (на фарси); (перевод на англ. яз.: Muhammad Qasim Firishta. Mahomedan Power in India. Trans. by J. Briggs. Vol. I–IV. London, 1829.)

Хондамир, Хумаюн-наме — Khwandamir, Ghiyassuddin b. Humamuddin al-Husayni. The Humayunnama. // Elliot, H.M. The History of India as Told by Its Own Historians: Muhammadan Period. Vol. V. London, 1875.

Эллиот Г. — Elliot, H.M. The History of India as Told by Its Own Historians. Ed. by J. Dawson. Vol. I–VIII. London, 1867–1877.

Эте Г. — Ethe, H. Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of Indian Office. Oxford, 1903.

دکتر فضل دین
دین و دُکبار

Избранные главы

BIBLIOTHECA INDICA
Work No. 61

THE
AIN-I AKBARI

VOL. I

By
ABU-L-FAZL ALLAMI

Translated into English by

H. BLOCHMANN, M.A.
Calcutta, Madras

Edited by

Lieut.-Colonel. D.C. PHILLOTT, M. A. Ph. D.

Перевел с английского

С.В. Сливашкин

ПРИЛОЖЕНИЕ

Аин-и-Акбари

ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ

АИН 10

МОНЕТЫ СЕГО СЛАВНОГО ЦАРСТВА

Как благодаря заботе Его Величества золото и серебро оказались доведены до высочайшей степени чистоты, таким же образом была улучшена и форма монет. Сейчас монеты являются украшением казны и весьма любимы народом. Расскажу об этом подробнее.

А. Золотые монеты

1. *Саханса* — это круглая монета весом 101 *тола* 9 *маша* и 7 *сурхов*, равная 100 *лал-и джалали мухрам*. На одной ее стороне выгравировано имя Его Величества, и по краю монеты в пяти сводах: *Ас-султану л-азаму л-хакану л-муаззу л-халладу Аллаху л-мул-каху ва султану зарбу дари л-хилафати Агра* — «Великий султан, выдающийся властелин, Да сохранит Аллах навечно его царство и правление! Отчеканено в столице Агре». На обратной стороне написаны благословенные слова¹ и следующий стих из Корана²: *Аллаху йазраку ман йаша-у би гайр-и хисабин* — «Поистине, Аллах наделяет, кого желает, без счета»; а вокруг начертаны имена первых четырех халифов³. Всё это было впервые вырезано гравером Маулана Максудом, после которого Мулла Али Ахмад с большим мастерством добавил следующее — на одной стороне: *Афзалу динарин йанфуку-ху ар-раджулу динарун йанфукуху ала асхабих и фи сабили лах* — «Лучшая монета, что тратит человек, — та, которую он жертвует своим братьям по вере, находящимся на пути Господа!». А на другой стороне он написал: *Ас-султану л-али ал-халифату ал-мутаали халлада аллаху таала мулкаху ва султану ва аббада адлаху ва ихсану* — «Величественный султан, возвышенный халифа, Да увековечит Всемогущий Господь его царство и правление и дарует вечность его правосудию и щедрости!».

Впоследствии все эти [надписи] удалили, а выгравировали два рубан придворного поэта и философа шейха Файзи:

Это — Солнце⁴, от которого семь океанов свой жемчуг получают,
Из его сияния черные скалы драгоценные камни получают,
Копи под его благоприятным взглядом золото получают,
И это золото Акбаровой печатью благородство получает.

И посередине написали: *Аллаху акбар джалала-ху* — «Господь велик, да воссияет Его слава!».

А на другой стороне:

Сей монете, что надеждой украшена,
И печатью веков, и бессмертным именем отмечена
В знак удачи, достаточно,
Что однажды коснулось Солнце её благосклонным взглядом.

И посередине дата по Божественной эре.

2. Есть и другая золотая монета с тем же названием и той же формы, весом 91 *тола* и 8 *маша*, достоинством 100 круглых *мухров* по 11 *маша* каждый. На ней тот же оттиск, что и на предыдущей.

3. *Рахас* — составляет половину каждой из двух названных ранее монет. Иногда имеет квадратную форму. На одной стороне — такой же оттиск, как у *саханса*, а на другой стороне — следующие рубай *Файзи*:

Этой имеющей хождение монете из казны царя
Сопутствует звезда доброй удачи.
О Солнце, благоприятствуй ей, ведь навеки
Она облагорожена печатью шаха Акбара!

4. *Атма* — составляет $\frac{1}{4}$ часть *саханса*, бывает круглой и квадратной формы. Некоторые монеты имеют тот же оттиск, что и *саханса*⁵, а у других на одной стороне следующие рубай *Файзи*⁶:

Сия монета, что руку счастливую украсит
И станет нарядом девяти небес и семи звезд, —
Монета золотая. Да трудится она на благо!
Пусть сохранится на века во славу шаха Акбара.

А на другой стороне предыдущие рубай.

5. *Бинсат* — таких же двух форм, что и *атма*, достоинство ее равно $\frac{1}{5}$ первой монеты. Есть и золотые монеты такой же формы и оттиском, но достоинством, равным $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{25}$ *саханса*.

6. *Чугул* — монета квадратной формы; она составляет $\frac{1}{50}$ часть *саханса*, и достоинство ее равно 2 *мухрам*⁷.

7. Круглая монета *лал-и джалали*, по весу и достоинству равная двум круглым *мухрам*, имеет на одной стороне надпись: *Аллаху акбар* [«Аллах велик»], а на другой — «*Йа Муин*» («О Помогающий»)⁸.

8. *Афтаби*⁹ — круглая [монета] весом 1 *тола* 2 *маша* и $4\frac{3}{4}$ *сурха*, достоинством 12 рупий. На одной стороне написано: *Аллаху акбар джалла джалала-ху*, а на другой — дата по Божественной эре и место, где она отчеканена.

9. *Илахи*¹⁰ — круглая [монета] весом 12 *маша* $1\frac{3}{4}$ *сурха*, с таким же оттиском, что и *афтаби*, достоинством 10 рупий.

10. Квадратная [монета] *лал-и джалали* имеет такой же вес и достоинство; на одной стороне отчеканено: *Аллаху акбар*, на другой: *джалла джалала-ху*.

11. *Адл-гутка* — круглая [монета] весом 11 *маша* и достоинством 9 рупий. На одной стороне: *Аллаху акбар*, на другой: *Йа Муин*.

12. Круглый *мухр* — по весу и достоинству равен *адл-гутка*, но отмечен другим чеканом.

13. *Михраби*¹¹ — по весу, достоинству и оттиску равна круглому *мухру*.

14. *Муини*¹² — бывает квадратной и круглой. По весу и достоинству равна *лал-и джалали* и круглому *мухру*. На ней отчеканено: *Йа Муин*.

15. *Чахаргоша* — по оттиску и весу равна *афтаби*.

16. *Гирд* составляет $\frac{1}{2}$ *илахи* и имеет такой же оттиск.

17. *Дхан*¹³ по своему достоинству равен половине *лал-и джалали*¹⁴.

18. *Салими* соответствует половине *адл-гутка*.

19. *Раби*¹⁵ — $\frac{1}{4}$ *афтаби*.

20. *Ман* равен $\frac{1}{4}$ монет *илахи* и *джалали*.

21. *Полсалими* равен $\frac{1}{4}$ *адл-гутка*.

22. Пандж — это $\frac{1}{5}$ часть *илахи*.
 23. Пандау — $\frac{1}{5}$ часть монеты *лал-и джалали*, на одной стороне отчеканена лилия¹⁶, на другой — дикая роза.
 24. Сумни, или [х]аштсидд, равен $\frac{1}{8}$ *илахи*, на одной стороне надпись: *Аллаху акбар*, на другой: *джалла джалала-ху*.
 25. Кала составляет $\frac{1}{16}$ часть *илахи*. На обеих сторонах монеты изображена дикая роза.
 26. Зара — составляет $\frac{1}{32}$ часть *илахи* и имеет тот оттиск, что и *кала*.
- Что касается золотых монет, то царский монетный двор, согласно обычаю, чеканил монеты *лал-и джалали*, *дхан* и *ман*, каждую на протяжении месяца. Другие золотые монеты никогда не чеканились без особого распоряжения¹⁷.

В. Серебряные монеты

1. Рупия — круглая [монета], весит $11 \frac{1}{2}$ *маша*. Введена во времена Шер-хана. Она была улучшена во времена сего царствования и обрела новый чекан, на одной стороне ее выбито: *Аллаху акбар джалла джалалу-ху*, а на другой — дата. Хотя ее рыночная цена меняется: иногда больше, а временами меньше 40 *дамов*, однако именно из этой стоимости исходят при выплате жалованья¹⁸.

2. *Джалала* имеет квадратную форму и была введена в оборот при настоящем правлении. По достоинству и чекану она равна предыдущей монете.

3. *Дарб* составляет $\frac{1}{2}$ *джалала*¹⁹.

4. *Чарн* составляет $\frac{1}{4}$ часть *джалала*²⁰.

5. *Пандау* составляет $\frac{1}{5}$ часть *джалала*.

6. [Х]ашт составляет $\frac{1}{8}$ часть *джалала*.

7. *Даса* составляет $\frac{1}{10}$ часть *джалала*.

8. *Кала* составляет $\frac{1}{16}$ часть *джалала*.

9. *Суки* — равна $\frac{1}{20}$ части *джалала*.

Те же дробные значения приняты для (круглой) рупии, но они, тем не менее, другой формы.

С. Медные монеты

1. *Дам* весит 5 *таков*, то есть 1 *тола* 8 *маша* и 7 *сурхов*; он составляет $\frac{1}{40}$ часть от рупии. Сначала эту монету называли *пайса*, а также *бухлоли*; сейчас она известна под названием *дам*. На одной стороне выбито, где она отчеканена, а на другой — дата.

В целях [облегчения] подсчетов *дам* делится на 25 частей, каждая из которых называется *джетал*. Это воображаемое деление используется только счетоводами.

2. *Адхела* составляет $\frac{1}{2}$ *дама*.

3. *Паола* составляет $\frac{1}{4}$ *дама*.

4. *Дамри* составляет $\frac{1}{8}$ *дама*.

В начале сего царствования золотые монеты чеканили во славу Его Величества во многих частях империи. Сейчас изготавливают только в четырех местах: в месте пребывания правительства, в Бенгалии, Ахмадабаде (Гуджарат) и Кабуле. Серебряные и медные монеты также чеканят в этих четырех местах и, кроме того, еще в следующих десяти местах: Илахабасе, Агре, Уджаине, Сурате, Дихли [Дели], Патне, Кашмире, Лахоре, Мультане, Танде. В 28 городах чеканятся только медные монеты: это Аджмир, Аудх, Атак, Алвар, Бадаун, Бенарес, Бхаккар, Бахира, Патан, Джаунпур, Джаландхар, Хардвар, Хисар Фируза, Калпи, Гвалиор, Горакхпур, Каланур, Лакхнау, Манду, Нагор, Сархинд, Сялкот, Сарондж, Сахаранпур, Саранпур, Самбал, Канаудж, Рантханбхур.

Торговые операции в сей стране ведутся в основном в круглых *мухрах*, *рупиях* и *дамах*.

Бесчестные люди наносят большой ущерб, шлифуя монеты или используя другие подобные приемы; а поскольку это приносит вред всему народу, Его Величество постоянно советуется с опытными людьми, и, зная дух времени, выпускает новые постановления, с тем чтобы предотвратить столь губительную практику.

Денежное обращение претерпело несколько изменений. В первый раз (на 27-м году царствования), когда бразды правления находились в руках раджи Тодар Мала²¹, для упорядочения были разрешены 4 вида *мухров*:

А. Монета *лал-и джалали* с именем Его Величества, весившая 1 $\frac{3}{4}$ *сурха*. Она была довольно высокой пробы и достоинством 400 *дамов*. Кроме того, с начала сего славного царствования существовал *мухр* с царским чеканом, имевший 3 степени чистоты, а именно: **В.** Используемый ныне *мухр*, абсолютно чистый, имеющий полный вес 11 *маши*, достоинством 360 *дамов*. Если в результате износа и царапин он терял в весе и размере менее 3 зерен риса, то оставался в том же достоинстве и не отличался от других. **С.** Если же тот *мухр* терял в весе от 4 до 6 рисовых зерен, то его достоинство считалось равным 355 *дамам*. **Д.** Если же *мухр* терял в весе от 6 до 9 рисовых зерен, его достоинство приравнивалось к 350 *дамам*. *Мухры* меньшего веса считались слитками.

В обращении находились три вида рупий: **А.** Квадратной формы из чистого серебра весом 11 $\frac{1}{2}$ *маши*. Она имела хождение под названием *джалала*, и достоинство ее составляло 40 *дамов*. **В.** Круглая старая рупия *акбаршахи*, которая при полном весе или даже 1 *сурхом* меньше имела достоинство 39 *дамов*. **С.** Те же рупии весом на 2 *сурха* меньше имели достоинство 38 *дамов*. Рупии меньшего веса, чем эти, считались слитком.

Во второй раз, 18 михра 29-го года Божественной эры, Азд-ад-даула Амир Фатх-аллах²² из Шираза, ставший во главе дел, подготовил царский указ о том, что если *мухр* потерял в весе менее 3 зерен, а рупия — 6 зерен, то это не влияет на их ценность, и они считаются полновесными. Если *мухры* оказывались еще меньше, следовало вычитать недостаток, каким бы он ни был; но там не разъяснено, что только *мухры*, потерявшие в весе менее 9 зерен, считались *мухрами*. С другой стороны, согласно тому же указу достоинство *мухра*, в котором не хватало 1 *сурха*, уменьшалось до 355 с небольшим *дамов*, а цена 1 *сурха* монетного золота определялась по низкой ставке — 4 с небольшим *дама*. Согласно указу Тодар Мала из-за недостатка 1 *сурха* делался вычет [стоимости] 5 *дамов*, а если *мухр* терял больше 3 зерен — в пределах какой-либо величины его стоимость не уменьшалась — то, даже если потеря составляла всего $\frac{1}{2}$ *сурха*, вычитались полные 5 *дамов*. При недостатке $1\frac{1}{2}$ *сурха* он вычитал 10 *дамов*, даже если недостача не составляла ровно $1\frac{1}{2}$ *сурха*. По новому установлению Азд-ад-даулы достоинство *мухра* уменьшилось на 6 с небольшим *дамов*, так как его золото имело достоинство чуть больше 353 *дамов*²³.

Азд-ад-даула отменил правило, по которому достоинство круглой рупии считали на 1 *дам* меньше, чем квадратной, несмотря на совершенство ее веса и чистоту; достоинство круглой рупии, имевшей полный вес или недвес в пределах 1 *сурха*, он установил равным 40 *дамам*; и если раньше при недостатке 2 *сурхов* вычитались 2 *дама*, то теперь при том же недостатке вычитается только 1 *дам* с небольшим.

В третий раз, когда Азд-ад-даула отбыл в Хандеш, раджа ввел оценку достоинства *мухров*, которая до этого было выражена в рупиях *джалала*, в круглых рупиях, а недвес *мухров* и рупий по причине своего упрямства и склоности вновь определил по старым нормам.

В четвертый раз, когда обязанности управления принял Кулидж-хан²⁴, он принял способ раджи для оценки *мухров*, но вычитал 10 *дамов* при том недвесе *мухра*, при котором раджа вычитал 5, и 20 *дамов* вместо прежних 10; а слитком он считал *мухр*, в котором недвес составлял $1\frac{1}{2}$ *сурха*. Соответственно каждая рупия, недостаток веса в которой составлял 1 *сурх*, считалась слитком.

Наконец, Его Величество, доверявший своим советникам, будучи занят различными важными делами, поначалу уделял мало внимания этому предмету. Но после того как было получено несколько сообщений о неудовлетворительном положении дел, он издал другое постановление, спасшее народ от дальнейших потерь и одобренное каждым и везде. 26 бахмана 36-го года Божественной эры (1592 г.) он признал [правильным] второй метод (то есть Азд-ад-даулы) с единственным исключением: он не одобрил того, что *мухр* с

недовесом не более 3 и рупия с недовесом не более 6 *сурхов* считаются полновесными. Это постановление стало единственным действенным способом прекратить мошенничество бессовестных людшек, ибо в прежних указах не были предусмотрены меры в тех случаях, когда чиновники монетного двора чеканили деньги с указанным недостатком в весе, или казначеи уменьшали полновесные монеты на ту же величину. Кроме того, бесстыдные воришки уменьшали вес зерен и так доводили *мухры* с недовесом 3 зерна до недовеса 6 зерен, а *мухры* с недовесом 6 зерен принимали как *мухры* с недостатком 9 зерен. Пока это уменьшение [веса] монет продолжалось, разворовывалось большое количество золота, и казалось, этому не будет конца. По приказу Его Величества были изготовлены зерновые гири *бабагури*, которые впредь надлежало использовать для взвешивания [монет]. Тогда же увидели свет и другие строжайшие предписания, чтобы казначеи и сборщики податей не требовали с плательщиков только определенные виды монет, а точная недостача по весу и чистоте — какой бы она ни была — принималась по существующим, а не завышенным расценкам. Этот приказ Его Величества расстроил планы бесчестных, научил алчных умеренности и освободил народ от жестокости притеснителей.

¹ Так же именуется *Калима*, или Символ веры, — *Ла илаха илл-аллах Мухаммадун расул-уллах*. [*Калима* (араб.) — Слово. В исламе так называется Символ веры, произносимый человеком в момент признания себя мусульманином: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк Его!».]

² Коран, сура 2 [Корова], аят 208 / [212] [перевод И.Ю. Крачковского].

³ [Первые четыре халифа, именуемые «праведными» (араб. *аль-хулафа ар-рашидун*), — халифы Абу Бакр ас-Сиддик (род. в 572 г., годы правления — 632–644 гг.), Умар (Омар I) ибн аль-Хаттаб аль-Фарук (род. в 585 г., 634–644 гг.), Усман ибн Аффан (годы жизни — 575–656 гг., 644–656 гг.) и Али ибн Абу Талиб — четвертый и последний праведный халиф, племянник и зять пророка Мухаммада (род. в 602 г., 656–661 гг.). После кончины пророка Мухаммада они в течение почти 30 лет возглавляли мусульманскую общину. В 661 г. Али был убит в мечети города Куфы, и, добившись отречения его старшего сына ал-Хасана, Муавийя в Дамаске беспрепятственно провозгласил себя халифом.]

⁴ По мнению средневековых натурфилософов, влиянием Солнца обусловлено существование металлов, жемчуга и драгоценных камней [см. Аин 13. Происхождение металлов].

⁵ (*Сад-мухри* в персидском тексте. — Филлотт.) [*Сад-мухри* означает 100 *мухров*.]

⁶ (*Малик-аш-шуара* в персидском тексте. — Филлотт.) [Царь поэтов — титул, которого Акбар удостоил Файзи в 1589 г.]

⁷ Рукописи расходятся. Во многих из них *чугул* именуется шестой монетой после *бинсат* и говорится следующее: «*Чугул* имеет квадратную форму и весит 3 *тола*, 5 $\frac{1}{3}$ *сурха*, достоинством равен 30 рупиям. Имеются также [*чугулы*] круглой формы весом 3 *тола*, 9 *маша*, стоимость каждого из которых составляет 3 круглых *мухра* по 11 *маша* (то есть 27 рупий). Но оттиск на обоих — одинаковый. Они составляют $\frac{1}{50}$ часть *саханса*».

Последнее не соответствует достоинству и весу *саханса*; ибо оба из вида *чугулов*, согласно Абу-л Фазлу, должны составлять $\frac{1}{103}$ часть от двух видов *саханса*, а не $\frac{1}{50}$. Г-н Томас в своем превосходном издании «Полезные таблицы» Принцепса приводит отрывок из своей рукописи «Аин-и-Акбари», но здесь упоминает только квадратный *чугул* весом 3 *тола* 5 $\frac{1}{2}$ *сурха*, достоинством 30 рупий, а затем автор переходит к восьмой монете, *афтаби*.

В двух других рукописях после *бинсат* идет следующее:

«6. *Чажаргоша* (или квадрат), весом 3 *тола* 5 $\frac{1}{4}$ *сурха*, достоинством 30 рупий.

7. *Гирд* (или круглая); весом 2 *тола* 9 *маша*, достоинством равная 3 круглым *мухрам*, каждые 11 *маша*.

Обе монеты имеют один и тот же оттиск.

8. *Чугул* квадратной формы, $\frac{1}{50}$ часть *саханса*, достоинством равный 2 *мухрам лал-и джалали*».

Этот фрагмент устраняет все трудности. Но основной вопрос в том, являются ли *чахаргоша*, *гирд* и *чугул* тремя разными монетами.

8 [Аль-Муин — «Помогающий», одно из 99 «прекрасных имен Аллаха» — *ал-асма ал-хусна*. Они занимают важное место в мусульманском богословии, поскольку наглядно описывают основные качества Аллаха. Перечисление их в молитвах считается приносящим благо, для чего применяются четки с 99 бусинами.]

9 [*Афтаби* (перс.) — букв. «солнечная».] Это — *калима* (издание «Аин-и-Акбари» Сайид Ахмада).

10 [*Илахи* (араб.) — Божественная.]

11 Фигура, называемая *михраби* —

12 [Монета получила название по вычеканенным словам.]

13 В «Словаре» Форбса — *дахан*.

14 В некоторых рукописях: «половина четверти *илахи* и *лал-и джалали*». В «Словаре» Форбса — 6 рупий (?)

15 Возможно, следует писать *рабби*.

16 (*Лала* — в персидском тексте. В Афганистане и Пенджабе это обычно название красного мака, в Персии так обозначается и дикий тюльпан. — Филлотт.) [*Лала* (перс.) — тюльпан.]

17 [Основной золотой монетой при Акбаре и позднее вплоть до 1857 г. был мухр (*мохур*), введенный в оборот в 1562 г. На протяжении длительного времени он сохранял постоянный вес — около 11 г ($\pm 0,2$), диаметр приблизительно 20 мм, и чеканился из золота 980-й пробы. Крупные монеты номиналом от 10 до 100 *мухров* чеканились по случаю выдающихся событий в ограниченном количестве и фактически являлись медалями. Основные типы чекана — *калима* и *илахи*.]

18 [Рупия во времена Акбара чеканилась из серебра 970-й пробы и имела вес от 11 до 11,5 г (наиболее часто — 11,3 г). Диаметр круглой рупии составлял 19–20 мм, размер стороны квадратной (или *джалала*) — 16–17 мм. Указанное ниже деление на доли относится как к квадратной, так и к круглой рупии.]

19 [*Дарб*, или, *халф* рупия, имела вес 5,5 г и диаметр 15–16 мм (для квадратной — 14–15 мм).]

20 [*Чарн* имел вес 2,6 г.]

21 Раджа Тодар Мал из касты *кхатри* [кшатриев] родился в Лахоре. Он вступил на службу к Акбару на 18-м году царствования, и ему было поручено привести в порядок дела Гуджарата. На 19-м году царствования мы обнаруживаем его в Бенгалии вместе с Муним-ханом, и три года спустя там же. На 27-м году его назначили *диваном* империи, и он реорганизовал податную систему государства. После неудачного покушения, совершенного одним из раджпуттов на 32-м году, его послали против *юсуфзаев* отомстить за смерть Бирбала. На 34-м году старость и болезнь вынудили его уйти в отставку, которую Акбар неохотно принял. Вернувшись на берега Ганга, он умер, «или сошел в ад», как выражается об индусах Бадауни, на 11-й день 998 г.х. (или 10 ноября 1589 г.), в тот же год, когда умер раджа Бхагван Дас. Тодар Мал достиг чина *чахархазари*, или командира четырех тысяч, и отличался доблестью в той же мере, что и финансовыми способностями. Его старший сын Дхару командовал семью сотнями и погиб на войне с Тхатхой.

Абу-л Фазл лично не любил Тодар Мала, но хвалил его за непреклонную честность и талант, хотя и обвинял в мстительности и фанатизме. Аурангзеб говорил, что слышал от отца, будто Акбар выражал недовольство «независимостью и тщеславием раджи и его приверженностью к индуизму». Абу-л Фазл открыто жаловался на

него Акбару, но царь с присущим ему отношением к верной службе сказал, что не может удалить старого слугу. В приверженности к индуизму Тодар Мала можно противопоставить Бирбалу, который незадолго до гибели стал приверженцем Божественной веры. Однажды, сопровождая Акбара в Пенджаб, в суматохе подготовки Тодар Мал потерял своих идолов, а так как никогда не занимался делами до ежедневной молитвы, несколько дней он провел без еды и

- ²² Амир Фатх-ал-лах из Шираза был учеником Ходжа Джамал-ад-дин Махмуда, Камал-ад-дина из Ширвана и Мир Гияс-ад-дин Мансура из Шираза. И был столь сведущ во всех областях натурфилософии и особенно механики, что Абу-л Фазл сказал о нем: «Если книги античности будут утрачены, Амир их восстановит». По настоятельной просьбе Адил-шаха из Биджапура переехал из Шираза в Декан. В 991 г.х. [1583 г.], после смерти Адил-шаха, приглашен Акбаром, который возвел его в ранг *садра*, а 3 годами позже даровал ему титул *амин ал-мулка* [хранителя страны]. Он был назначен помогать Тодар Малу и сослужил добрую службу при работе со старыми податными книгами. Его титул *амин ал-мулк*, о котором упоминает Абу-л Фазл, в том же году был изменен на *азуд-ад-даула* [*азд-ад-даула*], или «длань державы». Потом Амир поехал в Хандеш. Вернувшись в 997 г.х. [1588 г.] к Акбару, который тогда находился в Кашмире, заболел лихорадкой, от которой и умер. Думая, что смыслит в медицинском искусстве, он отказался от советов знаменитого Хаким Али и пытался лечить лихорадку, принимая внутрь *хариса* (см. Аин 24), что и стало причиной его смерти. [*Хариса* — блюдо из мяса, раздробленной пшеницы, топленого масла, соли и корицы.]

После Абу-л Фазла, Файзи и Бирбала Амир, наверное, был наиболее любим Акбаром. Некоторые его изобретения в механике, упомянутые в последующих Аинах, Абу-л Фазл приписал самому Акбару(!). Амир, однако, находился в наилучших отношениях с Абу-л Фазлом и обучал его сына. По словам автора «Мират-ул-алам», он был «мирским человеком, часто сопровождал царя в охотничьих прогулках с ружьем на плече и сумкой для пороха на поясе, попирая науку и совершая подвиги

мощи, которые не в силах был бы совершить Рустам». По словам автора «Маасир-ал-умара», которые согласуются с другими источниками, Амир имел чин *сих-хазари*, или командира трех тысяч, но я не нахожу его имени в списках вельмож Акбара в «Табакат-и-Акбари» и в Аине 30 2-й книги I тома «Аин-и-Акбари». Вместо Амир Фатх-ал-лаха, особенно часто у Бадауни, встречается вариант Шах Фатх-ал-лах. Он был погребен в Тахт-и Сулейман. Ода, написанная на его смерть Файзи, превосходна.

- ²³ Азд-ад-даулой была установлена стоимость 1 *сурха* монетного золота — 4 *дама* с небольшим, значение полновесного *мухра* (11 *маша* = 11 х 8 *сурхов*) равнялось только 11 х 8 х (4+ малая доля) *дамов*, т.е. согласно Абу-л Фазлу 353 *дама* с небольшим вместо 360 *дамов*.

- ²⁴ Кулидж-хан впервые упоминается на 17-м году царствования Акбара, когда был назначен управлять крепостью Сурата, которую Акбар взял после сорокасемидневной осады. На 23-м году был направлен в Гуджарат, а после смерти Шах Мансура, двумя годами позже, назначен *диваном*. На 28-м году находился при войске во время завоевания Гуджарата. В 34-м году получил в качестве *джагира* Самбхал. После смерти Тодар Мала снова назначен *диваном*. Именно это время имеет в виду Абу-л Фазл. В 1002 г.х. [1593—1594 гг.] Кулидж-хан поставлен управлять Кабулом, но не преуспел. После освобождения от должности в 1005 г.х. [1596—1597 гг.] сопровождал принца Данияла, своего зятя, в качестве *аталика*, или воспитателя, но вскоре возвратился к Акбару. В 1007 г.х. [1598—1599 гг.], когда царь отсутствовал, находясь в Хандеше, управлял Агрой. Двумя годами позже назначен управителем Пен-

джаба и Кабула. После воцарения Джахангира его послали в Гуджарат, но в следующем году вернули в Пенджаб, чтобы вести войну против роушанитов. Умер в преклонном возрасте в 1035 г.х. (1625–1626 гг.). В последнем Аине 2-й книги I тома «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл упоминает его в числе *чахархазари*, или командиров четырех тысяч: в этом высоком чине он пребывал уже некоторое время, ибо Низами Харави в «Табакат-и-Акбари» упоминает и этот его чин, и чин *дивана*. Будучи воспитателем принца Данияла, получил должность командира четырех тысяч пяти сотен. Кулидж-хан был набожным человеком и стойким суннитом; его очень уважали за образованность. Как поэт он известен под именем Улфати; некоторые его стихи можно найти в заключительной части «Мират-ул-алам». Высоким чином он обязан не столько таланту государственного деятеля, сколько семейным связям с царями Турана. Из его двоих сыновей, Мирза Сайф-ал-лаха и Мирза Чин Кулиджа, более известен последний. [Кулидж-хан происходил из Андижана (совр. Узбекистан). Его дед был вельможей при дворе Тимурида Султан Хусейн мирзы Байкара. Умер Кулидж-хан, согласно Г. Блохманну, 10 рамазана 1022 г.х. (конец 1613 г.) в возрасте 80 лет. Его сыновья: Сайф-ал-лах, Чин Кулидж, Мирза Лахаури, Болджу-хан, Байрам-хан, Джан-хан, Кулидж-ал-лах.]

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Аббас султан Узбек** 173
Абд-ал-Баки, маулана, садр 160
Абд-ал-Кадир, ахунд 160
Абд-ал-Латиф 34, 142
Абд-ал-лах Могол (Мугал, Мугул)
мирза 81, 154, 187, 190, 191, 193
Абд-ал-лах Султанпури
(из Султанпура) 68, 164
Абд-ал-лах-хан Узбек, Шуджаат-хан
26, 46, 51, 57, 66, 116, 151, 206, 207,
232, 235, 236
Абд-ал-Маджид, см. Ходжа Абд-ал-
Маджид
Абд-ал-Матлаб (Маталиб, Матлиб),
сын Шах Будаг-хана 220, 226
Абд-ал-Фатх 160
Абд-ар-Рахим-хан Хан-ханан, сын
Байрам-хана 70, 154, 183, 184
Абд-ар-Рахман 84
Абд-ар-Рахман бек, сын Муайид бека
Дулдая 117, 118
Абд-ар-Рашид, сын Саид-хана
Кашгари 36
Абд-ас-Самад Ширинкалам (Ходжа
Абд-ас-Самад) 62
Абу Саид мирза 26, 36, 90
Абу-л Касим 84, 160
Абу-л Касим, сын Камрана мирзы, см.
Ибрахим мирза
Абу-л Мухаммад, астролог 14
Абу-л Фазл Аллами, сын шейха
Мубарака Нагори (1551–1602) 20, 63,
112, 159, 203
Абу-л Фатх Джалал-ад-дин
Мухаммад Акбар, см. Акбар
Абу-л Фатх, сын Фазиль бека 171
Абу-л-маали, см. Шах Абу-л-маали
Абу-л-Музаффар Джалал-ад-дин
Мухаммад Акбар, см. Акбар
Абу-н-насир Мухаммад Хиндал
мирза, см. Хиндал мирза
Адам, дядя Баз Бахадур 190, 191
Адам, сын Фатах-хана 194
Адил-хан, сын Шах Мухаммада
Кандагари 187
Адхам-хан, сын Махам Анаги 74, 75,
79, 110, 119, 122, 131, 132, 145, 155, 156,
184, 187, 190, 192, 193, 196–200, 212,
213, 219, 242, 243, 245–248, 250
Азд-ад-даулах (Азад-ад-даула), см.
Фатх-ал-лах Ширази
Азиз Кокалташ 168
Азиз Мухаммад Кокалташ (Азиз
Кока, Мирза Кока), сын Атка-хана, см.
Азиз Кокалташ
Акбар (Акбар шах) (1543–1605) 5–10,
13–19, 21, 23, 26–38, 40–45, 47–53,
55–58, 60–63, 65, 66, 68–70, 72–75,
78–92, 94–96, 98–105, 107–116, 119,
122–138, 140, 141, 143–146, 149, 151,
152, 155–160, 162–169, 170–173, 176–
181, 183–185, 187, 189, 191–193, 195–
214, 217–221, 223–225, 227–232,
235–237, 239, 240, 242–249, 251
Ала-ад-дин Мухаммад мирза, сын
Ходжа Хасана 90
Алавал-хан 231
Александр, см. Искандер
Али Дост-хан Барбеги 46
Али Кули Хан Заман, см. Али Кули
Шайбани
Али Кули Шайбани, сын Хайдара
Шайбани 26, 44, 45, 49, 51, 54, 57,
59, 66, 67, 75, 80, 81, 94–98, 195,
204–207
Али Кули-хан Андараби 51, 157
Али Кули-хан, см. Али Кули Шайбани
Али Шер, сын Мухаммад-хана Макри
143

*Именной и географический указатели приводятся только по тексту источника.

- Али Шукр** (Шир) **Кара Кююнлу** 90
Али Яр бек Афшар 76
Амир Бабус, см. Бабус бек
Амир бек (хан) 110
Амир Тимур Гурган (Тамерлан) (1336–1405), см. Тимур Гурган
Амир Фатх-ал-лах Ширази, см. Фатх-ал-лах Ширази
Арам Джан 117, 118
Асаф-хан, см. Ходжа Абд-ал-Маджид
Атага-хан, см. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан
Атка-хан, см. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан
Аузан (Авзан) Бахадур 51
Афзал-хан, см. Ходжа Султан Али
Ахмад бек 158
Ахмад бек Туркмен 160
Ахмад-хан Сур, см. Сикандар-хан Сур
Ашраф-хан, см. Мир Мухаммад Мунши
Баба Саид Кибчак 44
Бабаи Замбур 165, 183, 184
Бабур, см. Захир-ад-дин Мухаммад Бабур
Бабус (Бапус, Амир Бабус) бек 31
Бадичанд 230
Баз Бахадур, сын Суджавал-хана 125, 126, 187, 190–192, 196, 199, 232–236
Байрам-хан Хан-ханан (ок. 1510–1561) 12, 26, 27, 29, 46, 49, 50, 51, 53, 58, 61–63, 70, 75, 79, 81, 83, 84, 87, 89, 90, 92, 94, 97–100, 104, 105, 110, 111, 120–126, 128, 130–139, 141–149, 151, 154–158, 160, 162–169, 171, 181–183, 193, 240
Баки Мухаммад-хан Баклани (Баки-хан из Баклана) 119, 132, 184
Баки-хан Баклани, см. Баки Мухаммад-хан Баклани
Бакши Бану бегим, дочь Хумаюна 179
Банда Али 230
Бапус, см. Бабус
Барбад 222
Бахабал-хан 109
Бахадур-хан, сын Хайдара Шайбани, брат Али Кули-хана 54, 75–77, 87, 110, 125, 126, 137, 139, 140, 143, 151, 161, 193, 207
Бахлул Гаус, шейх (Бухлул) 125, 194
Бахрам мирза, сын Исмаила Сефевии 110
Бахт Мал 89
Бахши Бану, см. Бакши Бану
Биби Наджиба бегим (Тахт бегим, Тухта) 246
Бидаг-хан Каджар (Будаг-хан) 226
Бика Махам Анага, см. Махам Анага
Бихари Мал Качваха (Каччваха), раджа 35, 65, 217–220
Бурдж Али 97
Бхагван (Бхагвант, Бхагавант) **Дас Каччваха**, раджа 218, 220, 230
Бхагван Дас 59
Ваис Кибчак (Султан Ваис) 176
Ваис мирза (Хан-мирза, Мирза-хан), третий сын Султан Махмуд мирзы, Тимурид (?–1521) 26
Вали бек Зулкадр 131, 137, 144, 145, 154, 157, 158, 160, 161
Вали Ниямат, см. Харам бегим
Вали Халифа Шамлу 110, 111
Викрамаджит, см. Викрамадитья
Викрамадитья 22, 23
Гадаи Камбу (Камба), шейх 35, 92, 121, 122, 125, 131, 137, 146, 149
Гази-хан Таннури (Танур, Сур) 84, 138, 145, 207
Гази-хан, правитель Кашмира 143, 179
Гази-хан, сын Качи Чака 179, 180
Ганес (Гонес, Ганеш), раджа 163, 236
Гани-хан, сын Муним-хана 171, 250
Гити-ситани Фирдус-макани (Завоеватель мира, ожидающий в Раю), см. Захир-ад-дин Мухаммад Бабур

- Гияс-ад-дин**, мулла 44
Гульбадан бегим, дочь Бабура 39, 42, 80
Гульбарг бегим, см. Гульранг бегим
Гульранг бегим, дочь Бабура 90
Гульчехра (Гульчихара) **бегим**, дочь Бабура 39, 80
Гурган, см. Тимур
Даним Кокалташ 232
Дарвеш Мухаммад Узбек (Дервиш бек, хан) 148, 154, 167, 171
Дастам-хан 230, 246
Даулат Чак 143, 180
Део Дас 225–227
Дервиш бек Узбек, см. Дарвеш Мухаммад Узбек
Дервиш Максуд Бангали 79
Дервиш Узбек, см. Дарвеш Мухаммад Узбек
Джаганнатх Каччваха, сын Бихари Мала 218–220
Джагмал (Джаймал) 225, 226
Джагмал (Джегмал) **Каччваха** 218, 226
Джаджхар-хан 56, 123, 230, 231
Джай Дивана 232
Джаймал Каччваха, сын Рупси 218
Джалал-ад-дин Масауд, брат Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд Бакши (Буджук) 100
Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар (1543–1605), см. Акбар
Джалал-ад-дин Хизр-хан, см. Хизр-хан
Джалал-хан Курчи 251
Джалал-хан Сур (Салим-хан, Ислам-хан, Ислам-шах), сын Шер-хана (прав. 1545–1554) 56, 73, 74, 80, 81, 125, 126, 182, 248
Джамал-хан 70, 163, 164
Джан Мухаммад Бахсуди (Бахасуди), султан, хан 168, 236
Джаухар-хан 194
Джаханбани Джаннат-ашияни, см. Хумаюн
Джегмал, см. Джагмал (Джегмал) Каччваха
Джиннат-дастгах, см. Хумаюн
Джунаид бек Барлас, см. Султан Джунаид Барлас
Дхарм Чанд, см. Рам Чанд Багхела
Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, Тимурид (1483–1530) 38, 65, 67, 90
Ибрахим Лоди, сын Султан Искандера Лоди (прав. 1511–1526) 65
Ибрахим мирза (Абу-л Касим), сын Камрана мирзы 132, 135
Ибрахим мирза, сын Сулеймана мирзы 38, 39, 172, 174–176
Ибрахим Сур 43
Ибрахим-хан Узбек 96, 193
Иди Рина 180
Имам Абу-л Мухаммад, см. Абу-л Мухаммад
Искандар Афган, см. Искандар-хан Сур
Искандар-хан Сур (Ахмад-хан) 31, 34, 43, 48, 62, 67–71, 73, 82, 84, 89, 138
Искандар-хан Узбек 26, 46, 51, 57, 65, 66, 68, 145, 151, 152, 193
Искандер Зулькарнайн (Александр Македонский) 82, 203
Исмаил бек Дулдай (Исмаил Кули бек Дулдай) 67
Исмаил Кули, сын Вали бека 146, 160
Исмаил Кули-хан 110
Исмаил Кули-хан, брат Хусейн Кули-хана 157, 158
Исмаил-хан, сын Ибрахим-хана Узбека 96
Исфандияр 46
Итимад-хан 233, 248, 249
Ихтияр-хан, фаудждар 56
Йусуф Чак, сын Рамаки Чака 180
Кабул-хан 111

- Кадази-аркани** (Оплот чистоты), см. Хамида Бану
- Кази-хан Бадахши** (Кази Низам) 40, 41
- Камал-хан Гакхар** (Гхаккар), сын Султан Саранга 37, 109, 110, 116, 142, 193
- Камран мирза**, сын Бабура (?–1557) 81, 88, 132
- Кангар**, сын Джегмала, Каччваха 218, 219
- Капан** 56
- Капур Чанд** 106
- Кара Бахадур** 106, 180, 181
- Кара Бахадур-хан мирза**, брат Хайдара Гургана 179, 180
- Каратака (Каратак)** 229
- Карача бек** (Карача-хан, Кара Бахт) (?–1552) 153
- Касим Али Систани** 250
- Касим Арслан** 183
- Касим Мухлис** (Махлас) Тарбати 46
- Касим-хан**, мир *барр-у-бахр* 160
- Качи Чак** 179
- Кийя бек Джуан**, см. Кийя-хан Ганг
- Кийя-хан Ганг** (Канг) 26, 46, 66, 81, 108, 109, 116, 134, 140, 157, 187, 190, 191, 193, 200, 235
- Кийя-хан Сахиб Хасан** 187
- Кичак бегим** 36
- Кул Кафир** 175
- Курак** 175
- Кутб-ад-дин** 237
- Кучак Бахадур** 180
- Лал-хан Бадахши** 46, 51, 54, 59
- Ланг Сарбан** 150, 151
- Латиф-хан** 44
- Лачман Сен** (Лакшман Сен) 23
- Лонкаран** 226
- Лохар Жанкар** (Анкари, Део Хари), сын Саху 143, 180
- Маджнун-хан Какшал** 35, 51, 65, 145, 193
- Майкал-хан** 56
- Макбил-хан**, см. Мукбил-хан
- Максуд Али султан** 109
- Малдео** (Мал Део, Рай Малдео) 225
- Малик Шах** 24
- Ман Сингх Каччваха** 220
- Масум бек Сафави** 237, 241
- Маттар Сен**, раджа 145
- Маулана Абд-ал-лах**, см. Абд-ал-лах Султанпури (из Султанпура)
- Маулана Ахмад Джунаид** 177
- Маулана Джалал-ад-дин**, см. Пир Мухаммад-хан Ширвани
- Маулана Мухташам** 232
- Маулана Пир Мухаммад Ширвани**, см. Пир Мухаммад-хан Ширвани
- Маулана Саид Туркестани** 177
- Махам Анага** (Ага, Беги) 79, 85, 90, 119, 131, 132, 139, 140, 147, 155, 169, 184, 197, 199, 200, 208, 209, 213, 217, 220, 243, 245–247
- Махди Касим-хан** 44, 70, 89, 133, 138, 155, 157, 167
- Махдум-ал-мулк**, см. Абд-ал-лах Султанпури
- Махмуд Барха** 51, 67, 110
- Махмуд Газнави** (Газневи), султан 203
- Мир Абд-ал-Латиф**, см. Абд-ал-Латиф
- Мир Абд-ал-лах Бахши** 121
- Мир Ала-ал-мулк** 36
- Мир Али Акбар** 193
- Мир Бахр** 160
- Мир Ваис бек**, см. Султан Ваис бек
- Мир Гияс-ад-дин Али**, Накиб-хан 34
- Мир Латиф** 67
- Мир Мунши**, см. Мир Мухаммад Мунши
- Мир Мухаммад Касим**, см. Мухаммад Касим-хан из Нишапура
- Мир Мухаммад Мунши** (Мир Мунши) 46, 47, 49, 163, 164, 201, 247, 250

- Мир Мухаммад-хан Калан** (Килан), брат Шамс-ад-дина Атки 133, 237
- Мир Сайид Али** 62
- Мир Хабиб-ул-лах** 136
- Мир Хашим** (Кахмард бек) 31
- Мирак Бахадур** 187
- Мирам** (Миран) **Аргун** 187
- Миран Мубарик шах** 233
- Мирза Афак** (Апак) 232
- Мирза Бек Барлас** (Бирласу) 173, 174
- Мирза Касим-хан** из Нишапура 92
- Мирза Кули Узбек** 54–55
- Мирза Кули Чули** 51
- Мирза Хасан из Термеза** 106
- Мирза Хасан-хан**, см. Хасан-хан, брат Шихаб-ад-дин Ахмад-хана
- Мирза Хизр-хан Хазара**, см. Хизр-хан Хазара
- Мирза Шах султан**, см. Мухаммад Султан мирза, сын Улуг Мирзы
- Мирза-хан** (Хан-мирза), см. Ваис мирза
- Мирнам-макани**, см. Хамида Бану
- Михр Али-хан Силдуз** 187, 191
- Михтар Сакаи**, Фархат-хан (Фархад) 245
- Муайид бек Дулдай** (Муайяд бек, Муийд бек) 117
- Мубарак-хан** 54, 138
- Мубарак-хан Лохани** 182
- Мубариз-хан**, см. Мухаммад Адил
- Музаффар Али**, см. Ходжа Музаффар Али
- Музаффар-хан Ширвани** 67
- Музаффар-хан**, см. Ходжа Музаффар Али Тарбати
- Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди**, см. Муин-хан Фаранхуди
- Муин-хан Фаранхуди** 206, 235, 236
- Муийд бек**, сын Муайид бека Дулдая 118
- Мукбил-хан** (Макбул, Макбил) 230
- Мукдим бек** 42
- Муким-хан**, Шуджаат-хан 160
- Мулк Мухаммад** 232
- Мулла Загар** 160
- Мулла Максуд Бангали**, см. Дервиш Максуд Бангали
- Муним-хан**, Хан-ханан 26, 30, 40–42, 53, 78, 79, 99, 100, 133, 134, 160, 162–165, 171, 172, 177, 196, 206, 208, 230, 243, 245, 247, 249–251
- Муса-хан Фулади** 182
- Мусахиб бек**, сын Ходжа Калан бека 98
- Мусубат Чак** 143
- Мухаббат-хан** 44
- Мухаммад** (ок. 570–632) 24, 150
- Мухаммад Адил** (Мубариз-хан, Адали) 43–45, 80–83, 116, 126, 193
- Мухаммад Амин Дивана** 44, 140, 141, 183
- Мухаммад Байрам-хан Хан-ханан**, см. Байрам-хан Хан-ханан
- Мухаммад Баки-хан Баглани**, см. Баки Мухаммад-хан Баклани
- Мухаммад Гаус** (Гауса), шейх 123, 124, 125
- Мухаммад Камран мирза Кухдами**, см. Камран мирза
- Мухаммад Касим** 250
- Мухаммад Касим-хан** из Нишапура (?) 51, 59, 67, 155, 157, 160, 167
- Мухаммад Касим-хан Мауджи** 84
- Мухаммад Кули Тукбай** (Токбай) 187
- Мухаммад Кули Шигали** 175
- Мухаммад Кули-хан Барлас** (Бирлас) 31, 77–79, 99, 161
- Мухаммад Мир Катиб** 233
- Мухаммад Садик-хан** 145
- Мухаммад Султан мирза**, сын Султан Ваис мирзы, Барлас 30
- Мухаммад Тахир-хан** 150, 151
- Мухаммад Хайдар Гурган мирза**

Дуглат, см. Хайдар Гурган мирза
Дуглат

Мухаммад Хаким мирза, сын
Хумаюна, брат Акбара 26, 79, 160

Мухаммад Ходжа Куштигир 187,
191

Мухаммад Хусейн (Ходжаги
Мухаммад Хусейн), шейх 121, 160, 171,
220, 226

Мухаммад, шейх, см. Мухаммад Гаус

Мухаммад-хан Джалаир 51, 116

Мухаммад-хан Макри 143

Нагиз (Накис) 222

Наджи Рина, брат Иди Рина 180

Накиб-хан, см. Мир Гияс-ад-дин Али

Насир-ад-дин Ходжа Абдаллах
(Убайд Аллах) Ахрар (Ходжа Ахрар)
(?–1498) 36, 177

Насир-ал-мулк, см. Пир Мухаммад
Ширвани

Насрат-хан 180

Ниамат 244

Низам-ад-дин Тардибек-хан, брат
Кучбека 26, 35, 44–50, 54, 79, 160,
234

Нур-ад-дин Мухаммад мирза 90

Нур-ад-дин Мухаммад Тархан 17

Нур-ад-дин Тархан, см. Нур-ад-дин
Мухаммад Тархан

Пайанда (Паянда) **Мухаммад-хан**
Могол, Хан Мугул 160, 187, 191

Пахлван Гулгаз 30, 142

Паша бегим, дочь Али Шукр бека 90

Пир Мухаммад-хан Ширвани 34, 44,
46, 47, 49, 50, 66, 67, 73, 81–83, 92,
97, 98, 120–122, 144, 145, 187, 190,
192, 193, 200, 212, 213, 232–234,
237

Пир Мухаммад-хан, Шейбанид 173–
175

Пуран Мал, раджа 218

Рад (Бадран) 58

Радж Сингх Каччваха 218–220

Рай Калиян Мал 147

Рай Малдео, см. Малдео

Рай Раи Сингх, сын Рай Калиян
Мала 147

Рай Сурджан (Сарджан), см.
Сурджан

Рай Хусейн Джалвани 46

Рам Сах, раджа 81

Рам Чанд Багхела 35, 207, 251

Рамаки Чак 180

Рамья, племянник Хему 55

Рана, сын Рана Санга, см. Удай Сингх

Рафик 244

Ризван 115

Рукн-хан Лохани (Нухани) 43, 80

Рупмати 192

Рупси 218

Рустам 46, 110, 180, 191, 227

Сабз Талха (Малих, Тулакар) 157

Садик-хан 110, 187, 190, 191, 193,
196

Садр-хан, см. Хизр-хан

Сайид бек, сын Масум бека Сафави,
мир дивана 237, 244

Сайид Кули мирза 151

Сайид Махмуд Барха, см. Махмуд
Барха

Сайид Махмуд-хан, см. Махмуд Барха

Сайид Мухаммад Барха 250

Сайид Сулейман 194

Салар Масауд Гази 203

Салима Султан бегим, двоюродная
сестра Акбара 80, 89, 90

Салим-хан Харвар 194

Салим-хан Хаса-хейль 190, 191

Салим-хан, см. Джалал-хан Сур

Сальбахан, раджа 23

Саманджи-хан, сын Чалма бека 55,
187, 191

Санграм Хуснак 245

Санграм-хан, см. Джаджхар-хан

Сахеб (Сахиб) **Хасан** 157

- Сахиб Каран Кутбу-д-дуня ва-д-дин Амир Тимур Гурган**, Сахиб Карани (Киранни), см. Тимур
- Сикандар-хан Сур** (Ахмад-хан), см. Искандар-хан Сур
- Сикандар-хан Узбек**, см. Искандар-хан Узбек
- Сикандар-хан**, см. Искандар-хан Узбек
- Суджа** 226
- Суджавал-хан** (Шуджаат-хан) 125, 126
- Сулейман** (библ. Соломон) 176
- Сулейман мирза** 38–40, 42, 53, 78, 117, 172, 174–177
- Сулейман мирза**, сын Султан Ваис хана, Чагатаид 26
- Султан Абу Саид мирза**, сын Султан Мухаммад мирзы, Тимурид (1427–1469; прав. 1452–1469), см. Абу Саид
- Султан Адам Гхаккар** (Гакхар) 37, 88
- Султан Али Халдар** 230
- Султан Ваис бек** 39
- Султан Ваис Кибчак**, см. Ваис Кибчак
- Султан Ибрахим Лоди**, см. Ибрахим Лоди
- Султан Махмуд мирза**, Тимурид 26, 90
- Султан Мухаммад-хан** 43, 83
- Султан Саранг Гхаккар** (Гакхар) 37
- Султан Сулейман мирза**, см. Сулейман мирза, Чагатаид
- Султан Хусейн бек** (хан) **Джалаир** 96, 97, 116, 140, 163
- Султан Хусейн мирза**, сын Бахрам мирзы, Сефевид 110, 111
- Султан Хусейн Шарки** 194
- Сурджан** (*Сарджан*) 123, 196
- Суфи** 191
- Тадж-хан Карарани** 43
- Тадж-хан Хаса-хейль** 191
- Таймур-хан Джалаир** 88
- Тан Сен** (Тансен) 251
- Тардибек-хан**, см. Низам-ад-дин
- Тардибек-хан, брат Кучбека
- Тарсун Мухаммад-хан** 135, 136, 166, 220
- Татар-хан** 231
- Татар-хан Пандж Бхийя** 138, 152
- Тахир** 67
- Тахмасп I Сефев** (Сафави), шах (1514–1576) 237, 238
- Тахт Мал** 89
- Тимар-хан** 173
- Тимур Гурган** (Тамерлан) (1336–1405) 65, 238
- Тодар Мал**, раджа 237
- Тулак** 143
- Тулак-хан Кочин** (Каучин, Кучин) 29
- Удай Сингх**, рана 67, 123, 236
- Ухад-ад-дин Кирмани** (Ахад-ад-дин) 216
- Фазиль бек** (Фазил бек), брат Муним-хана 160
- Фарид Шакаргандж** (Ганджшакар) 216
- Фарид Шер-хан** (Шер-шах) Сур (прав. 1540–1545) 35, 56, 66, 81, 125, 182, 248
- Фаридун**, дядя Мухаммад Хакима 160
- Фаррух Хусейн-хан** (Фаррах Хусейн), сын Ходжа Касима Хазара 76
- Фархат-хан**, см. Михтар Сакаи
- Фатах Чак** 180
- Фатах-хан** 194
- Фатту** 194, 209
- Фатх Чак** 143
- Фатх-ал-лах Ширази** 20
- Фатх-хан Балуч** 122, 157
- Фахр Джахан бегим**, дочь Султан Абу Саида 36
- Хабиб Али-хан** 108, 123, 187, 200, 235
- Хаджи бегим** (Бега бегим), жена Хумаюна 80

- Хаджи Мухаммад-хан Систани** 68, 109, 116, 122, 135, 164, 166
- Хаджи-хан** 35, 66, 67, 92
- Хайдар Али-хан** 187
- Хайдар Бакши** (Бахши) 46
- Хайдар бек**, брат Харам бегим 39
- Хайдар Гурган мирза Дуглат**, сын Хусейн Гургана (?–1551) 179
- Хайдар Мухаммад Ахтабег** (Хайдар Мухаммад-хан) 26, 46, 51, 171
- Хаким Занбил** (Замбил, Замбил бек) 132
- Халдин Дост Сахари** 196
- Халик Барди бек** 67
- Хамида Бану бегим**, мать Акбара 42, 78–80, 132
- Хан Аазим Атка**, см. Шамс-ад-дин Мухаммад
- Хан Аазим**, см. Шамс-ад-дин Мухаммад
- Хан Алам**, см. Сикандар-хан Узбек
- Хан Джахан**, см. Хусейн Кули-хан
- Хан Заман**, см. Али Кули Шайбани
- Хан Килан**, см. Мир Мухаммад-хан Калан
- Хан Харрам султан** (хан) 67, 110, 122, 220
- Ханар бек** (Ханджар бек, Ханджари Турк) 49, 92
- Хан-мирза**, см. Ваис мирза
- Хапа** 229
- Харам** (Хуррам) **бегим**, жена Сулейман мирзы 38–40, 176
- Харам-хан**, см. Хан Харрам султан
- Харрам-хан** (Харам-хан), см. Хан Харрам султан
- Хасан Али-хан Туркоман** 210
- Хасан-хан Бачготи** 80, 194
- Хасан-хан Мевати** 70
- Хасан-хан**, фаудждар 56
- Хасан-хан**, брат Шихаб-ад-дин Ахмад-хана 155
- Хасубат Чак** 143
- Хафиз Ширази**, Шамс-ад-дин Мухаммад ибн Баха-ад-дин 69
- Хему** (Химу) 37, 43–46, 48, 53–56, 58–67, 70, 78, 92, 116, 117
- Хизр Ходжа Султан**, см. Хизр Ходжа-хан
- Хизр Ходжа-хан** (Хизр-хан Султан) 48, 67, 68, 85
- Хизр-хан Хазара** 31
- Хизр-хан**, сын Мухаммад-хана Гаури 83
- Хиндал мирза**, сын Бабура (1519–1551) 39, 125
- Ходжа Абд-ал-Бари** 36
- Ходжа Абд-ал-лах**, сын Ходжа Ахрара, см. Ходжаган Ходжа
- Ходжа Абд-ал-лах**, сын Ходжа Мухаммада Закарии 106
- Ходжа Абд-ал-Маджид**, Асаф-хан 156, 207, 209
- Ходжа Абд-ал-мулк** 183
- Ходжа Абд-ал-Муним**, Падшах Ходжа 160
- Ходжа Абд-ал-Хади**, сын Ходжаган Ходжи 36
- Ходжа Абд-ал-Хафи** 36
- Ходжа Абд-ал-Шахид** (Абд-аш-Шахид) 177
- Ходжа Абд-ас-Самад**, см. Абд-ас-Самад
- Ходжа Абд-аш-Шахид**, см. Ходжа Абд-ал-Шахид
- Ходжа Ала-ад-дин Атгар** 90
- Ходжа Амбар Назир** 79
- Ходжа Амин-ад-дин Махмуд**, Ходжа Джахан 121, 135, 139, 140, 164, 196, 206
- Ходжа Ахрар**, см. Насир-ад-дин Ходжа Абдаллах
- Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд Бакши** (Буджук) 31, 79, 98–100
- Ходжа Джахан**, см. ходжа Амин-ад-дин Махмуд
- Ходжа Дост Мунши** 171

- Ходжа Дост Хованд** (Ходжа Камал-ад-дин Дост Хавенд, Хавинд) 106
- Ходжа Ибрахим Бадахши** 229
- Ходжа Калан бек** (Ходжа-и Калан, Ходжа Килан бек), сын мауляны Мухаммад Садр-ад-дина 98
- Ходжа Касим Хазара** 76
- Ходжа Музаффар Али Тарбати** (Музаффар-хан) 148, 154
- Ходжа Муин**, сын Ходжа Хаванд Махмуда 36
- Ходжа Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди**, см. Муин-хан Фаранхуди
- Ходжа Муин-ад-дин Чишти** 214–216, 220
- Ходжа Муин-ад-дин**, см. Ходжа Муин-ад-дин Чишти
- Ходжа Мулк**, см. Ходжа Абд-ал-мулк
- Ходжа Мухаммад Закария** 106
- Ходжа Мухаммад Хусейн Бахши**, см. Мухаммад Хусейн
- Ходжа Накшбанд** 90
- Ходжа Падшах-и-Мариз**, см. Ходжа Абд-ал-Муним
- Ходжа Пхул Малик**, Мухаммад-хан, см. Итимад-хан
- Ходжа Султан Али**, Афзал-хан 46, 47, 49, 163
- Ходжа Хаванд** (Хонд) Махмуд (Ходжа Нур(а)) 36
- Ходжа Хаджи** 143, 180
- Ходжа Хасан** (Ходжазада Чаганиан) 90
- Ходжа Хасан Аттар** 90
- Ходжаган Ходжа**, сын Ходжа Ахрара 36, 177
- Ходжаги Мухаммад Хусейн**, см. Мухаммад Хусейн
- Худа Барди** (Худай Берди) 243
- Хумаюн**, Джаханбани Джаннат-ашияни 21, 26, 28, 29, 35, 36, 38–40, 43, 45, 46, 62, 68, 70, 74–76, 88–90, 92, 94, 95, 98, 99, 105, 111, 117, 125, 131, 125, 131, 143, 149, 150, 166, 176, 237, 239, 240
- Хусейн бек** (хан) Тукрийя 89, 157, 158
- Хусейн бек Ичак Угли Истаджлу** 110
- Хусейн Кули бек** (хан) 57, 59, 110
- Хусейн Кули бек**, сын Вали бека 51, 146, 156, 160
- Хусейн Кули-хан** (бек), мухрдар, Хан Джахан 151, 183
- Хусейн Чак** 179
- Хусрау султан** (Хусру) 174
- Хусру Шах** 233
- Хушам Узбек** 243
- Хушхал бек** 95
- Чагатай**, сын Чингиз-хана (1190 ?–1242 ?) 12
- Чагатай-хан** 217–219
- Чалма бек** (хан), Кука, Хан Алам 116
- Шагун Мухаммад**, сын Карача-хана (бека) 160, 171
- Шади-хан Какар** 44, 55, 56, 59
- Шамс-ад-дин Мухаммад-хан Атга** (Атка-хан) 31, 79, 83, 87, 133, 155–158, 160, 162, 166, 168, 169, 208, 209, 211, 243, 244–247, 250
- Шамс-ал-мулк Чардара** 143
- Шараф-ад-дин Али-и Йезди**, маулана 65
- Шараф-ад-дин Хусейн**, мирза, сын Ходжа Муина 36, 37, 122, 131, 145, 178, 179, 217–220, 224–226
- Шах Абу-л-маали** (Шах Абу-ал-маали) 28, 29, 31, 98, 141–144
- Шах Будаг-хан**, см. Бидаг-хан Каджар
- Шах Будаг** (Будаг) султан Буйяки (Бидаки) 97
- Шах Гази султан** (хан) 240
- Шах Кули Наранджи** (Махрадж) 67, 93, 150
- Шах Кули-хан Махрам** 51, 57–61, 67, 110, 111, 122, 146, 157, 165
- Шах Мухаммад** 26

Шах Мухаммад Кандагари 75–77, 110, 111, 187, 190, 191, 235
Шах Мухаммад Килати, см. Шах Мухаммад Кандагари
Шах Мухаммад-хан Кандагари, см. Шах Мухаммад Кандагари
Шах Салу, см. Шах Мухаммад Кандагари
Шах Фанаи 187, 191
Шахам бек 116–118
Шахам Хан бек Джалаир (Шахам бек, Шахам-хан) 95, 116, 193
Шахи бек 116
Шейх Мухаммад Газнави 246
Шейх Хисам 183
Шер Мухаммад Дивана 154
Шер-хан Афган, см. Фарид Шер-хан Сур
Шер-хан Сур, см. Фарид Шер-хан Сур
Шер-хан, сын Мубариз-хана 193, 194

Шер-шах, см. Фарид Шер-хан Сур
Шихаб-ад-дин Ахмад-хан 132–134, 139, 140, 144, 243, 245, 247
Шихаб-ад-дин Сахраварди (Сухраварди) 216
Шихаб-ад-дин-хан, см. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан
Шихаб-хан, см. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан
Шуджаат-хан, см. Суджавал-хан
Юсуф Кашмири 142
Юсуф Мухаммад-хан Кокальташ, брат Азиза Кокалташа, сын Атка-хана 155, 157, 158, 168, 169, 245
Юсуф-хан Чак 143
Ядгар Хусейн 184
Яздигерд (Яздаджирд, Йездигерд) 23
Якуб султан 157
Якуб Хамадани 158
Якуб-хан 194
Яр Али Билуч (Балуч) 232–234

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авас** (Аван) 232
Агра 26, 66, 81, 84, 107–110, 112, 125, 132, 135, 137, 141, 151, 170, 171, 181, 184, 196, 199–201, 203–205, 208, 209, 211, 212, 214, 217, 218, 220, 225, 228, 232, 243
Адждмир (Адждмер, Хазрат Адждмир) 67, 92, 215
Айбак (Хиибак) 173
Алвар (Алвей) 66, 67, 138, 141, 144
Алигарх (Алигар, Коил Алигар, Куил, Кул) 26, 132
Амбер 218
Андижан 215
Аравия 24, 55
Асир 233, 234
Атхгарх (Атхгах, Атхканих, Атхкира) 228
Ауд (Аудх, Айодхья) 96
Ахмадабад 183
Багдад 107, 215
Баглан (Баклан, Бакалати) 119
Бадалгарх 108
Бадахшан 26, 38, 39, 42, 70, 173–176
Бакар, см. Бхаккар
Баклан, см. Баглан
Балх 173, 174
Бангаш 100
Баран 42
Барахмула (Барамула) 143
Барханпур, см. Бурханпур
Бахраич 140, 203
Беас, см. Биас
Бенгалия, Бенгал 23, 43, 83
Биана 26, 122, 131, 141, 144
Биас (Беас) 156, 164, 236
Биджагарх 232, 234
Биканир (Биканер) 154, 155
Бимбхар 180
Бирка 236
Бихар 84
Бурханпур (Барханпур) 191, 233, 234
Бухара 215
Бхаккар 144
Бхера, см. Бхира
Бхимбара (Бхимбхар) 143
Бхира (Бхера) 133
Вахш 176
Гагрун (Гаграун) 196, 197
Газни (Газна) 14, 26, 79, 99, 215
Ганг (Ганга) 118, 207
Гармсир 76
Гвалиар (Гвалияр, Гвалиор) 81, 108, 109, 123, 125, 251
Гиндукуш 26
Горбанд (Горбенд, Гурбанд) 31
Гуджарат 23, 35, 92, 122–125, 144, 182
Гумти 194
Гуначур (Ганкотт, Гангот) 156, 157
Давар Замин (Девори Замин, Замин Давар) 75–77
Даира (Датара, Данра, Данаор) 180
Даман-и-кох 143, 152, 164
Дахмири (Дхамри, Нурпур) 34, 71, 73
Декан 23
Дели (Дихли) 23, 26, 31, 35, 43–45, 48, 53, 54, 62, 65, 67–70, 82, 89, 92, 94, 98, 101, 105, 107, 132, 133, 135, 141, 145, 151, 155, 156, 167, 170, 171, 217, 247
Деоти Мачари (Деоти Санджари) 66
Десуха 71
Джалалабад (Джелалабад, Джун Шахи) 79
Джаландхар 36–38, 43, 64, 67, 70, 89, 90, 92, 95, 154, 156
Джалаур (Джалор, Джалавар) 184
Джалесар 132
Джалор, см. Джалаур
Джамму (Джаму) 106
Джамна (Джумна, Ямуна) 105, 107, 108, 130, 132, 172, 207, 211

- Джаунпур** 115, 116, 118, 193, 194
Джитаран 93
Джумна, см. Джамна
Джхаджхар 142, 144, 145
Джхаин 122
Дикдар (Дикха, Дакха, Дардак) 156
Дипалпур (Дибалпур) 143
Дихли, см. Дели
Донганпур 126
Дуаб (Доаб) 67
Египет (араб. Миср) 107
Замин Давар, см. Давар Замин
Идгах 7
Инд 26, 40, 79
Индия 22, 23, 31, 34, 36, 39–45, 53, 55, 64–67, 70, 71, 74–76, 78–82, 88, 89, 99–101, 110, 111, 123, 125, 128, 137, 142, 143, 164, 191, 203, 215, 223, 225, 251
Индостан, см. Индия
Ирак 24, 55, 85, 108
Иран (Персия, Фарс) 34, 47, 76, 110, 237
Итава, см. Этава
Кабул 26, 31, 38–40, 42, 43, 53, 62, 70, 77–79, 99, 101, 133, 136, 160, 171, 250
Казвин 34, 142
Калавали (Караули, Кароли) 217
Каланур 7
Калпи 26, 66, 116, 193, 206
Кандагар 26, 70, 75–77, 110, 111, 121
Кандуз, см. Кундуз
Кара, см. Карра
Карнал 57
Карра (Кара) 110, 207, 208
Кахмард (Кахмерд) 31
Кашгар (Каши) 36, 106
Кашмир 143, 179, 180
Керман (Кирман, Кармания) 216
Килат (Калат) 26
Кимар (Коморин) 91
Кирман, см. Керман
Кол Джалали, см. Алигарх
Котал Ситар 79
Куил, **Кул**, см. Алигарх
Кундуз (Кандуз) 215
Кхавара (Хаварпара, Хавара) 143
Лакхнау (Лакнау) 80, 115, 116
Лали Кхокар 180
Лахор 30, 67, 70, 74, 77, 79, 82, 84, 87–89, 105, 133, 136, 138, 139, 142, 152, 155, 162, 167
Лудхиана 92
Мавераннахр 24, 95, 117, 175, 177
Малва (Мальва) 23, 109, 125, 126, 137, 186, 187, 195, 196, 200, 212, 232, 235, 236
Ман (Ману, Патанкот) 89
Мандесур (Мандасор, Мандсаур) 193
Манду 193, 236
Мандхакар (Мандхакур, Мидхакур) 112
Манкот (Мангарх) 37, 69, 73, 74, 79–82, 84, 89, 105, 117
Марвар 218
Махим 168
Махмуд, пустыня 176
Мачивара (Мачхивара) 105, 163, 182
Меват 26, 70, 145, 217, 218, 220
Медина (Мадина-ан-Наби) 24, 139
Мекка (Умм аль-Кура) 24, 39, 98, 139
Мешхед 160, 183
Миртха (Мератх, Мират, Миртра) 220, 224, 225, 227
Моголистан (Мугулистан) 48
Мультан (Мултан) 77, 87, 160, 161, 167
Нагаркот 23, 35
Нагор (Нараур) 67, 77, 145, 166, 179, 218
Нандун 236
Нарбада 233, 234
Нарвар 200
Нарнаул (Нарнул, Нарнол) 35, 65
Наушахр 143, 181
Нил 107
Нилаб 26
Нишапур 51, 59, 67, 92, 155, 157, 160, 215

- Нурпур** 143
Панипат 54, 57, 58
Панна 207, 251
Паронкх (Парукх) 229
Патан 216
Паттан 182
Паттан, селение 143, 183
Пенджаб (Панджаб) 48, 68–70, 74, 84, 89, 138, 141, 145–148, 154, 155, 162, 167, 170, 236, 237
Персия, см. Иран
Пунч 143
Раджаури (Раджаур, Раджапурипура) 143, 180
Раджпутана (Раджастхан) 217
Радханпур 122
Райсин (Райсен) 190
Рантанбхур (Рантханбхур, Рантханбхор, Рантанбхор, Рангхпур) 122, 123, 196, 220
Рохтак 168
Рухаб (Рахат, Рахат, Рам Ганга) 44
Сакит (Сакита) 228
Салимгарх 105
Самана 94
Самарканд 215
Самбал (Самбал, Санбал) 26, 44, 45, 66, 80, 137, 145
Самбхар (Самбар) 220
Сан Чарек (Санг Чарек) 174
Санганир 218
Сандила 96
Саран Карунда (Кахарунда, Кахарманда, Кхаркхуда) 51
Сарангпур 190, 193, 196, 197, 199–201, 236
Сарандж (Сарондж) 109
Сарут 250
Сатладж (Сатледж) 92, 156, 164, 236
Сялкот 68, 143
Сивалик 31, 34, 71, 73, 84, 163
Сикандра Рао 132
Сири (Сеопури, Сеорха) 126
Сирхинд, см. Сихринд
Систан 76, 215
Сихринд (Сирхинд, Сахринд) 49, 50, 92, 105, 139, 159, 160, 162, 170
Султанпур 164, 233
Сухарпур (Сурхарпар) 117
Табархинд (Тиберхинд, Битханда, Бхатанда) 154
Таглакабад (Туглакабад) 45
Талвара (Талавара) 163
Талунди (Талонди) 106
Тарах 154
Термез (Термиз) 36, 106
Тигр 107
Турция 24, 65, 237
Тханесар (Танессар) 49
Уджайн (Уджайн, Удджайн) 236
Фарах 76
Фатехпур 110
Фатхпур 214
Фирузпур 167, 169
Хаджипур 164
Хазараджат 176
Хандеш 191, 233, 234
Хандия 234
Хансвах (Хансва, Хансох) 110
Харид 84
Харун 215
Хиджав 122, 144, 145, 147, 163, 166, 182
Химачал 31
Хиндия 193
Хинду Кох 26
Хиндустан, см. Индия
Хисар (Гиссар) 92, 173
Хисар Фируза (Хисар, Хиссар) 170
Хорасан 24, 108, 174, 175, 215
Хулм (Хульм, Ташкурман) 173
Хурджах 133
Чамьяри (Джамари, Чамари) 68
Чандери 190
Чашма-и-Газаран 174
Чул-и-Зардак (Санг-Чарак) 174
Чунар 44, 209
Шираз 111
Этава (Итава) 140, 161

Список миниатюр

1. Сокольничие. Надир ал-Заман (Абул Хасан). Могольская школа, около 1610. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 43 а.
2. Гхоракхпантхи йогини принимает набожных людей. Могольская школа, начало XVIII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 61 а.
3. Дама готовится к встрече с возлюбленным. Могольская школа, начало XVIII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 61 а.
4. Хан Дауран. Могольская школа, середина XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 38 а.
5. Вельможа читает Хадже Абу ал-Хасану Турбати, Рукн ал-Султану. Могольская школа, около 1630. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 38 а.
6. Шах Аббас I Сефевии в костюме сокольничего. Вишну Дас (Бишан Дас). Могольская школа, около 1615. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 36 а.
7. Беседа мудрецов. Могольская школа, Исфаган, около 1635. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 48 а.
8. Кабир, ткач-мистик, с учеником и юношами-посетителями. Могольская школа, конец XVII — начало XVIII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 68 а.
9. Монеты Шер-шаха Сура и падишаха Хумаюна.
10. Монеты падишаха Акбара (золотые).
11. Монеты падишаха Акбара (серебряные, отчеканенные до 1594 года).
12. Монеты падишаха Акбара (серебряные, отчеканенные с 1594 по 1605 год).
13. Монеты падишаха Акбара (медные).
14. Фатехпур Сикри. Ворота Буланд Дарваза.

Содержание

ГЛАВА 1.	Во имя Аллаха милостивого и милосердного!	5
ГЛАВА 2.	Гороскоп благоприятного Восшествия на престол Его Величества, Царя Царей	13
ГЛАВА 3.	Рассказ об учреждении новой, Божественной эпохи — от Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха	18
ГЛАВА 4.	Фирман Его Величества Джалал-ад-дин Мухаммад Акбара Падшаха Гази	21
ГЛАВА 5.	Рассказ о великих управителях царских земель в момент Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха	26
ГЛАВА 6.	Взятие под стражу Шах Абу-л-маали и заключение его [в тюрьму]	28
ГЛАВА 7.	Начало 1-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха — года фарвардин первого цикла	32
ГЛАВА 8.	Рассказ о вероломстве мирзы Сулеймана, об осаде им крепости Кабул и его мирном уходе, а также о победе царских слуг	38
ГЛАВА 9.	Получение известий о мятежных замыслах Хему и о походе армии удачи для подавления мятежа названного злодея, коего ожидал печальный конец	43
ГЛАВА 10.	Отделение победоносных войск от армии Его Величества Шахиншаха в качестве передового отряда	51
ГЛАВА 11.	Победа армии Его Величества Шахиншаха в битве с Хему, пленение последнего и его смертная казнь	54
ГЛАВА 12.	Поход войска Его Величества Шахиншаха из Дели в Пенджаб для подавления мятежа Сикандара, преследование последнего и осада крепости Манкот	69
ГЛАВА 13.	Начало 2-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года ардибихишт первого цикла	72
ГЛАВА 14.	Прибытие Ее Величества Мириам-макани и других благочестивых жен, а также поход Его Величества Шахиншаха навстречу им	78
ГЛАВА 15.	Взятие крепости Манкот и возвращение рати Шахиншаха в Лахор и иные счастливые события	82
ГЛАВА 16.	Начало 3-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха — года хурдад первого цикла	91

ГЛАВА 17.	Поход мирозавоевающей рати Шахиншаха к Дели и прибытие в этот чудесный город	94
ГЛАВА 18.	О расположении Его Величества Шахиншаха к слонам и бою разъяренных слонов	101
ГЛАВА 19.	О том, как Его Величество Шахиншах направился в Агру, равно как и о прочих происшествиях	107
ГЛАВА 20.	Начало 4-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества] Шахиншаха — года тир первого цикла	114
ГЛАВА 21.	Пленение Насир-ал-мулка Пир Мухаммад-хана Байрам-ханом	120
ГЛАВА 22.	Начало 5-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества] Шахиншаха — года амардад первого цикла	127
ГЛАВА 23.	Его Величество Шахиншах отправляется на охоту и раскрывает истинные намерения Байрам-хана	128
ГЛАВА 24.	Пробуждение Байрам-хана от сна нерадивости, его желание искупить свои преступления и то, как он сошел с пути истины	135
ГЛАВА 25.	Поход судьбоносного войска Шахиншаха из Дели для подавления мятежа Байрам-хана и другие преумножающие власть события	141
ГЛАВА 26.	Возвращение царской процессии из Джхаджхара и отправка войск для задержания продвижения Байрам-хана	145
ГЛАВА 27.	Мятеж Байрам-хана становится очевидным, он сбрасывает маску и направляется в Пенджаб	147
ГЛАВА 28.	Фирман Джалал-ад-дин-у-ад-дунья Акбара Падшаха Гази	149
ГЛАВА 29.	Отправление Хан Аазим Шамс-ад-дин Мухаммад-хана Атки с войском для подавления мятежа Байрам-хана и поход Его Величества Шахиншаха в том же направлении. Возжжение огней битвы меж армией удачи и Байрам-ханом и победа царских слуг	155
ГЛАВА 30.	Прибытие Шахиншаха в Лахор и иные события	162
ГЛАВА 31.	Поход Шахиншаха в горы Сивалика и завершение истории Байрам-хана	163
ГЛАВА 32.	Поход Шахиншаха из Пенджаба в Агру, простершаяся над Дели тень его удачи и путь [Его Величества] в столицу по воде	170
ГЛАВА 33.	Завоевание Мальвы	186
ГЛАВА 34.	Начало 6-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года шахриюр первого цикла	189

ГЛАВА 35.	О стремительном походе Его Величества Шахиншаха к Мальве, о том, как его дарующая справедливость тень простерлась над страной, и о его возвращении в столицу	195
ГЛАВА 36.	Повествование о необычной истории и чудесном приключении, случившихся с Его Величеством Шахиншахом	202
ГЛАВА 37.	Поход Шахиншаха к восточным областям, подчинение Хан Замана и возвращение в Агру	205
ГЛАВА 38.	Краткое повествование о Ходжа Муин-ад-дине Чишти, да святится его могила	215
ГЛАВА 39.	Посещение Его Величеством Аджира и его брак с дочерью Бихари Мала	217
ГЛАВА 40.	Начало 7-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года михр первого цикла	222
ГЛАВА 41.	Сражение при Паронкхе, которым лично руководил Его Величество Шахиншах	228
ГЛАВА 42.	Назначение Абд-ал-лах-хану Узбеку земель Мальвы	232
ГЛАВА 43.	Копия письма прославленного шаха	238
ГЛАВА 44.	Наказание Адхам-хана правосудием Шахиншаха	242
ГЛАВА 45.	Возвышение Итимад-хана и передача ему управления царскими землями	248
ПРИМЕЧАНИЯ		252
ПРИЛОЖЕНИЕ		293
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ		303
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ		313

Абу-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга третья

Главный редактор *Л.И. Агрофенина*
Выпускающий редактор *И.О. Клубкова*
Литературный редактор *О.Н. Зызлаева*
Технический редактор *Л.И. Введенская*
Компьютерная вёрстка — *Л.И. Викторова, И.В. Королёва*
Корректор *О.Н. Костина*

Подписано в печать 04.08.2009. Формат 70 х 100/16
Бумага офсетная и мелованная. Усл. печ. л. 26
Тираж 2 000 экз. Заказ №

© ООО «Издательский дом «Агни», 2009
Телефон (846) 269-77-64

Отдел продаж
Телефоны: (846) 270-23-87, 279-07-06
Факс (846) 270-23-77
E-mail: book@agniart.ru
Интернет-магазин: www.agni.com.ru

Фотоагентство
Телефон (846) 270-32-90
Факс 270-20-11
E-mail: support@agniart.ru
Интернет-магазин: www.agniart.ru

Книга—почтой: 443110, Россия, Самара, а/я 9684

Отпечатано в типографии ООО ПФ «Полиграф-Книга», 2009
160001, Россия, Вологда, ул. Челюскинцев, 3